

Федеральное агентство научных организаций
Институт российской истории РАН
Совет молодых ученых ИРИ РАН

VI Всероссийская
научно-практическая
школа-конференция
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

История России с древнейших времен до XXI века: *проблемы, дискуссии, новые взгляды*

Москва
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный секретарь), С.В. Журавлев,
В.Н. Захаров, Д.Б. Павлов, В.Н. Круглов (ответственный редактор),
О.А. Плех, С.П. Ким, В.В. Тихонов

И90 История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. VI Всероссийская научно-практическая школа-конференция молодых ученых (25 октября 2018 г.). Сборник статей [Текст] / [отв. ред. Ю.А. Петров, В.Н. Круглов]; Институт российской истории Российской Академии наук. — М.: Институт российской истории РАН, 2018. — 343 с.

ISBN 978-5-8055-0314-7

Сборник включает материалы VI Международной школы-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», прошедшей в ИРИ РАН 25 октября 2018 г. В него вошли статьи, подготовленные участниками конференции на основе представленных докладов. Исследования посвящены широкому кругу вопросов отечественной истории начиная с Древней Руси и заканчивая современностью. Авторы затрагивают сюжеты политической, социальной, военной истории, истории государственных учреждений, церкви, экономики и промышленности, медицины, сельского хозяйства, науки, внешней политики и многие другие.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8055-0314-7

© Институт российской истории РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018

Содержание

Секция I. История России до начала XVIII в.

К.В. Вершинин. Цитата из беседы Василия Великого в «Поучении» Владимира Мономаха..... 9

А.А. Казаков. Вопрос о церковном землевладении на соборе 1503 г. по агиографическим источникам (на материале Житий Иосифа Волоцкого и Серапиона Новгородского) 15

А.А. Бондаренко. Дозволенные листы метрики королевы Боны православному духовенству Западнорусской митрополии 22

И.А. Кирпичников. Россия XVI—XVII вв. как конгломерат «государств»: к постановке проблемы..... 29

Н.А. Комочев. О реформе церковного иммунитета в первой трети XVII в. 37

К.С. Худин. Рецепты Аптекарского приказа XVII в. как исторический источник: источниковедческий потенциал 44

О.Б. Бокарева. Русско-персидские грамоты первой половины XVII в.: к вопросу о публикации источников..... 50

И.А. Устинова. Эволюция формул репрезентации патриаршей власти в России XVII в. (по патриаршим настольным грамотам) 57

Секция II. История Российской империи (XVIII в. — 1917 г.)

А.А. Голубинский. Крестьянская грамотность в XVII—XVIII вв. Стереотипы и начало их преодоления 67

О.В. Ларюшкин. Укоренение западноевропейцев, вступивших в московское купечество в 1780-е гг. — 1812 г. 81

М.А. Виноградов. Можайский помещик Лев Разумовский 93

<i>О.А. Плех.</i> Численность провинциального дворянства в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв.: источники и их интерпретация	104
<i>Г.Н. Бибиков.</i> Отставка екатеринославского гражданского губернатора Н.М. Лонгинова (1836 г.).....	121
<i>А.О. Ещенко.</i> Россия, Наполеон и Испания в 1808 г.....	129
<i>В.А. Болтрукевич.</i> «Две новые великие реформы» кораблестроения. Появление броненосных кораблей в восприятии военно-морских кругов (1856—1862 гг.).....	138
<i>Ф.И. Мелентьев.</i> Образ великого князя Александра Александровича в рукописных воспоминаниях князя В.П. Мещерского о цесаревиче Николае Александровиче	150
<i>С.А. Иконников.</i> Влияние трудностей в материальном обеспечении приходских священно- и церковнослужителей на формирование протестного движения воспитанников духовных семинарий Центрального Черноземья в начале XX в.	158
<i>С.А. Лиманова.</i> «Теперь не старое время, когда толпа в 100 тысяч человек была в диковинку»: ходынская катастрофа и ее влияние на организацию столичных торжеств в начале XX в.....	166
<i>М.Г. Алмазов.</i> Взаимодействие московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова и полковника Г.А. Мина во время занятия Пресни (17—21 декабря 1905 г.)....	175
<i>А.М. Капитоненков.</i> Столыпинская аграрная реформа в отечественной историографии: дискуссионные вопросы и критерии оценок	186
Секция III. История России в XX — начале XXI вв.	
<i>А.В. Мамаев.</i> Муниципальные финансы Москвы в руках большевиков (конец 1917 г. — 1918 г.)	201
<i>Ю.А. Соколов.</i> Неофициальная агитация в деревне в годы гражданской войны (по материалам губерний Русского Севера)	211

<i>В.Н. Сергеев.</i> Август Летает как зеркало советской гигиены труда	228
<i>Там Хок Чуу.</i> Почему пал Севастополь — о структурных недостатках в системе оборонительно-огневых сооружений севастопольского оборонительного района (1941—1942 гг.)	236
<i>Н.Э. Анисимова.</i> Особенности организации питания рабочей молодежи на предприятиях Москвы в годы Великой отечественной войны.....	244
<i>С.П. Ким.</i> Следственная работа по выявлению военных преступников среди японских военнопленных (1946—1956 гг.).....	255
<i>Акина Кобаяси.</i> Допросы японских репатриантов как источник информации об СССР для американских оккупационных властей в Японии	269
<i>Е.Ю. Начарова.</i> Экономические проблемы организации промышленности Северной Кореи (1945—1948 гг.)	275
<i>В.В. Тихонов.</i> Античность в интерьерах идеологических кампаний «позднего сталинизма» (обсуждение учебника по истории Античности 22 марта 1949 г.)	286
<i>В.Н. Круглов.</i> К вопросу об административно-территориальных изменениях в РСФСР в 1950-е гг.	293
<i>Е.А. Воронова.</i> «Девиантное отцовство» в письмах советских граждан во власть (1950—1960-е гг.)	304
<i>А.С. Курасова.</i> Академическая мобильность по-советски: научные командировки преподавателей высших учебных заведений (1956—1986 гг.)	313
<i>В.С. Батченко.</i> Новые факты о мировых рекордах Германа Титова	321
<i>Чжуан Шици.</i> Подрядные отношения в сельском хозяйстве СССР в 1980-х — начале 1990-х гг.....	326
<i>Р.Г. Кирсанов.</i> Законопроект сенатора Эдвина Гарна и развитие кредитно-финансовых отношений между СССР и США в середине 1980-х гг.	334

Секция I
**История России
до начала XVIII в.**

Цитата из беседы Василия Великого в «Поучении» Владимира Мономаха

Аннотация. В статье рассмотрена цитата из 13-й беседы св. Василия Великого (СПГ 2857), включенная в «Поучение» Владимира Мономаха. Ранее к этой цитате была известна только параллель из пространной редакции «Пролога», не существовавшей во времена Мономаха. Показано, что князь заимствовал цитату из списка древнеболгарского «Княжьего Изборника», где был помещен фрагмент одного из трех известных полных переводов 13-й беседы.

Ключевые слова: Владимир Мономах, «Поучение» Владимира Мономаха, св. Василий Великий, древнерусская литература; славянская переводная литература

Konstantin V. Vershinin QUOTATION FROM THE HOMILY OF ST BASIL THE GREAT IN VLADIMIR MONOMAKH'S "POUCHENIE"

Abstract. The paper deals with a quotation from the 13th homily of St Basil the Great which is included in Vladimir Monomakh's *Pouchenie*. Heretofore was known merely a parallel to this quotation from the longer version of *Prolog* that had not existed in the times of Monomakh. The paper shows that the prince borrowed the quotation from a copy of Old Bulgarian *Knyazhii Izbornik* which included an excerpt from one of three known full translations of the 13th homily.

Keywords: The *Pouchenie* of Vladimir Monomakh, St. Basil the Great, Basil of Caesarea, Old Russian literature; Slavic translated literature

«Поучение» Владимира Мономаха, дошедшее до нас в единственном списке в составе Лаврентьевской летописи, не требует специального представления. Изучение этого хрестоматийного памятника продолжается более двухсот лет. Ученые прикладывали большие усилия для поиска прямых источников «Поучения» или параллелей к нему. Здесь уже к рубежу XIX—XX вв. «были достиг-

¹ Вершинин Константин Владимирович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра источниковедения истории России Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: versh-kv@yandex.ru

Konstantin V. Vershinin — Candidate of Historical Sciences, Junior researcher, Center for Source Studies of Russian History, Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

нуты наиболее значительные успехи» [3, с. 61]. Но, как выясняется, и это направление исследований еще не полностью исчерпано.

Как известно, Мономах дважды использовал в «Поучении» сочинения своего святого патрона — Василия Великого. Греческая параллель к одной из этих цитат была выявлена А. Вайаном: это оказалась речь св. Василия из его жития, приписываемого Амфилохию Иконийскому [26]. Х. Кайперт уточнил, что князь обращался к полному славянскому переводу жития [25]. Что касается второй цитаты, то еще Н.В. Шляков [23, с. 52] и И.М. Ивакин [4, с. 95] привели к ней параллель — текст, помещенный в Прологе под 21 января. Был определен и греческий источник проложного поучения — 13-я беседа Василия Великого («Побудительной к принятию святого крещения»). Шляков допускал непосредственное использование князем этого сборника. Но теперь не подлежит сомнению, что учительная часть Пролога возникла не ранее 60-х гг. XII в. [8, с. 76], поэтому конкретный источник Мономаха в данном случае остается неизвестным.

13-я (по общепринятой нумерации) беседа кесарийского епископа имеет весьма развитую славянскую рукописную традицию, которая, однако, не подвергалась специальному исследованию. В настоящее время можно утверждать, что гомилия переводилась на славянский язык, по меньшей мере, трижды (а не дважды, как я полагал ранее: [2, с. 10]). Один из переводов, встречающийся в рукописях чаще всего, не мог быть источником «Поучения», так как был выполнен у южных славян в XIV в. [20, с. 149]¹. Еще один носит признаки древности, но в рамках интересующего нас фрагмента не имеет (как будет показано ниже) сходства с «Поучением»².

Источником сочинения Мономаха мог быть только самый редкий, третий, перевод. Он дошел до нас в единственной рукописи XVI в. из собрания А.С. Уварова [13, л. 10—24], где содержится девять бесед Василия (или приписывавшихся ему еще в греческой традиции)³. Кроме 13-й, еще пять из помещенных здесь бесед в других

¹ Текст нам известен по рукописи 1566/1567 гг. [16, л. 14—20]; описание — [5, с. 91—99].

² Обнаружен в рукописях конца XV [15, л. 247—259об.] и XVI в. [17, л. 37об.-48]. Описание первой из них см. [5, с. 73—75], вторая описания не имеет. Подробный лингвистический комментарий к этому переводу выходит за рамки настоящей работы. Из наиболее показательных особенностей отметим регулярную препозицию энклитики «ся»; В. ед. = И. ед. «имееши помощникъ» [17, л. 46]; из архаичной лексики — «прелогатаи», «на жрътвиши», «сотренихъ», «людинъ» [17, л. 39, 40об., 45].

³ Описание рукописи см. [6, с. 120—121].

славянских рукописях встречаются, но лишь в поздних переводах или редакциях; оставшиеся три не встречаются более нигде. Уваровский сборник представляет собой уникальную подборку древнеболгарских переводов; лишь в одном случае (беседа 3-я) можно осторожно предполагать древнерусское происхождение текста [2, с. 11].

Итак, текст, вписанный Мономахом в «Поучение», по-видимому, восходит к древнему полному переводу 13-й беседы Василия Великого, читающемуся в уваровском сборнике. Это видно из следующего сопоставления:

Научися, вернии ч(е)л(о)в(е)че, быти бл(а)гоч(е)стно (!) делатель; научися, по еванг(е)льскому словеси: очима управленье, языку удержанье, уму смиренность, телу порабошенье, гневу погубление, помысль ч(и)сть имети, понужаяся на добрая дела Г(о)с(под)а ради. Лишаемъ не мсты, ненавидимъ любо (!) гонимъ терпи, хулимъ моли, умертви грехъ... [18, стб. 243].

Научися еу(ан)г(е)льскому житию: очима опасение, языка въздържанье, телесе порабошенье, смыслъ смиренность, разума ч(и)стоту, гнева погубление. Нудимъ прилагаи, лишаемъ не прися, ненавидимъ люби, гонимъ терпи, хулимъ молися. Ум(е)ртвися греху, распнися съ Х(ри)с(т)омъ, всю любовь възложи на Г(оспод)а... [13, л. 20об.—21].

В первом из описанных переводов в соответствующих местах читается: «языку удръжание», «гневу погубление», но: «телеси хранение», «отемлем не възбраняи» [16, л. 18об.]; во втором — «языку сдержанье», «гневу пагубу», «телу схранение», «о отемлемых не возрази» [17, л. 45об.]. Впрочем, как видим, полный перевод беседы не мог быть непосредственным источником заимствования. Как продемонстрировали еще Шляков и Ивакин [4, с. 95; 23, с. 52], интересующее нас место «Поучения» совпадает с Прологом почти дословно. Чем же, в таком случае, пользовался киевский князь?

В том же объеме, что и в Прологе, фрагмент 13-й беседы отыскивается в ряде списков так называемого «Княжьего Изборника». Под этим условным названием, введенным В. Федером [27, с. 23], известен древнеболгарский сборник, сохранившийся почти в двух десятках русских и сербских списков, датируемых XII—XVII вв. [10, с. 56—60]. Многочисленные пересечения с «Княжьим Изборником» имеет широко известный русский Изборник 1076 г. (искомого отрывка в нем, однако, нет); вопрос о том, считать ли последний списком «Княжьего Изборника» или особым памятником, остается предметом дискуссии; Федер предпочитает говорить об «Изборнике грешного Иоанна» [27, с. 23, 30] (согласно писцовой записи из рукописи 1076 г., которую исследователь считает копийной).

Составленный из множества памятников — от пространных до мельчайших, — «Княжий Изборник» не отличался устойчивостью и часто сокращался и редактировался при переписке. Поэтому неудивительно, что исследователям не была знакома попавшая в «Княжий Изборник» выписка из 13-й беседы св. Василия. Она читается только в трех рукописях, введенных в научный оборот недавно (М.С. Мушинской и автором этих строк)¹: двух сербских сборниках XIV в. [11, л. 314; 12, л. 219] и одном русском сборнике XVI в. [14, л. 74об.—75]². Приведем текст «Поучения» в сопоставлении с русским сборником с разночтениями по одному из сербских (текст в которых идентичен):

Научися, вернии ч(е)л(о)в(е)че, быти бл(а)гоч(е)стно (!) делатель; научися, по еванг(е)льскому словеси: очима управленье, языку удержанье, уму смиренье, телу порабошенье, гневу погубленье, помысль ч(и)сть имети, понужаяся на добрая дела Г(о)с(под)а ради. Лишаемь не мьсти, ненавидимь любо (!) гонимь терпи, хулимь моли, умертви грехь... [18, стб. 243].

Слов(о) с(вя)т(о)го Васи(л)и(я), поучение. Научися, вернии ч(е)л(о)в(е)че, ¹бл(а)гоч(е)ствию быт²и делатель; научис(я) жити по еу(ан)г(е)льскому словеси: очима управление, языку удержание, телу порабошенье,³ ⁴помыслы чисты имей, гнева потребление,⁵ ⁶нужаися⁶ на добрая дела Г(о)с(под)а ради. Лишаем не мьсти, ненавидим любви, гоним терпи, хулимь моли, умертви грех... [14, л. 74об.—75]
¹⁻²быти бл(а)гочестию ³Доб. уму смирение, ⁴⁻⁵Нет ⁶понуждаеся [11, л. 314]

Рукописи содержат разные пропуски, которых нет в «Поучении» Мономаха (в сербских пропущено «помыслы чисты имей, гнева потребление», в русской — «уму смирение»). Князь должен был пользоваться их далеким общим протографом. Наличие такого протографа надежно устанавливается. Проведенное Мушинской исследование показало, что в той части, где читается фрагмент из 13-й беседы, русская рукопись близко повторяет состав и структуру сербских [10, с. 68].

Можно добавить еще одно наблюдение. В доступном князю манускрипте после «гневу» читалось «погубленье», как в полном переводе; в рукописи [14, л. 75] находим вторичное «потребление» (в сербских списках это место пропущено) — точно так же, как и в Прологе [19, с. 88], источником которого стал очередной список

¹ В реконструкции «Княжьего Изборника», осуществленной В. Федером [22], фрагмент не фигурирует.

² Описания рукописей см., соответственно: [24, с. 45—52; 1, с. 171—172; 21, с. 436—439].

«Княжьего Изборника» через несколько десятилетий после Мономаха. Что источником Пролога был все тот же «Княжий Изборник», видно из следующего. В проложном поучении на 21 января после фрагмента 13-й беседы без перерыва читается другая статья «Изборника» (начало: «Егда приидеть на тя напасть...») Эта статья читается во всех трех упомянутых рукописях; но если при этом в сербских она лишь третья после отрывка из св. Василия и носит название «От о(т)чьских разум» [11, л. 314], то в русской рукописи не имеет никакого заглавия и следует непосредственно за интересующим нас отрывком [14, л. 75]. Хотя рукопись [14] датируется XVI в., эта ее особенность должна была возникнуть не позднее середины XII столетия — времени создания пространной редакции Пролога. Но в начале XII в. Мономах был в состоянии точно выделить из своего источника текст, принадлежащий св. Василию: следовательно, в доступном ему списке еще не «потерялось» заглавие другой статьи.

Нигде, кроме «Княжьего Изборника» и Пролога, выписка из 13-й беседы не встречается. Предположение Д.С. Лихачева, что Мономаху служила «походной книгой» дошедшая до наших дней рукопись 1076 г. [7, с. 180], не подтверждается¹. Но можно заключить, что у князя был под рукой сборник, родственник этой рукописи. Быть может, его упоминает в числе «многих книг княжьих» писец кодекса XI в.² Таким образом, «Поучение» становится ценным свидетельством рецепции «Княжьего Изборника» на Руси, а вместе с тем и доказательством существования в княжеской библиотеке книг, подобных Изборнику 1076 г.

Список литературы

1. Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), архим. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. — М., 1875. — 9, II, 214, [6] с.
2. Вершинин К.В. Фрагменты бесед Василия Великого в Изборнике 1076 г. // Текстология и историко-литературный процесс. Сборник статей. — М., 2016. — Вып. IV. — С. 5—16.

¹ Ученый считал, что именно из нее, а именно, из слова «Како подобает человеку быти», князь почерпнул первую (отличную от рассмотренной выше) цитату Василия Великого. В действительности, как уже говорилось, ее источником был славянский перевод Жития святителя [25]. Даже если предполагать влияние слова «Како подобает...» (одно место в памятниках дословно совпадает), заимствование из Изборника исключено: как показал Н.А. Мещерский, тот содержит ошибку, отсутствовавшую в источнике Мономаха [9].

² Подробнее о версиях истолкования колофона Изборника 1076 г. см. [10, с. 179—180].

3. Гиппиус А.А. Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. I // Русский язык в научном освещении. — 2003. — № 2 (6). — С. 60—99.
4. Ивакин И.М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. — М., 1901. — Ч. 1. — VIII, 326 с.
5. Иосиф (Левицкий), архим. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. — М., 1882. [2], II, 316, XIV с.
6. Леонид (Кавелин), архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С.Уварова. — М., 1893. — Ч. 1. — VII, 8, 694 с.
7. Лихачев Д.С. Назначение Изборника 1076 г. // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР. — Л., 1990. — Т. 44. — С. 179—184.
8. Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. — М., 2009. — 472 с.
9. Мещерский Н.А. «Почтение» Владимира Мономаха и «Изборник» 1076 г. // Мещерский Н.А. Избранные статьи. — СПб., 1995. — С. 85—88.
10. Мушинская М.С. Изборник 1076 года: текстология и язык. — СПб., 2015. — 480 с.
11. Народная библиотека Сербии. Рс 26. Сборник. XIV в. — 368 л.
12. ОР ГИМ (Отдел рукописей Государственного исторического музея). Собрание Воскресенское. № 115-бум. Сборник. XIV в. — 90 л.
13. ОР ГИМ (Отдел рукописей Государственного исторического музея). Собрание А.С. Уварова. № 357. Сборник. XVI в. — 90 л.
14. ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Собрание В.М. Ундольского. № 570. Сборник. XVI в. — I—V, 267 л.
15. ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. № 437. Сборник-конволют. 1488 г. и кон. XV в. — I—III, 331 л.
16. ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. № 487. Торжественник. 1566/1567 г. — 332 л.
17. ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Собрание Московской духовной академии (фундаментальное). № 91. Миняя четья на январь. XVI в. — 720 л.
18. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. — М., 1997. — 496 с.
19. Пономарев А.И. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып. 4. Славяно-русский Пролог. Ч. 2. январь-апрель. — СПб., 1898. VIII, 228 с.
20. Турилов А.А. Василий Великий. Славянские переводы до конца XVIII в. // Православная энциклопедия. — М., 2004. — Т. 7. — С. 148—149.
21. Ундольский В.М. Славяно-русские рукописи В.М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1-го по 579-й. С прил. очерка собрания рукописей В.М. Ундольского в полном составе. — М., 1870. — [4], IV, 65 с., 468 стб.
22. Федер У.Р. Къняжи Изборникъ: за възпитание на канартикина. Т. 2. Текст. — Велико Търново, 2008. — 256 с.
23. Шляков Н.В. О поучении Владимира Мономаха. — СПб., 1900. [4], II, 116 с.
24. Штавьлянин-Борђевић Љ, Гроздановић-Пајић М., Пернић А. Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. — Београд, 1986. — Т.1. Књ. 1. — 470 с.
25. Keipert H. Ein Vitenzitat bei Vladimir Monomach // Orientalia christiana periodica. — 1975. — № 1. — S. 1—5.
26. Vaillant A. Une source grecque de Vladimir Monomaque // Byzantinoslavica. — 1949. — Т. 10. — P. 11—15.
27. Veder W.R. The "Izbornik of John the Sinner": a Compilation from Compilations // Полата књигописаная. — 1983. — Т. 8. — P. 15—37.

УДК 94(47)

А.А. Казаков¹

Вопрос о церковном землевладении на соборе 1503 г. по агиографическим источникам (на материале Житий Иосифа Волоцкого и Серапиона Новгородского)

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению вопроса о церковном землевладении на соборе 1503 г. в агиографических источниках — Житии Иосифа Волоцкого и Житии новгородского архиепископа Серапиона.
Ключевые слова: собор 1503 г.; церковное землевладение; агиография; источниковедение.

Aleksandr A. Kazakov
**THE MATTER OF CHURCH LAND ACQUISITION
ON THE COUNCIL OF 1503 IN HAGIOGRAPHIC SOURCES
(BY LIFE OF IOSIF OF VOLOKOLAMSK AND LIFE OF SERAPION
OF NOVGOROD)**

Abstract. The paper is devoted on the depiction of the Council of 1503's dispute about church land acquisition in hagiographical sources, the Life of Iosif of Volokolamsk and the Life of Serapion of Novgorod.

Keywords: the Council of 1503; church land acquisition; hagiography; source study.

Рассмотрение поземельных вопросов на соборе 1503 г. в том виде, в котором они представлены в агиографических памятниках — анонимном Житии Иосифа Волоцкого и текстологически зависимом от него Житии архиепископа Серапиона Новгородского, ставит перед исследователем две основные задачи. Первая — как в указанных источниках описаны соборные деяния и насколько эти свидетельства соотносятся с иными сообщениями о поземельных спорах на соборе 1503 г. Вторая задача состоит в том, чтобы выявить факторы, которые могли повлиять на изображение указанных событий в житийных памятниках.

¹ **Казаков Александр Александрович** — соискатель кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия. e-mail: astrubal@yandex.ru
Aleksandr A. Kazakov — Competitor of a scientific degree of Source Study Department, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

Житие Иосифа сообщает, что собор был организован по «царскому велению», однако инициатива его проведения приписывается «отцем, иже безмолвное и уединенное житие проходящем и любящем и отеческая учения о нестяжании черноризцем добре внявшем». Повестка соборных заседаний касалась монастырских земель, владение которыми, с точки зрения старцев-нестяжателей, — причина того, что «суетно отречение от мира сотворяют входящие в манастырь» и «аки миряне сих ради молвяще и крамолююще с миряны и с собою» [3, с. 37]. Известия о нестяжательской инициативе в организации собора находит подтверждение в «Прении с Иосифом Волоцким», «Слове ином» и «Письме о нелюбках». Однако в первых двух сочинениях просьбы нестяжателей преподносятся исключительно как повод для реализации секуляризационных планов великого князя [4, с. 279; 2, с. 351] и лишь «Письмо о нелюбках» не упоминает о роли Ивана III в этом деле [7, с. 367].

По-разному в источниках говорится и о предмете соборных прений. Житие сосредотачивает внимание на обсуждении вопроса о том, «коими винами притяжашася села манастырем» [3, с. 37], касаясь только монастырских земель, а такая постановка вопроса характерна лишь для «Письма о нелюбках» [7, с. 367]. В тексте «Соборного ответа» утверждается, что «събор был о землях церковных, святительских, монастырских» [7, с. 322], что значительно расширяет предмет обсуждений. С указаниями «Соборного ответа» схожи известия «Прения с Иосифом Волоцким» и «Слова иного» [4, с. 279; 2, с. 351]. Можно предположить, что стремление автора Жития сузить предмет соборных обсуждений, равно как и малый интерес к роли великого князя в этом деле, связан с жанровыми особенностями памятника, посвященного подвигам основателя Волоколамского монастыря.

Между тем, роль самого Иосифа Волоцкого в соборных деяниях 1503 г. показана в Житии довольно противоречиво. С одной стороны, участники собора рассудили, что рассмотрение земельных вопросов невозможно, «аще и Иосифу не сушу с ними». Но роль последнего в соборных деяниях представлено весьма скромно: Иосиф Волоцкий, судя по рассказу Жития, был лишь одним из рядовых участников собора, ничем не выделяясь среди прочих [3, с. 37, 39]. Не менее противоречивы и свидетельства об активности Иосифа на соборе в иных источниках. Известия о его деятельном участии содержат «Письмо о нелюбках» и «Прение с

Иосифом Волоцким» [7, с. 367; 3, с. 279], а «Слово иное», напротив, умалчивает о его присутствии, ограничиваясь упоминанием среди участников «митрополита и всех владык и архимандритов и игуменов» [2, с. 351]. Возможно, составитель Жития имел сведения об участии Иосифа Волоцкого в обсуждении проблемы церковного землевладения, однако эти сведения были лишены какой-либо конкретики, из-за чего роль волоцкого игумена на соборе 1503 г. обозначена довольно невнятно, хотя соборные деяния агиограф описал весьма подробно.

Согласно свидетельствам Жития, исключительное внимание на соборных заседаниях уделялось вопросу о происхождении монастырского землевладения как главном аргументе в защиту его существования. «Русьские манастыри мнозив начало просвещения еще вздрузившася священными епископы и христолюбивыми князи», — сообщает агиограф [3, с. 37]. Этот аргумент Жития находит параллель в тексте «Соборного ответа», где сообщается, что «святый Алексей чудотворец митрополит всеа Руси многыя манастыри создал и селы и землями и водами удоволил. И блаженный великий князь Владимир и сын его великий князь Ярослав святителем манастырем грады и села давали святым церквам» [7, с. 325]. Не исключено, что автор Жития был знаком с «Соборным ответом», откуда почерпнул сведения о формировании монастырского землевладения на Руси. Однако вопрос о незыблемости монастырского землевладения «Соборный ответ» и Житие решают по-разному.

Доводы «Соборного ответа» основываются на утверждении, что «не повелено всеми соборы святых отец святителем и манастырем сел и земель церковных ни продати, ни отдати, и великими страшными клятвами то утвержено», а следом приводятся ссылки на соответствующие канонические нормы [7, с. 323]. В Житии Иосифа Волоцкого неотчуждаемость монастырского землевладения обосновывается исходя из монастырского обихода. Насельники монастырей, указывает агиограф, должны быть обеспечены всем необходимым для жизни, «да не к взысканию нужных сих священныя храмы праздны оставять, и божественая службы порочно исполнятися въсприимуть». Именно с этой целью основатели монастырей, «боголюбивии епископи и благочестивии князи, манастырем своим обилная стяжания сел и прочая имений доходы возложиша». За пожалования основанным ими монастырям «блажении ктитори въздаяние боголюбиа и братолю-

бия вечно восприимуть от Бога, и в вечную память воспоминанием священными жертвами душа их присно пользуются». А поведение отдельных монашествующих, «недугом лихоимственным емшеся», использующих стяжания ради собственного обогащения, по мысли автора Жития, дает ложный повод к отчуждению монастырских землевладений, в результате которого придется «толики ползы улишити блаженных создателей» [3, с. 37—38].

Далее в тексте Жития следует отсылка к некому «при Иустиане велицем изглашению, яко хотящий явится создателе церквам, или манастырем, да вся яже на потребу сим уготовать, в же по сих не опустети священным домом» [3, с. 39]. Эта норма не находит соответствия ни в одном из канонических правил, приведенных в «Соборном ответе». Как показал А.И. Плигузов, она представляет собой 27 главу «от заповедей» Юстиниана Великого, обязывающую устроителей церквей и монастырей «иметь попечение, еже на потребу истощания их отлучити подобно, на возжижение посвета, рекше на масло и на воск, и на пищу пребывающим в них и на священную службу: не оставяти я наги; созданы токмо, и потом или разрушающиеся или всея службы лишены» [6, с. 383].

Рассмотрение доводов агиографа в защиту монастырского землевладения, в свою очередь, требует разъяснения вопроса о том, отражала ли эта аргументация реалии Московской Руси той эпохи. Очевидно, представления о ктиторах у автора Жития и русских книжников начала XVI в. было различным. В Краткой редакции своего монастырского устава Иосиф Волоцкий упоминает себя как «ктитора киновиа Пречистыа богородица близ града Волока Ламьскаго» [7, с. 296]. Разумеется, «ктитор» в данном контексте — не более чем калька с греческого, имеющая значение «основатель, устроитель» [8, с. 35, примеч. 7]. Но для составителя жизнеописания Иосифа «ктитор» — скорее, юридическое понятие: монастырское землевладение, с точки зрения агиографа, возникает в силу исполнения ктиторами своих юридически закрепленных обязанностей.

С другой стороны, хотя таковое представление о ктиторстве было чуждо древнерусскому сознанию начала XVI в., схожая система взаимоотношений монастырей и их покровителей из числа светских лиц существовала и в Русском государстве. Специфика ее заключалась лишь в том, в Московской Руси не было «адекватного понятия, определяющего отношение основателей церковных учреждений к этим учреждениям и обслуживающему их ду-

ховенству» [8, с. 35], — а это явно свидетельствует в пользу того, что такого рода отношения регулировались нормами обычного права, которое не требовало юридически выверенных формулировок. Впрочем, и ктиторское право в Византии, и древнерусский обычай взаимоотношений монастырской братии ее патронами, оставляли и за ктиторами, и за патронами довольно широкие права в отношении движимых и недвижимых владений находившихся под их покровительством церковных учреждений, позволяя «управлять церковным имуществом и передавать его по наследству, назначать духовенство и т. д.» [8, с. 39]. Поэтому агиограф, ссылаясь на обязанности ктиторов как главным доводе в защиту монастырского землевладения, избегает упоминать о владельческих правах ктиторов, распространявшихся на монастырское имущество, ведь эти права представляли главную угрозу неприкосновенности монастырских имуществ.

В связи с этим очень показательно описание агиографом истоков конфликта Иосифова монастыря с его патроном, удельным волоколамским князем Федором Борисовичем. Последний, если судить по посланиям Волоцкого, довольно свободно распоряжался монастырским имуществом: «князь Федор Борисович во все вступился: что бог пошлет нам, в том воли не даст, иное даром просит, а иное пол-цены емлет» [7, с. 210]. Видимо, в данном случае князь действовал вполне в рамках, дозволенных обычаем. Однако агиограф избегает и намека на экспроприаторские акции удельного князя в отношении подчиненного его власти монастыря. В Житии подробно рассказывается, что Федор Борисович «тяжек устроися иже в области его народному множеству», а Иосиф, после неудачных попыток отворотить его от такого поведения, решил «отшествием своим наказати того, негливъзрев к тихости послабить народом» [3, с. 39—40]. Весьма замечательно также, что князь Федор Волоцкий прибирал к рукам имущество, поступавшее в качестве вкладов за помин души, которые, как убедительно показал А.И. Алексеев, составляли основу благополучия крупных монастырей, «оттесняя на второй план ктиторские пожалования и ружные выплаты» [1, с. 146].

Следовательно, велика вероятность того, что рассказ Жития о доводах, приведенных защитниками монастырского землевладения на соборе 1503 г. в значительной степени измышлен самим составителем Жития. Последний вполне мог иметь под рукой текст «Соборного ответа» или какие-то выписки, которые входили

ли в его состав. Но, опираясь на материалы соборных решений, он развивал собственную систему аргументации, которая при ближайшем рассмотрении оказывается весьма противоречивой.

Это, впрочем, не помешало составителю Жития архиепископа Серапиона Новгородского почти целиком заимствовать из Жития Иосифа Волоцкого рассказ о поземельных вопросах на соборе 1503 г., за исключением пяти отрывков [6, с. 345], которые, хотя и нарушают логику повествования, тем не менее, не слишком сильно влияют на его общий смысл. Упоминания Иосифа Волоцкого из текста были удалены и заменены сообщениями об участии в соборных заседаниях Серапиона, роль которого выглядит столь же скромно [5, с. 155—157]. Эти сообщения приходят в острое противоречие с известиями «Слова инога», которое именно Серапиона, в бытность его игуменом Троице-Сергиева монастыря, называет главным противником конфискации церковных земель. А принципиальное противодействие троицкого игумена секуляризаторским планам Ивана III, согласно этому источнику, вынуждает остальных участников собора во главе с митрополитом Симоном выступить в защиту церковного землевладения [2, с. 351—352].

В связи с этим уместен вопрос о том, почему автор Жития новгородского архиепископа не воспользовался известиями «Слова инога» об участии Серапиона в соборных спорах, а позаимствовал рассказ о них из Жития Иосифа, механически его сократив? Вполне возможно, что на момент составления Жития Серапиона «Слово иное» как цельный зафиксированный письменный текст еще не существовало, бытовали лишь устные рассказы и отрывочные записи о тех событиях и участии в них Серапиона, что не исключается исследователями [1, с. 257]. Некоторые из этих устных сообщений, вероятно, было использованы агиографом, сообщившим, что к исходу соборных заседаний «самодержцу Ивану не что божественно бысть» [5, с. 157]. «Слово иное» выражается более отчетливо, свидетельствуя, что «прииде же посещение от бога на великого самодержца: отняло у него руку и ногу и глаз» [2, с. 352] — этот факт подтверждается и летописными известиями [2, с. 359].

Таким образом, говоря о значении агиографических памятников, посвященных Иосифу Волоцкому и Серапиону Новгородскому, в качестве источников по истории поземельных споров в рамках собора 1503 г. нужно отметить следующее. Вероятно, у

составителей обоих текстов имелись какие-то известия о присутствии этих церковных деятелей на соборе. Однако эти известия, по-видимому, почти не содержали конкретных фактов относительно участия Иосифа и Серапиона в соборных деяниях. Это стало причиной того, что автор Жития Иосифа — а вслед за ним автор Жития Серапиона — вынужден был представить картину, не слишком близкую действительности, сконструировав ход и повестку соборных заседаний исходя из собственных представлений о проблеме. Скорее всего, эта реконструкция производилась с использованием современных собору письменных материалов, «Соборного ответа» либо его источников, и передаваемых устно достоверных рассказов, в частности, касающихся болезни Ивана III во время соборных заседаний.

Список литературы

1. Алексеев А.И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. — СПб.: Алетейя, 2002. — 352 с.
2. Бегунов Ю.К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // Труды отдела древнерусской литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — Т. XX. — С. 351—364.
3. Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным / С предисловием С.А. Белокурова // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1903. — Кн. 3. — С. 1—47.
4. Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. — Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 363 с.
5. Моисеева Г.Н. Житие Новгородского архиепископа Серапиона // Труды отдела древнерусской литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. — Т. XXII. — С. 147—165.
6. Плигузов А.И. «Соборный ответ 1503 года» // Он же. Poleмика в русской церкви первой трети XVI столетия. — М.: Индрик, 2002. — С. 330—386.
7. Послания Иосифа Волоцкого / Подготовка текста А.А. Зиминой и Я.С. Лурье. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 390 с.
8. Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках. — М.: Индрик, 2002. — 352 с.

А.А. Бондаренко¹

Дозволенные листы метрики королевы Боны православному духовенству Западнорусской митрополии

Аннотация. Статья посвящена изучению одной из разновидностей кириллических грамот метрики королевы Боны, адресованных православному духовенству Великого княжества Литовского — дозволенным листам.

Ключевые слова: дипломатика; акты; дозволенный лист; Литовская метрика; Западнорусская митрополия; Бона Сфорца.

Andrey A. Bondarenko

DOZVOLENNIYE LISTY OF QUEEN BONA SFORZA'S METRICA TO
THE ORTHODOX CLERGY OF THE WEST RUSSIAN METROPOLIS

Abstract. The paper discusses a range of disputable issues concerning the terminology of the Cyrillic acts from the Queen Bona Sforza's Metrica and is devoted to the study of one of the subsorts of her acts addressed to the Orthodox clergy of the Grand Duchy of Lithuania known as dozvolenniye listy.

Keywords: Diplomats; Acts; Dozvolenniy List; Lithuanian Metrica; West Russian Metropolis; Bona Sforza.

Российская историческая наука традиционно занимается изучением истории Западнорусской (Киевской) митрополии, ставя во главу угла выяснение особенностей правового положения православного духовенства и православного населения в Великом княжестве Литовском. Для этого государства, как и для ряда других стран Западной и Восточной Европы, было характерно активное участие светской власти в делах церковного управления. Система церковной инвеституры последовательно формировалась здесь в течение долгого времени и окончательно сложилась к первой половине XVI в., когда польский и литовский престолы занимала

Бона Сфорца (1518—1557). Право церковного патроната принадлежало в Литве светским лицам — великим и удельным князьям, а также нетитулованным землевладельцам. Великокняжеская власть рассматривала право на назначение священнослужителей и распоряжение церковным имуществом как одну из привилегий, которая в качестве вознаграждения за службу могла передаваться представителям шляхетского сословия и титулованной знати. К королеве Боне право церковного патроната переходило вместе с правами на землю, которую она приобретала путем пожалований, сделок купли-продажи и мены.

В рамках церковной инвеституры сложилась разветвленная система видов исторических источников, регулировавших правовые отношения между светской властью и православным духовенством Западнорусской митрополии. Представляется, что изучение различных разновидностей документов из области церковного патроната раскрывает возможности дальнейшего компаративного изучения этой социально-правовой сферы в Литовском и Московском государствах. На основании документов так называемой метрики королевы Боны в настоящей статье рассматривается одна из разновидностей подобных документов — дозволенные листы. Этот термин известен Первому Литовскому Статуту 1529 г., где он используется применительно к сделкам, связанным с приобретением, продажей и обменом недвижимым имуществом и требующим великокняжеского разрешения [15, р. 76]. Исследовательская и справочная литература также оперирует понятием «дозволенный лист» [2, с. 61, 63—64; 11, с. 362—363], однако в отношении актов источников, связанных с церковным управлением, оно специально не рассматривалось.

Одним из проявлений общественного института церковного патроната, существовавшего в XV—XVI вв. в Великом княжестве Литовском, являлось право передачи опеки над конкретным церковным учреждением определенному иерею или светскому лицу. В отношении передачи опеки над тем или иным объектом «подавания» следует отличать ставленные листы от данных и дозволенных. Наличие между ними различий объясняется особенностями церковной инвеституры в Литовском государстве и зафиксировано в оборотах диспозитивной части некоторых документов.

Под ставленным листом понимается документ, при помощи которого представители светской власти закрепляли за тем или иным священнослужителем право единоначалия в отношении

¹ Бондаренко Андрей Андреевич — младший научный сотрудник Центра источниковедения истории России Института российской истории Российской Академии наук, Москва, Россия. e-mail: bondarenko-a.a@mail.ru

Andrey A. Bondarenko — Junior Researcher of the Center of Source Studies of Russian History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

конкретной церкви, монастыря или архиерейской кафедры с передачей ему прав на недвижимое имущество. В отличие от Московского государства, в котором выдача подобных грамот светской властью и тем более частными лицами была невозможна, в Великом княжестве Литовском следует различать ставленные архиерейские листы и ставленные светские листы. Первые из них выдавались церковными иерархами в соответствии с каноническим правом; вторые — великими и удельными князьями, а также обладателями права «подавания» в отношении конкретного церковного учреждения [1, с. 12—13].

Ставленники утверждались пожизненно («до живота»). Передача права опеки над патронируемым церковным учреждением другому лицу не означала переход патроната как такового и носила временный характер («до воли»). По своей форме опекуновство скорее приближалось к праву попечительства или покровительства (*juspatronatus*) [12, с. 197; 3, с. 605—606]. Опекунами большей частью являлись светские лица, поэтому назначение великокняжеской или частновладельческой властью опекуна для церковного учреждения, возможно, следует рассматривать как его передачу в кормление. Прерогативами опекуна было управление экономической и хозяйственной деятельностью опекаемого объекта, право взимания податей, поступавших в его пользу, право выбора и поставления священнослужителя (либо рекомендации кандидата своему господарю). Объем прерогатив, передававшихся патроном опекуну, и срок их использования различались в зависимости от характера каждого конкретного пожалования опекуновства или дозволения пользоваться теми или иными привилегиями в отношении церковных учреждений.

В 1536 г. Сигизмунд I Старый передал князю Ю. Слуцкому право назначения архимандрита Киево-Печерского монастыря. Это пожалование было совершено еще при жизни действовавшего настоятеля Геннадия: «кгда... в животе не станет... мает князь Юрий оный манастыр к руком своим взяти идати его тому держати, кому воля его з закону греческого будет». После смерти ставленника князя Слуцкого прерогатива поставления местного архимандрита возвращалась великому князю [13, р. 94—95]. Возможность князя распоряжаться доходами и имуществом монастыря в этой грамоте не оговаривается, хотя не исключено, что по смерти Геннадия к нему все же переходило *jusregalium* — право светского феодала «пользоваться доходами кафедры в период от смерти епископа до назначения нового» [9, с. 45].

В случае, когда в грамоте патрона (господаря) специально не оговаривается право опекуна на пользование материальными ресурсами церковного учреждения, и правовое содержание этого документа сводится только к разрешению на осуществление каких-либо действий в отношении внутрицерковного устройства, такую грамоту предлагается называть дозволенной. В отличие от нее данная грамота предусматривает полную передачу прав по церковному управлению опекуну (но не передачу права светского патроната). Например, земский подскарбий Иван Горностай, «монастыр светыхъ мученикъ Бориса и Глеба з воли и порученья н(а)шого (то есть королевы Боны — А.Б.) в опеце и обороне свое имаючи», после смерти игумена Михаила «дать справовати и заведать его поручиль» дворянину Марку Воловичу [6, кн. 36, л. 28—29]. Из содержания этого листа 1554 г. следует, что ранее Бона Сфорца делегировала принадлежавшее ей право «подавания» настоятельской кафедры гродненского Борисоглебского монастыря своим данным листом Ивану Горностаю, который, в свою очередь, передал его в опеку третьему лицу.

Другой документ дает иную трактовку церковному управлению этого монастыря в середине XVI в. В соответствии с грамотой Сигизмунда II Августа от 1555 г., упомянутый Иван Горностай получил в опеку монастырь «на Коложи» еще «за листом» Сигизмунда I. Королева Бона смогла распоряжаться этим «духовным хлебом» только «за писаньем и позволеньем» Ивана Горностая, «дав и поручив в справу» монастырь дворянину Марку Воловичу. Последний испрашивал короля о «доживотном» подтверждении этого пожалования, а также просил, чтобы права на пользование доходами, идущими с Коложского монастыря, после его смерти перешли к его же сыну, слепому от рождения Семену Воловичу [6, кн. 38, л. 17 об.—19].

Своим листом 1554 г. королева Бона утверждала только временную передачу Коложского монастыря в опеку Воловичу, о чем свидетельствует характерная формула «до воли и ласки». Грамота, содержащая временное разрешение на управление церковным имуществом (или его частью) и участие во внутрицерковной жизни, может именоваться данной дозволенной.

Под «дозволенным листом» Первый Литовский Статут 1529 г. понимает документ, которым великий князь или его урядники разрешали осуществление частнопровольных сделок купли-продажи, мены или дарения [15, р. 76]. С формальной стороны дозволенный лист должен был предварять заключение любой сделки, однако в действительности

сти многие совершенные правовые действия приобретали законную силу уже через подтвердительные великокняжеские листы [5, с. 586].

Не оперируя категорией вида исторического источника, А.И. Груша относит дозволенные листы к числу данных грамот и «привилеев», которыми «оформлялось разрешение на строительство замков, корчем, костелов, установление ярмарок и торжищ, разработку пуш, торговлю на конкретной территории, выкуп заставленных имений, куплю, продажу, обмен» [2, с. 61]. Целесообразно рассматривать дозволенные листы в качестве самостоятельной разновидности актов договорно-законодательного вида, а не приравнивать их к подтвердительным листам, как это предлагает О.И. Хоруженко [11, с. 362—363].

Эти грамоты являлись буквальным разрешением центральной власти на осуществление какого-либо действия (либо действий), но не утверждением уже произошедшей сделки или события. Юридическая сущность таких документов выражена формулой «дозволили есми» с присовокуплением к ней инфинитивной формы глагола, описывающего суть и содержание «дозволяемого» действия. Инфинитивная форма далеко не всегда представлена глаголом «дать», как в случае с данными грамотами. Так, диспозиции двух листов, выданных старостами королевы Боны сыну пинского и туровского владыки Вассиана И.В. Владычичу Пинскому в качестве разрешения на постройку плотины и перенесение торговых лавок с городского рынка, имеют следующий вид: «дозволили есмо... еъзаробити и его держати и вживати»; «дозволил есми... шесть комор перенести... або... поставити и их держати и вживати» [7, с. 283]. Дозволенный лист дворянина королевы Боны Миколая Пенского, разбиравшего челобитье жителей Усвятской и Озерищской волостей о неких «ябедниках», содержит такую диспозицию: «и я позволяю тых ябедников старцом и всим мужем волощаном озерищаном, их привезавши, которые их не послушен, пугами бить або дубцами, а до смерти не забивати, только грозу дати» [8, с. 19].

Несмотря на то, что правовая сущность дозволенного листа выражается инфинитивной формой его юридической клаузулы, специфическим признаком этой разновидности актов следует скорее считать его «разрешительный» характер. Само господарское дозволение на совершение того или иного действия определяет ту «узкую сферу воздействия» [4, с. 19], для регулирования которой была предназначена эта разновидность актовых источников. К таким сферам можно, например, отнести сферу церковной

инвестируры, сферу торговли и налогообложения, сферу перераспределения земельной собственности и т.д. Таким образом, предлагавшиеся А.Л. Хорошкевич разновидности жалованных грамот «на устройство става» и «на устройство торгов» скорее следует считать подразновидностями дозволенных листов [10, с. 52].

Из области церковного патроната известны данные дозволенные листы Боны и ее урядников на управление церковными учреждениями.

В ставленном листе королевы Боны К.В. Жабе на ковельский Свято-Троицкий монастырь упоминается дозволенный данный лист местного старосты Б.М. Семашко, согласно которому Жаба «за дозволением» «у своимъ дозренью, порученью и справе... со въсимъ наданьемъ его мель и его заведаль». В грамоте королевы Жаба назван священником, а не игуменом, так как, имея в опеке Троицкий монастырь, он оставался попом церкви Успения Богородицы в с. Городилец. Как следует из наррации акта, в его челобитной содержалось прошение «дать» монастырь, а не «подтвердить» пожалование старосты Богдана Семашко [6, кн. 32, л. 87 об.—88; 14, р. 79].

Другим листом Семашко «дал заведати» попу Лаврентию Ивановичу церковь св. Спаса в месте Вижива. Вместе с этим староста разрешил («дал и дозволил») священнику пользоваться частью доходов с этой церкви. Само поставление и утверждение права на распоряжение доходами было осуществлено королевой [6, кн. 32, л. 88 об.—89 об.; 14, р. 80].

Вероятно, глагол «заведать» подразумевал временный характер управления церковным учреждением и его имуществом. Глагол «держать», свойственный ставленным листам («мает попом быти и всих пожитков держати»), подчеркивал «доживотное» закрепление учреждения вместе с его «наданьем» за ставленником.

Не только старосты, но и сама королева Бона выдавала дозволенные данные листы на управление церковными учреждениями. Такую грамоту на управление Пинским Варваринским монастырем и право распоряжения частью монастырского имущества («некоторыми речьми») получила землянка Ульяна Почаповская, которая также должна была опекать престарелую «теперешнюю» игуменью. Основанием для выдачи документа явилось «позволение» игуменьи на получение Почаповской опекунских полномочий [6, кн. 33, л. 111—111 об.].

Как одна из разновидностей актов договорно-законодательного вида, дозволенные листы православному духовенству За-

паднорусской митрополии являются немаловажным источником, позволяющим изучить тонкости функционирования института церковного патроната в Великом княжестве Литовском первой половины XVI в. Очевидно, что сохранившиеся в составе метрики королевы Боны документы не охватывают реально существовавшего разнообразия актовых источников, регулировавших эту сферу социально-экономических отношений.

Список литературы

1. Бондаренко А.А. Ставленные листы метрики королевы Боны как исторический источник // Гуманитарные науки в Сибири. — 2015. — № 4 (Т. 22). — С. 10—15.
2. Груша А.І. Метадчыныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII—XVIII ст., перыяд Вялікага княства Літоўскага). — Мінск: БелНДІДАС, 2003. — 168 с.
3. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. — Т. 1. — 783 с.
4. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. — М.: Наука, 1970. — 502 с.
5. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. — М.: Университетская тип., 1892. — 998 с.
6. РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 32, 33, 36, 38.
7. Ревизия пуш и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пуши и на земли, составленная старостой Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 г., с прибавлением другой актовоей книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 г. — Вильна: тип. Губернского правления, 1867. — 381 с.
8. Тетрадь, а в ней писаны рубежи городу Полоцку и Полоцкому повету 7071 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. — Кн. 24. — М., 1856. — С. 1—48.
9. Флоря Б.Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. — М.: Православная энциклопедия, 2007. — 436 с.
10. Хорошкевич А.Л. Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV века и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. — Рига: Зинатне, 1970. — С. 47—74.
11. Хоруженко О.И. Современные принципы публикации актов Литовской метрики // Археографический ежегодник за 2011 год. — 2014. — С. 347—363.
12. Чистович И.А. Очерк истории Западнорусской церкви. — СПб.: тип. Деп. Уделов, 1882. — Ч. I. — 652 с.
13. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 19 (1535—1537). Užrašymų knyga 19. — Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2009. — 362 p.
14. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 32 (1548—1549). Užrašymų knyga 32. — Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2012. — 144 p.
15. Pirmasis Lietuvos Statutas = Первый Литовский Статут: Tekstaisena ja baltarusių, lotynų ir senąja lenkų kalbomis. — Т. II. — D. 1. — Vilnius: Mintis, 1991. — 428 p.

Россия XVI—XVII вв. как конгломерат «государств»: к постановке проблемы

Аннотация. На материале источников XVI—XVII веков анализируются представления о Российском царстве как о конгломерате «государств». Автор показывает, что конституирование идеи единого «государства» не было линейным процессом: современники воспринимали политическое пространство как множество, состоящее из неравных по статусу элементов. Вопреки распространённому мнению, эти представления не только не были забыты ко времени Смуты, но актуализировались и стали категориями, в которых осмысливались происходившие перемены.

Ключевые слова: титул; регионализм; Смутное время; Московское государство; Новгородское государство; Казанское государство, композитарное государство.

Ivan A. Kirpichnikov

XVI—XVII CENTURY RUSSIA AS A CONGLOMERATE OF “STATES”: TOWARDS A PROBLEM STATEMENT

Abstract. Based on the 16th and 17th century sources, the author demonstrates the importance of representation of Russia as a conglomerate of «states».

Keywords: monarch's title; regionalism; composite state; Muscovy; Novgorodian state; Kazan' state.

Классическое описание областной структуры Московского государства принадлежит перу С.Ф. Платонова. В начале знаменитых «Очерков по истории Смуты» он кратко отметил, что «по официальным понятиям» того времени «Российское царство» представляло собой набор «государств». Однако к началу XVII века эти идеи стали, по мнению классика, «поблекшими воспоминаниями удельной поры» (ср. аналогичную оценку у В.И. Сергеевича [16, с. 168—170]) и уступили место более актуальным типам районирования, которые Платонов и положил в основу своего

¹ Кирпичников Иван Алексеевич — магистр истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия. e-mail: ivkirs@mail.ru
Ivan A. Kirpichnikov — MA in History, Faculty of History, Moscow State University, Moscow, Russia.

обзора [11, с. 7—9]. За прошедшее столетие историки уделили немало внимания «объективному» экономико-географическому устройству Московии, но недостаточно исследовали представления современников об организации своего политического пространства.

О том, что в этих представлениях было много неочевидного, свидетельствуют, например, некоторые высказывания Г.К. Котошихина. Так, рассуждая о возможном появлении уделов, он пишет: «А даютца в удел города *негосударственные* [здесь и далее курсив наш — *И. К.*]; а царств Казанского и Астраханского и Сибирского, и государств Владимирского, Новгородского и Псковского давати опасаются», поскольку их владельцы «стали бы жить *своим государством*, а не послушенством, или б похотели быть у которого иного potentата в подданстве» [10, с. 26]. Из слов Котошихина следует, что существует определённый набор «царств» / «государств», и этой своей природой они противопоставлены «негосударственным» территориям: если первые получит удельный властитель, это может привести к «великой смуте».

Итак, политическое пространство «Российского царства» воспринималась как множественность (удачное определение «конгломерат “государств”» заимствовано нами из статьи А.Л. Хорошкевич [22]), состоящая из статусно неравных элементов, причём представление о внутренней иерархичности сохранялось и во второй половине XVII в. Данное наблюдение — исходная гипотеза и отправной момент для дальнейшего анализа, в фокусе которого будут находиться территории, противопоставленные у Котошихина «негосударственным городам».

Прежде всего, необходимо отметить, что список Котошихина аналогичен начальной части царской титулатуры (без «Московского» элемента, что вполне объяснимо, если принять во внимание контекст: Москва не может стать уделом) в том виде, в каком она сформировалась к рубежу XVI—XVII вв. [4; 13; 14; 21]. Титул «охвачен» до «великокняжеского» ряда наименований: «Гдрь Царь и Великий Князь ... всеа Руси Самодержец, *Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Гдрь Псковский и Великий князь*». Благодаря исследованию С.М. Каштанова ясно, насколько большое значение придавалось порядковому месту и статусному обозначению, свидетельствовавшим о ранге и характере того или иного владения [5].

Такой тип сокращения титулатуры характерен для официальной документации, связанной с поставлениями на престол. Уже в чинах венчания Дмитрия-внука и Ивана IV мы можем найти представление о том, что поставление правителя происходит не на одно, но на несколько «великих княжеств»: в этом качестве в конце XV — первой половине XVI вв. фигурируют «Владимирское, Московское, Новгородское» [25, с. 34, 36, 38, 47—48, 54—55, 74]. На протяжении XVI в. эта совокупность из трёх «престолов» разрослась: в чине венчания Фёдора Иоанновича упомянуты, помимо неё, Астраханское и Казанские «царства», а в конце столетия добавилось «Сибирское». Типично словоупотребление, которые мы встречаем по поводу вступления на трон Фёдора Годунова: «*На все Гдрства на Владимирское и на Московское и на Новгородское, и на Царства Казанское и на Астраханское и на Сибирское, и на все великие Гдрства Российского царствия*». Такое сокращение выделяет шесть объектов с особым политическим статусом: три «главных» «государства» и три «царства»; на них в первую очередь и происходит поставление. Перечень может варьировать, сокращаясь только до двух элементов — «Владимирское, Московское», но все прочие «великие (и преславные) государства Российского царствия» в любом случае остаются без развёрнутого упоминания.

Источники начала XVII в. дают значительный материал для наблюдений над закономерностями функционирования изучаемых представлений. Вопреки мнению Платонова, ко времени Смуты они вовсе не были атавизмом, но резко актуализировались в период кризиса и стали той «дискурсивной рамкой», системой категорий, которая позволяла осмысливать перемены и одновременно задавала параметры происходящего.

Главным контекстом упоминаний о множестве «государств» оставалось обсуждение поставления / избрания / приглашения очередного монарха на «государства» или его отсутствия на этих «государствах». Нет ясности в вопросе о том, как интерпретировать преимущественное употребление словосочетания «Московское государство» в «Утверждённой грамоте» 1613 г.: означает ли это, что Михаил Романов был избран государем всего «Российского царствия» (С.О. Шмидт [26, с. 285]) или только на «Московское государство Российского царства» (Хорошкевич [23, с. 40])? Внимательное прочтение грамоты заставляет склониться к первой точке зрения [20, с. 45—46]. Аналогичная про-

блема возникает в связи с появлением на престоле Василия Шуйского: давно отмечено, что в своих грамотах он не использовал традиционные обороты, апеллируя исключительно к «Московскому государству». О том, что легитимность правителя зависела от его признания «государствами», свидетельствует отказ Карла-Филиппа прибыть в Новгород: он объяснялся тем, что к принцу прибыли полномочные послы не от всех (в первую очередь — «Владимирского и Московского»), а только от «Новгородского государства».

Чрезвычайно интересны ситуации, когда «государство» стало устойчивым самоопределением местных сообществ в «безгосударное» время. Таков, во-первых, случай «царствующего града» Казани, который именуется «государством» в грамотах Первого ополчения и в целом ряде других источников (см., например: [17, с. 517—520]). «Казанское государство» в этих контекстах определённо отделено от «Московского». Из грамот можно узнать, что в «Казанском государстве» существовали «освященный собор», «всяких чинов люди», «ратные люди из всех городов» и т.д. В одной из вятских челобитных 1620-х гг. упомянуто инициированное Н. Шульгиным крестоцелование: «На том, что вятским городом быти *х Казанскому государству*, а *Московского государства* ни в чем не слушати, и с *Казанским государством* стояти за один» [8]. Вновь вошло в употребление словосочетание «вся земля Казанская», которое в конце XV — первой половине XVI вв. применялось к курултаям [24, с. 190—192]. В этих случаях мы имеем дело с «государством», в полной мере «вышедшим из “тени” государя» [19, с. 301], равноправным с «Московским» и осознаваемым в качестве особой политической сущности.

Если Казань всё-таки была приведена к повиновению, то новгородский случай наглядно демонстрирует, насколько далеко могла зайти риторика отделения от «Московского государства». Мы выводим здесь за скобки сложный вопрос о политическом статусе Новгорода на завершающем этапе Смуты (см. об этом [6]) и лишь кратко остановимся на дискурсе «Новгородского государства». Так же, как и в Казани, в местном делопроизводстве можно обнаружить упоминания о «Новгородского государства боярах и воеводах», «всей земле Новгородского государства», «людях всего Новгородского государства», «городах, которые с Новгородским государством в соединеньи» и т.д. В послании предводителей Второго ополчения говорится о недопущении войны между «Мо-

сковским» и «Новгородским» государствами до избрания нового царя — причём граница между ними, как следует из текста грамоты, осознаётся вполне определённо. Речь шла, кроме того, о «детях боярских и людях Новгородского государства», для которых особо оговаривалась свобода возвращения с территорий, занятых ополчением [2, с. 286—289].

По мнению новгородских «чинов», ранее «Новгородское государство» состояло в «Российском царстве», было «подвластно и послушно Московского государства боярам и всей земли... и никогда и в смутные времена от Московского государства Новгород отлучен особно не бывал». Однако после избрания Михаила Фёдоровича возникло представление о том, что Новгород стал «разлучным» с «Московским государством»: по представлению современников, на «государствах» «Российского царства» фактически оказались *разные* государи [3, с. 24, 56—63]. Отделение Новгорода было осознано и в «Московском государстве», сказавшись, по мнению исследователей, на печатях — орёл стал одноглавым [23, с. 36]. Итак, именно «Новгородское государство» стало обозначением самостоятельной политической единицы и объектом лояльности для местного населения.

В посольских наказах 1610-х гг. предполагались вопросы о том, «как ныне с Московским государством Казанское и Астраханское царство в одном совете и нет ли меж ими розни», а также про «Сибирское государство» — на это московские послы должны были отвечать, что эти «государства» находятся «в совете» и «в послушанстве» Московскому государству, особенно подчёркивая стабильную лояльность Сибири. В отличие от других, «Владимирское государство» пока неизвестно нам в контекстах, где оно было бы чем-то большим, чем «виртуальный» престол («начальное и самое главное государство всея Руси»), упоминаемый лишь совместно с «Московским». Послы могли «стоять» «в государя нашего государстве Казанском царстве» (т.е. находиться на его территории) [15, с. 280], но сомнительно, можно ли было применить такую формулировку к «Владимирскому государству».

Следует обратить особое внимание на тот факт, что в качестве полноценных «субъектов» в статусе «государств» могли определяться далеко не все самостоятельные образования периода Смуты, пусть и входившие в царский титул «на правах» «великих княжеств / государств». Так, нам неизвестны именованья Рязани в качестве «государства», хотя после отказа в лояльности столич-

ному правительству ситуация здесь *de facto* мало отличалась от казанской. «Нижегородское государство» явно не стало «брендом» Второго ополчения, хотя один случай такого именованья (в стандартном ряду «государств») может быть найден [2, с. 294]. Точно так же в 1615 г. командующий осадной армией князь И. Хованский мог особо указать потерянный Смоленск в титуле своего государя и назвать его «государством» [18, с. 138].

Однако создаётся впечатление, что систематическую «государственную» (само)идентификацию могли обрести только «государства в узком смысле слова», наименования которых составляли первые шесть элементов титула и противопоставлялись Котошихиным «негосударственным городам». Для прочих территорий чаще выбирались иные стратегии описания, как правило, не связанные с их «титулярным» статусом. Весьма характерно, как автор «Бельского летописца» уже в 1630-е гг. пишет о кампании Бориса Годунова: царь вышел «со всею ратью Московского и ноугороцкого, и казанского, а азстраханского государства и со всею Рускою землею» [12, с. 238].

Особый случай, требующий дополнительного исследования — «Псковское государство», устойчиво упоминаемое Котошихиным именно в таком качестве. В конце XV в. Псков мог именоваться «великим княжеством» — как и в случае с Новгородом, это было искусственной новацией, возникшей под влиянием титулатуры Ивана III [1, с. 279—284]. Однако при Иване IV в титуле появился особый элемент «гдрь Псковский», причём местная печать именовалась печатью «*господарства* Псковского». «Государство» эпизодически появляется в дипломатической документации наряду с Новгородом; неожиданно широко это словосочетание используется в период воеводства А.Л. Ордина-Нащокина при «устроении» псковских финансовых дел в 1660-е гг.

Вернувшись к высказыванию Котошихина, можно видеть, насколько устойчивыми оказались представления об особом статусе некоторых территорий, подвластных московскому правителю. Будучи создана в конце XV в., эта «система координат» не была лишь отсылкой к ушедшей в прошлое «удельной старине» или формальной конструкцией для наполнения царской титулатуры: она резко актуализировалась в период Смутного времени. Её изучение позволяет пролить свет на особые «правила игры», в рамках которых регионы обладали различной степенью политической субъектности. Перспективным направлением исследований ви-

дится выявление коррелятов изучаемых идей в регулярной (т. е. не кризисной) политической практике XVI—XVII вв. Можно ли, например, считать взаимосвязанными явлениями дискурс «Новгородского государства» и особые полномочия новгородских наместников [6, с. 132—133]?

Итак, конституирование идеи единого «государства» не было линейным процессом: политический дискурс Московской Руси заключал в себе также и представление о множественности и статусном неравенстве политических субъектов. «Российское царство» могло бы стать *composite state* — по крайней мере, такой потенциал имелся у политического воображения современников.

Список литературы

1. Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. — М.: Древлехранилище, 2005. — 484 с.
2. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. — Т. 1. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. — 446 с.
3. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. — Т. 2. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. — 308 с.
4. Каштанов С.М. О титуле московских государей в XV—XVIII вв. // Россия в IX—XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. Сборник статей и тезисов докладов Вторых чтений, посвящённых памяти А.А. Зимина. — М., 1999. — С. 228—236.
5. Каштанов С.М. Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI—XVII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI—XX вв. — Новосибирск, 2006. — С. 3—21.
6. Коваленко Г.М. «В соединенье с Московским государством». Столбовский мир и возвращение Великого Новгорода в состав Российского государства. 1613—1617 гг. — Великий Новгород, 2017. — 111 с.
7. Коваленко Г.М. Договор между Новгородом и Швецией 1611 г. // Вопросы истории. — 1988. — № 11. — С. 131—134.
8. Корецкий В.И., Лукичев М.П., Станиславский А.Л. Документы о национально-освободительной борьбе в России 1612—1613 гг. // Источниковедение отечественной истории. — М., 1989. — С. 252—259.
9. Кром М.М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI—XX века. — СПб., 2006. — С. 54—69.
10. Московия и Европа. — М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. — 624 с.
11. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. — М.: Памятники исторической мысли, 1995. — 480 с.
12. Полное собрание русских летописей. — Т. 34. — М.: Наука, 1978. — 307 с.
13. Пчелов Е.В. К истории территориального титула русских государей середины XV — середины XVI в. // Проблемы дипломатики, кодологии и ак-

- товой археографии. Материалы XXIV Международной научной конференции. — М., 2012. — С. 81—90.
14. Пчелов Е.В. Объектный титул русских государей: особенности структуры и принципы формирования // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. — М., 2008. — Ч. 1. — С. 121—136.
 15. Сборник Русского исторического общества. — Т. 137. — СПб.: Тип Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. — 830 с.
 16. Сергеевич Е.В. Древности русского права. Т. 1: Территория и население. — М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2007. — 699 с.
 17. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. — Ч. 2. — М.: Тип. Селивановского, 1819. — 399 с.
 18. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. — Ч. 3. — М.: Тип. Селивановского, 1822. — 566 с.
 19. Толстиков А.В. Представления о государе и государстве в России второй половины XVI — первой половины XVII века // Одиссей. Человек в истории. — М.: Наука, 2002. — С. 294—310.
 20. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / с предисловием С.А. Белокурова. — М., 1904. — 109 с.
 21. Филюшкин А.И. Титулы русских государей. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. — 256 с.
 22. Хорошкевич А.Л. Россия или Московия? // Родина. — 2005. — № 11. — С. 53—57.
 23. Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. — 96 с.
 24. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М.: ИНСАН, 1991. — 320 с.
 25. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете 1883. — Кн. 1. Январь-март. — М.: Унив. тип., 1883. — 606 с.
 26. Шмидт С.О. «Московское государство»: к объяснению наименования Российского государства XVI—XVII столетий // Россия Ивана Грозного. — М.: Наука, 1999. — С. 255—301.

УДК 930.2

*Н.А. Комочев*¹

О реформе церковного иммунитета в первой трети XVII в.

Аннотация. Статья посвящена реконструкции содержания «нового уложения» 1620-х гг., текст которого до нас не дошел. Сущность уложения состояла в ограничении иммунитетных привилегий монастырей с целью пополнения государственной казны после Смутного времени. Традиционно считалось, что уложение касалось податного иммунитета, но проведенный анализ формуляров жалованных грамот позволяет говорить, что уложение носило более широкий характер, по всей видимости, охватывая нормы судебного иммунитета и ряд других аспектов (статьи о торговле, о пирях и братчинах и др.).
Ключевые слова: жалованные грамоты; иммунитетные привилегии; дипломатика; источниковедение; Сямский Богородице-Рождественский монастырь.

Nikita A. Komochev
**ON THE REFORM OF CHURCH IMMUNITY IN THE FIRST THIRD
OF THE XVII CENTURY**

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the content of the “new law” of the 1620s, the text of which has not reached us. The essence of the law was to limit the immunity privileges of monasteries to replenish the state Treasury after a time of Troubles. Previously, it was believed that the law concerned the filing immunity. But the analysis of the charters suggests that the content of the law was broader. The law included norms of judicial immunity and a number of other aspects.

Keywords: immunity charters, immunity privileges, diplomatics, source study, monastery of the Nativity of the Virgin in the village Syama

В 1620-е гг. начался массовый пересмотр жалованных грамот, основой для которого было так называемое «новое уложение». Пересмотр грамот проходил централизованно, для чего был создан специальный Сыскной приказ. Владельцу выдавалась новая гра-

¹ **Комочев Никита Алексеевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения Российской Академии наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета. Москва, Россия. e-mail: komni@list.ru
Nikita A. Komochev — Candidate of Historical Sciences, researcher, Institute of Slavic Studies (Russian Academy of Sciences); associate professor, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

мота с внесенными в нее изменениями согласно новому законодательству. Текст самого уложения не известен, но его содержание может быть реконструировано на основании пересмотренных актов. В частности, В.А. Незабитовский на основании сопоставления опубликованных грамот датировал уложение 1620/21 гг. Основным его содержанием автор считал ограничение тарханных грамот, заключающееся в формуле: «опричь ямских денег и стрелецких хлебных запасов и городского и острожного дела, и ямские им деньги и стрелецкие хлебные запасы давати и городское и острожное дело делати по писцовым и по дозорным книгам сживущаго с сошными людьми вместе» [8, с. 5, 6, 43]. А.С. Лаппо-Данилевский также представлял «новое уложение» как меру по ограничению податных привилегий тарханщиков. Им были отмечены ряд исключений для грамот патриарху и Троице-Сергиеву монастырю; некоторые монастыри могли иногда освобождаться от городского и острожного дела, но не от ямских денег и стрелецкого хлеба [7, с. 63—64]. В специальной работе С.Б. Веселовского о пересмотре жалованных грамот в Сыскных приказах был поставлен вопрос о необходимости изучения «нового уложения» на основании всех известных грамот. Автор предположил, что подвергались в 1620—1630-е гг. пересмотру все жалованные грамоты, а не только монастырям и духовенству. В содержание «нового уложения» Веселовский также вкладывал только изменения в податном иммунитете [См.: 2].

Еще одним исследователем вопроса стал Е.Д. Сташевский, предпринявший попытку изучения «нового уложения» на основе сравнения прежних и подтвержденных грамот. Он выделял три-четыре этапа в выработке «нового уложения», начавшего создаваться с 1619 г. В содержание уложения Сташевский включал: ограничение податного иммунитета, общий срок для суда по искам и ответам, отмена беспошлинной продажи, необходимость представлять списки с жалованных грамот с приписью дьяка для беспошлинной торговли [9, с. 330—331].

Более точно представить содержание нового уложения позволяет конкретное сопоставление формуляра жалованных грамот. В качестве примера сопоставим диспозитивные части трех жалованных грамот Сямскому Богородице-Рождественскому монастырю. Наиболее ранняя из известных нам грамот составлена от имени «царя и великого князя Дмитрия Ивановича всеа Русии» и датирована 12 сентября 1605 г. (РГАДА. ГКЭ, по Вологде № 66/2637). Ее диспозиция практически не отличается от диспо-

зиции второй грамоты, выданной от имени царя Михаила Федоровича 18 августа 1613 г., что подчеркивается в тексте самой грамоты: «И дал им сю свою царскую жаловальную новую грамоту такову ж, как у них в прежних грамотах было написано» (РГАДА. ГКЭ, по Вологде № 76/2647). 2 мая 1624 г. монастырю была выдана еще одна грамота, выданная «по нашему государскому по новому уложению» (подлинник грамоты хранится на кафедре вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ).

В тексте грамоты 1624 г. присутствует статья об ограничении налоговых льгот: «наших никаких податей и денежных всяких поборов и казачьих хлебных запасов и кормов с сошными людьми не давати, опроче ямских денег и стрелецких хлебных запасов и городского и острожного дела». Заметим, что названные здесь ямские деньги и стрелецкие хлебные запасы относились к числу главных государственных налогов, освобождение от которых давало основание считать грамоту тарханной, а ее получателя — обладателем особого имунитетного статуса [4, с. 211—217; 3, с. 150—151]. Ликвидация данной привилегии должна была существенно пополнить государственную казну.

Грамота была составлена в Сыском приказе, занимавшемся пересмотром жалованных грамот, о чем свидетельствуют характерные статьи с упоминанием нового уложения [2, с. 12]. Кроме того, подписавшие грамоту дьяк Прокофий Пахирев и подьячий Григорий Старого на момент составления документа служили в Сыском приказе [1, с. 402—403, 488]. Для грамот за приписью Прокофия Пахирева характерна формула: «По нашему указу положили» [1, с. 8], также присутствующая в жалованной грамоте 1624 г.

Последовательное сопоставление грамот 1613 и 1624 гг. может позволить выявить основные положения «нового уложения».

После раздела диспозиции, посвященного деревням и пустошам, которыми владеет монастырь, в грамоте 1613 г. следует несудимый раздел, состоящий из нескольких частей. Сопоставим несудимый раздел грамот 1613 и 1624 гг. по отдельным статьям, каждая из которых содержит законченную мысль.

Таблица показывает, что в несудимый раздел добавлена формула: «И кормов своих и конских на них не емлют и не всылают к ним ни по что». В статье о «сместном» суде не встречается терминов «тиун», «наместник», «волостель», а упоминаются «воеводы», «дьяки», «приказные люди». Новой нормой является и установле-

Содержание статей несудимого раздела диспозитии	Грамота 1613 г.	Грамота 1624 г.
Неподсудность монастырских людей светским властям	«...и наместники на вологодские и володские тех их людей не судят ни в чем, оприч, душегубства и розбоя полничным...»	«...Воеводы наши и дьяки и всякие приказные люди ...не судят ни в чем, оприч душегубства и розбоя и татбы с полничным и кормов своих и конских на них не емлют и не вылают к ним ни по что...»
Подсудность монастырским властям	«...А судит их игумен Иоил с братьею сам во всем, или кому своим приказным людем прикажет...»	«...А ведает и судит монастырских людей и крестьян игумен з братьею сами во всем или кому прикажут...»
Общее положение о «местном» суде	«...А случится суд местной городским и волостным и сельским людем с монастырскими людьми, и тиун и поселские судят, а игумен с ними же судит, или кому прикажет...»	«...А случится суд местной монастырским людем и крестьяном з городскими или с волостными людьми, и воеводы наши и дьяки и приказные люди их судят, а игумен с братьею или их приказщик с ними ж судят...»
Суд для светских лиц	«...А прав будет или виноват городской или волостной, и он наместнику и волостелю...»	
Суд для монастырских	«...А прав будет или виноват монастырской, и он в правде и в вине игумену з братею...»	«...А прав ли будет или виноват монастырской человек, и он в правде и о вине игумену з братьею или их приказщику. А воеводы наши и дьяки в монастырского человека не вступаются ни в правого, нив виноватого...»
Случай иска на монастырских	«...А чеве будет кому искати на игумене и на дьяконе, и на старцах, и на их приказшике, ино судит наш дворецкий...»	«...А кому будет чего искать на игумене з братьею и на их слугах, и на крестьянех, или им на ком чего искати... искати им и отвечать в приказе Большого Дворца в году на три сроки... А в духовном деле игумена з братею судит богомолец наш архиепископ Вологодский и Великопермский...»

В случае сознательного душегубства		«...Учинится у них в монастырской вотчине душегубство, а не будет душегубца в лицах... а за убитую голову дадут веры два рубли. А крестьяном их в том веры и продажи нет. А будет душегубец в лицах...а крестьяном их в том веры и продажи нет же...»
В случае непреднамеренного душегубства		«...Учинится у них душегубство безхитростно...и они того мертвого потому ж воеводам и дьяком и приказным людем явят и про то слышат, что учинил он без хитрости, и в том ... веры и продажи нет же...»
Пиры и братчины		«... На пиры и на братчины к ним не званы не ходят никто...а учинится у них на том пиру, притом незваном, какая гибель, и тому незваному та гибель платити без суда и без правды...»

ние трех сроков для судебных дел на монастырских людей. Впервые в жалованных грамотах Сямскому монастырю в 1624 г. включены статьи о душегубстве, о пирах и братчинах. Вместе с тем в грамоте 1624 г. отсутствует положение о суде для светских лиц, возможно, потому что эту норму посчитали излишней в грамоте, адресованной монастырю. В грамоте 1613 г. используются более архаичные термины — наместники и волостели, вместо которых в 1624 г. названы воеводы и дьяки; тиун вместо воеводы; суд дворянского вместо суда в приказе Большого Дворца.

Таким образом, можно говорить о том, что «новое уложение» для своего времени имело революционное значение. Его основной задачей было резкое сокращение иммунитетных привилегий монастырей: при сохранении освобождения от второстепенных налогов, на монастыри ложилась тяжесть основных государственных налогов. Справедливости ради отметим, что история ограничения тарханских привилегий продолжалась не одно столетие, и в течение XVII в. вышел целый ряд специальных указов, посвященных этому вопросу [6, с. 73—77]. Новое уложение занимает место в этом ряду. Однако все попытки правительства окончательно ликвидировать тарханские привилегии успеха не имели вплоть до эпохи Петра I.

Еще одной задачей «нового уложения» было привести принципы церковного суда в соответствие с действующим законодательством. Стремлением к унификации церковного суда объясняется обстоятельная разработка данных вопросов в текстах выдававшихся жалованных грамот. Подобные процессы отразились и в жалованных грамотах светским лицам, которые также пересматривались в связи с необходимостью указывать новые права распоряжения вотчиной [6, с. 55—56, 67—68]. В том, что жалованные грамоты чутко следуют за изменением законодательства, угадываются приметы нового времени. «Новое уложение» подразумевало также унификацию вопросов, связанных с монастырской торговлей, пирами и братчинами и др. Создание специального Сыскного приказа для пересмотра грамот только подтверждает особый характер уложения.

Все сказанное позволяет говорить о «новом уложении» как своего рода реформе церковного иммунитета, касавшейся многих сторон монастырской жизни. Слова Веселовского о необходимости реконструкции «нового уложения», сказанные более ста лет назад, до сих пор актуальны.

Список литературы

1. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. — М.: Наука, 1975. — 607 с.
2. Веселовский С.Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630-е гг. в Сыскных приказах. — М.: тип. штаба Моск. воен. округа, 1907. — 2, 31 с.
3. Каштанов С.М. Актовая археография. — М.: Наука, 1998. — 318 с.
4. Каштанов С.М. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот // Исторический архив. — 1956. — № 3. — С. 211—217.
5. Каштанов С.М. Русская дипломатика. — М.: Высшая школа, 1988. — 231 с.
6. Комочев Н.А. Царские жалованные грамоты светским лицам (1613—1696): источниковедческое исследование / Н.А. Комочев. — М.: РГГУ, 2016. — 135, 3 с. URL: <http://elibrary.ru/000009902> (дата обращения: 10.09.2018).
7. Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. — СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1890. — 557 с.
8. Незабитовский В.А. О податной системе в Московском государстве со времени установления единодержавия до введения подушного оклада Петром Великим (Историческое исследование, написанное в 1852 г. на степень магистра государственного права) // Незабитовский В.А. Собр. соч. — Киев: изд-во ун-та св. Владимира, 1884. — С. 2—71.
9. Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. — Киев: тип. 2-й артели, 1913. — Ч. 1. — 388, I, VI с.

Рецепты Аптекарского приказа XVII в. как исторический источник: источниковедческий потенциал

Аннотация. Статья посвящена источниковедческому потенциалу рецептов Аптекарского приказа. Помимо собственно истории медицины, этот подвид делопроизводственной документации дает исторический материал для социальной истории. Кроме того, комплексное изучение этого корпуса документов с использованием источниковедческих и статистических методов позволяет установить социальный состав пациентов и частично дополнить их биографии, оценить объем потребления лекарств, а также доходы и расходы Аптекарского приказа от их реализации.

Ключевые слова: раннее Новое Время, XVII в., Россия, Аптекарский приказ, источниковедение, история медицины, социальная история.

Cyril S. Khudin

RESCRIPTIONS SUCH AS A HISTORICAL SOURCE BY
APOTHECARY CHANCERY IN XVII CENTURY: CAPABILITY OF
SOURCES

Abstract. The paper talks about the capability of the source such as prescriptions by Apothecary Chancery — the medical department in the Early Modern Russia. The type of source gives the information for social history, not only medical history. It makes possible establishes social structure and partially completes the biographies. In addition, the integrated study including source study and statistics. It makes possible to estimate amount consumed of remedies and gross volume of Apothecary Chancery's receipts and expenditures.

Keywords: Early Modern time, Seventeenth Century, Russia, Apothecary Chancery, source study, medical history, social history.

Делопроизводственные документы Аптекарского приказа неоднократно попадали в поле интересов исследователей. Наибольшее внимание было сосредоточено на них в конце XIX — нача-

ле XX вв., когда была опубликована существенная часть корпуса этих источников. Эти публикации, тем не менее, не охватили весь комплекс документальных материалов: за рамками в основном остались документы последней четверти XVII в., кроме того, отбор материала производился до известной степени бессистемно. Так, в частности, такой важный источник как рецепты практически не публиковались. Между тем, представляется, что источниковедческий потенциал этого подвида делопроизводственных документов [3, с. 154] не до конца оценен.

Исследователи, конечно, обращались к этой группе источников. Так, кандидатская диссертация филолога О.Г. Олехнович основана на публикациях XIX в. [4] и в ней она рассматривает словоупотребление различных терминов, а также происхождение медицинской лексики в России. Важно, однако, подчеркнуть, что информативные возможности этого источника гораздо шире, чем история медицины. Но до сих пор никто из исследователей не рассматривал этот источник в связи с изучением социальной истории. Рассмотрим некоторые его особенности.

Рецепт — самоназвание этого источника уже в XVII в. — представляет собой перечень лекарственных препаратов с указанием веса (в золотниках или фунтах), выписанных для конкретного лица. Рецепты написаны латиницей, и чаще всего сопровождаются переводом, подклеенным к листу с рецептом или написанному на обороте. Некоторые рецепты дошли до нас без перевода, по всей видимости, он утрачен позднее. Некоторые рецепты сохранились лишь на русском языке, однако из-за неполноты последних не всегда возможно установить: *что* перед нами — перевод с латинского оригинала или же приказная выписка.

В большинстве случаев указано для кого создавался рецепт, а также имя доктора Аптекарского приказа, который составлял этот рецепт (например, «по росписи дохтура Ягана Костера зделаны составы») [5]. Непосредственным изготовлением этого лекарства, как правило, занимался аптекарь Аптекарского приказа, его имя также бывает указано отдельно (например, «оптекарь Ондрей делал») [6]. В редких случаях, но всё же встречается упоминание болезни, от которой собираются лечить пациента, но эти указания часто носят довольно общий характер (например, ««принимать по бумашке за два часа перед лихорадкою в водке с ниже писанною») [7]. Поставить современный диагноз на их основе пока не представляется возможным.

¹ Худин Кирилл Станиславович — младший научный сотрудник отдела специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории Российской Академии наук, Москва, Россия. e-mail: khudin1988@yandex.ru

Cyril S. Khudin — Junior researcher of the Special Historical Disciplines Department, Institute of World History, Russian Academy of Science. Moscow, Russia.

Важно отметить, что почти всегда рецепт датирован и это датировка по летоисчислению от Рождества Христова, которую проставлял доктор, составлявший рецепт. Сочетание всех этих факторов, а также фактически поденное составление рецептов позволяет дополнить и уточнить биографии множества людей XVII в.

Не считая значительного корпуса рецептов, прописанных королевице Вольдемару и его свите в 1644—1645 гг. [8], фактически первые известные нам рецепты были составлены для боярина Б.И. Морозова в 1661 г. [9; 10] Ранее мы обнаруживаем лишь косвенные упоминания различных ингредиентов в хозяйственной документации Аптекарского приказа и упоминания о том, что то или иное лекарственное средство взято «про Государев обиход». Справедливости ради, стоит отметить, что к тому же сентябрю 1661 г. относится один рецепт для боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукова, а к концу ноября — еще четыре рецепта для Ильи Даниловича Милославского, а также по одному рецепту для стрельца Кирюшки Федорова и полковника Ф.Т. Зыкова, против 18 рецептов для Морозова [9; 10]. Между тем, после 1663 г. количество рецептов начинает возрастать волнообразно: 1663 г. — 4 ед. хр.; 1664 г. — 4 ед. хр.; 1665 г. — 8 ед. хр.; 1666 г. — 10 ед. хр.; 1667 г. — 37 ед. хр.; 1669 г. — 4 ед. хр.; 1670 г. — 3 ед. хр. Рецепт 1693 г. ошибочно датирован в описи 1633 г. и не может считаться ранним [11]. Наиболее поздние рецепты Аптекарского приказа датированы 1704 г. [12]. Значительная часть рецептов отложилась в Отделе рукописей РНБ — на сегодняшний день удалось выявить 48 единиц хранения общим объемом около 500 листов.

Социальный состав пациентов весьма разнообразен. Это аристократия: бояре, окольные, стольники [9, 10]; духовенство: вселенские патриархи Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский [13], духовник царя, протопоп Благовещенского собора, Лукьян [14]; служилые люди: например, дьяк Посольского приказа В.И. Бабинин [15]; ремесленники: например, мастер резного дела старец Ипполит [16] и даже крестьяне [17]. К дополнению некоторых биографий могут привести анализ некоторых помет в рецептах. Так в рецепте от 8 мая 1682 г. для дьяка Бабинина сказано: «Роспись, что надобно лекарств... от ран и от убою» [15]. На факт ранения дьяка биографические справочники не указывают [18, с. 54; 19, с. 70—71].

Сам по себе факт безденежного отпуска лекарственных средств из царской аптеки уже свидетельствует о привилегированном ста-

туса пациента и его близости ко двору. В качестве примера можно рассмотреть документы, связанные с отпуском лекарств в канун московского восстания 1682 г.

Вскоре после смерти царя Феодора Алексеевича была составлена роспись людей, получавших лекарства безденежно. В ней фигурировали Одоевские: боярин князь Никита Иванович, боярин князь Яков Никитич, боярин князь Юрий Михайлович, боярин и дворецкий князь Василий Федорович, а также боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков, боярин князь Федор Федорович Куракин, боярин Иван Богданович Хитрово, боярин Иван Максимович Языков, постельничий Алексей Тимофеевич и казначей Михаил Тимофеевич Лихачевы. Не позднее 17 мая, в самый разгар бунта, последние пятеро были вычеркнуты из списка. В приписке к росписи были добавлены имена боярина Кирилла Полуктовича Нарышкина, боярина и оружничего Ивана Кирилловича Нарышкина, стольника Афонасия Мартемьянова, Федора Нарышкина, боярина Артамона Сергеевича Матвеева с сыном Андреем Матвеевым.

Этот источник отражает придворную борьбу, которая разразилась в первой половине мая [20]. В ходе восстания пострадали представители всех трех группировок: Ю.А. Долгоруков, И.К. Нарышкин, А.С. Матвеев и И.М. Языков были убиты; Андрею Матвееву и братьям Лихачевым чудом удалось спастись [21]. Примечательно, упоминание Ивана Богдановича Хитрово после смерти царя Федора Алексеевича — ранее последнее упоминание о нем относили к январю 1682 г. [22].

Представляется, что в существенной мере именно близость к царю и его семье определяли то, во сколько обойдется казне тот или иной рецепт. Иными словами, дорогие препараты использовали для привилегированных пациентов, а дешевые — для обычных. Таким образом, стоимость рецепта может отражать социальное положение пациента.

В рецептах, отпускавшихся безденежно, как правило, не указана стоимость лекарств, но мы можем вычислить ее довольно приблизительно, привлекая такой источник как «Алфавитный перечень лекарств с обозначением их стоимости» [21]. Он содержит ценную информацию о стоимости лекарственных средств в XVII в. и кроме того, демонстрирует огромное разнообразие и широту применения различных средств в медицине того времени. В описи он не датирован. По почерку может быть отнесен ко вто-

рой половине XVII в. Документ написан на 14 листах в 4°, и скреплен в книгу. Используя методы филигранологии, удалось установить, что на бумаге имеются филигранные, относящиеся к типу т.н. «Агница пасхального». Более всего бумажный знак схож с образцами № 1480 (1658) в альбоме Гераклитова и № 2—12 в каталоге рукописных источников ГИМ, более всего с № 3 (1646), 4 (1646) и 12 (1673) [22, с. 223; 23, с. 9—10].

Поскольку создание этого источника связано с неким переломным моментом в деятельности приказа, то исходя из датировки можно отнести: 1) ко времени назначения в Аптекарский приказ дьяка Ивана Десятого (1648/49); 2) ко времени масштабного расширения производственного комплекса Аптекарского приказа и переноса его от стен Кремля в Огородную слободу (1658); 3) ко времени отстранения от должности дьяка Ивана Десятого и преобразования единого приказа в Старый Аптекарский Приказ и Приказ Новой Аптеки (1672). Для уточнения происхождения источника нужно более детальное изучение филигранных. Числительные в тексте записаны цифирью. Текст написан разными, перемежающимися друг друга почерками. Можно выделить, как минимум, два почерка: основной (которым написаны заглавия алфавитных статей) и другой почерк, который назовем дополнительным. Важно подчеркнуть, что почерки относятся к одному времени, т.к. следуют вперемежку — следовательно, тетрадь заполнялась двумя людьми. Учитывая разную плотность текста на странице, заголовки были составлены сначала, а названия вписывались под необходимой литерой постепенно, по мере описания аптекарских запасов.

При комплексном изучении рецептов Аптекарского приказа можно установить следующее: социальный состав пациентов; положение пациента в социальной иерархии и его близость к правящей династии; объемы потребления лекарственных средств; уровень доходов и расходов Аптекарского приказа при реализации лекарств.

«Алфавитный перечень» будет опубликован в приложении к кандидатской диссертации автора этих строк. Представляется, что такой важный источник, безусловно, нуждается в более широком распространении.

Список литературы

1. Матерьялы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1629 по 1682 гг.: в 4 вып. / под ред. Н.Е. Мамонова. — СПб., 1881—1885. — 1304 с.
2. Новомбергский Н.Я. Материалы по истории медицины в России: в 4 т. — СПб., 1905—1910.
3. Каштанов С.М. Русская дипломатика. — М.: Высшая школа, 1988. — 230 с.
4. Олехнович О.Г. Медицинская терминология в «Делах Аптекарского Приказа»: XVII в.: дис. ... канд. филолог. наук. — Екатеринбург, 2000. — 307 с.
5. Отдел рукописей Российской национальной Библиотеки (ОР РНБ). Ф. 532 (Основное собрание актов и грамот). Оп. 2. Д. 1641. Л. 4
6. ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 2. Д. 1642. Л. 3
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 143 (Аптекарский приказ). Оп. 2. Д. 1372. Л. 391
8. РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 208—212.
9. РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 34. Д. 51878.
10. РГАДА. Д. 51894.
11. РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 22.
12. РГАДА. Оп. 2. Д. 1623.
13. ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 2. Д. 1647. Л. 1; Там же. Д. 1660. Л. 1; Там же. Д. 1670. Л. 1
14. РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 705. Л. 1.
15. РГАДА. Д. 1372. Л. 334.
16. РГАДА. Л. 376.
17. РГАДА. Л. 266.
18. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XVI—XVII вв. — М.: Наука, 1975. — 607 с
19. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625—1700): биографический справочник. — М.: Памятники исторической мысли, 2011. — 717, [2] с.
20. РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1372. Л. 322.
21. Поденные записи очевидца московского восстания 1682 года / А.П. Богданов // Советские архивы. — № 2. — 1979. — С. 34—37.
22. Русский биографический словарь А.А. Половцова. — СПб., 1901. — Т. 21. — С. 332—333.
23. РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1а. (Опубл.: Худин К.С. Документы Аптекарского приказа (1629—1672 гг.) как исторический источник. Дисс. ... канд. ист. наук. Приложение № 3).
24. Гераклитов А.А. Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — 259 с.
25. Филигранные XVII века по рукописным источникам ГИМ: Каталог. — М.: ГИМ, 1988. — 246 с.

Русско-персидские грамоты первой половины XVII в.: к вопросу о публикации источников

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о публикации русско-персидских грамот первой половины XVI в. по нормам современной археологии. Данные грамоты были частично опубликованы в XIX в. востоковедом Н.И. Веселовским. Они являются ценным источником по истории дипломатических сношений двух стран первой половины XVII в. и объектом внимания отечественных и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: русско-персидские грамоты, первая половина XVII в., публикация исторических источников, палеография, кодология, формулярный анализ, Н.И. Веселовский.

Olga B. Bokareva

THE RUSSIAN-PERSIAN LETTERS OF THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY (TO THE QUESTION OF PUBLICATION OF SOURCES)

Abstract. In this article is considered the question of publication of Russian-Persian letters of the first half of the XVI century according to the norms of modern archaeology. These letters were partially published in the nineteenth century orientalist N.I. Veselovskii. They are a valuable source on the history of diplomatic relations between the two countries of the first half of the XVII century and the object of attention of domestic and foreign researchers.

Keywords: the russian-persian letters, the first half of the XVII century, the publication of historical sources, paleography, codicology, formal analysis, N.I. Veselovskii.

Помимо проблемы комплексного изучения исторических источников одним из актуальных вопросов гуманитарного научного знания является вопрос об их публикации по правилам архео-

графии. При издании рукописных русско-персидских грамот важным является правильная передача особенностей текста, составление научно-справочного аппарата к изданию и указание на результаты палеографического и кодикологического анализа.

Большая работа по публикации исторических источников по сношениям России с Персией конца XVI в. — первой четверти XVII в. была проделана востоковедом, членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук, членом Императорской Археологической комиссии и Археологического общества, председателем разряда военной археологии и археологии Императорского русского военно-исторического общества, профессором Петербургского университета Н.И. Веселовским. В серийное издание «Памятников дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией» в трех томах вошли исторические источники из 6 первых «персидских» посольских книг, отдельные грамоты, проект межгосударственного договора 1600 г., материалы из столбцов и россыпи [1]. Для этого издания характерны: правописание и синтаксис XIX в., ссылки на особенности рукописей, уточнения исторического и топографического характера, ошибки и разночтения в именах, отсутствие научно-справочного аппарата. Последнее обстоятельство вынудило Веселовского опубликовать дополнение к публикации [2]. Помимо публикации Веселовского других изданий русско-персидских грамот первой половины XVII в. не было.

Всего в дипломатической коллекции РГАДА сохранилось 505 архивных дел [3]. Отдельных русско-персидских грамот (подлинников XVII в. и списков XVIII в.) за 1603—1717 гг. сохранилось 92 архивных дела. В настоящее в РГАДА насчитывается 81 русско-персидская грамота, так как 11 дел были переданы в НКВД в 1946 г. [4]. За первую половину XVII в. сохранилась 41 отдельная русско-персидская грамота: 28 иранских и 13 русских грамот [5].

При реконструкции всего массива русско-персидских грамот за первую половину XVII в. конечно необходимо учитывать все источники, осуществляя поиск грамот в текстах семи «персидских» посольских книгах за данный период, а также среди источников, сохранившихся в столбцах и существующих в россыпи. На первоначальном этапе могут быть рассмотрены указанные грамоты из второй архивной описи «персидского» фонда. Данная опись (реестр) была составлена в 1804 г. А.Ф. Малиновским, занимавшимся разработкой обзоров архивной документации МГА МИД. В реестр не вошло несколько ветхих грамот (помещены в рос-

¹ Бокарева Ольга Борисовна — и.о. старшего научного сотрудника Архива РАН, аспирант кафедры вспомогательных и специальных исторических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета. Москва, Россия. e-mail: bokareva.olya@mail.ru

Olga B. Bokareva — acting senior researcher of the Archive of Russian Academy of sciences, graduate student of the Department of auxiliary and special historical disciplines of the Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

сыпь): две грамоты царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича к персидским шахам, а также ряд непереуведенных грамот на «татарском» языке [6].

Всего можно выделить пять тематико-хронологических групп грамот.

I группа представлена семью персидскими верительными и проезжими грамотами 1603—1610 гг. шаха Аббаса I [7]. Грамоты были переведены в Посольском приказе в XVII в. и переписаны служащими архива в XVIII в., проводившими инвентаризацию старых рукописей (бумага с филигранями Большой Ярославской мельницы С.Я. Яковлева: «медведь с секирой на плече», литерами «ЯМСЯ» и датой «1781») [8]:

1. Перевод проезжей грамоты к царю Борису Годунову (прислана с послами Али Кулы-беком и Рухуллы-беком в 1603 г.);

2—3. Переводы верительной грамоты (прислана с послом Се[ид] Азимом) и проезжей грамоты (с послом Амиром Заде) к Лжедмитрию I в 1605 г.;

4. Перевод проезжей грамоты к царю Василию Шуйскому (1607 г.);

5—6. Переводы «известительной» грамоты (о взятии Шемахи у турок) и «уведомительной» грамоты (об отпуске из Шемахи русских пленных; царский титул сохранен, имя пропущено). Б/г;

7. Перевод проезжей, ответной грамоты к королю Священной Римской империи Рудольфу II (прислана в 1610 г.).

Сведения об отдельных грамотах в Описях Посольского приказа 1614 г., 1626 г. и 1673 г. нет. Возможно, они упомянуты как «грамоты от кизылбашского Аббас-шаха и от его ханов к Борису Годунову, как был в правителех» [9] и «связочка старых кизылбашских грамот, присланных к... царю Борису в розных годех... ветхи гораздо, исподраны и потлели» [10, с. 82]. Удалось установить, что данные грамоты были опубликованы в упомянутом издании Веселовского [11, с. 252—255].

II группа представлена десятью грамотами за 1613—1617 гг. [12]. Это шесть копий царских и четыре перевода персидских верительных и проезжих грамот царя Михаила Федоровича и шаха Аббаса I:

1—2. Копии царских «известительных» верительной грамоты (отправлена с послом М.Н. Тихановым в ноябре 1613 г.) и проезжей грамоты (отправлена с гонцом И. Бреховым и послом Амиром Али-беком в июле 1614 г.);

3. Перевод персидской «поздравительной» грамоты (прислана с гонцом-купчиною Хо[джа] Муртазою в декабре 1614 г.);

4. Копия царской ответной грамоты (отправлена с гонцом-купчиною Хо[джа] Муртазою в июле 1615 г.);

5—6. Переводы персидских верительной грамоты (прислана с послом Булат-беком в августе 1615 г.) и ответной грамоты (прислана с вернувшимся в Московское государство гонцом Г. Шахматовым в июне 1616 г.);

7—8. Копии царских проезжей грамоты (отправлена с посланником Ф.И. Леонтьевым в апреле 1616 г.) и «известительной о Грузинской земле» грамоты (отправлена с гонцом к Леонтьеву в Персию в июне 1616 г.);

9. Перевод персидской проезжей грамоты (прислана с купчиною Махметом (Мохаммедом) Казимом в 1616 г.);

10. Копия царской проезжей грамоты (отправлена с возвращающимся в Персию купчиною Махметом (Мохаммедом) Казимом в феврале 1617 г.).

Грамоты в копиях XVIII в. на бумаге с филигранями ярославской бумажной мануфактуры выписаны из первоисточников в столбцах и «розни кизылбашской» [10, с. 228, 285, 342; 13, с. 350—352]. Они были частично опубликованы Веселовским [11, с. 256—258, 361—366, 418—419; 14, с. 41—43, 134—135, 172—177, 291, 295—297, 365—369].

III группа грамот представлена шестью верительными и проезжими грамотами за 1618—1626 гг. [15]. Это три копии царских грамот, два перевода персидских грамот к царю и патриарху, одна подлинная грамота от шаха Аббаса I к астраханским воеводам:

1—3. Копии царских грамот: верительной грамоты об оставшемся в Персии купчине Д. Ивашеве (отправлена с послом М.П. Барятинским в мае 1618 г.) и ответной грамоты (отправлена с посланником В.Г. Коробьиним в сентябре 1620 г.);

4—5. Переводы персидских верительной грамоты (отправлена с послом Булат-беком в январе 1621 г.) и проезжей грамоты (отправлена с купчиною Агой Асаном в декабре 1623 г.);

6. Персидская проезжая грамота (отправлена к астраханским воеводам с купчиною Агой Асаном в апреле 1626 г.).

Подлинная персидская грамота 1621 г. написана почерком «насталик» на бумаге, имеющей восточное происхождение. На грамоте есть оттиск шаховой печати. По своему состоянию она ветхая. Русский перевод является копией XVIII в. (филигрань

Великосельской фабрики И.С. Яковлева: герб Ростовского уезда (олень) без щита на постаменте и дата «1788»). Он выписан из столбца и упомянут в посольской книге № 6 [16].

Копии грамот были выписаны из столбцов. Они упомянуты в Описях 1626 г. и 1673 г. [10, с. 228, 286; 13, с. 352—353]. Грамоты были частично опубликованы Н.И. Веселовским [14, с. 369].

IV группа грамот представлена 13 верительными и проезжими грамотами за 1628—1645 гг. [17]. Это три копии царских грамот и девять персидских грамот (частично подлинных, частично — в переводах), один ханский проезжий «лист» к астраханским воеводам. Источники охватывают период контактов царя Михаила Федоровича с шахами Сефи I и Аббасом II:

1—2. Персидские верительная грамота (прислана с послем Имам Кулы-беком) и ответная грамота (прислана с послем Хаджи-беком) 1628 г.;

3. Персидская верительная грамота (с послем Мурул-беком ок. 1634 г.);

4. Шемахинский проезжий «лист» хана Фарука (прислан к астраханским воеводам в 1635 г.);

5. Персидская «уведомительная» грамота (прислана с гонцом Имам Берды-беком в 1636 г.);

6—8. Переводы персидских верительной (прислана с послем Асан-беком в марте 1641 г.) и двух «известительных» грамот (присланы к послу Асан-беку в мае 1641 г.);

9. Копия царской «известительной» грамоты (о скоростижной смерти посла Асан-бека в Москве и о возложении обязанностей посла на его брата Сары-хан-бека), сентябрь 1641 г.;

10. Копия царской верительной грамоты (отправлена с послем С.В. Волынским в мае 1642 г.);

11. Перевод персидской ответной грамоты (присланная с послем Волынским от шаха Аббаса II в октябре 1644 г.);

12. Перевод персидской верительной грамоты (прислана с послем Агой Асаном в декабре 1644 г.);

13. Копия царской ответной грамоты (отправлена с послем Агой Асаном в мае 1645 г.).

Подлинные персидские грамоты и ханский «лист» переведены (кроме «приветственной и дружеской» грамоты Сефи I к патриарху Филарету, присланной с послем Хаджи-беком в 1628 г.). К «Листу» шемахинского Фарук-хана приложен перевод XVII в. Грамоты ветхие: филигранные не видны, бумага восточная. В них

присутствуют оттиски личных печатей с арабской вязью. Копии царских и переводы персидских грамот написаны на бумаге бумажных мануфактур С.Я. Яковлева и А.А. Гончарова [18]. Грамоты не были опубликованы, упомянуты в посольских книгах № 9 и № 11 [19], а также в Описи 1673 г. [13, с. 346—347, 350, 353—355].

V группа представлена пятью грамотами за 1647—1650 гг. [20]. Это копия «любительной» царской грамоты и четыре перевода персидских верительных и проезжих грамот периода сношений царя Алексея Михайловича с Аббасом II:

1. Перевод персидской «известительной» грамоты о купчине А. Грибове в Персии (прислана в январе 1647 г.);

2—3. Переводы персидских верительной (прислана с послем Магмет Кулы-беком) и проезжей грамоты (прислана с купчиной Беджан-беком), январь 1650 г.;

4. Перевод шемахинской проезжей грамоты (прислана с Кудай Берды-беком от Хосров-хана в январе 1650 г.);

5. Копия с ответной «любительной» царской грамоты (отправлена с послем Магмет Кулы-беком в мае 1650 г.).

Копия царской и переводы персидских грамот выполнены на бумаге Большой Ярославской мельницы С.Я. Яковлева, выписаны из столбцов и посольской книги № 12 [21]. Грамоты не были опубликованы, упомянуты в Описи 1673 г. [13, с. 347, 350, 355—356].

Подлинники и копии русско-персидских грамот являются ценным источником по истории дипломатических сношений двух стран в первой половине XVII в., привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей (согласно листу использования архивных дел). Несмотря на ветхое состояние некоторых из них представляется возможным провести их палеографический, кодикологический и формулярный анализ, реконструировать полный комплекс русско-персидских грамот за первую половину XVII в.

Первоисточники копий и переводов грамот сохранились в столбцах, «персидских» посольских книгах [22]. Грамоты упоминаются в Описях архива Посольского приказа 1614 г., 1626 г. и 1673 г., а также в трудах Н.И. Веселовского и П.П. Бушева [23, 24].

Несмотря на то, что русско-персидские грамоты первой половины XVII в. частично представлены в серийном издании Веселовского, а также учитывая, что они не были микрофильмированы, представляется актуальным их научная археографическая публикация. Актуальным представляется и размещение текстов грамот на информационном сайте «Восточная Литература» [25].

1. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3 т. / под ред. Н.И. Веселовского. — СПб., 1890—1892. — Т. 1. Царствование Федора Иоанновича. — СПб., 1890. — 453 с.; Т. 2. Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича. — СПб., 1892. — 445 с.; Т. 3. Царствование Михаила Федоровича (продолжение). — СПб., 1898. — 731 с.
2. Веселовский Н.И. Погрешности и ошибки при издании документов по сношению русских государей с азиатскими владельцами. — СПб., 1910. — 32 с.
3. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Книги и дела (столбцы, россыпь). Л. П. Справка о составе фонда: проверка наличия Ф. 77. Сношения России с Персией была проведена 28.03.1947 г. сотрудниками ЦГАДА В.Н. Шумиловым и А.П. Левецкой с обнаружением 505 ед. хр.: Оп. 1. 396 ед. хр.; Оп. 2. 81 ед. хр.; Оп. 3. 15 ед. хр.; неописанных грамот и трактатов — 13 ед. хр.
4. РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Грамоты. Д. 1—81. Л. 1—21.
5. РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Грамоты. Д. 1—41. Л. 1—9.
6. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Столбцы. Д. 84. [1621—1623 гг.]. Д. 85. [1642 г.]. Д. 86. 1640—1670 гг.
7. РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Грамоты. Д. 2—8.
8. Клепиков С.А. Филигранные и штамповые печати на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. — М., 1959. — С. 193.
9. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. — М., 1960. — С. 90.
10. Опись архива Посольского приказа 1626 года. — М., 1977. — Ч. 1.
11. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. — СПб., 1892. — Т. 2. — 445 с.
12. РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Грамоты. Д. 9—18.
13. Опись архива Посольского приказа 1673 года. — М., 1990.
14. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. — СПб., 1892. — Т. 3. — 731 с.
15. РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Грамоты. Д. 19—24.
16. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Книги. Д. 6. Л. 418—421.
17. РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Грамоты. Д. 1. Л. 25—36.
18. Участкина З.В. Водяные знаки русской бумаги // Труды ИИЕТ. — М., 1956. — Т. 12. — С. 320.
19. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Книги. Д. 9. Л. 28—40, 77—78, 201—208, 291—293, 294, 296—300, 477—529; Д. 11. Л. 242—245, 369—377.
20. РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Грамоты. Д. 37—41.
21. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 12. Л. 26—26 об., 28—41, 198—203, 349—356.
22. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Столбцы. Л. 87—154, 244—251; Оп. 1. Д. 6, 9, 11, 12.
23. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. — М., 1976. — 478 с.
24. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613—1621 гг. — М., 1987. — 278 с.
25. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 31.08.2018).

Эволюция формул репрезентации патриаршей власти в России XVII в. (по патриаршим настольным грамотам)

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция представлений о патриаршей власти в публично-правовом пространстве на основе текстов патриарших настольных грамот XVII в. Проведен сравнительный анализ текстов настольных грамот патриархов Филарета, Иоасафа I, Иосифа, Питирима и Иоакима. Особое внимание в исследовании уделялось тем частям настольных грамот, в которых прописаны обязанности патриарха как главы русской церкви и «послушной» части, обращенной к пастве. На протяжении XVII в. содержание этих разделов претерпело значительные изменения: было серьезно расширено, дополнено и формализовано.

Ключевые слова: патриарх, русская церковь, настольные грамоты, власть.

Irina A. Ustinova EVOLUTION OF FORMULAS OF REPRESENTATION OF PATRIARCH'S POWER IN THE XVII CENTURY RUSSIA (IN NASTOL'NYE GRAMOTY OF PATRIARCHS)

Abstract. The article examines the evolution of the notion of Patriarch's power in the public law space based on the texts of the nastol'nye gramoty of patriarchs 17th century. The article contains a comparative analysis of the texts of the nastol'nye gramoty of the patriarchs Filaret Nikitich, Joasaph I, Joseph, Pitirim and Joachim. Particular attention in the study was given to those parts of the nastol'nye gramoty in which the responsibility's of the Patriarch as the head of the Russian Orthodox church and the "obedient" part addressed to the congregation are prescribed. In the 17th century the contents of these sections underwent significant changes: it was seriously expanded, supplemented and formalized.

Keywords: Russian Orthodox Church, Patriarch, nastol'nye gramoty, power.

¹ Устинова Ирина Александровна — старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: ilustinova@yandex.ru

Irina A. Ustinova — Candidate of Historical Sciences, Senior researcher, Centre of History of Russian feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Одним из древнейших церковных документов являются ставленные и настольные грамоты духовным лицам. В первохристианские времена ставленные грамоты давались священнослужителям для подтверждения факта их поставления как в своей епархии, так и при посещении других. О существовании таких грамот упоминает ап. Павел, они зафиксированы в 12 и 33 апостольских правилах [1, с. 103]. Правила выдачи и оформления ставленных грамот обсуждались на Антиохийском, Лаодикийском и Коринфском соборах. С VI в. их выдача стала обязательной во всей христианской ойкумене [1, с. 105]. В них фиксировались достоинства поставляемого, его права и обязанности, грамоты свидетельствовались епископом с указанием места и времени поставления, утверждались печатями. На Русь практика выдачи ставленных грамот, вероятно, пришла с принятием христианства; первые документальные свидетельства о них относятся к началу XII в. Правила их выдачи зафиксированы в Славянской Кормчей, а позднее в Стоглаве (ст. 69).

Особым видом ставленных грамот являются грамоты настольные, выдававшиеся настоятелям соборов, монастырей и архиереям [2, 3]. Глава русской церкви — патриарх, получал настольную грамоту от церковного собора, который, согласно Правилам Апостолов и грамотам вселенских патриархов 1590 и 1593 гг. об учреждении на Руси патриаршества, был обязателен при избрании русского первосвященника. Большая часть настольных грамот русских патриархов XVII в. известна исследователям (хотя многие из них до сих пор не были опубликованы): Филарета 1626 г. [4], Иоасафа I 1634 г. [5], Иосифа 1642 г. [6], Иоасафа II 1667 г. [7], Питирима 1672 г. [8], Иоакима 1674 г. [9]. Настольные грамоты патриархов Смутного времени, патриархов Никона и Адриана в настоящее время неизвестны (утрачены). Оригинал каждой из сохранившихся патриарших настольных грамот написан на одном большом александрийском листе, покрытом шелковой тканью, украшены богатым орнаментом. Лист с текстом грамоты с помощью разноцветных шнурков скреплен со вторым, чистым, листом. К шнуркам привешены восковые печати архиереев — участников избирательного церковного собора. На обороте настольной грамоты архиереи ставили свои подписи (исключением является грамота патриарха Иоасафа I, где подписи поставлены как на обороте, так и на лицевой стороне грамоты по окончании ее текста). Подобным образом оформлялись и архиерейские настольные грамоты [см., например: 10].

Общая структура настольных грамот в целом сходна: они открываются богословской преамбулой (краткой в грамотах первой половины века и весьма обширной в грамотах второй половины века), далее следует описание причин и обстоятельств созыва церковного собора для избрания патриарха, поименный перечень его участников, обоснование легитимности действий собора, сообщение о поиске собором достойного кандидата и процедуры его избрания по совету с государем. В следующей части грамоты содержится своеобразный наказ новому патриарху — перечень его обязанностей по отношению к пастве и церкви с одной стороны, и паствы к нему — с другой. Грамота завершается обязательным указанием на место (Москва, Успенский собор) и время (год, месяц, день от сотворения мира, индикт — в грамотах первой половины века, год, месяц и день от сотворения мира и от Рождества Христова — в грамотах второй половины века) проведения собора.

В настоящей статье объектом исследования стали тексты сохранившихся настольных грамот русских патриархов XVII в., не привлекавшие достаточного внимания в историографии. Несмотря на сходство формуляра грамот, каждая из них представляет собой уникальный исторический источник, отражающий особенности ситуации поставления первосвященника. Например, в грамоте патриарха Филарета вступительная часть посвящена подробностям учреждения патриаршества на Руси и обстоятельствам утраты настольной грамоты 1619 г. Настольная грамота патриарха Питирима содержит очень подробное изложение основных событий истории русской церкви от принятия христианства, установления автокефалии и патриаршества до оставления престола Никоном. Вполне очевидно, что в обоих случаях духовная и светская власти стремились зафиксировать «правильный» взгляд на ситуацию в русской церкви, утвердить обоснованность, юридическую силу поставления нового патриарха. В настольной грамоте патриарха Иоакима историческая преамбула уступает богословским рассуждениям о добродетели смирения, весьма актуальной в годы разрастания раскола. Настольные грамоты — публично-правовой акт, юридически закрепляющий поставление нового патриарха, утверждающий его власть, тексты грамот содержат репрезентацию актуальных представлений о месте и роли патриарха в обществе. В этом контексте предметом настоящей статьи является объем патриаршей власти как совокупности взаимных прав и обязанностей патриарха и его паствы и эволюция его представления в текстах настольных грамот XVII в.

В настольных грамотах довольно четко зафиксировано то, что патриарх «долженствует», «должен есть». Наиболее краткий перечень содержит настольная грамота патриарха Филарета: 1) «по преже бывшему исправляти» церковь и «творити в ней елико достоит патриархом»; 2) «блюсти... вся церковная дела»; 3) освящать церкви, поставлять архимандриты и игумены «и прочая»; 4) учить «люди православные» христианскому закону; 5) наставлять заблудших на истинный путь [4, с. 294]. В грамотах патриархов Иоасафа I и Иосифа, которые совпадают между собой текстологически и являются краткой версией настольной грамоты патриарха Филарета, перечень обязанностей дополнен пунктом о миссионерской деятельности: «неверных от различных вер еретических обращати в нашу православную истинную христианскую веру греческого закона». Кроме того, детализирован список поставляемых патриархом священно- и церковнослужителей — «херотонисати в четцы, и в подьяконы, и во дьяконы, и протодьяконы, и протопопы, и игумены, и архимариты, и епископы, и архиепископы, и митрополиты» [5, 6].

«Долженствования» патриарха существенно расширены в настольной грамоте Питирима: 1) «предстательствовати... Новому Сиону православныя церкви российския»; 2) «право правити слово истины» 3) «тщатися... о благостроении же и благочинии во всей своей патриаршей епархии»; 4) править «купно чинно с прочими четырьмя православными патриархи»; 5) церковь «цела блюсти»; 6) «хиротинисати правильно в четцы, и в подьяконы, и во дьяконы, и протодьяконы, архидьяконы, пресвитеры [выделено мной. — И.У.], и протопопы, и игумены, и архимариты, и епископы, и архиепископы, и митрополиты»; 6) непрестанно молиться о царе, царице, царевичах и царевнах (все члены царской семьи названы поименно с титулами), «преизящном царского пресветлого величества сигклите» и, по слову апостола Павла, «за всех иже во власти суть»; 7) учить «словесное стадо Христово» христианскому закону; 8) «израстившее терние злодеяний искореняти»; 9) «истребляти раскольников, адский душевредный пламень... погашати»; 10) еретиков обращать к церкви; 11) быть «обличительну и запретительну... духовного наказания жезлом» к непокоряющимся. Список обязанностей завершается призывом к патриарху «душу свою полагаши за овцы» [8, с. 505—507].

Многие из этих пунктов встречались и в более ранних грамотах (например, пункты 6, 4, 10), хотя в грамоте Питирима они

существенно переработаны риторически. Некоторые из патриарших обязанностей этого списка отсутствовали в настольных грамотах Филарета, Иоасафа I и Иосифа, но новацией не являются. Так, вполне очевидно, что и в первой половине XVII в., как и в более раннее время, глава русской церкви являлся первым молитвенником за главу государства и его семью. Так, в утвердительной грамоте 1619 г. Иерусалимского патриарха Феофана Филарету прямо указано на этот его долг [11, с. 205]. Однако в настольных грамотах 1626, 1634 и 1642 гг. это традиционное «долженствование» не было зафиксировано. Его актуальность возросла в 1660-е гг. в связи с церковным расколом, отказом некоторых противников реформы молиться за царя, личным конфликтом патриарха Никона и царя Алексея Михайловича.

Актуализацию (из грамот 1590—1593 гг. об учреждении патриаршества в России) в грамоте патриарха Питирима требования «править купно с вселенскими патриархами», вероятно, стоит оценивать в контексте борьбы за украинские земли и Киевскую митрополию в 1650—1670-е гг. Е.В. Белякова справедливо отметила, что «борьба с унией на Украине шла под знаменем принадлежности к Константинопольскому патриархату, что сделало его символом православия на украинских землях. Тем важней было показать легитимность московского патриаршества, его связь с Константинопольским патриархатом» [12, с. 272].

Более очевидное новшество представляет собой требование первосвятителю вести борьбу с расколом, поскольку эта проблема возникла лишь накануне поставления Питирима.

В настольной грамоте патриарху Иоакиму продолжилась детализация обязанностей главы церкви. Изменился порядок перечисления этих обязанностей: на первое место был вынесен патриарший долг моления за членов царской семьи, «о устроении... державы... и о его пресветлом царском сигклите, и о воинстве, и о всем христоименитом православно российском народе, и мире всего мира» [9]. Более четко перечислены повседневные обязанности патриарха: совершать таинства, «опрестоловать» антиминсы, освещать миро и проч. Акцент сделан на необходимость борьбы словом с ересями и расколом: заблудших наставлять, «и еретики к православию, и расколницы к единению святых восточных церкви, православия нашему обращати», обращаться к ним со «всяким душеполезным наказанием и научением», «не токмо словесы учити, но и житием своим благим яко солнцу све-

тити», «и ко удобопокарающимся убо кротку быти и милостиву: к непокаряющимся же обличителну и запретителну быти благовременно же и безвременно» [9]. Вероятно, здесь нашло отражение осознание масштабов раскола (начались гари) и необходимости вести диалог со старообрядцами.

После перечисления обязанностей патриарха в настояльных грамотах следует «послушная» часть, в которой перечисляются обязанности паствы по отношению к патриарху. В этом разделе настоящих патриарших грамот также наблюдается значительная эволюция. Прежде всего, изменяется адресат: в грамотах 1626, 1634, 1642 гг. обращение о повиновении патриарху адресовано так: «сынове православнии, чада сущии о Христе, благородные бояре и князи, и архимариты, и игумены, и весь освященный чин, и вси православнии людие» [4, с. 294; 5; 6]. В грамоте патриарха Питирима адресатом выступают уже «преосвященнии архиереи, благороднии бояре и князи, преподобнии архимандриты и игумены и весь освященный чин и вси православнии людие [выделено мной. — И.У.]» [8, с. 507]. Наконец, в грамоте патриарха Иоакима формулировка уточняется так: «мы же смиренные сынове его во Христе преосвященные митрополиты, и архиепископы, и епископы, и весь священный собор... игумени и иеромонаси, и прости иереи... пресвитеры, иереи же и диаконы... благородные же князи бояре, и пресветлаго царского величества сингклитици, и боголюбивое воинство и все православное христианство всякаго чина и возраста» [9]. Таким образом, в грамотах детализируется состав духовного сословия, расписанного по чинам. Кроме того, в грамоте Иоакима духовные чины вынесены на первое место и упоминаются прежде всех светских лиц (даже князей, бояр и проч.). В этой части нашел отражение еще один процесс, развивавшийся во второй половине XVII в. — юридическое оформление духовного сословия и его консолидация [13, с. 192—232].

Перечень обязанностей духовных чад по отношению к патриарху, зафиксированных в настояльных грамотах уточнялся на протяжении XVII в. В грамоте Филарета он предельно краток — ограничивается призывом иметь к нему «благое повиновение, и покорение, и во всем послушание, и духовную любовь» [4, с. 294]. В грамотах Иоасафу I и Иосифу «послушная» часть дополнена словами: «И честь воздавайте ему по преже бывшему евангельскому Христову завещанию» [5, 6].

Вопросы послушания церкви и патриарху во второй половине XVII в. приобрели новое звучание в свете раскола и ужесточения

мер по борьбе с ним с одной стороны, и стремления укрепить и подчеркнуть авторитет официальной церкви — с другой. «Послушная» часть грамоты патриарха Питирима в целом совпадает с текстами более ранних настоящих грамот, но усилена увещанием, что патриарху надлежит повиноваться «яко господину вашему и архипастырю, яко и прежде бывшим святейшим патриархом, яко... Христу честь отдаст... повинуйтеся же ему и покарайтесь по божественному апостолу... слушайте его вси яко самаго Христа» [8, с. 507—508].

Грамота патриарха Иоакима отличается расширением богословской аргументации, содержит обильные цитаты и ссылки на решения вселенских соборов, отцов церкви и проч. Важным новшеством в грамоте становится выделение обязанностей духовного сословия по отношению к патриарху в самостоятельный раздел. Особо оговорена необходимость обращаться к патриарху за советом «о всякой церковной вещи и деле», а патриарху, в свою очередь «призывать... сыны своя на соборы в подобающие времена... за в церковных делех некия прегрешения исправлений ради». Грамота требует от духовенства «неотрочно и неленостно по повелению» патриарха являться на соборы и слушать его «яко архипастырю и отцу отцем». В грамоте Иоакима возникает санкционная часть, которая предусматривает в случае неповиновения патриарху наказания: для архиереев не явившихся на собор без уважительной причины — лишение сана и власти «без всякаго извета и слова», для простых христиан — отлучение церковного общения и входа церковного, и будут «его отца нашего архиерейскаго благословения чужды, яко гордии и непокоривии и церкви Христови вразии». В грамоте обоснованы права патриарха «вязати и решити» по благодати Святого Духа, поскольку «не бо есть власть, аще не от Бога» [9], усилен мотив повиновения «властем преимущим».

Процесс бюрократизации управления, формализации традиции и церковной жизни, ее перевода в нормативно-правовую форму, шедший в России середины — второй половины XVII в., нашел отражение в текстах настоящих грамот русских патриархов. Можно выделить два этапа в развитии формул репрезентации патриаршей власти в этом источнике. В первой половине века перечень обязанностей главы церкви по отношению к пастве и паствы — к патриарху, избранных составителями и зафиксированных в настоящих грамотах, предельно краток. Его ключевой идеей является необходимость патриарху «исправлять» церковь, а

пастве — повиноваться главе церкви. Грамоты первой половины века почти лишены риторических пассажей и богословской аргументации.

Реформы 1650-х гг. способствовали повышению авторитета церкви, консолидации и духовенства и началу формирования его корпоративного самосознания. Тексты настольных грамот патриархов второй половины столетия становятся более подробными и детализированными в отношении репрезентации границ патриаршей власти и обязанностей паствы, усиливается мотив божественного происхождения власти (как патриаршей, так и светской), вводятся санкции за неповиновение. В целом, в текстах настольных грамот русских патриархов, отразился процесс духовных поисков XVII в., размышлений о роли и месте патриарха в обществе, его взаимоотношениях с паствой и светской властью, встраивания церкви в систему государственного управления.

Список литературы

1. Литов Е.В. Историческое происхождение ставленных грамот // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. — 1893. — № 9.
2. Дмитриевский А.А. Историко-археологические сведения о знаках отличий, жалуемых священным лицам черного и белого духовенства // Руководство для сельских пастырей. — Киев, 1902. — № 8. — С. 209—220; № 9. — С. 247—256.
3. Оспенников Ю.В. Настольные и отреченные грамоты XIV—XVI вв. // Вектор науки ТГУ: Серия: Юридические науки. — 2013. — № 4(15). — С. 46—48.
4. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел. — М., 1822. — Ч. 3. — № 74. — С. 292—296.
5. ОР ГИМ. Син. грам. 1017.
6. ОР ГИМ. Син. грам. 1023.
7. ОР ГИМ. Син. грам. 1233.
8. Попов М.Г. Материалы для истории патриарха Московского Пителима // Христианское чтение. — 1890. — № 9—10. — С. 489—523.
9. ОР ГИМ. Син. грам. 1305.
10. Полознев Д.Ф. Благословенные и ставленные грамоты ростовской и вологодской епархии XVI — XVII вв. из фондов из фондов отдела письменных источников Государственного исторического музея // Сообщения Ростовского музея. — Вып. VIII. — Ростов, 1995. — С. 49—58.
11. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел. — М., 1822. — Ч. 3. — № 46. — С. 202—207.
12. Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. — М.; СПб., 2017.
13. Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках / Отв. ред. Б.Н. Флоря. — М., 2002.

Секция II История Российской империи (XVIII в. – 1917 г.)

Крестьянская грамотность в XVII—XVIII вв. Стереотипы и начало их преодоления

Аннотация. Статья посвящена формированию общественного мнения относительно запроса о необходимости освоения навыками грамотности крестьянством России в XVII — XVIII вв., созданию доказательной базы для необходимости приобретения соответствующих навыков.

Ключевые слова: грамотность; крестьянство; культура России XVII — XVIII вв.; Екатерина II; школы.

Aleksei A. Golubinskiy

**PEASANT LITERACY IN THE XVII—XVIII CENTURIES.
STEREOTYPES AND BEGINNING OF ITS OVERCOMING**

Abstract. The article deals with forming of the approach to the peasant literacy in the XVII—XVIII century Russia, including developing arguments pro and contra peasant literacy.

Keywords: literacy; peasantry; culture of the XVII—XVIII centuries Russia; Catherine the Great; schools.

В характеристике подходов к изучению всеобщего образования крестьянству уделяется небольшое внимание — главным образом из-за сложности и недостаточности источниковой базы [1, с. 17—45]². Данная тема требует самостоятельного исследования; приступить к решению вопроса об образованности общества, в том числе и крестьянского, без понимания отношения к образованию (причем не только крестьянскому), невозможно. Цель статьи, таким образом, проследить появление общественного запроса на всеобщее обучение, выявить изменения в аргументации как за, так и против приобретения навыков грамотности крестьянами.

¹ **Голубинский Алексей Алексеевич** — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: lehus.gol@gmail.com

Aleksei A. Golubinskiy — Candidate of Historical Sciences, Junior researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

² В новейшей историографии эта тенденция не изменяется — см.: [2].

В качестве хронологического разделителя между двумя частями этой статьи стоит принять царствование Петра I, когда в России была реализована первая централизованная система образования в виде цифирных школ. Это был шаг на пути постановки вопроса о широком распространении навыков грамотности, хотя крестьянское население практически полностью было исключено из деятельности этих учреждений.

Для XVI—XVII вв. вопрос о грамотности поднимался только в отношении священнослужителей и лиц, связанных с государственным управлением (воеводы и т.д.). В XVI в. даже для духовенства, наиболее образованного слоя населения, грамотность не была абсолютной, это видно по посланию новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова) митрополиту Московскому Симону (около 1500 г.)¹. Несмотря на большое количество препятствий на пути обучения грамоте, достижение всеобщей грамотности декларировалось. Так, о необходимости обучения всего общества, включая крестьянство, говорится в Домострое, сборнике правил организации домашнего хозяйства, созданном в XVI в.² Во время открытия Стоглавого собора (1551 г.) царь Иван IV жаловался на небрежное учение как причину крайней малограмотности ставленников. Собор в ответах своих приводил свидетельства последних, что они учатся у своих отцов и мастеров затем, что им больше негде учиться, но что родители и мастера сами мало знают, тогда как раньше в городах существовали училища, в которых

¹ «А то мужики невежи учат робят да речь ему испортит, да первое изучат ему вечерню, а за эту мастеру принести каши до гривну денег, за заутреню также да и больше того, а за часы особо, да поминки кроме того, что рядил от него. А как отойдет от мастера, то ничего не умеет, только по книге бредет, а церковного устава ничего не знает. А как государь укажет изучить Псалтырь с следованием да и все то, что выше писано, и укажет, что брать от того, то учащимся будет легко, не посмеют отказываться. Да чтобы попов ставленных велел учить, занеже то нерадение в землю вошло. И как услышат то учащиеся, то с усердием примут учение» (См.: [3, № 104; 4, с. 69; 5, с. 69]).

² «А пошлет Бог у кого дети, сынове и дщери, и имети попечение отцу и матери о чадах своих, снабдети и воспитати в добре наказании, и учити их страху Божию, и вежеству (курсив мой — А.Г.), и всякому благочинию, и по времени, по детям смотря и по возрасту, учити их рукоделию, отцу сынов, а матере дщери, кто чему достоин, каков кому просуг дас Бог, а любити их и беречи и страхом спасати, учя и наказуя, разсуждая и раны возлагаю» [6, с. 95]. Одно из значений слова «вежество», помимо вежливого обращения и хитрости, еще и образованность. Кроме того, автор Домостроя, протопоп Сильвестр пишет: «Обучил, кто чему способен, многих и грамоте, и писать и петь», расценивая это положительно [6, с. 131].

обучали чтению, письму и церковному пению¹. Сравнительно тяжелую ситуацию в области образованности высших слоев общества констатировал бежавший в Швецию во время правления Алексея Михайловича Г. Котошихин². В XVII — первой половине XVIII вв., отмечались неграмотные священнослужители³ и воеводы [9, с. 142]. В противовес этому мнению можно привести свидетельство Павла Алеппского о состоянии образования в юго-западной России, населенной, по его мнению, достаточно образованными людьми [10, с. 2, 4].

Среди публицистов XVIII в. немало авторов задумывалось о пользе грамотности, необходимости ее распространения среди всех слоев общества⁴. Рекомендации о широком распространении навыков чтения и письма поступали не только от отечественных публицистов. Так, вопрос о пользе правильного воспитания для всех сословий, воспитания, основанного на получении известного количества знаний, поднимал в письме Петру I Лейбниц⁵. Его необходимость всячески подчеркивал сподвижник Петра Ф.С. Салтыков: «Такожде и всенародное обучение во всяких свободных науках и во всяких художествах может исправиться и сравняться в короткое

¹ «Иже есть дяки котории хотяши дяконства и священства, а грамоте мало умеют... да и о том их святители истязают с великим запрещением. Почему мало умеют, они ответы чинят: мы-де учимся у своих отцов или у своих мастеров, а инде де нам учиться негде. Колько отцы наши и мастера умеют потому и нас учат, а сами отцы их и мастера сами потому же мало умеют и силы в божественном писании не знают, да учиться им негде. А прежде сего училища бывали в Российском царстве на Москве и в Великом Новгороде, и по иным градам многие грамоте гораздых было много, но писцы, и певцы, и тццы славны были во всей земли и до днесь» (см.: [4, с. 81]).

² «А иные бояре, браны свои устава, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студерованные, однако сыщется и окроме их кому быти на ответы разумному из болших и из менших статей бояр» [7, с. 27].

³ «Невежественное православное духовенство, большая часть которого, особенно в деревнях, была безграмотна, не знала хорошо даже службы, обедню служила, как попала, путая и перевирая молитвы. Суевренное, пьяное, оно не было, разумеется, в состоянии бороться с сектантством словом и убеждением, не прибегая к силе» [8, с. 10].

⁴ Н.И. Костомаров обращает внимание на просьбу Акинфия Демидова не принуждать к обучению в школах детей мастеровых людей, так как это мешает обучению основной профессии металлурга [11, с. 437; 12, с. 607—608].

⁵ «Посредством воспитания можно даже у животных делать чудеса, тем более у людей, которые получили от Господа бессмертную душу и созданы по его образу и подобию. Юношество можно так вести, чтобы вселить в него любовь к добродетели и охоту к науке; между тем взрослых, которые не получили такого воспитания, нужно сдерживать страхом наказания» [13, с. 150].

время со всеми лучшими европейскими государствами, по образу, так и здесь сочиняется ныне» [14, с. 25]. В записке «Изъявления прибыточные государству» Салтыков наметил широкий план организации обучения беднейших детей при церквах: «Сирот и нищих, от самых младенческих лет по двадцать лет, как мужеска, так и женска пола, где их мочно находить, в которых местах они питаются по миру, брать их и отдавать чрез все государство в церковные приходы и при тех церковных приходах повелеть церковным старостам смотреть над ними накрепко, чтобы их церковные причетники тех приходов учили бы словесному, читать и писать» [14, с. 26]. В другом своем труде — «Пропозиции» — он предлагал сократить количество священников в нескольких монастырях, чтобы поселить туда обучающихся из дворянского и купеческого сословий [16].

А.А. Курбатов, архангельский вице-губернатор, финансовый консультант Петра I, в прошлом крепостной крестьянин Б.П. Шереметьева, также был активным защитником распространения грамотности. Став руководителем Московской школы математических и навигационных наук, он инициировал создание «цифирных школ». В своей известной работе «Пункты о кабинет-коллегиуме» выступал как решительный защитник организации широкой системы образования, включающей и сеть школ, предназначенных в том числе для обучения крестьянских детей [16, с. 60—62; 17, с. 52—53].

Проблему крестьянской грамотности тщательно рассматривал И.Т. Посошков, известный публицист и экономист первой четверти XVIII в., автор книги «О скудости и богатстве». Рассматривая основные проблемы крестьянской жизни, он считал вопрос о грамотности одним из важнейших: «Не то царственное богатство, еже в царской казне лежащая казны много... но то самое царственное богатство, еже бы весь народ по мерностям своим богат был самими домовыми внутренними своими богатствы» [18, с. 19]; «немалая пакость крестьянам чинитца и от того, что грамотных людей у них нет. Аще в какой деревне дворов двадцать или тридцать, а грамотного человека ни единого у них нет, и какой человек к ним ни приедет с каким указом или без указа да скажет, что указ у него есть, то тому и верят и оттого приемлют себе излишние убытки, потому что все они яко слепые ничего не видят, не разумеют. И того ради многие и без указа приехав, пакости им чинят великие, а они оспорить не могут, а и в поборах много с них излишек денег емлют, и оттого даровый приемлют себе убыток» [18, с. 20].

Подчеркивая положительную роль образования, Посошков писал о пользе грамотности и в более глобальном деле государственного управления [18, с. 247]. Из этого вытекает мысль о необходимости организации крестьянского обучения, причем всеобщего [18, с. 248]. Он подчеркивал мысль о необходимости появления и развития сети сельских и городских церковных школ. Основным проводником грамотности должно стать духовенство. Прекрасно сознавая низкий уровень культуры рядовых служителей церкви, замечая, что «сельские пресвитеры ничем не отменны от простых мужиков», он, тем не менее, видел в духовенстве единственное сословие, на которое в первой половине XVIII в. можно было опереться в деле распространения грамотности среди крестьян [18, с. 21]. Однако для возложения на духовенство обязанностей по облагораживанию крестьянства нужно было бы повысить культурный уровень самого духовенства [18, с. 22]. Священники должны были взять на себя роль еще и наставников, «не пускающих по улицам гулять и шататься» [18, с. 106]. Затрагивал Посошков и вопрос об учебной литературе, которая должна быть простой и понятной, напечатанной на достаточно качественной бумаге [18, с. 107]. Также он был сторонником изменения структуры ремесленного обучения, настаивая на увеличении срока обучения в подмастерьях.

Государственный деятель первой половины XVIII в. В.Н. Татищев не раз затрагивал проблему грамотности в своих сочинениях. Образованию, в частности в сельской среде, посвящена его работа «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» [19, с. 51—133]. В ней грамотность показана не только как знание, ценное для большей эффективности хозяйствования, но и как одна из основ существования. Грамотность и наука, по мнению Татищева, являются средствами познания божества, а начало книгопечатания, сделавшего доступной книгу «крестьянину или убогому человеку», признавалось наиболее важным изобретением. Кроме этого, в 1748 г. он предложил императрице Анне Иоанновне проект системы образования, включавшей в себя три ступени обучения (школы, где получалось начальное образование, гимназии и университеты). Всего образовательные учреждения должны были принять 12 тыс. человек мужского и женского пола [20]¹.

¹ Проект, предложенный В.Н. Татищевым, очень похож на реализованный в 1782 г. проект главных и малых народных училищ.

Находясь на службе Берг-коллегии на Урале, Татищев основал несколько школ, в которых можно было обучаться и крестьянам. Обучение было бесплатным, неимущим выдавался специальный паек. Активную роль в просвещении должно было играть духовенство. Сопротивлялись этому начинанию не только служители культа, на которых возлагалась лишняя повинность, но и сами крестьяне. Поэтому Татищев пользовался любым случаем для разъяснения крестьянам прямой выгоды для них отдавать детей в обучение. Так, рассмотрев в 1721 г. жалобу крестьян, он распорядился: «Объявить крестьянам, что жалобы их на приказчиков многие в разных обидах некоторые уже изследованы. Однакож мужикам одним управиться невозможно; також в сборах денежных и работах заводских, за незнанием письма, нужда им поверить подьячим, которые уже обыкли в шалостях; и в том крестьянам может быть тяжчайшая обида. Того ради велеть лучшим мужикам детей своих грамоте обучать, хотя б читать умели, дабы их подьячие не так могли обманывать. И в том их обнадежить, что оные обученные в солдаты и в заводскую службу никогда взяты не будут, но всегда останутся в слободском управлении» [20]. Составляя инструкцию приказчикам, он особо упомянул о необходимости обучения крестьянских детей. В работе «Краткие экономические до деревни следующие записки» [21, с. 48; 22, с. 402—415] им отмечалось, что «крестьянских ребят от 5 до 10 лет учить грамоте и писать, как мужеск и женск пол, чрез что оные придут в познание закона; а от 10 лет до 15-ти учить разным художествам: кузнечному, колесному, бочарному, овчарному, горшечному, коневальному, шерсть бит, войлоки валять, портному и всему тому подобному, что крестьянину необходимо иметь надлежит, дабы ни один без рукоделья не был; а особливо зимою оные могут без тяжкой работы получить свои интересны; и в том от них не принимать никакие оправдания и всевозможными силами к тому их принуждать и обучать надлежит» [23, с. 405—406].

Мысли Посошкова и Татищева продолжил автор «Двенадцати статей». Он в резких выражениях доказывал необходимость внедрения всеобщего образования, которое должно было вводиться церковью. Обучение должно было захватывать и женщин. Как и Посошков, автор «статей» подчеркивал важность развития ремесленного образования, рассматривая этот вопрос в неразрывной связи с общим распространением грамотности [17, с. 88—92].

Особо подчеркивал бедственное положение крестьянства, его оторванность от всех благ цивилизации А.Я. Поленов. Его работа «О

крепостном состоянии крестьян в России» (1767), поданная на конкурс в Вольное экономическое общество, имела целью прекратить самые страшные проявления насилия над крестьянством, самым ужасным из которых он считал торговлю людьми, как скотом. Крепостному состоянию он противопоставлял свободный крестьянский труд, по его мнению, гораздо более эффективный. Особый раздел сочинения Поленова посвящен организации крестьянского воспитания, в котором он высказывает идеи, близкие к философии Руссо о всеилии воспитания. В качестве учителей в школах должны работать священнослужители, однако он решительно выступал за светский контроль за системой начального образования и предоставлял его в своем проекте Сенату [24]. Он писал: «В каждой деревне, где только можно и обстоятельства дозволяют, учредить школу для обучения российской грамоте, по крайней мере читать и первым основаниям веры, малолетних крестьянских детей. Изъ малых деревень, где сего завести не можно, должны крестьяне посылать своих детей в самую ближняя школы для обучения, разве невозможность какая воспрятствует: тогда остается имъ съ других брать примеръ. Каждый крестьянин должен десятилетних своих детей отсылать въ зимнее время в школу, дабы они, заблаговременно научась чему должно, по ихъ состоянию, по возмужании своемъ не имели никакихъ препятствий въ работе». Учебная литература, по его мнению, должна быть в самое скорейшее время составлена и должна продаваться по самой малой цене [24, с. 525]. Учителями в деревенских школах должны были быть дьячки и священники [24, с. 526—527].

Подобно Татищеву, некоторые помещики XVIII в. обращали внимание на образование своих крестьян. Так, П.И. Рычков, составляя инструкцию по управлению собственным поместьем, отмечал¹: «Известно, что у нас много не только малых, но и нарочито больших деревень находится, где ни одного читать и писать умеющего человека нет... От незнания сего в крестьянех наших столько невежества, грубости, нестроений и самых худых дел, о том, как о известном деле, изъяснять почитаю я за излишнее, малолетные крестьяне наших дети, шатаясь по деревням, от осьми лет и далее привыкают только к праздности и лености, от которой по возрас-

¹ При этом он также ставит российским крестьянам в пример западноевропейские и «магометанские» народы, в которых «почти ни одной деревни у них нет, где б к читанью нужнейших молитв для маялых робят училища у них не было, учат они мужеск и женск пол, с такою токма разностию, что убогих отцов дети и девочки редко письму обучаются» [21, с. 63].

те их им самим и государству великий вред делается. В пресечение сего весьма надобно и должно, чтоб управители и прикащики в каждом селе и во всякой деревне по самой меньшей мере одного человека, знающего читать и писать содержали и, выбирая от лутчих мужиков робят мужеска полу от 6 до 8 лет, велели б учить грамоте и нужнейшим по христианской должности молитвам. А кои окажутся из них попонятнее и надежнее, тех обучать и письму, однако столько, чтоб в деревне, сто душ имеющей, писать умеющих крестьян более двух или трех человек не было, ибо примечается, что из таких людей научившиеся писать знание свое нередко во зло употребляют сочинением фальшивых паспортов и тому подобно. Но читать единственно чем больше будет умеющих, то для их собственного просвещения и для всего общества полезнее» [21, с. 63]. Знание грамоты, по мнению Рычкова, являлось одним из основных умений, которыми должен был обладать управляющий¹.

Предписания об обучении грамоте отмечены и в других инструкциях. А.П. Вольтский (1724) указывал учить чтению «конюховых детей», крестьянских сирот и детей семьянистых, но бедных крестьян, 8—12 лет примерно десять человек, а затем присылать их в Москву к «хорошим писцам». Цель этого — появление в деревне «прикащиков для записок» [21, с. 67]. П.М. Бестужев-Рюмин (1731) велел из всех деревень выбрать для учения грамоте и письму ребят с семи лет и старше («а за обучение заплачено будет из оброку») [21, с. 187]. Т.П. Текутьев хотел бы видеть в своем имении равные по достатку зажиточные крестьянские дворы. Он предписывал обучать крестьянских детей «мастеровым», а дворовых — еще и грамоте [25, с. 405]. Эти и некоторые другие инструкции обсуждались в ходе работы Вольного Экономического общества. Принятые в качестве образцов, рекомендуемых для использования всеми землевладельцами, они сыграли известную роль в пропаганде грамотности.

Также нельзя не упомянуть еще одного автора, чьи воспоминания и инструкция приказчикам стали одним из самых ценных источников по истории России XVIII в. — А.Т. Болотова². Он отмечал, что

¹ «О качествах управителей и прикащиков изъяснять здесь я не рассудил, ибо то было б наставлением не для них, но самим господам помещикам. Довольно когда они станут избирать к тому людей добросовестных, трезвых и, сколько возможно, знающих деревенскую экономию, а притом умели б грамоте читать и писать и хорошо сами знали б шетную выкладку, прилежали б читанью экономических книг» [21, с. 63].

² Подробно о педагогических воззрениях А.Т. Болотова см.: [26].

часть крестьянства должна быть грамотной, особенно представители помещика. Предполагалось, что приказчик, «верный и усердный раб» помещика, обязан вести дела как надлежит доброму и порядочному хозяину. Исправление «разных экономических дел» требует, чтобы «знал он грамоте и умел исправно читать и писать», знал «некоторую часть арифметики», умел «исправно класть на щетах» [21, с. 92—93]. С другой стороны, несмотря на то, что он был сторонником вмешательства во внутреннюю жизнь крестьянства, включая его духовное развитие [27, с. 189]¹, Болотов критиковал практику образования в архиерейских домах, так как, по его мнению, уровень образования самого духовенства был достаточно низок [29, с. 243]. В специально посвященной крестьянскому образованию работе «О незнании нашего подлого народа» он писал: «На вопросы мои, для чего они ничего не знают, принужден я был с сожалением слышать тоже, что им знать того непочём, что они люди безграмотные, а обучений от попов они никогда не слыхивали» [30, с. 331].

Таким образом, авторы с течением времени начинают не только писать о пользе всеобщей грамотности как таковой, но и приводить аргументы — управленческие, экономические, культурные, религиозные. Этим доводам противопоставляли свои аргументы многие общественные деятели первой половины XVIII в., в том числе Фокеродт, написавший работу о России времен Петра I, который доказывал вред образования как такового [13, с. 148].

Образованность крестьянского сообщества была предметом обсуждения и в некоторых наказах, поданных на обсуждение комиссии по составлению проекта нового Уложения². Так, в наказе жителей г. Архангельска отмечалась экономическая выгода всеобщего образования³, депутатом от г. Симбирска А. Ларионовым был предложен

¹ Вклад Вольного Экономического Общества в развитие отечественной культуры, в том числе и крестьянской, отмечается также и в зарубежной историографии: [28].

² По вычислениям В. Бочкарева, специально изучившего этот вопрос, из 760 наказов проблемы просвещения затронуты в 62, однако только в немногих говорилось о крестьянской школе. Что же касается самих заседаний Комиссии, то вопрос о крестьянском образовании обсуждался на 16 заседаниях из 204 [31].

³ «Принуждены мы стерпеть недостаток в обучении грамоте детей, потому что по большей части они от предубеждений и скудости со стороны родителей не учеными остаются, особливо ж женский пол, коему вверяется в замужестве воспитание детей и домашняя экономия, почти и вовсе того лишается... Коммерция лишается искусных негоциантов, каковыми наполнены будучи, всегда умеет одержать верх в своих прибытках. И этого ради может уподоблена такой мануфактуре, которая, имея хорошие материалы, а неисправные инструменты, не может достичь совершенства» [32, с. 463—464].

план обязательного обучения для «купеческих детей», а одновременно с этим широких масс крестьянства¹. Проект организации школ был выдвинут депутатом от пахотных солдат Нижегородской губ. И. Жеребцовым². Подобные начинания находили поддержку и среди некоторых представителей дворянства³ и духовенства, которое предполагало использовать школы как инструмент исправления нравов⁴. Вопрос о крестьянской грамотности, безусловно, не относился к наиболее важным и не вызвал сильного резонанса среди депутатов. Некоторые депутаты видели в этом лишь вред, как, например, депутат от г. Пензы С. Любавцев, который считал, что лучшая крестьянская школа это поле, а науки лишь отвратят крестьян от хлебопашества и сделают их расточительными, ленивыми и вороватыми [14, с. 52—53].

¹ «Мухамеддане... не только в больших деревнях, но и малых, где не больше как двадцать дворов, содержать училище для обучения для малых детей; тем нужнее нам, православным, надлежит заботиться о таком важном деле. При нынешнем проекте нового Уложения об этом нужно внести в закон: которые не захотят учиться, а будут пребывать в лености и в праздности, с таковых взыскивать пеню» [33, с. 202].

² «А для содержания того учения подлежит учредить в знатных селениях, чтобы при тех селах для пропитания их новых студентов и торги могли быть; а ежели те служилые люди имеют селения свои малыми людьми, то для правления того учения приложить к ним государственных крестьян, дабы каждое правление было тысячи по три или по четыре мужеска пола душ» [34, с. 396—398].

³ Один дмитровский дворянин писал: «Не для одной сохи крестьянин надобен государству, но для разных других упражнений; грамота же пахать не помещает, тем паче, что те лета, в которые ребят можно грамоте обучать, пропадают почти без всякой пользы» [35, с. 507]; или наказ помещика из Пскова: «Дьячки и пономари при уездных церквах... самые простейшие, но по крайности, кои лучше грамоте знают, определить им иметь школы словесные и учить на основании, как в прочих государствах, да и в нашем, во всей Лифляндии и Малороссии, с удовольствием оных за обучение и содержание, повелевая хотя по малу вводить к оному, чтобы словесно обучаться имея повеление, охоту возымели, приступая к оному способом, сначала по самой малой части, хотя от ста по одному от помещиков определенных; кто ж охотно пожелает, почитая о радивости их к отечеству, обучать всех... а без того первое что о законе так понять не могут, а при том в мастерствах и всех делах безграмотные великое во всем затруднение имеют» [33, с. 397]; или наказ ябургского дворянства: «При церквах и кирхах сего уезда весьма нужно учредить школы для малолетних, в коих обучать того уезда дворовых и крестьянских детей грамоте и первых оснований закона» [33, с. 249].

⁴ В наказе Синода говорится: «Аще кто явственно хулит имя Божие, или явно грешник есть... то первое оному исправление может быть способнейшим содержанием в пристойных местах на одном хлебе и воде... а которые затем в упорстве останутся, с таковыми уже, по сношению с Правительствующим Сенатом, по исключении их из числа честных людей, поступать по «Духовному регламенту» и ни в какое общество их не принимать» [36, с. 51—52]. Как отмечает Г.Е. Журавковский, общества, упомянутые в параграфе — это ни что иное, как предполагающиеся всеобщие церковные школы [14, с. 45]. Идея о всеобщем образовании нашла отражение также в наказе петербургского митрополита Гавриила.

После роспуска Уложенной комиссии в январе 1769 г. обсуждение проблемы крестьянской грамотности продолжилось в частных комиссиях: «Комиссии об училищах и презрения требующих»¹, «Комиссии о государственных родах», занимавшейся правами и обязанностями различных сословий, и «Комиссии о церковных имениях». Однако рассматривавшиеся ими проекты так и не были реализованы [14, с. 66]².

На государственном уровне, в Сенате, прямо указывали на безграмотность населения. Отмечалось, что практически везде отсутствуют нормальные школы («нигде почти по городам и губерниям порядочных школ нет, в которых бы юношество могло обучаться благопристойным для каждого звания наукам или художествам» [36, с. 7—8]). В трактате об эффективном управлении помещьем И. Ляликова также есть мысли о необходимости всеобщего обучения [44]. По его мнению, задача хорошего управляющего состоит в том, чтобы нанять хорошего учителя, которому можно будет отдать дворовых детей обучаться грамоте, рисованию и ремеслу³. Обучение грамоте предполагалось для детей с 6 до 10 лет, программа обучения была построена таким образом, что ученик сначала осваивал чтение, затем переходил к письму. Особенности требования предъявлялись по отношению к самому учителю⁴. Существовали многочисленные проекты организации крестьянских школ [45, с. 178—179; 46, с. 15—17], однако в данном случае можно говорить о благородной инициативе лишь отдельных представителей помещиков и дворян. Собственные школы содержали Шереметевы, Голицыны, Юсуповы, Орловы, Румянцевы, Муравьевы, Мещерские [51, с. 336].

¹ Материалы Комиссии об училищах получили отражение в следующих работах: [37; 38; 39; 40; 41; 42].

² Более подробно об этих проектах см.: [43, с. 69].

³ «Дворовых мальчиков и девочек и сирот крестьянских старается доброй Управитель быть их всегдашним Попечителем и Опекуном отдачею в науку, которой к чему среднее окажет или собственное свое к науке желание и охоту объявит, таковых отдавать на урочные годы по Контрактам; всякая наука грамотная, художная или мастерская приносит в свое время великия выгоды для Господина и для обучающегося» [44, с. 25].

⁴ «Учитель должен быть человек сановитой, трезвой, степенной, в науке твердой, читать и писать умеющий, летами совершенной, умной, к званию своему рачительной, добродетельной, строгой и благосклонной, к детям снисходительной и о поведении своем честь имеющей, природной Российской нации и Христианского исповедывающей веру. Само собою, всеми чувствами и членами здоровой, правописание и слоги как в печати, так и в рукописи знающей, о цифрах, таблицах и выкладку на шотах понятие имеющий, и ежели другая есть какая дарования, тем лучше» [44, с. 137].

Екатерина II обращала внимание и на проблему крестьянского образования. В ее «Наказе полиции» говорится: «Церковных и учебных книг, тож и законов военных и гражданских дорогою ценою продавать запретить, и единственно такую ценою, что только типография в напечатании убытку терпеть не могла, дабы каждый за дешевую цену мог те необходимо нужные книги иметь». «Гражданских и военных законов учить при словесных науках, с обще законами о вере, дабы с младенчества каждому умеющему грамоте все права известны были» [36, с. 357]. Императрица писала, что «самые многие священники не токмо не ведают истинного пути к просвещению народному, но и, будучи сами часто малограмотные, нередко простому народу служат собственными примерами к повреждению» [47, с. 470]. Однако нельзя не отметить, что многие авторы делают акцент на двойственность ее проектов, приводя в пример ее письмо Салтыкову: «Черни не должно давать образования, поскольку знать будет столько же, сколько вы да я, то не станет нам повиноваться в такой мере, как повинуются теперь» [48, с. 47]¹.

А что же сами крестьяне? Для тех, кому удалось обучиться грамоте и впоследствии вырваться из крестьянского состояния, грамотность была основой успеха — достаточно взглянуть на любой отрывок из «Воспоминаний крестьян» [49] или же, например, мемуары ярославского крестьянина А. Березина [50]. Но таких крестьян было сравнительно немного, большинство считало грамотность необязательными умением [51]. Безусловно, в XVIII в. вопрос о всеобщей грамотности не имел того накала и остроты, который был свойственен обсуждению в середине XIX в., в преддверие и во время реформы 1861 г. Большинство помещиков, не высказывавших свое мнение по этому вопросу публично, придерживалось нейтральной позиции, либо негативно относилось к образованию крестьян, считая его ненужным.

¹ В этом отношении нельзя не привести мнение Николая I, который в рецензии на имя А.С. Шишкова от 19 августа 1827 г. писал: «До сведения моего дошло, между прочим, что часто крепостные люди, из дворовых и поселян, обучаются в гимназиях и других высших учебных заведениях. От сего происходит вред двойной: с одной стороны, эти молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков или родителей нерадивых, по большей части входят в училища уже с дурными навыками и заражают ими товарищей своих в классах, или чрез то препятствуют попечительным отцам семейств отдавать своих детей в сии заведения; с другой же, отличнейшие из них по прилежности и успехам приучаются к роду жизни, к образу мысли и понятиям, не соответствующим их состоянию. Неизбежные тяготы оного для них становятся несносны, и оттого они нередко в унынии предаются пагубным мечтаниям или низким страстям» (цит. по [13, с. 25]).

Список литературы

1. Голубинский А.А. Грамотность крестьянства Европейской России по материалам полевых записок Генерального межевания: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 2011.
2. Кусбер Я. Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII — первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. — М.: Политическая энциклопедия, 2018.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. 1. — СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841.
4. Демков М.И. История русской педагогики. — Ревель: Гимназия, 1896.
5. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. — СПб., Пг.: Земля, 1915.
6. Домострой / изд. подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская; отв. ред. Л.А. Дмитриев. — СПб.: Наука, 1994.
7. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. — СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1884.
8. Анна Иоанновна. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. Из записок князя П.В. Долгорукого. — М.: Т-во «Образование», 1911.
9. Очерки русской культуры XVII в.: в 2 ч. / под ред. А.В. Арциховского. — Ч. 2. — М.: Издательство МГУ, 1979.
10. Алеппский П. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. — М.: П.П. Сойкин, 1897.
11. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. — Т. 3. — М.: АСТ, 2007.
12. ПСЗ—1. — Т. IX.
13. Владимирский-Буданов В.В. Государство и народное образование в России XVIII века. Ч. 1: Система профессионального образования от Петра до Екатерины II. — Ярославль: Тип. Г.В. Фалька, 1874.
14. Жураковский Г.Е. Из истории просвещения в дореволюционной России. — М.: Педагогика, 1978.
15. Салтыков Ф.С. Пропозиции. — СПб.: О-во любителей древностей, 1891.
16. Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Ч. 1: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. — СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1897.
17. Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Ч. 2: Проекты. — СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1897.
18. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. — М.: Соцэкгиз, 1937.
19. Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищах // Татищев В.Н. Избранные произведения. — Л.: Наука, 1979.
20. Кузьмин А.Г. Татищев. — М.: Молодая гвардия, 1987.
21. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII в.). — Ч. 2. — М.: Изд. ин-та истории АН СССР, 1990.
22. Татищев В.Н. Избранные произведения. — Л.: Наука, 1979.
23. Татищев В.Н. Краткие экономические до деревни следующие записки // Татищев В.Н. Избранные произведения. — Л.: Наука, 1979.
24. Поленов А.Я. О крепостном состоянии крестьян в России // Русский архив. — 1865. — С. 510—558.
25. Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII веков. — М.: Летний сад, 2005.
26. Шамедько Н.В. Андрей Тимофеевич Болотов как педагог-просветитель: Дис. ... канд. педагогических наук. — Калининград, 2009.
27. Болотов А.Т. Наказ управителю // Труды Вольного Экономического общества. — 1770. — Ч. 16.

28. *Leckey C. Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765–96 // Slavica Review. — 2005. — Vol. 64. — № 2. — P. 355–379.*
29. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, писанные самим им для своих потомков. 1738–1793. — М.; Л.: Аккад, 1931.
30. Болотов А.Т. О незнании нашего подлого народа // Русская философия второй половины XVIII века: Хрестоматия. — Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1990.
31. Бочкарев В. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767 г. // Русская старина. — 1915. — Кн. 1. — С. 66–72.
32. Сборник Императорского Русского исторического общества (Сб. РИО). — Т. 123. — СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1911.
33. Сб. РИО. — Т. 14. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1852.
34. Сб. РИО. — Т. 32. — СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1881.
35. Сб. РИО. — Т. 8. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1871.
36. Сб. РИО. — Т. 43. — СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1885.
37. Записки Императорской Академии Наук. — Т.47. — Кн.1. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1883. — Приложение 2.
38. Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1883.
39. Рождественский С.В. Проекты учебных реформ в царствование императрицы Екатерины II до учреждения комиссии о народных училищах // Журнал Министерства народного просвещения. — 1907. — № 12. — С. 173–213.
40. Рождественский С.В. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX веках. — СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910.
41. Рождественский С.В. Очерки по истории системы народного просвещения в России в XVIII—XIX веках. — Т. 1. — СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912.
42. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. — Т.1. — М.: Педагогика, 1973.
43. Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. графа Д.А. Толстого. — СПб.: Тип. Академии наук, 1883.
44. Ляликов И. Городской и деревенской эконом или книга домашней пользы. — Ч. 1. — М.: Изданием книгопродавца С. Никифорова, 1796.
45. Труды Вольного Экономического Общества. — Т. XV.
46. Труды Вольного Экономического Общества. — Т. XVI.
47. Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 г. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881.
48. Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. — М.: Учпедгиз, 1949.
49. Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. — М.: Новое литературное обозрение, 2006.
50. Сокращенная жизнь покойного Санкт-Петербургского купца первой гильдии Александра Петровича Березина, писанная по его воле незадолго до кончины... согласно образу его жизни и деяний вновь сочиненная в 1807 году // Русский архив. — 1879. — Кн. 1. — Вып. 2. — С. 226–235.
51. Громыко М.М. Духовная культура русского крестьянства // Очерки русской культуры XVIII века. — М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1990.
52. Элизабет М. Гумп. Образование и грамотность в глубине России. Воронежская губерния. 1885–1897 гг. // Менталитет и аграрное развитие России. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 315.

УДК: 93/94

О.В. Ларюшкин¹

Укоренение западноевропейцев, вступивших в московское купечество в 1780-е гг. — 1812 г.

Аннотация. В данной статье представлены краткие биографии 22 московских купеческих семей западноевропейского происхождения, прибывших в Москву до 1812 г., и упоминаемых в ревизских сказках середины XIX в. (1851, 1858 гг.). Автор уделяет особое внимание изучению их степени обрусения и развитию их материального положения.

Ключевые слова: купечество; западноевропейцы; сословие; обрусение укоренение.

Oleg W. Laryuschkin

THE ROOTING OF THE MOSCOW MERCHANTS OF THE WESTERN EUROPEAN ORIGIN (1780s — 1812)

Abstract. This article contains biographies of 22 moscow merchants families of the Western European origin, who had arrived in Moscow before the year of 1812 and lived in Moscow in the middle of the 19th century. The author is researching the problem of their russification and development of the welfare.

Keywords: merchants; people of Western Europe; estate; russification; rooting.

XVIII в. — время активного притока в Россию западноевропейских купцов. С 1720-х гг. торговые иноземцы получают право вступать в число регулярных горожан (предшественники оформившегося по Жалованной грамоте городам Екатерины II купеческого сословия). Для одних Москва была кратковременным плацдармом для осуществления торговых операций, после завершения которых они увольнялись из купечества и дальнейшие страницы их биографии неизвестны. Другие переселялись в Москву с намерением «пустить корни». Но часть из них не укорени-

¹ Ларюшкин Олег Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: laryuschkin@yandex.ru
Oleg W. Laryuschkin — Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Center of the Russian Feudalism's history of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

лась ввиду полного отсутствия потомства или отсутствия потомства мужского пола. У третьих потомство, хотя и укоренилось в Москве, но уволилось из купечества. У четвертых потомство продолжало состоять в московском купечестве. Изучению последней группы и посвящена данная статья.

Деятельность первых вступивших в московское купечество западноевропейцев исследована А.В. Дёмкиным [1] и В.Н. Захаровым [2, с. 357—398]. С середины XVIII в. по начало 1780-х гг. в московское купечество записалось всего 42 западноевропейца [2, с. 382]. Ни один из них не укоренился. Однако затем их численность заметно увеличивается и об истории укоренившихся в московском купечестве западноевропейских родов можно говорить лишь с этого времени.

Выбор верхней хронологической рамки — 1812 г. — обусловлен важным событием в истории России и Москвы: вторжением Наполеона, которое вызвало отток населения и разорение оставшегося имущества москвичей. Соответственно, в город возвращались западноевропейцы, намеревавшиеся остаться. Но об итогах укоренения можно судить не по персональному составу упоминаемых в ревизской сказке 1815 г. купцов-западноевропейцев, или материалам, близких по хронологии, а по более поздним источникам, в которых фигурирует потомство первого и второго поколения. Это девятая и десятая ревизские сказки по московскому купечеству (1851 и 1858 гг. соответственно).

С социально-экономической точки зрения наибольший интерес представляют укоренившиеся семьи, получившие звание потомственных почетных граждан и приумножившие семейный капитал. Купцы приобретали потомственное гражданство при двух условиях: состоя более 20 лет в купечестве 1-й гильдии или за безупречную общественную службу сроком не менее 10 лет. Долгое проживание в Москве приводило к ассимиляции, выразившейся в принятии православия. Термины «русский» и «православный» в дореволюционной России были тождественными. Немаловажную роль в ассимиляционных процессах играли смешанные браки с православными, поскольку дети в них воспитывались в православии. При прочих смешанных браках вопрос решался по соглашению родителей [9, с. 511].

Всего за период с 1782 по 1812 гг. автором в составе московского купечества зафиксировано 573 лица иноэтнического происхождения (иностранцев и российских инородцев). Наиболее мно-

гочисленны западноевропейцы — 401 человек (70% от всех лиц иноэтнического происхождения), из них большинство составляли немцы и французы — 174 (30,4%) и 137 человек (20,4%) соответственно. Следующими по численности были итальянцы — 33 человека (5,8%), в два раза меньше представлено швейцарцев (15) и англичан (13). Также в московское купечество вступило пять голландцев, по четыре шведа и датчанина, два венгра и 15 западноевропейцев, не указавших национальную принадлежность, но по ономастическим признакам относившихся, скорее всего, к немцам. Из них, впрочем, смогли укорениться лишь 22 семьи: по девять немецкого и французского происхождения, две шведского, по одной английского и итальянского.

Сначала рассмотрим наиболее преуспевшую группу западноевропейцев — семейства, получившие статус потомственных почетных граждан.

Семейство шведского уроженца Николая Крока на протяжении 1780-х гг. — середины XIX вв. поддерживало капитал 1-й гильдии. В 1794 г. Крок получил звание именитого гражданина. Он активно участвовал в органах городского самоуправления: в том же 1794 г. был кандидатом в поверенные выборщики в словесный суд на три года [50, л. 21 об. № 112]; в 1795 г. состоял бургомистром 1-го департамента Московского губернского правления [53]. Два его младших сына, Николай и Павел с семьями, также состояли в 1-й гильдии, а в 1836—1842 гг. получили звание потомственных почетных граждан [7, с. 177]. Старший сын Александр рано отделился, в 1830-е гг. состоял в мещанстве и лишь в 1849 г. вступил в 3-ю гильдию [7, с. 125]. Кроме того, он вместе с семьей исповедовал православие, а его братья были лютеранами. Надо полагать, что жена Александра, Любовь Прокофьевна, была русской по происхождению. Итак, ветвь А.Н. Крока становилась обрусевшей.

Уроженец Лейпцига Карл-Людвиг Ленгольд, вступивший в 1799 г. в 3-ю гильдию, торговал музыкальными инструментами [51, л. 21]. В 1822 г. он перешел во 2-ю гильдию [20, л. 58 об. № 5], в 1834 г. — в 1-ю [26, л. 31 № 9], а в 1836 г. он и его семья становятся потомственными почетными гражданами. Из трех его сыновей купеческое дело продолжил старший — Павел, который упоминается вместе с семьей в ревизской сказке 1851 г. Средний сын Александр стал лекарем, а младший Константин умер в молодом возрасте (24 года). Семейство Ленгольд исповедовало лютеранство [7, с. 301 № 36].

Вступивший в 1786 г. в 1-ю гильдию страсбургский уроженец, бывший французский подданный немецкого происхождения Андрей Дреер был комиссионером [32]. В 1807 г. его финансовое состояние ухудшилось, и он перешел в 3-ю гильдию [51, л. 85 об.], а в 1814 г. выбыл в мещанство [5, с. 156]. Но его сын Пётр поправил семейный капитал: в 1825 г. он вступил в 3-ю гильдию [23, л. 7 об. № 50] и находился в ней до 1834 г., состоя в приказчиках у купца 1-й гильдии Буркгарда [28, л. 1 № 1]. Затем Пётр объявил капитал, соответствующий 1-й гильдии, а с 1843 г. он, его жена и пятеро детей стали потомственными почетными гражданами [7, с. 179, 300 № 12]. П.А. Дреер и его дети были православными, а жена — католического вероисповедания. Таким образом, семейство становилось обрусевшим. Но неизвестно, был ли сам Дреер с рождения православным или принял его во взрослом возрасте.

Аналогичный пример наблюдаем у его соотечественника: страсбургского уроженца, галантерейного торговца Никиты Андреевича Вайера, вступившего в 3-ю гильдию в 1809 г. [51, л. 126 об.], а с 1820-х гг. состоявшего во 2-й [22, л. 43 № 4]. На начальных этапах связь у этого семейства прослеживается как с немецкой, так и с французской средой. Поручителями Вайера были соотечественники: купцы И.И. Готье-Дюфайе и Ф. Гут [51, л. 126 об.]. Его единственный сын Андрей был женат на немецкой уроженке, лютеранке, купеческой дочери Варваре Львовне Венк. Вероисповедание Вайера-младшего неизвестно, так как он умер в 1836 г., до составления девятой ревизской сказки 1851 г., в которой отмечалось вероисповедание. Но его дети, Евгений и Елисавета, были православными. Это позволяет предположить, что, вероятно, и сам А.Н. Вайер принадлежал к Русской Церкви.

Успешный процесс укоренения с последующим обрусением наблюдается у семейства Гарднеров. Его родоначальник, Франц Яковлевич, прибыл в Россию в 1746 г. и в 1754 г. основал знаменитый фарфоровый завод в с. Вербилки. Он не состоял в московском купечестве, но его жена Сарра Александровна с детьми вступила в купечество в 1801 г., уже после смерти мужа [10, л. 490; 51, л. 44]. Семейство, вероятно, имело контакт с германоязычной диаспорой Москвы: так, в 1790 г. Гарднер был воспитанником у Х.Л. Сик [52, л. 228 об.] Поручителями при записи семьи Гарднер в купечество в 1801 г. были купцы немецкого происхождения К.Я. Мели и И.Х. Генних [51, л. 44]. К тому же семейство проживало в Немецкой слободе.

С 1815 г. Гарднеры были записаны в купечество 2-й гильдии [51, л. 142 об.], а в 1834 г. становятся потомственными почетными гражданами [6, с. 256 № 10]. Из трех сыновей, Ф.Я. и С.А. Гарднер в сословии укоренилось потомство их старшего сына Александра. Его вдова Елизавета Петровна и пятеро детей упоминаются в ревизских сказках 1851 и 1858 гг. как православные [7, с. 304 № 73; 8, с. 275 № 44]. Двое младших братьев, Пётр и Николай, выбыли «в другой род жизни». Но Пётр, выбыв в 1819 г. число отставных сенатских регистраторов, в 1833 г. вновь записывается в купечество (3-я гильдия). Жена его, Анна Кирилловна, была дочерью штаб-лекаря К.С. Андриевского — русской по происхождению [25, л. 19 об. № 186].

Семейство Занфтлебен постоянно упоминается в капитальных книгах и ревизских сказках с 1810 по 1858 г. Мекленбургский уроженец Карл-Христиан в 1810 г. был записан в 3-ю гильдию [38; 51, л. 130 об.]. Он производил портное мастерство и умер в 1842 г., оставив девять детей (четыре сына и пять дочерей). Семейное дело продолжил старший сын Василий, состоявший в 1858 г. во 2-й гильдии и также имевший многодетную семью (четыре сына и три дочери). Занфтлебены были лютеранами [7, с. 170 № 10; 8, с. 154 № 115].

В состав потомственного почётного гражданства в 1848 г. вошла французская уроженка Виктория Лебур, вступившая в московское купечество в 1806 г. вместе с сыновьями Карлом, Гаврилой и дочерью Луизой [7, с. 300 № 13; 44; 51, л. 66 об.]. Несмотря на устойчивость данной семьи в московском купечестве, перспектив на последующее укоренение у них не было, поскольку дети Лебур не обзавелись потомством. Семейство занималось торговлей дамскими шляпками. Муж Виктории, Константин, вступил в купечество лишь в 1812 г. Вероятно Лебур занималась управлением предприятия в Москве, а её муж осуществлял торговлю в других городах, возможно, выполнял роль коммивояжера. В деле о записи Лебур приложен билет из Тамбовской городской думы, «данный приезжавшему в здешний город купцу Константину Леберу» в том, что ему позволено открыть лавку для продажи дамских головных уборов. С 1807 по 1826 гг. семейство состояло в 3-й гильдии [5, с. 153 № 157; 14, л. 41 № 174; 18, л. 19 об. № 87; 19, л. 29 № 125; 21, л. 21 об. № 91; 23, л. 13 № 89.], в 1834 г. — во 2-й [6, л. 157 № 91; 27, л. 56 Об. № 8]; в 1842 г. — уже в 1-й [29, л. 61 № 9].

Большинство купцов западноевропейского происхождения, укоренившихся в Москве, составляют те, чьё потомство по муж-

ской линии упоминается в ревизских сказках 1851 и 1858 гг., однако их гильдейский статус с начала по середину XIX в. не изменялся (или же изменения носили кратковременный характер) и они не получали потомственного почетного гражданства. К этой категории относятся семейства французских книготорговцев, купцов 3-й гильдии Урбен, Рис Готье-Дюфайе и Рено.

Семейство Урбен стало книготорговцами со второго поколения. Его родоначальник семейства, уроженец Парижа Медард, вступивший в 3-ю гильдию в 1789 г. [33], был занят галантерейной торговлей. После его смерти в 1811 г. вдова Мария-Ламбертина вышла замуж за купеческого сына Ф.Ф. Риса, который был моложе ее на 20 лет, а ее сын Карл женился на сестре Риса Каролине [5, с. 147 № 73]. Вероятно, установление родственных связей с семьей Рис и повлияло на смену торговой деятельности Урбенов, поскольку первые были книготорговцы. Семейство состояло в католичестве.

Развитие предпринимательской деятельности у книготорговцев Готье-Дюфайе и Рено было нестабильным, заметны спады и подъёмы. Родоначальник московской ветви, Иван Иванович Готье-Дюфайе, прибыл в Москву в 1793 г., а в купечество записался в 1799 г. [42; 51, л. 17] Очевидно, на начальных этапах книготорговля развивалась успешно, поскольку уже спустя четыре года он состоял в 1-й гильдии, но с 1806 по 1811 гг. уже переместился во 2-ю [4, с. 229 № 121; 11, л. 2 об. № 7; 16, 35 № 2]. Вероятно, события 1812 г. пошатнули семейный капитал и до 1822 г. семья находилась в 3-й гильдии, затем снова перешла во 2-ю [22, л. 53 № 14]. Из семерых детей Готье-Дюфайе в последних ревизских сказках упомянуты трое вместе с семьями: старший сын Николай, Владимир и дочь Александра. Семья Владимира была католической, а у Николая жена и дети были лютеранами, хотя он оставался католиком [8, с. 150 № 31, с. 153 № 109, с. 176 № 132]. Есть основания полагать, что жена Владимира, Юлия, была дочерью немца Ф.С. Тиглера, активно сотрудничавшего с купцами французского происхождения (в частности, он был одним из учредителей фирмы «Ториак и компания»). Но в смешанных браках, где ни один из супругов не исповедовал православие, дети могли воспитываться в вере как отца, так и матери.

Потомство парижского учителя Людовика Рено также укоренилось в Москве. В 1807 г. их семья вступила в купечество 3-й гильдии [46; 51, л. 81], в которой состояла по 1813 г. [5, с. 156], а затем выбыла в мещанство и сведения о них в последующих ка-

питальных книгах и ревизских сказках отсутствуют. Однако сын Рено Доменик сумел поправить пошатнувшийся семейный капитал и с 1825 г. состоял в купечестве 3-й гильдии [6, с. 50 № 57]. Перспективы на дальнейшее укоренение рода имелись, поскольку у него было трое сыновей.

Еще один купец французского происхождения, Александр Демонси, чей род укоренился в Москве к середине XIX в., занимался торговлей чепцами [4, с. 230 № 139; 5, с. 147 № 69; 14, л. 38 об.; 19, л. 3 об. № 11; 21, л. 17 об. № 75; 23, л. 9 об. № 65; 31, л. 117; 51, л. 98]. В московском купечестве он состоял с 1808 по 1828 г., затем уволился в Симбирское [6, л. 163]. Но один из его сыновей, Александр, в 1841 г. вновь записался в московское купечество [7, л. 133 № 14]. Однако на нем мужское потомство по московской ветви пресеклось, поскольку у него была лишь дочь Мария-София [8, с. 116 № 3].

Фамилия Арманд, укоренившаяся в московском купечестве 3-й гильдии из французских уроженцев г. Декан, упоминается с 1797 г. [40; 51, л. 9.] Как и в случае с семьей Лебур, в купечество первой записалась супруга, Анжелика Карловна, торговавшая чепцами. Ее муж Павел Арманд вступил в купечество лишь в 1808 г. [47; 51, л. 102] Их единственный сын Жан-Луи, справлявший комиссии, объявил самостоятельный капитал в 1807 г. [51, л. 102 об.—103]. На момент проведения девятой ревизии в его семье упомянуты сын Жан-Луи-Эжен с женой Вильгельминой Францевной и тремя детьми (Евгений, Адольф и Эмиль). Семья исповедовала католичество [7, с. 173. № 77].

У семьи лионского уроженца Франца Гута, вступившего в 3-ю гильдию в 1800 г. [51, л. 34 об.] и торговавшего «дамскими уборами», коммерческая деятельность протекала достаточно ровно. Но это единственный купец французского происхождения, род которого обрусел из-за вступления продолжившего семейное дело младшего сына Иосифа в брак с Авдотьей Тимофеевной, русской по происхождению и, соответственно, православной (веру матери исповедовали и пятеро их детей) [8, с. 154 № 128].

Необычной представляется ситуация с протеканием ассимиляционных процессов у вступившего в 1792 г. московское купечество немца Петра Петровича Пеше. Из дела о его записи следует, что до 1783 г. он находился в услужении у графа А.И. Шувалова в Боровском уезде Калужского наместничества [36, л. 2—2 об.]. В 1803 г. Пеше был избран на должность гласного немецкого купеческого общества [53, л. 117 № 74]. Основной вид его деятельности, веро-

ятно, был связан с фармацевтикой: Пеше имел «крепководочный завод», хотя в материалах более поздних капитальных книг предметом деятельности фигурирует «химический» завод [13, л. 22 об. № 104]. О его супруге в ревизских сказках упомянуто, что она «из дворян». Здесь возможна опечатка — учитывая, что сам Пеше ранее находился в услужении, то его супруга, видимо, была из дворянских и, возможно, русской. В семье было пятеро сыновей, из которых старший сын Александр в 1815 г. по приговору московского купеческого общества был уволен в Медицинскую академию, а Павел в 1839 г. был исключён в аптекарские гезели [5, с. 146—147 № 63]. Сыновья Пётр и Андрей состояли в одном капитале и были православными, а их брат Иван, имея самостоятельный капитал, был лютеранином. Он, видимо, составил исключение из правил и принял вероисповедание отца, а не матери.

Обрусение наблюдается у потомства единственного укоренившегося московского купца итальянского происхождения, уроженца Болоньи Ивана Ивановича Поцци, вступившего в 3-ю гильдию в 1793 г. [37; 51, л. 113]. В течение первых десяти лет он поднял уровень капитала до 1-й гильдии, в которой состоял с 1803 по 1811 гг. [4, с. 231 № 160; 48; 54, с. 49] В 1803 г. итальянское купеческое общество избрало его в Московскую шестигласную думу, но он взял самоотвод, мотивируя тем, что «часто бывает по торговым делам в Петербурге и в других пограничных городах; читать и писать по российски не умеет» [52, л. 128—131]. Однако в 1807 г. он снова был избран гласным [12, л. 98], а в 1811 г. вместе с семейством перешел в мещанство [5, С. 156] и лишь спустя два десятка лет его сын Пётр, торговец вином, вступил в 3-ю гильдию [28, л. 18 № 149]. Его жена, Марья Яковлевна, вероятно, была православной, поскольку в ревизской сказке 1851 г. упомянуто, что Поцци-младший — католик, а жена и пятеро сыновей — православные [7, с. 176 № 128].

Представляет интерес ситуация с вероисповедной принадлежностью потомства данцигского уроженца Иогана Матиса Вишленского, состоявшего в 3-й гильдии с 1801 по 1814 гг., а затем выбывшего в мещанство [4, л. 231 № 172; 5, с. 156; 10, л. 767; 13, л. 34 № 171; 14, л. 31 № 128; 51, л. 43, л. 122 об.—123; 52, л. 119]. В ревизских сказках эта фамилия вновь появилась лишь спустя 36 лет: старший сын Василий вступил в 3-ю гильдию в 1850 г. [7, с. 176 № 133; 8, с. 151 № 51]. Он был женат на лютеранке Лидии Карловне, но сам и его семеро детей были православными. При

этом остаётся невыясненным, был ли сам Вишлинский православным с рождения — а это возможно, если его мать Акулина Иванова сама была православной, — либо принял православие уже во взрослом возрасте. Так или иначе, похоже, что даже после перехода в православие у него сохранились контакты с прежней конфессиональной средой.

Укоренившееся в московском купечестве семейство Фрейнд представляет на фоне остальных фамилий своего рода «темную лошадку». Родоначальник Григорий Иванович вступил в 3-ю гильдию в 1809 г. [14, л. 60 № 251; 51, л. 126 об.] Его потомство сохранило купеческий капитал. Типичных признаков укоренения или обрусения не наблюдается. Семейство исповедовало лютеранство, на протяжении сорока лет пребывания в купечестве они так и не завели собственного жилья. Предмет их торговли неизвестен: «имеют торг разными товарами» [4, с. 231 № 176; 5, с. 156; 6, с. 159 № 128; 7, с. 174. № 100; 23, л. 21 № 146; 28, л. 3 № 25; 30, л. 1 № 1].

Условно можно считать укоренившимися потомство любекского уроженца И.И. Краузе, вступившего в 1805 г. в 3-ю гильдию [45; 51, л. 72 об]. Он не оставил потомства по мужской линии (три дочери), но его пасынок Христиан Егоров Цынк упоминается в ревизской сказке 1851 г. У него на тот момент была семья, состоящая из жены и четверых детей. Семейство по-прежнему исповедовало лютеранство [7, с. 171 № 28].

Укоренение наблюдается у потомства немца ревельского уроженца Ивана-Иоахима Капобуса, вступившего в купечество в период между 1782 и 1788 гг. Он был комиссионером, с 1811 г. занимал должность биржевого маклера [41]. Сначала он состоял в 1-й гильдии, но с 1803 г., вероятно, благосостояние упало и он перешёл в 3-ю [31, л. 112]. После его смерти сыновья вступили в мещанство, а дочери остались в 3-й гильдии [6, С. 152 № 20]. Однако в 1845 г. внук Вильгельм вернулся в 3-ю гильдию [7, с. 154 № 8].

Три семьи западноевропейского происхождения можно считать условно укоренившимися, поскольку их представители упоминались в ревизских сказках 1851 и 1858 гг., но на них фамильные ветви пресеклись.

Иван Иванович Ларме, вступивший в 3-ю гильдию в период с 1782 по 1787 г. был содержателем водочной фабрики [16, л. 39 № 19]. В начале XIX в. его деятельность процветала и с 1806 г. он числился во 2-й гильдии. После его смерти в 1811 г. сын Пётр не

сразу объявил капитал и числился в мещанстве, лишь в 1817 г. он вступил в 3-ю гильдию [18, л. 27 об.]. Но наследников мужского пола Ларме-младший не оставил. Из пятерых его дочерей четыре вышли замуж, а пятая, Аделаида, осталась в девицах и числилась в 3-ю гильдию после смерти отца в 1830 г. [7, с. 177 № 146]

Отсутствовали перспективы на дальнейшее укоренение рода вступившего в 1800 г. в 3-ю гильдию Ивана Михайловича Герценбергера [51, л. 36], поскольку его сыновьям Борису и Ивану, упомянутым в ревизских сказках 1851 и 1858 гг., было больше 60 лет, а семьями они не обзавелись. Сам Герценбергер был комиссионером, а сыновья содержали маклерскую контору [10, л. 566]. Аналогично обстояло дело с потомством другого комиссионера, рижского уроженца И.Г. Анке, с 1800 по 1811 гг. состоявшего в купечестве 3-й гильдии, а затем перешедшего в мещанство [51, л. 38]. Лишь спустя два десятка лет, в 1834 г., один из его трёх сыновей, Александр, состоял в купечестве, будучи конторщиком у купца 1-й гильдии А.Г. Марка [6, с. 162 № 192]. Однако на 1858 г. ему было 48 лет, а его жене Эмме Васильевне — 39, и маловероятно, что в перспективе они могли бы обзавестись потомством [8, с. 150 № 26].

Итак, в московском купечестве к середине XIX в. укоренилось всего 5% западноевропейцев (22 из 401), вступивших в него на протяжении 1780-х гг. — 1812 г. Треть из них (7 семейств¹) впоследствии повысила уровень семейного капитала и получила статус потомственных почетных горожан. Большая же часть (13 семейств) к середине века сохранила гильдейский статус, приобретенный их родоначальниками. Однако у семи из них были периоды временного пребывания в мещанстве². У двух оставшихся семейств наблюдается снижение уровня капитала в период с начала до середины XIX в.³

Тенденция к последующему обрусению посредством перехода, или чаще, даже вступлением в брак с православными наблюдается у восьми (около 40%) семейств, из которых в трёх дети были разного вероисповедания⁴. Девять семейств продолжали исповедовать лютеранство (немецкого происхождения), шесть — католичество.

¹ Крок, Дрейер, Ленгольд, Вайер, Занфтлебен, Гарднер, Лебур.

² Вишлинские, Поцци, Рено, Демонси, Крауцзе-Шынк, Ларме, Анке — временно состояли в мещанстве; Фрейнд, Арманд, Пеше, Герценбергер, Гутт, Урбен — постоянно числились в купечестве

³ Готье-Дюфайе, Капобус.

⁴ Православные семейства: Дреер, Вайер, Гарднер, Гут, Поцци; смешанные: Крок, Готье-Дюфайе, Пеше.

Список литературы

1. Дёмкин А.В. О записи иностранцев в русское купечество в XVIII в. // Дёмкин А.В. Купечество в России: XVIII век. — М., 1996.
2. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII в. — М., 2005. — С. 357—398.
3. Капитальные книги московского купечества за 1788—1797. — Т. 1—4. — М., 1912—1913.
4. Материалы для истории московского купечества. — Т. 5. — М., 1887.
5. Материалы для истории московского купечества. — Т. 6. — М., 1887.
6. Материалы для истории московского купечества. — Т. 7. — М., 1888.
7. Материалы для истории московского купечества. — Т. 8. — М., 1889.
8. Материалы для истории московского купечества. — Т. 9. — М., 1889.
9. Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразования. — М., 1890.
10. Центральный Государственный Архив Москвы (ЦГА Москвы) Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Наряд дел по причислению в купечество за 1800 г.
11. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 52. Книга для записи объявленных капиталов купцами 2-й гильдии, проживающих в Мясницкой части за 1806 г.
12. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 66. Приговоры московского купеческого общества за 1807 год.
13. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 77. Книга для записи объявленных капиталов купцами Басманной слободы, 3 гильдии за 1807 г.
14. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 165. Книга для записи объявленных капиталов купцами Басманной слободы по 3 гильдии за 1810 г.
15. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 208. Книга для записи объявленных капиталов купцами Гостиной Сотни по 1 гильдии за 1811 год.
16. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 226. Книга для записи объявленных капиталов купцами 2 гильдии за 1811 г.
17. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 356. Книга для записи объявленных капиталов купцами 2 гильдии за 1815 г.
18. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 417. Книга для записи объявленных капиталов купцами 2 гильдии за 1816 г.
19. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 418. Книга для записи объявленных капиталов купцами 2 гильдии за 1818 г.
20. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 726. Книга для записи объявленных капиталов купцами 2 гильдии за 1822 г.
21. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 730. Книга для записи объявленных капиталов купцами 3 гильдии за 1822 г.
22. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 939. Книга для записи объявленных капиталов купцами 2 гильдии за 1826 г.
23. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 940. Книга для записи объявленных капиталов купцами Басманной слободы 3 гильдии за 1826 г.
24. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 944. Книга для записи объявленных капиталов купцами Гостиной слободы 3 гильдии за 1826 г.
25. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1275. Книга для записи объявленных капиталов купцами Гостиной слободы за 1834 г.
26. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1276. Книга для записи объявленных капиталов купцами 1 гильдии 1834 г.

27. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1277. Книга для записи объявленных капиталов купцами 2 гильдии за 1834 г.
28. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1280. Книга для записи объявленных капиталов купцами 3 гильдии Басманной слободы за 1834 г.
29. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1574. Книга для записи объявленных капиталов купцами 1 гильдии за 1842 г.
30. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1619. Книга для записи объявленных капиталов купцами Басманной слободы за 1842 г.
31. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 3. Д. 13. Книга для записи объявленных капиталов купцами 3 гильдии разных слобод за 1808 г.
32. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 1812.
33. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 3706.
34. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 4185.
35. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 5612.
36. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 6089.
37. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 6837.
38. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 7858.
39. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 4694.
40. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 4720.
41. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 6175.
42. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 6627.
43. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 9413.
44. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 1808.
45. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 2724.
46. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 4120.
47. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 5133.
48. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 5853.
49. ЦГА Москвы. Ф. 51 Оп. 8. Д. 40. Ревизская сказка мещан г. Москвы за 1815 г.
50. ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 102. Приговоры московского купеческого общества 1794 г.
51. ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Дело о причислении иностранцев в московское купечество.
52. ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 178. Приговоры московского купеческого общества 1803 г.
53. ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 178. Приговоры московского купеческого общества 1803 г.
54. ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 179. Книга для записи объявленных капиталов купцами 1 гильдии за 1803 г.
55. ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 180. Книга для записи объявленных капиталов купцами 3 гильдии за 1803 г.
56. ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 10. Метрическая ведомость евангелическо-лютеранской церкви Св. Михаила.

Можайский помещик Лев Разумовский

Аннотация. Статья посвящена деятельности графа Льва Разумовского по благоустройству Большечевской вотчины под Можайском в конце XVIII — начале XIX в. Особое внимание уделено нашествию французов в 1812 г. и разграблению имения Разумовского. Автор рассматривает процесс восстановления вотчины после войны.

Ключевые слова: Лев Разумовский; Большечевская вотчина; Можайский уезд; Отечественная война 1812 г.; крепостные крестьяне; церковь.

Mikhail A. Vinogradov

LANDLORD LEO RAZUMOVSKY FROM MOZHAJSK

Abstract. The article is dedicated to Count Leo Razumovsky's improvement activity of Bolychev's ancestral lands near Mozhaisk at the end of XVIII — beginning of XIX centuries. Special attention is given to French invasion in 1812 and the looting of Razumovsky's property. The author considers the process of ancestral lands reconstruction after war.

Keywords: Lev Razumovsky; Bolychev's ancestral lands; Mozhaisky district; Patriotic War; peasant serfs; church.

Граф Лев Кирилович Разумовский (1757—1818) принадлежал к именитому дворянскому роду, выдвинувшемуся в эпоху дворцовых переворотов. Его дядя и отец пользовались невероятной популярностью при елизаветинском дворе. Братья Разумовские были наделены огромными земельными владениями, в числе которых была и можайская вотчина. Земли под Можайском были пожалованы императрицей Елизаветой Петровной А.Г. Разумовскому 13 июля 1742 г. [2, л. 2], сразу после восшествия самодержицы на престол. В исповедной ведомости с. Поречье 1766 г. он назван Ефимовским (фамилия помещиков-соседей) [8, л. 285 об.], что свидетельствует о том, что население вотчины имело о своем господине поверхностную информацию. После смерти Алексея в 1771 г. наследником его богатств, в том числе и земель под Можайском, стал младший брат Кирилл,

¹ Виноградов Михаил Анатольевич — кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ г. Москвы «Школа № 1797 «Богородская». Москва, Россия. e-mail: mavingrad@mail.ru

Mikhail A. Vinogradov — Candidate of Historical Sciences, teacher of history, «Bogorodskaya» School No. 1797. Moscow, Russia.

**Количество жителей в селах и деревнях Большечевской вотчины
(по данным Ревизской сказки за 1816 г.)**

Название	Статус населенного пункта	Количество мужчин	Количество женщин	Всего
Большчево (дворовых и крестьян)	село	175	173	348
Новая Тяга	деревня (бывшее село)	181	228	409
Медведки	деревня	85	90	175
Копцово	деревня	130	140	270
Старая Тяга	деревня	196	235	431
Сальки	деревня	69	70	139
Сулидово	деревня	96	97	193
Дьяково	деревня	107	137	244
Кириллово	деревня	61	77	138
Федосьино	деревня	80	94	174
Бабошино	деревня	82	93	175
Горки	деревня	66	78	144
Бухарево	деревня	40	63	103
Львовка	деревня	46	51	97
Карачарово	село	166	173	339
Потапово	деревня	115	138	253
Исаково	деревня	120	112	232
Ильино	деревня	91	119	210
Макарово	деревня	82	100	182
Кривоногово	деревня	71	82	153
Боровино	деревня	166	194	360
Саславино	деревня	57	77	134
Грязново	деревня	32	39	71
Хатанки	деревня	105	113	218
Поречье (дворовых и крестьян)	село	82	98	180
Лисавино	деревня	195	203	398
Ягодино	деревня	95	107	202
Астафьево	деревня	92	114	206
Заполье	деревня	30	31	61
Мижудино	деревня	115	123	238
Наречиное	деревня	72	65	137
Заслонино	деревня	89	98	187
Глядково	деревня	75	84	159
Итого		3264	3696	6960

Составлено по: [4, л. 135 об.—625].

незадолго до этого способствовавший возведению Екатерины II на престол. Кирилл, как и старший брат, практически не занимался Можайскими землями. Ими управляла вотчинная администрация, которая исправно пересылала доходы от имения влиятельному господину. 23 марта 1784 г. Кирилл Разумовский представил на высочайшее усмотрение императрицы раздел принадлежащих ему имений между своими детьми, который государыня собственноручно утвердила 4 апреля того же года [20, с. 62—64]. Земли под Можайском достались его четвертому сыну Льву Кирилловичу [20, с. 64].

Он родился в 1757 г. и был крещен императрицей Елизаветой и наследником престола Петром Федоровичем [19, с. 44]. Вместе с братом Григорием был отправлен за границу, а по возвращении поступил на дипломатическую службу и принял активное участие в военном противостоянии с Турцией [19, с. 79—80, 131]. Со вступлением на престол Павла I в 1796 г. генерал-майор Разумовский подал прошение об отставке [19, с. 160]. В трех губерниях он имел (Московской, Тульской и Полтавской) 12 309 ревизских душ [13, л. 45—45об.], т.е. ему принадлежало около 25 000 крепостных крестьян. В состав Большечевской вотчины входили три села и 30 деревень с общим населением почти в 7 000 человек (почти треть принадлежащих Разумовскому крепостных). В честь графа Льва была названа одна из деревень вотчины — Львовка (до наших дней не сохранилась).

Помимо хлебопашества население Большечевской вотчины занималось «частью работ: плотничной, кирпичной, штукатурной, печной, пильной и кладки каменных строений» [13, л. 45].

В начале XIX в. благодаря энергичной деятельности Льва Кирилловича Большечевская вотчина представляла собой крупное помещичье хозяйство, были построены два господских дома с комплексом хозяйственных помещений (до настоящего времени уцелел только амбар в Большчево), три церкви, кирпичный завод «для домашних надобностей», а также основаны парки. Господские дома возникли в Большчево и Поречье. Каменные храмы были воздвигнуты в Карачарово (1795), Поречье (1804) и Большчево (1812). Очередность строительства церквей была продиктована состоянием более древних деревянных храмов. Церковь Николая Чудотворца в Карачарово, стоящая «в крайней ветхости» [16, л. 29 об.], требовала оперативной замены на новую каменную. Церковь Рождества Богородицы в Поречье и Троицы в Большчево, находящиеся «в твердости» [16, л. 31 об., 35 об.], были заменены на каменные храмы позднее. По инициативе ревностного христианина Льва Разумовского, видимо, на рубеже

XVIII—XIX вв. в Можайской вотчине началось почитание святого Льва, епископа Катанского. В Карачарово этому святому был посвящен один из двух приделов [10, л. 1]. Икона небесного покровителя графа была установлена в иконостасе церкви в Большечево [17, л. 1].

В конце августа 1812 г. в пределы Большечевской вотчины вступили французы. Подобных бедствий эти земли не знали со времен литовских разорений XVII в. 28 августа у с. Большечево сотня казаков нанесла поражение «крупной партии» французов, захватив при этом несколько десятков пленных [18, с. 65]. Граф находился в это время в Москве, которую вскоре покинул и скрылся с домочадцами в Тамбове [19, с. 220—221]. В письме брату А.К. Разумовскому он писал: «27 ноября я покинул город, но не от страха перед врагом, который в то время еще находился в ста верстах от нас... Мои земли под Можайском уже заняты неприятелем, по соседству с моим домом в Петровском правительстве составляет обозы» [19, с. 221]. В данном фрагменте письма, видимо, допущена ошибка: ноябрь следует заменить на август.

Пагубные масштабы произошедшей в вотчине трагедии во многом отражены в Объявлении, поданном графом Львом Кирилловичем в Можайский земский суд 3 марта 1813 г. [1, л. 4—9]. В специально составленной «с верными по чистой совести ценами» ведомости тщательно указаны убытки, понесенные от нашествия французов. Неприателем были сожжены в селе Поречье два флигеля господского дома, конюшня, каретный сарай и три двора священнослужителей. В господских домах в Большечево и Поречье было повреждено и разграблено богатое внутреннее убранство: мебель, фортепиано, зеркала, люстры, часы, книги, картины, скульптура, вазы, столовая посуда, постельное белье и бильярд. После пребывания французов не досчитались всевозможных хозяйственных инструментов (в том числе чертежных, садовых, слесарных, токарных, кузнечных) и материалов (металлов, холста, кож, гвоздей, стекла, красок и т.п.). Оказались утраченными дрожки, повозки, шлюпки, принадлежащие графу. Пропали две пожарные трубы с принадлежностями. Опустошению подвергся лазарет (медикаменты, инструменты, белье). Большой урон был нанесен лесному хозяйству графа (ель, сосна, осина, береза) и запасам дров. Убытки понес и кирпичный завод в Большечево, на котором остановилось производство, вследствие чего была нарушена технология. Неприятель разорил оба господских сада: «плодов, кореньев, капусты и разного овощу». Разграблены были графские запасы сена, ржи, пшеницы, ячменя, муки, круп, солода и овса. Имелись потери господского скота (же-

ребец, коровы, свиньи, бараны) и «птицы разной» (индеек, уток, кур). Все убытки оценивались в 86 622 руб. 57 ½ коп.

Значительно большими были потери дворовых людей и крестьян, принадлежащих графу. Французами было сожжено 118 домов (из 745) в Поречье, Гляtkово, Астафьево, Копцово, Боровино, Исаково, Федосьино и Саславино. Крестьяне-погорельцы нашли приют во дворах, избежавших сожжения. Огню были преданы и 80 хозяйственных построек (амбары, овины, сараи). Вражеская армия отнимала крестьянское имущество (одежду, белье, посуду), а также вымогала деньги. Колоссальны были потери скота. Если из графского хозяйства была угнана 81 корова, то из крестьянских дворов — 1 058. Если графские потери птицы составляли 160 штук, то крестьянские — 5 937. Крепостные потеряли 2 083 овцы. Неприателем была угнана 341 лошадь, а еще 238 оставались в армии «подводных». Французы опустошили крестьянские запасы меда (более 12 пудов) и коровьего масла (более 62 пудов). Труженики лишились 48 565 пудов сена, что в 18 раз превышало убытки Разумовского. Ситуация осложнялась тем, что из-за нашествия поля не были засеяны озимым хлебом на 1813 г. (781,5 десятина). Суммарные убытки дворовых людей и крестьян определялись в 316 550 руб. 89 коп., — в 3,5 раза больше, чем господские. Суммируя весь ущерб, понесенный помещиком, его дворовыми людьми и крепостными, графская ведомость определяет 403 173 руб. 46 ½ коп. и, прибавляя к этой цифре выданные крестьянам накануне нашествия рожь и яровой хлеб «на пропитание и обсеменение полей» (разграблено французами на сумму 28 333 руб. 50 коп.), останавливается на 431 506 руб. 96 ½ коп. Эти данные можно сопоставить с общими потерями, понесенными жителями Можайского уезда и Московской губ. [6, л. 17—24]. Население Можайска и его уезда лишилось движимого и недвижимого имущества на сумму 4 111 446 руб. (Большечевская вотчина — 10,5%). Что касается общих потерь, понесенных жителями городов и уездов губернии (кроме Москвы и ее уезда), то они составили 21 791 600 руб. (Большечевская вотчина — 2%).

Французские солдаты во время пребывания в можайских владениях графа Разумовского посетили все три церкви вотчины. В ноябре 1812 г. священник каменной церкви Николая Чудотворца в с. Карачарово Василий Михайлов писал епископу Дмитровскому Августину: «Во время нашествия и пребывания неприятеля вышеозначенная Николаевская церковь несколько расхищена, но утвари церковной еще довольно» [10, л. 1]. В этом же Прощении преосвященнейшему Михайлов указывал специально на повреждение

престола в приделе Илии Пророка. Благочинный священник Василий Адрианов сообщал в вышестоящие церковные инстанции о состоянии Болычевской церкви после вторжения врага: «В селе Болычеве церковь во имя Живоначальной Троицы с приделом Казанской Божьей Матери деревянная цела, престолы, срачицы, одежды и святые Антиминсы целы, утварь церковная вся цела» [11, л. 2]. Наконец, в октябре 1819 г. настоятель храма Рождества Богородицы в с. Поречье Алексей Степанов обращался к митрополиту Московскому и Коломенскому Серафиму с просьбой освятить строение, указывая, что каменная церковь с двумя приделами «после нашествия неприятельского осталась в целости, но за некоторым от них повреждением внутри» [12, л. 1]. Граф, перечисляя понесенные убытки, указывал на утрату «храмозданных Карачаровской и Порецкой церквей» грамот [1, л. 8 об.]. Этот факт не отражен в донесениях настоятелей Николаевского и Богородицехрождественского храмов. Благочинный же священник Болычевской церкви, как уже отмечалось, специально делал акцент на факте сохранения антиминсов.

Видимо, французы могли нанести трем вотчинным церквям ущерб гораздо больший, чем это было в действительности. Наполеоновские солдаты не прочь были поживиться церковными богатствами, но по мере приближения врага дорогостоящее храмовое имущество тщательным образом скрывалось в спешном порядке. В описи ветхой церковной утвари 1815 г. есть указание на обнаружение «после неприятеля» экономкой «в болычевском саду под галерею серебряных венчиков щетом 22» [1, л. 32]. Найденный клад венчиков от икон весил два фунта серебра. Если скрывались такие миниатюрные детали украшения образов, то совершенно очевидна попытка спрятать от врага и более дорогостоящие церковные предметы. Можно даже предположить, что французы, переступая пороги указанных храмов, оказывались в полупустых помещениях, в которых возможность для наживы была сведена к минимуму.

Объявлением и Ревизской сказкой 1816 г. фиксируется количество крестьян, выбывших из списков крепостных Разумовского вследствие вражеского нашествия. Сказка выделяет четыре категории крепостного крестьянства, не вернувшегося в родные деревни: ополченцы (182), подводчики (11), пропавшие без вести (25) и убитые французами (31), т.е. 249 человек [4, л. 135 об.—625]. В Объявлении же выделены три категории: умершие «в течение сего несчастного времени» 413 мужских душ, 12 подводчиков и 33 убитых в пределах вотчины, т.е. 458 человек [1, л. 7]. Полученные сведения не только

различаются, но и практически не поддаются сравнительному анализу, т.к. в одном источнике мы имеем дело с точным списком крестьян, а в другом — со статистической обработкой другого списка. Перепроверить количество крестьян, указанных в Объявлении умершими во время нашествия, по Ревизской сказке практически невозможно, т.к. в ней отмечены все крестьяне, скончавшиеся в 1812 г. без указания дат и, таким образом, очевидна опасность включения в подсчеты тех крестьян, которые умерли в первом полугодии, т.е. до нашествия. Большую помощь в решении этой проблемы могла бы оказать метрическая книга за 1812 г., но она не сохранилась в архивных материалах. Объявление, видимо, указывает умершими всех не вернувшихся в вотчину ополченцев, но такой подсчет вызывает вопросы.

Интересен тот факт, что жены некоторых из них в первые годы после войны бежали из вотчины (5 из 17 бежавших за 4,5 года между ревизиями) [4]. Это довольно странно, т.к. указанные пять женщин могли не только благополучно оставаться в своих семьях, но и выходить замуж за других крестьян как вдовы. Что заставило их бежать? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Сказка определяет возрастной состав корпуса ополченцев. Большая их часть (три четверти) была представлена молодыми крестьянами (до 30 лет). Минимальный призывной возраст, указанный в источнике, — 15 лет. Важно учитывать, что перепись 1816 г. не указывает всех крестьян, призванных в ополчение, а только не вернувшихся в пределы вотчины. В Объявлении, поданном от имени графа коллежским секретарем В.С. Михайловым уездному предводителю дворянства А.И. Астафьеву от 4 марта 1813 г. отмечалось, что «в воины» в 1812 г. было отдано 385 крестьян Разумовского [13, л. 45]. Что касается пропавших подводчиков, то оба источника единогласно определяют 11 человек (Объявление только добавляет еще одну женщину, что, как и в случае с ополченцами, вызывает особый интерес). Ревизия также конкретизирует возраст помогавших армии подводчиков: от 17 до 65 лет. Таким образом, получается, что они старше ополченцев, а это вполне объяснимо различием их функций на фронте. Ревизская сказка отдельно выделяет пропавших без вести крестьян, но их большая часть (21 из 25 человек) представлена дворовыми людьми села Болычево. Вполне вероятно, что дворовые графа, не объявившиеся до ревизии 1816 г., просто могли совершить побег из вотчины, пользуясь неразберихой во время нашествия. Кроме того, у них могла быть возможность воспользоваться господским добром.

Что касается убитых крестьян, то здесь мы явно имеем дело с теми крепостными, которые оставались в пределах вотчины. К сожалению, Ревизская сказка и Объявление дают разные сведения насчет этой категории крестьян. Первый источник поименно перечисляет 31 крестьянина. Большая часть указанных крепостных проживала в восточной части вотчины, в приходе Николаевской церкви: с. Карачарово (8 человек), д. Макарово (8 человек), д. Кривоногово (6 человек). В д. Боровино того же прихода одному из убитых (Афанасию Лаврентьеву) было 68 лет [4, л. 454 об.]. В оставшихся 7 населенных пунктах убито было по 1 человеку. Второй источник — Объявление — указывает 1 дворового человека, 30 крестьян и 2 крестьянок, но из-за отсутствия имен перепроверить эти данные не представляется возможным [1, л. 7]. Видимо, за этими цифрами стоят имена крестьян, давших ценой своей жизни наиболее мощный отпор захватчикам, опустошавшим их родные земли и ввергнувшим Россию в пучину тяжелых испытаний.

Как бы то ни было, очевидна демографическая проблема, возникающая в вотчине Разумовского в 1812 г. Если перепись 1811 г. насчитывала 3 878 мужских душ [3, л. 971], то в 1816 г. — только 3 264 [4, л. 624 об.], т.е. заметно падение численности мужского населения на 16%. Так как перепись 1811 г. не указывает крестьянок, то их количество можно определить по Исповедной ведомости того же года [9]. Оно оказывается примерно равным с цифрой по крестьянам, а в 1816 г. — 3 696 [4, л. 625], т.е. мы вынуждены констатировать убыль и женского населения вотчины, хотя и не такую значительную (на 5%). Общее падение численности населения, особенно мужского, и в дальнейшем сказывалось на демографической ситуации в имении графа.

Потери в Можайских землях Разумовского несли и захватчики. Партизанские отряды наносили врагу существенные удары. Точно определить потери неприятеля на территории вотчины не представляется возможным. До нашего времени предания, сохраняющиеся на протяжении двух веков, донесли память о фактах захоронения вражеских солдат поблизости с местными деревнями, но локализация братских захоронений французов также является одной из проблем исследования.

Определенные убытки граф Разумовский понес и от пребывания в с. Поречье генерала Кутузова с конным войском [1, л. 5 об.]. Омрачало картину бедствия и мародерство отдельных крестьян, которые оказались не прочь воспользоваться сложной военной обстановкой для решения своих материальных трудностей. В Объявлении

Разумовский, указывая потери в своем лесном хозяйстве, помимо французского грабежа выделяет факт расхищения «неизвестно кем» [1, л. 5 об.]. Очевидно, речь идет о крестьянах: убытки от постоя Кутузова были известны в полном объеме, а кроме французов в вотчине оставались только крепостные. В бумагах Можайского уездного суда значится дело от 11 октября 1813 г., прямо указывающее на недостойные действия крепостных. На 37 листах подробно описан факт ограбления крестьянином д. Межутино (Поречкий приход) «Федором Емельяновым вместе с неприятелем скота и прочего г. Разумовского» [7, л. 1а об.]. Крестьяне графа могли быть причастны и к ограблению вотчинного архива (выписки с писцовых и переписных книг, подлинные купчие, межевые книги, рекрутские квитанции, платежные документы) [1, л. 8 об.]. Маловероятно, что подобная помещичья документация, регламентирующая в основном господско-крестьянские отношения, могла пригодиться французам. Более заинтересованы в ней были крепостные.

Но, безусловно, основная ответственность за грандиозное разграбление Большеческой вотчины лежит на вражеской армии. Именно нашествие французов разорило обустроенные господские дома, села и деревни, вызвало приход корпуса русских солдат и вынудило некоторых местных крестьян, лишившихся значительной части своего и без того скромного имущества, прибегнуть к мародерству.

Крестьяне вотчины приняли активное участие в уборке и сожжении трупов. Специальный отряд, в котором они состояли, включал еще крестьян с. Глазова (с деревнями) и Репотинской волости. Руководили работой этого отряда капитан Жилин и квартальный поручик Бакшеев. Статистические отчеты января-марта 1813 г. свидетельствуют, что в санитарном отряде в отдельные дни трудилось от 37 до 400 крестьян Большеческой вотчины, но общее количество определить затруднительно, т.к. к работе могли привлекаться одни и те же крестьяне. Кроме того, за некоторые дни даются общие цифры участников, без разделения по месту жительства. В результате этой масштабной операции были убраны тысячи трупов, обнаруженных повсеместно в районе генерального сражения. Крестьяне же вотчины благодаря этому мероприятию смогли немного поправить свое финансовое положение, получая кроме двух чарок водки по 50 коп. ежедневно [14].

В исследовательской литературе отмечалось, что граф Лев Кириллович был, пожалуй, единственной жертвой Отечественной войны 1812 г. из всего аристократического семейства Разумовских

[19, с. 220]. В огне наполеоновского нашествия погибли и другие владения Разумовского: знаменитое Петровское и главный господский дом на Тверской улице. Вплоть до своей кончины в 1818 г. он пытался восстановить все то, что создавалось ценой его ежедневных забот и значительных финансовых вложений. Доверенное лицо графа В.С. Михайлов в марте 1813 г. признавал, что Лев Кириллович без пособия «здешнее свое имение как должно содержать и восстановить нимало не предвидит» [13, л. 45 об.—46]. Можайские помещики действительно получили средства на восстановление своих хозяйств, но дошедшая до них сумма была невелика (чуть более 5% от заявленных убытков). Основная роль в восстановлении хозяйства принадлежит трудовому героизму крепостного крестьянства, оперативным действиям Льва Разумовского и его вотчинной администрации. В 1816 г. в вотчине был построен 41 двор (оставшиеся 77 дворов были восстановлены ранее). Окончание строительных работ было крупным достижением, т.к. в землях многих других помещиков восстановительный процесс не был завершен по причине отсутствия леса (материала). Несмотря на достигнутые успехи, в сожженных врагом селениях по-прежнему остро ощущался дефицит хлеба и скота [15, л. 1 об., 24].

Несмотря на тяжелую ситуацию послевоенного времени, Лев Разумовский заботился о трех храмах, воздвигнутых им под Можайском. Например, 25 августа 1815 г. из Москвы было отправлено 1 601 руб., распределенный следующим образом между храмами: Больчево — 1 000, Карачарово — 350, Поречье — 251 [1, л. 31—31 об.].

О внешнем облике и внутреннем убранстве храмов позволяют судить описи церковного имущества, составленные в 1820 г. [17, л. 1—4 об., 43—46]. На колокольне храма в Больчево было установлено 6 колоколов, весом от 1 до 75 пудов. Крыша церкви была обита листовым железом, а главы — белой жстью. Храм венчали золоченые кресты. Внутри были установлены новые столярные иконостасы, украшенные резьбой и позолотой, выполненные мастером Зиминим. Церковь в Поречье и ее глава были покрыты листовым железом. На примыкавшей к храму колокольне, также крытой вместе с главой железом, было установлено пять колоколов. Купол храма венчал обитый железом и позолоченный деревянный крест. Оба храма были снабжены священными книгами, серебряной утварью, предметами облачения священнослужителей.

Рапорт Больчевского вотчинного правления от 14 апреля 1814 г. [1, л. 19—20 об.] указывает сумму оброчных денег, поступавших в то

время с крепостных крестьян. Каждое из 3 118 ½ тягол должно было приносить за полугодие 3 руб. 50 коп. Общая сумма оброчных доходов, таким образом, составила почти десять тысяч рублей. За доставку денежных средств отвечали «надежные» крестьяне Старой Тяги Иван Александров, Савелий Иванов, Мартин Кондратьев. Деловая переписка между особняком на Тверской улице и вотчинами, судя по рапорту от 5 августа 1818 г. [1, л. 38—39], доставлялась печным мастером из д. Медведок Максимом Ильиным Качновым, освобожденным, как и прочие служители графа, от рекрутской очереди.

После смерти Льва Кирилловича в семействе Разумовских развернулась борьба за наследство покойного графа. Во время проведения переписи населения в 1834 г. хозяином Больчевской вотчины значился сподвижник Николая I С.С. Уваров [5, л. 368], женатый на племяннице Л.К. Разумовского. Однако через несколько лет можайские земли Разумовского были окончательно разделены между его наследниками, а Уваровы, получившие в скором времени графский титул, сохранили за собой лишь с. Поречье с окрестными деревнями.

Список литературы

1. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 48.
2. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 808.
3. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы). ОХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 8. Д. 33.
4. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 8. Д. 121.
5. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 8. Д. 270.
6. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 17. Д. 36.
7. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 99. Оп. 1.
8. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 747. Д. 356.
9. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 747. Д. 840.
10. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 752. Д. 135.
11. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 752. Д. 921.
12. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 752. Д. 7591.
13. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 392. Оп. 1. Д. 5.
14. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 392. Оп. 1. Д. 7.
15. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 392. Оп. 1. Д. 9.
16. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 592. Оп. 1. Д. 3.
17. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 592. Оп. 1. Д. 47а.
18. Мачульский Е.Н. Памятные события Отечественной войны 1812 г. на территории современного Волоколамского района // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции. — М., 2015. — С. 64—69.
19. Разумовская М. Разумовские при царском дворе. Главы из российской истории (1740—1815). — СПб., 2004. — 272 с.
20. Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII столетий. — Вып. 10: Можайская десятина (Московского уезда). — М., 1901. — 284 с.

Численность провинциального дворянства в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв.: источники и их интерпретация

Аннотация. В статье представлен источниковедческий анализ опубликованных и архивных материалов, сообщающих сведения о численности провинциального дворянства в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. На материалах Вологодской губернии автор отражает специфику работы с разными типами документов, уделяет внимание трудностям, с которыми может столкнуться исследователь, и предлагает возможную интерпретацию количественных показателей.

Ключевые слова: провинциальное дворянство; потомственное дворянство; личное дворянство; численность дворянства; количественная характеристика; Вологодская губерния.

Olesya A. Plekh

THE NUMBER OF PROVINCIAL NOBLES DURING THE LAST QUARTER OF THE XVIII — FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: HISTORICAL SOURCES AND THEIR INTERPRETATION

Abstract. The article presents a source analysis of published and archival materials that provide information about the number of provincial nobility in the last quarter of the XVIII — the first half of the XIX century. On the basis of documents of the Vologda province, the author reflects specifics of an analysis of various types of documents, considers difficulties that the researcher may face upon analyzing them, and offers a possible interpretation of quantitative data.

Keywords: provincial nobility; noble men by birth; personal nobility; number of nobles; quantitative characteristic; Vologda province.

В последней четверти XVIII — первой половине XIX в. не существовало единой централизованной системы количественного учета дворянства (как, впрочем, и других категорий населения, не

положенных в подушный оклад). Ревизский учет населения, существовавший с 1718 г., не являлся переписью в современном понимании. Это было мероприятие налогового контроля, цель которого заключалась в сборе сведений о числе лиц мужского пола, состоящих в окладе и на льготе. С поставленной задачей ревизии в целом справлялись. Что же касается неподатного населения, то поступающие с мест сведения зачастую оказывались фрагментарными. Кроме того, до середины XIX в. отсутствовали правила составления ведомостей по итогам учета [29, с. 119—148].

Для установления численности благородного сословия ученые обращаются к различным источникам: топографическим описаниям губерний, материалам генерального межевания, отчетам губернаторов, донесениям местных полицейских учреждений и пр. [15, с. 154—156]. Все эти документы объединяет метод сбора информации, который в литературе, вслед за В.М. Кабузаном, принято называть административно-полицейским [14]. Трудности работы с такими материалами обусловлены тем, что неизвестно, каким образом осуществлялся сбор информации и производились подсчеты, сообщались ли сведения только о лицах, постоянно пребывавших в городах и уездах, или же в ведомостях показывались и те, кто проживал за пределами губернии. Документы, составлявшиеся в канцеляриях предводителей дворянства, вызывают те же вопросы.

Настоящая статья посвящена источниковедческому анализу опубликованных и архивных материалов о численности провинциального дворянства в указанный период. На материалах Вологодской губернии мы попытаемся отразить, с какими трудностями может столкнуться исследователь, и предложить возможную интерпретацию количественных показателей.

При установлении численности дворянства той или иной губернии историки часто обращаются к публикации В.М. Кабузана и С.М. Троицкого, в которой собраны сведения по всем регионам Российской империи. По Вологодской губ. приведены следующие показатели: в 1782 г. количество дворян мужского пола составляло 655 человек, в 1795 — 644, в 1816 — 852, в 1834 — 2 076, в 1850 — 2 308, в 1858 — 2 565 [15, с. 162]. В этом же исследовании имеются данные о составе изучаемого сословия: в 1816 г. насчитывалось 622 потомственных дворянина (м.п.) и 230 личных (м.п.), в 1858 — 695 и 1 870 соответственно [15, с. 166]. Цифры получены из разных источников, которые, по выражению самих ученых, «не содержат абсолютно точных сведений» [15,

¹ Плех Олеся Анатольевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «История России XIX — начала XX вв.» Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: plekh@mail.ru
Olesya A. Plekh — Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

с. 157], что подтверждается при сравнении с результатами других исследований. Так, П.А. Колесников на 1834 г. указал цифру 2 083 дворянина м.п. [17, с. 322]. П.И. Кеппен, анализируя материалы, поступившие с мест в ходе 9-й ревизии (1850 г.), насчитал 2 256 дворян м.п.: 1 089 потомственных и 1 167 личных [16, с. 176].

Пожалуй, в имеющихся публикациях меньше всего разночтений относительно данных на 1858 г., поскольку историки, как правило, обращаются к одному опубликованному источнику. Речь идет о «Статистических таблицах Российской империи» 1863 г. [29]. Это весьма любопытное издание было осуществлено Центральным статистическим комитетом (ЦСК) МВД. На него хотелось бы обратить особое внимание. Его источниками послужили сведения, собранные губернскими статистическими комитетами в 1858 г. Эта работа совпала с 10-й ревизией, но проводилась обособленно от нее. Данные, полученные из губерний, были обработаны ЦСК и сведены в таблицы. При этом составители посчитали, что существует слишком много «действительных сословных различий»: «Всего же у нас в России оказывается, на основании текста существующего законоположения, три дворянских, шесть духовных, восемь городских, сорок шесть сельских и пять инородческих, итого шестьдесят восемь действительных сословных различий. Сюда не вошли еще разночинцы, отставные солдаты и бессрочноотпускные солдаты, их жены и дети, иностранцы и несколько переходных сословных групп, о которых закон не упоминает, но которые тем не менее на деле существуют» [29, с. 264]. В связи с этим было решено укрупнить группы населения, искусственным путем объединив данные по наиболее близким, по мнению статистиков, категориям. В таблице, посвященной дворянству, выделено две графы: в одной приведены сведения о численности потомственных дворян, а в другой — дворян личных и чиновников. По Вологодской губ. показатели составили: 695 и 1 870 соответственно [29, с. 267].

В издании не раскрыта методика обработки данных по потомственным дворянам, однако, исходя из представленных сведений, можно предположить, что учитывались лишь лица, имевшие постоянное пребывание в губернии (эти цифры следует рассматривать как наиболее точные, что подтверждается и при сопоставлении с архивными документами, о чем более подробно будет сказано далее). Отметим, что в середине XIX в. при подготовке губернской статистики нередко учитывались все лица, записанные в родословные книги. Однако многие из тех, кто владел населенными имения-

ми в Вологодской губернии, проживал за ее пределами. Кроме того, в вологодскую родословную книгу вносились дворяне Архангельской и Вятской губ. (представители сословия в этих губерниях пребывали, главным образом, состоя на службе; дворянские собрания здесь не функционировали). В «Статистических таблицах Российской империи» приводятся данные по этим двум губерниям, причем показатели довольно значительные: по Архангельской губ. — 364 лица м.п., по Вятской — 656 [29, с. 267]. В связи с этим логично предположить, что цифры по Вологодской губ. были скорректированы с учетом места постоянного пребывания дворян.

Что касается сведений, помещенных во вторую графу («дворяне личные и чиновники»), то здесь издатели раскрыли принцип отбора информации: учитывались «личные дворяне вообще с их семействами, равно как и все служащие, из которых часть, как напр. приказнослужители, домашние учителя и пр., по ревизии к дворянству не причисляются» [29, с. 321]. К этому следует прибавить, что и по закону перечисленные группы населения не могли считаться дворянами (обычно они рассматриваются как разночинцы). Следовательно, анализируемые статистические таблицы можно использовать только относительно потомственных дворян. Что же касается личных дворян, как, впрочем, и общей численности интересующего нас сословия, то эти таблицы не дают нам даже примерных цифр.

При установлении численности неподатных категорий населения исследователи также часто обращаются к «памятным книжкам», которые издавались в губерниях с середины XIX в. В них, как правило, помещали сведения о числе жителей по сословиям, но при этом не указывалось, откуда получена статистика и каким образом произведены подсчеты. Ввиду того, что изданием занималась типография губернского правления, информацию получали либо из статистического комитета, либо непосредственно из канцелярии правления. Относительно численности вологодских дворян памятные книжки дают нам весьма интересные сведения. Согласно изданию 1854 г., в губернии на момент проведения 9-й ревизии (1850 г.) проживало 946 потомственных дворян (м.п.) и 1 275 личных (м.п.) [30, с. 106]. В памятных книжках, изданных в начале 1860-х гг., сообщались сведения на 1859 (685 и 1 844 соответственно) [31, с. 1—4], 1860 (771 и 1 440) [13, с. 37] и 1861 гг. (794 и 1 321) [28, с. 191]. Судя по этим сведениям, за 1850-е гг. численность потомственного дворянства сократилась почти на 28%, а затем наметился стабильный рост: с 1859 по 1861 г. — почти на 15%.

Такие перепады показателей вряд ли следует связывать с демографическими процессами. Если обратить внимание на цифры, относящиеся к личным дворянам, то их динамика выглядит еще более странно: с 1850 по 1859 г. мы видим рост на 30%. Учитывая тот факт, что с 1845 г. порог для получения личного дворянства на гражданской службе был поднят с XIV до IX класса [19] и процесс «одворянивания» чиновников должен был существенно замедлиться, наблюдаемые изменения в действительности происходить не могли. Наибольшие вопросы, конечно, вызывает резкое сокращение численности личных дворян — на 22% всего за один год (с 1859 по 1860 г.), что также не следует понимать как естественную убыль. По всей видимости, в те годы подготовка местной статистики проводилась примерно по той же методике, что и составление статистических таблиц в ЦСК МВД: вместе с личными дворянами учитывались лица, таковыми не являвшиеся: дети личных дворян, чиновники XIV—X классов (получившие чины после 1845 г.), канцелярские служители и пр. При этом, очевидно, состав категорий населения, попадавших в подсчеты вместе с дворянами, в разные годы был разным.

Теперь обратимся к анализу имеющихся в нашем распоряжении архивных материалов, содержащих сведения о численности вологодского дворянства, и попытаемся, во-первых, отразить некоторые особенности работы с ними, во-вторых, соотнести обнаруженную информацию с приведенными выше опубликованными данными.

В основном интересующие нас показатели сообщают документы, фиксирующие результаты административно-полицейского учета. Следует сразу отметить, что документы последней четверти XVIII — первой трети XIX в. немногочисленны, их поиск и выявление представляют собой довольно трудоемкий процесс. При этом основное внимание необходимо обращать на фонды центральных архивохранилищ, поскольку для местных архивов, по всей видимости, такие материалы большая редкость. Так, в Государственном архиве Вологодской обл. (далее — ГА ВО) нам удалось выявить только документы, содержащие сведения о численности дворянства начиная с 1840-х гг. Возможно, эта ситуация связана с общей сохранностью фондов конкретно этого учреждения: архивы вологодских губернских присутственных мест сильно пострадали из-за пожара в феврале 1833 г. [2, л. 1]. Однако причины могут быть и другими. Известно, что с середины 1840-х гг. в гу-

берниях действовали комиссии по разбору старых архивных дел, целью которых было уничтожение документов, потерявших практическое значение (первоначально это касалось архивов учреждений, подведомственных МВД, а с середины 1850-х гг. и других министерств) [1, с. 172—181]. В Вологде такая комиссия начала работу в 1845 г. [4, л. 4 об.]. Кроме того, не следует переоценивать успехи губернской статистики, поскольку наладить систематический административно-полицейский учет неподатного населения удалось лишь к середине века [29, с. V—VII, 148—157].

Единственный документ, содержащий показатели численности вологодского дворянства в последней четверти XVIII в., обнаружен нами в РГАДА среди материалов ревизии присутственных мест сенаторами А.Р. Воронцовым и А.В. Нарышкиным в 1786 г. Это «Ведомость о числе состоящих по 4 ревизии Вологодской губернии разного звания душ, как положенных, так и неположенных в оклад», согласно которой в 1782 г. насчитывалось 608 дворян м.п. [22, л. 74 об.—75]. К сожалению, состав дворянства отражения не нашел, однако, на наш взгляд, в основном это были его потомственные представители. Данное предположение основывается на том, что институт личного дворянства охватывал только лиц, получивших на гражданской службе чины XIV—IX классов (чиновников провинциальных учреждений), а в Вологодском наместничестве присутственные места начали функционировать только с июля 1780 г. [32]. До реформы корпус провинциальных служащих был весьма небольшим и, очевидно, многочисленные «новобранцы» за несколько лет не успели выслужить классные чины и пополнить ряды личного дворянства. Косвенно это подтверждается данными о размещении дворян: 75% от всех учтенных в «Ведомости» лиц проживало в трех юго-западных уездах Вологодской губ., где преобладало помещичье землевладение (в остальной части губернии частновладельческие имения были единичны).

Следует также отметить, что рассматриваемые сведения отличаются от цифр Кабузана и Троицкого (655 дворян м.п.) [15, с. 162]. Дело в том, что ученые использовали показатели из топографического описания Вологодской губ. 1784 г. и условно отнесли их ко времени 4-й ревизии [15, с. 168]. Возможно ли, что за два года общая численность сословия выросла на 8%? Это представляется менее вероятным, чем недостатки ревизского учета или неточность данных топографического описания.

Материалы за первую треть XIX в. в архивных фондах обнаружить не удалось и мы можем опираться только на данные в имеющихся публикациях. За 1844 г. в ГА ВО выявлено сразу три документальных источника. Первое дело сохранилось в фонде губернского предводителя дворянства. В него вошли статистические сведения, подготовленные по запросу губернского статкомитета. К сожалению, установить, каким образом получены цифры и на основании чего производились подсчеты, мы не можем, поскольку в деле, кроме собственно ведомостей с итоговыми показателями, других материалов нет. Согласно этому источнику, общая численность благородного сословия составляла 1 786 дворян (м.п.), из них 816 потомственных представителей и 970 личных [7, л. 10 об.—11]. При этом потомственное дворянство статистики разбили на категории (см. табл. 1), среди которых хотелось бы обратить внимание на иностранцев, присягнувших на подданство России. Это единственный среди найденных нами документов, где такие лица выделены особо, причем в дело подшит их поименный список, который позволяет установить, что иностранцы в губернию попадали либо путем назначения на государственную службу, либо посредством политической ссылки (речь идет об уроженцах западных губерний) [7, л. 8 об.]. Кроме того, в статистику были включены данные о беспоместных потомственных дворянах с их поуездным размещением: 42,6% проживало в Вологодском уезде, 10,6 — в Грязовецком, 3,9 — в Кадниковском, 3,9 — в Вельском, 8,5 — в Тотемском, 11,7 — в Устюгском, 6,7 — в Никольском, 7,1 — в Сольвычегодском, 3,2 — в Яренском, 1,8 — в Устьысыольском [7, л. 8].

Таблица 1

Численность и состав дворян Вологодской губернии в 1844 г.

Дворяне	душ м.п.
I. Потомственные,	816
в том числе:	
имеющие право участвовать в выборах дворянства	
имеющие право участвовать в делах собрания	
беспоместные	
иностранцы, присягнувшие на подданство России	34
II. Личные	970

Составлено по: [7, л. 10 об.—11].

Второе дело, датированное 1844 г., также сохранилось в фонде губернского предводителя дворянства. В него вошли материалы, собранные по запросу губернатора для министерской статистики. В отношении губернатора к предводителю дворянства от 9 декабря 1843 г. указывалось: «Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил г[осподину] министру внутренних дел: истребовать от начальников губерний точные сведения о числе потомственных и личных дворян... Сверх сего Его Величеству угодно знать, по каким именно причинам многие потомственные дворяне не внесены в родословные книги» [6, л. 1].

Министерство также разослало на места формуляр «Ведомости о числе дворян», в соответствии с которым необходимо было собрать показатели о численности потомственных (с указанием количества внесенных и невнесенных в родословные книги лиц) и личных дворян. Рассматриваемое архивное дело содержит первичные документы учета, поступившие в канцелярию губернского предводителя от уездных предводителей, городничих и земских исправников. В них не только указаны цифры, но и даны комментарии к ним, из которых можно увидеть, что основное внимание при сборе статистики уделялось потомственным дворянам: приводились поименные списки с указанием глав семейств и находящихся при них лицах; объяснялось по каким причинам часть из них не была внесена в родословные книги (в примечании к итоговой ведомости указывалось, что «лица незаписанными в родословную книгу, как из объяснения их видно, состоят, потому что некоторые не получили патентов на чины, приносящие дворянское достоинство, а некоторые — по неимению денег для книги представления в дворянское собрание на заготовление дворянских грамот» [6, л. 107 об.]); перечислялись лица, записанные в родословные книги других губерний, но проживавшие на территории Вологодской губ. (таковых насчитывалось 20 человек [6, л. 107 об.]).

Кроме того, в итоговую ведомость были включены потомственные дворяне, находящиеся на постоянном жительстве в Архангельской и Вятской губ., но, «по неимению в тех губерниях дворянских депутатских собраний», внесенные в вологодскую родословную книгу. Что же касается личных дворян, их списки были представлены только по г. Вологда, исходя из которых видно, что в подсчеты, кроме собственно личных дворян, были включены и их дети, которым не передавался сословный статус отцов. Итоговые показатели получились следующими (см. табл. 2): всего 1 741 дворянин (м.п.),

из них 767 потомственных представителей (497 внесенных в родословные книги и 270 невнесенных) и 974 личных [6, л. 107].

Третье дело обнаружено в фонде канцелярии губернатора. Оно также содержит первичные документы со списками потомственных и личных дворян. Сбор этих данных был инициирован циркуляром МВД от 12 ноября 1844 г. с тем, чтобы специально были назначены чиновники, которые, руководствуясь особой инструкцией, осуществят «поверку сведений о дворянах» [3, л. 363]. По итогам этой работы министерство должно было получить самые точные показатели о численности благородного сословия. В сопроводительном письме правителя канцелярии к начальнику губернии, датированном 6 февраля 1845 г., указывалось, что итоговая ведомость составлена «со всеми полученными нами подлинными сведениями о дворянах» [3, л. 358]. Согласно проведенным подсчетам, в губернии пребывало 1 446 дворян м.п., из них 750 потомственных (380 внесенных в вологодскую родословную книгу¹, 62 — в родословные книги других губерний, 308 — невнесенных в родословные книги) и 696 личных дворян (543 состоявших на службе и 153 неслужащих) [3, л. 359 об.—361]. Таким образом, именно третье дело дает нам наиболее точные цифры: при сборе сведений о потомственных дворянах учтены только лица, постоянно проживавшие в губернии, при подсчете личных дворян исключались те, кто к ним не относился. В табл. 2 отражена разница в показателях: относительно численности потомственных дворян она не столь ощутима, чего не скажешь о дворянах личных (в первом источнике вместе с личными дворянами были подсчитаны их дети, что привело к увеличению показателей на 30%).

Как мы видим, даже архивные документы, составленные в один и тот же год, могут содержать различные цифры, что, конечно, связано с недостатками системы учета и сбора сведений на местах в изучаемый период.

В фонде губернского предводителя дворянства ГА ВО сохранилось два дела, содержащих показатели на 1851 г. Первое относится к типу документов, который в литературе называют уездными списками дворян [21, с. 47]. Известно, что накануне каждых выборов уездные предводители составляли и подавали на рассмотрение губернскому предводителю списки дворян по уездам. Считается, что эти докумен-

¹ Из указанных 380 потомственных дворян, 7 человек были внесены, помимо вологодской родословной книги, в родословные книги других губерний (1 человек — Санкт-Петербургской губернии, 1 — Ярославской, 1 — Владимирской, 2 — Костромской, 1 — Олонецкой и 1 — Тверской).

Таблица 2

Состав и размещение дворян Вологодской губернии в 1844 г.

Уезд	Численность потомственных дворян (м.п.)						Численность личных дворян (м.п.)	
	внесенных в родословные книги		невнесенных в родословные книги		всего			
	1*	2**	1*	2**	1*	2**	1*	2**
Вологодский	249	227	99	104	348	331	540	320
Грязовецкий	105	84	80	56	185	140	40	32
Кадниковский	77	50	13	38	90	88	62	43
Вельский	14	18	9	17	23	35	42	34
Тотемский	13	16	21	15	34	31	52	61
Устюгский	13	14	20	24	33	38	64	53
Никольский	11	8	10	10	21	18	60	38
Сольвычегодский	11	11	9	23	20	34	41	37
Яренский	4	6	5	9	9	15	27	35
Устьысольский	0	8	4	12	4	20	46	43
Всего	497	442	270	308	767	750	974	696

Составлено по: [3, л. 359 об.—361; 6, л. 107].

* Сведения, собранные в Канцелярии вологодского губернского предводителя дворянства в 1844 г.

** Сведения, собранные в Канцелярии вологодского губернатора в конце 1844 — начале 1845 г.

ты могут дать представление об общей численности потомственного дворянства [21, с. 47]. На наш взгляд, это мнение ошибочно, поскольку цель составления этих списков заключалась не в том, чтобы произвести учет всего наличного дворянского населения, а лишь определить количество лиц, имеющих право участвовать в выборах. Однако в процессе сбора сведений попутно могли быть учтены и те, кто не имел права участвовать в выборах. Выявленное нами дело, помимо собственно уездных списков дворян, содержит «Перечневую ведомость о числе потомственных дворян», согласно которой в губернии насчитывалось 426 представителей сословия (м.п.), из них 68 человек, имеющих право участвовать в выборах, 122 — неимеющих такого права и 236 — беспоместных [8, л. 28 об.—29]. В этой ведомости были учтены далеко не все потомственные дворяне: по всей видимости, была собрана информация о дееспособных и совершеннолетних лицах, проживавших на территории губернии.

Второе дело, датированное 1851 г., включает сведения о лицах, «не платящих податей и не подлежащих 9-й народной переписи», собранные для общегосударственной статистики по линии Министерства финансов. По запросу Вологодской казенной палаты от губернского предводителя дворянства требовалось предоставить данные «о числе потомственных дворян, находящихся в губернии, с показанием их по каждому уезду» [9, л. 1 об.]. В ходе учета от уездных предводителей, городничих и земских исправников были получены «именные ведомости», где прописывались полные составы семей (начальники семейств, их жены, дети). Причем в эти документы попали только лица, постоянно проживавшие на территории губернии. Следовательно, в итоге были получены довольно точные сведения о численности вологодских потомственных дворян: 895 лиц м.п. [9, л. 95 об.—96]. Эти цифры интересно сравнить с данными, опубликованными П.И. Кеппенем, который, анализируя материалы, поступившие с мест в ходе той же 9-й ревизии, насчитал 1 089 потомственных дворян м.п., т.е. почти на 20% больше [16, с. 176]. Отметим, что погрешность в данных о численности дворянства по 9-й ревизии, опубликованных в памятных книжках, гораздо меньше (напомним, указывалось 946 лиц м.п.) [30, с. 106].

Для выявления статистических показателей по губерниям исследователи часто обращаются к такому источнику, как губернаторский отчет. Известно, что в изучаемый период его формуляр и содержание неоднократно менялись и к середине XIX в. он представлял собой внушительный по размерам документ с большим количеством приложений, включающих всевозможные ведомости (в том числе «О состоянии народонаселения в губернии»). Нами были изучены три таких отчета (за 1855, 1859 и 1860 гг.), сохранившиеся в фондах РГИА.

Таблица 3

Сведения о численности дворянства из отчетов вологодского губернатора за 1855—1860 гг.

	Численность дворян (м.п.)		
	1855 г.	1859 г.	1860 г.
Дворяне потомственные,	878	685	771
в том числе имеющие право голоса на выборах	230	116	260
Личные	1 111	1 843	1 440

Составлено по: [23, л. 165—165 об.; 24, л. 124 об.; 25, л. 118 об.].

В табл. 3 представлены данные, извлеченные из отчетов, отражающие весьма интересную динамику: с 1855 по 1859 г. численность потомственных дворян сократилась на 22%, а затем в течение одного года увеличилась на 12%; численность личных дворян же, наоборот, с 1855 по 1859 г. выросла почти на 40%, а затем уменьшилась на 22%. Эта ситуация напоминает динамику, выявленную при рассмотрении памятных книжек губернии.

Сопоставление сведений из губернаторских отчетов и памятных книжек свидетельствует, что и тот и другой источник дают одинаковые показатели за 1859 и 1860 гг. Еще раз уделять внимание анализу этих цифр мы не будем, но отметим, что в примечании к губернаторскому отчету за 1860 г. указывалось: «Исчисление наличных жителей произведено статистическим комитетом на основании ведомостей, составленных полициями под наблюдением членов корреспондентов и проверенных этими последними, по случаю противоречия, встреченного в прошедшем году между сведениями полиций и духовной консистории» [25, л. 119]. Иными словами, при подготовке статистики в 1859 г. были допущены ошибки, которые привели к значительному искажению информации. Это, по всей видимости, было замечено министерскими чиновниками, указавшими губернатору на этот промах, и в 1860 г. местные учреждения попытались предоставить «более правильное и точное исчисление жителей». Однако необходимо учитывать, что в отчет 1859 г. были включены сведения по дворянству, почти идентичные показателям, опубликованным в «Статистических таблицах Российской империи» [29, с. 267]. Следовательно, в своих подсчетах провинциальные чиновники ориентировались на методику, апробированную ЦСК МВД.

Следует также подчеркнуть, что все показатели, сообщаемые губернаторскими отчетами, на наш взгляд, завышены, причем и относительно потомственных, и относительно личных дворян. При определении численности потомственных дворян в подсчеты попадали лица, так или иначе связанные с Вологодской губ., но проживавшие за ее пределами (в связи с этим итоговые цифры получались больше на 10—20%). Вместе с личными дворянами с середины 1840-х гг. учитывались не только их дети, но и чиновники, получившие в соответствии с манифестом от 11 июня 1845 г. статус почетных граждан (в делопроизводственной документации использовалась формулировка «личные дворяне и лица, пользующиеся правами почетного гражданства») [12, л. 84], что приводило к завышению показателей на 30—40%.

**Численность дворянства по вологодской родословной книге
(по состоянию на 1854 г.)**

Численность дворян (м.п.):	Часть родословной книги*										Итого	
	1		2		3		4		6			
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
I. Утвержденных в дворянском достоинстве												
Фамилий	30	11,0	70	25,7	124	45,7	0	0,0	48	17,6	272	100
Лиц	62	8,2	119	15,6	325	42,8	0	0,0	254	33,4	760	100
II. Неутвержденных в дворянском достоинстве												
Фамилий	33	21,2	15	9,6	27	17,3	0	0,0	81	51,9	156	100
Лиц	89	22,6	20	5,1	55	14,0	0	0,0	229	58,3	393	100
III. Коих права не приведены еще в известность												
Фамилий	7	8,2	10	11,8	21	24,7	7	8,2	40	47,1	85	100
Лиц	14	6,7	12	5,8	36	17,3	8	3,8	138	66,4	208	100

Составлено по: [11, л. 8—39 об.].

* В первую часть вносилось жалованное, или действительное, дворянство (роды, возведенные в дворянство по личному пожалованию императора), во вторую — лица, получившие дворянство на военной службе, в третью — лица, получившие дворянство путем выслуги чина на гражданской службе, в четвертую — иностранные дворянские роды, в шестую — древние благородные роды.

В середине XIX в. такая специфика учета дворянства была в целом характерна для губернской статистики. В этот период перед местными чиновниками крайне редко ставилась цель получить наиболее точные показатели. Однако относительно потомственных дворян губернские предводители все-таки стремились иметь представление о реальном движении населения. Так, в фонде Вологодского дворянского депутатского собрания ГА ВО сохранилось дело, датированное 1860 г., где отдельно приводятся сведения о количестве дворян, записанных в акты Вологодской губ. (т.е. в родословную книгу) — 746 лиц м.п., и численность фактически проживавших в губернии лиц — 606 дворян м.п. [12, л. 93 об.—94, 97]. Если мы сравним эти цифры с данными губернаторского отчета за 1860 г., то увидим, что численность потомственных дворян в нем определена именно по вологодской родословной книге.

Отметим также, что материалы, собранные губернским предводителем дворянства в 1860 г., отражают убыль наличного дворянского населения: только в течение этого учетного года количество мужчин из потомственных дворян сократилось почти на 6% (или на 37 человек) [12, л. 92]. Эта тенденция довольно отчетливо прослеживаются и при анализе статистики по Вологодской губ. на более широком хронологическом отрезке: в 1844 г. — 750 потомственных дворян м.п., в 1858 — 695, в 1861 — 606 (т.е. за 17 лет убыль составила 19%) [3, л. 359 об.—361; 12, л. 95; 29, с. 267].

При характеристике архивных материалов нельзя обойти вниманием еще один важный документальный источник, который содержит сведения о потомственном дворянстве. Речь идет о родословных книгах. При обращении к этим материалам следует учитывать два важных обстоятельства, которые не позволяют относить их к достоверным источникам для определения численности благородного сословия в пределах отдельно взятой губернии. Во-первых, в родословных книгах были записаны не все дворяне, проживавшие в изучаемой губернии. Во-вторых, в изучаемой губернии проживали не все записанные в родословные книги дворяне. Формирование родословных книг происходило очень медленно. Это было характерно не только для Вологодской, но и для других губерний [18, с. 2—6; 20, с. 99—101; 27, с. 34—36]. К примеру, в Тверской губ. в середине XIX в. в родословную книгу было внесено не более половины потомственных дворян [33, с. 95].

Попытаемся отразить, какую информацию нам удалось извлечь в ходе анализа вологодской родословной книги. Установлено, что

с 1801 по 1820 г. в нее было внесено только 120 дворян, с 1820 по 1823 г. — еще 27 человек, с 1823 по 1826 — 24, с 1826 по 1829 — 16 [5, л. 1—8]. Следовательно, за первую треть XIX в. в книгу было записано всего 187 фамилий. По данным на 1844 г., в ней значилось 228 начальников семейств и 269 состоящих при них сыновей и других родственников м.п. [6, л. 107], а к 1853 г. — 330 и 487 соответственно [10, л. 48]. Таким образом, более-менее полные сведения этот источник показывает только на середину XIX в. При этом мы учитываем, что не все записанные дворяне проживали на изучаемой территории. И речь идет не только об архангельских и вятских дворянах (о чем уже упоминалось), но и о лицах, владевших населенными имениями на территории Вологодской губ., но проживавшими за ее пределами. Так, по сведениям на 1853 г., всего в губернии насчитывалось 1 322 помещика, из которых 542 «наличных» и 780 «отсутствующих» [11, л. 6].

В табл. 4 представлены данные, подготовленные в 1854 г. по распоряжению Департамента герольдии Сената. От Вологодского дворянского депутатского собрания требовалось не просто предо-

ставить статистику о количестве лиц, записанных в родословную книгу, но и собрать сведения обо всех дворянских фамилиях, которые подали прошения на внесение в нее. Ввиду того, что главным условием для этого являлось доказательство прав на дворянское достоинство, все учтенные лица были разделены на три категории: 1) утвержденные в дворянстве; 2) неутвержденные в дворянстве; 3) «коих права не приведены еще в известность». Далеко не всем удавалось доказать свое происхождение и попасть в вологодскую родословную книгу: 29% от всех лиц (или 30% фамилий) оказались в списке неутвержденных, а 15% (или 17% соответственно) предстояло еще «привести в известность» свои права.

Представленные показатели позволяют увидеть состав потомственного дворянства. Почти половина приобрела свои права на гражданской службе, а треть составляли лица, принадлежащие к древним благородным родам. Среди неутвержденных в дворянском достоинстве и не «приведших в известность» свои права большую часть составляли представители древних родов. Эта статистика напрямую связана с законодательно установленными требованиями доказательства дворянства: если для внесения во вторую и третью части родословной книги достаточно было предъявить патент на чин, приносящий потомственное дворянство, либо доказательство пожалования ордена, то документальное подтверждение принадлежности к древним благородным родам, коих «достоинства за 100 лет и выше восходят» (т.е. до эпохи Петра I) и «благородное их начало покрыто неизвестностью», для многих оказывалось довольно затруднительным (особенно если речь шла об обедневших дворянских семьях, образ жизни которых мало отличался от крестьянского быта) [26, с. 233—240].

Представленный источниковедческий анализ опубликованных и архивных материалов позволяет нам сделать ряд важных наблюдений. Во-первых, сведения о численности провинциального дворянства в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. в основном сообщают документы, фиксирующие результаты административно-полицейского учета. Во-вторых, существовавшая в изучаемый период система количественного учета дворянского населения не давала точных цифр (даже документы, составленные в один и тот же год, могут содержать различные показатели). В-третьих, при определении численности благородного сословия перед местными чиновниками лишь в исключительных случаях ставилась цель получить точные сведения. В-четвертых,

в целом для губернской статистики было характерно завышение количественных показателей и относительно потомственных, и относительно личных дворян: при определении численности потомственных дворян в подсчеты попадали лица, так или иначе связанные с Вологодской губ., но проживавшие за ее пределами (итоговые цифры получались больше на 10—20%); вместе с личными дворянами учитывались их дети, а также чиновники, получившие после манифеста от 11 июня 1845 г. статус почетных граждан, что приводило к завышению показателей на 30—40%.

Учитывая немногочисленность дворянского сословия, неполнота и неточность данных, сообщаемых документальными источниками, может значительно отразиться на общей статистике и привести к неправильным выводам, а в некоторых случаях разброс показателей может поставить исследователя в тупик. В связи с этим при работе как с опубликованными, так и с архивными материалами следует учитывать существовавшие в изучаемый период недостатки системы учета и сбора сведений на местах.

Список литературы

1. Виноградова Т.В. Организация делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи в первой половине XIX века: на материалах Олонецкой губернии: Дис. канд. ... ист. наук. — М., 2004. — 214 с.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 1063.
3. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1096.
4. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1423.
5. ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 124.
6. ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 264.
7. ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 291.
8. ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 611.
9. ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 655.
10. ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 696.
11. ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 212.
12. ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 274.
13. Исторические и статистические сведения о Вологодской губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 год. — Вологда: Тип. губ. правления, 1861. — С. 33—79.
14. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. — М.: Наука, 1992. — 214 с. URL: http://statehistory.ru/books/V--M--Kabuzan-_Narody-Rossii-v-pervoy-pолоvine-XIX-v--CHislennosti-etnicheskiy-sostav/6 (дата обращения: 11.05.2018).
15. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782—1858 гг. // История СССР. — 1971. — № 4. — С. 153—169.

16. Кеппен П.И. Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в России в 1851 году. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1857. — XVIII, 298 с.
17. Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. — Вологда: Сев.-Зап. кн. изд.-во, 1976. — 416 с.
18. Корчмина Е.С. «Провинциальное потомственное дворянство» Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX вв.: понятие и методика определения его численности (на примере Рязанской губернии) // Всеобщая история. — 2011. — № 6. — С. 2—6.
19. Манифест от 11 июня 1845 г. «О порядке приобретения дворянства службою» // ПСЗ—2. — Т. 20. — Отд. 1. — № 19 086.
20. Платонова Т.В. Дворянские родословные книги Саратовской губернии в конце XVIII — первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. — Серия: История. Международные отношения. — 2008. — Т. 8. — Вып. 1. — С. 97—102.
21. Платонова Т.В. Провинциальное дворянство в конце XVIII — первой половине XIX в. (по материалам Саратовской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. — Саратов, 2002. — 213 с.
22. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1261. Оп. 12. Д. 41.
23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 6. 1856. Д. 40.
24. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1860. Д. 24.
25. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1861. Д. 11.
26. Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802—1902): [в 5 т.]. Т. 2. Ч. I: Комитет Министров в царствование Императора Николая Первого (1825 г. ноября 20 — 1855 г. февраля 18). — СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. — IX, 373 с.
27. Сизова О.В. Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII — первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. — Ярославль, 1999. — 216 с.
28. Статистические годовые таблицы // Памятная книжка Вологодской губернии на 1862 и 1863 гг. — Вып. I. — Вологда: Губ. тип., 1863. [С. 190—196]. Приложения.
29. Статистические таблицы Российской империи... Вып. 2: Наличное население империи за 1858 год / под ред. А. Бушена; предисл. А. Тройницкого. — СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. — X, 330 с.
30. Статистический очерк Вологодской губернии // Справочная книжка для Вологодской губернии на 1854 год. — Вологда: Губ. тип., 1854. — С. 87—130.
31. Статистическое обозрение Вологодской губернии за 1859 г. // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1860 год. — Вологда: Тип. губ. правления, 1860. — С. 1—64.
32. Указ от 20 августа 1780 г. «Об открытии присутственных мест в Вологодском наместничестве» // ПСЗ—1. — Т. 20. — № 15 045.
33. Чижова В.В. Выборные от дворянства в системе местного управления Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX века (на материалах Тверской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. — Тверь, 2001. — 242 с.

Отставка екатеринославского гражданского губернатора Н.М. Лонгинова (1836 г.)²

Аннотация. В статье рассмотрены обстоятельства увольнения екатеринославского гражданского губернатора Н.М. Лонгинова в 1836 г., показана роль III С.Е.И.В. Отделения и Корпуса жандармов в принятии кадрового решения.

Ключевые слова: государственное управление; Корпус жандармов; III отделение; М.С. Воронцов; А.Х. Бенкендорф; Н.М. Лонгинов; Л.В. Дубельт.

Grigory N. Bibikov
THE RESIGNATION OF EKATERINOSLAV GOVERNOR
N.M. LONGINOV IN 1836

Abstract. The article deals with the resignation of the Ekaterinoslav civil governor N.M. Longinov in 1836, the role of the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery and the Corps of Gendarmes is shown.

Keywords: State Administration; Corps of Gendarmes; Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; M.S. Vorontsov; A.Kh. Benckendorff; N.M. Longinov; L.V. Dubelt.

Учреждение в 1826 г. III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (далее — III отделение) с приданным ему военизированным Корпусом жандармов было вызвано, в числе прочего, стремлением наладить постоянный негласный надзор за центральной и местной бюрократией. Европейская часть России была поделена на пять жандармских округов с управлениями в Петербурге, Москве, Симбирске, Вильно и Полтаве. По проекту первого шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа в каждую губернию были определены жандармские штаб-офицеры. В своей

¹ **Бибиков Григорий Николаевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: grigoriy_bibikov@mail.ru

Grigory N. Bibikov — Candidate of Historical Sciences, Senior researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-257.2017.6).

служебной деятельности эти чины были независимы от губернатора и других местных властей, но не имели права вмешиваться в их деятельность, наводить справки в присутственных местах и принимать письменные жалобы подданных. Начальники жандармских округов координировали отношения между III отделением и находившимися в губерниях штаб-офицерами, которые отслеживали общественные настроения, толки и слухи, надзирали за деятельностью чиновников и общим состоянием дел. Эти сведения позволяли шефу жандармов — одному из ближайших доверенных лиц Императора — оказывать влияние на кадровый состав местного управления, включая губернаторский корпус.

На данную сторону деятельности высшей полиции 1820—1840-х гг. обратили внимание дореволюционные правоведы, а новейшая историография включает III отделение и Корпус жандармов в орбиту своего внимания в контексте изучения злоупотреблений и негласной бюрократической иерархии. Специальные исследования, раскрывающие характер жандармского надзора за государственными учреждениями, в историографии почти отсутствуют [2]. В настоящей статье надзор высшей полиции за местным чиновничеством рассмотрен на примере отставки екатеринославского губернатора Лонгинова.

Никанор Михайлович Лонгинов долгие годы служил под началом новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова — сначала в его канцелярии, затем таврическим вице-губернатором, с 1832 г. — гражданским губернатором в Екатеринославе в чине действительного статского советника.

В январе 1835 г. жандармским штаб-офицером в Екатеринославскую губернию был определен полковник Даниил Францевич Ольшевский. Уже 7 июня он рапортовал дежурному штаб-офицеру Корпуса жандармов Л.В. Дубельту, что губернатор Лонгинов отказывается принимать его записки и требует предъявить секретную жандармскую инструкцию. По словам жандарма, «неумеренная гордость и самонадеянность начальника губернии, решительно покровительствующего ближайших своих подчиненных, преграждала доступ жалобам к нему частных лиц» [5, л. 2—4].

В те же дни губернатор Лонгинов направил Воронцову жалобу на Ольшевского, который «входит в личные и письменные сношения с подчиненными губернскому начальству лицами по делам губернского управления, явно принимает у себя просителей

и делает чиновникам замечания на счет неправильного решения дел, ссылаясь в действиях своих на имеющуюся у него секретную инструкцию». Офицер будто бы «понуждает земского исправника давать хлеб нуждающимся», вызывает на дом чиновников, «разосланы и расставлены по разным местам губернского города жандармы, которые всем объявляют, что их полковник один окажет скорую защиту каждому». Лонгинов объявил жандармскому офицеру, что не признает его действия «ни законными, ни правильными»: «Если он будет продолжать допускать к себе просителей и позволять себе делать приказания гражданским чиновникам мимо меня, то я употреблю все меры противу таковых действий; городничему же я запретил являться к нему по службе и самому, и по призыву». Лонгинов просил Воронцова вмешаться в конфликт, «ибо Ольшевский изъяснил, что в губернии мне вверенной, он никому не подчинен. При том же для порядка службы необходимо нужно, чтобы данная ему инструкция не была тайной от губернатора» [5, л. 10—13].

Секретные инструкции, определявшие порядок действий и круг полномочий жандармских чинов, доводились до сведения генерал-губернаторов. Воронцов отправился в Екатеринослав и сделал необходимые внушения. В отношении к Бенкендорфу он указал, что Ольшевский не должен был входить в письменные сношения с чиновниками в обход начальника губернии. Лонгинов получил указание принимать жандармские записки [5, л. 21]. Письмо Воронцова прошло через руки Дубельта, который оставил карандашные пометки: «Нужно бы полковнику Ольшевскому быть поумнее... но дерзкого с его стороны, впрочем, ничего не вижу.. Он не по форме поступил, но худого ничего не сделал». Тут же Дубельт приписал: «А каков губернатор?» [5, л. 8].

Бенкендорф предписал начальнику V округа Корпуса жандармов генерал-лейтенанту В.Я. Руперту объявить Ольшевскому «строгое замечание, внушив ему всю неприличность его действий и важность занимаемой им должности» [5, л. 23]. Было принято решение довести секретную жандармскую инструкцию до сведения губернских властей. 31 июля 1835 г. из управления Корпуса жандармов было направлено секретное отношение на имя гражданских и военных губернаторов: «Как между некоторыми начальствующими над губерниями лицами и штаб-офицерами Корпуса Жандармов, в губерниях находящимися, по тому поводу, что инструкция, коею руководствуются сии штаб-офицеры, до-

селе содержалась в тайне, происходили разные сомнения на счет правильности действий штаб-офицеров вверенного мне корпуса, то препровождая при сем оную инструкцию, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, удостоивать вашим покровительством штаб-офицера Корпуса Жандармов, находящего во вверенной вам губернии, в тех случаях, в коих он действует согласно с данными ему правилами» [4, л. 3].

Конфликт в Екатеринославе вскоре получил продолжение. В конце июля 1835 г. губернский предводитель дворянства Б.Е. Герсеванов партикулярно оповестил Дубельта, что Лонгинов покровительствует служащему в его канцелярии Петру Родзянку в тяжбе по имению с отставным генерал-майором И.Я. Шпербергом. Последний приходился Дубельту родным братом по матери, что во многом предопределило дальнейшие события.

Дело Лонгинова вели не чиновники III отделения, а управление Корпуса жандармов. После возвращения Бенкендорфа из Австрии, где он сопровождал Николая I [1, с. 624], Дубельт поставил его в известность о письме Герсеванова. 11 декабря 1835 г. шеф жандармов направил Воронцову резкое отношение: «Неоднократно получая жалобы на пристрастные и неблагонамеренные действия по управлению губернией екатеринославского гражданского губернатора Лонгинова, прежде сего не обращал я на поступки его особенного внимания, полагая, что начальник губернии, состоящий под непосредственным начальством Вашего сиятельства, не может до такой крайней степени употреблять во зло свое звание. Но как между тем жалобы сии отовсюду и беспрерывно возобновляются и отзывы о корыстолюбии г. Лонгинова и наклонности его к поползновениям, сделавшись наконец всеобщими, то с моей стороны, предвидя из сего самые неприятные последствия, я нахожу себя в обязанности покорнейше просить Ваше сиятельство почтить меня уведомлением: какие меры, в настоящем случае, Вы, милостивый государь, изволите полагать необходимыми» [3, л. 6]. Источник сведений указан не был — как конфиденциально уведомил Дубельт предводителя дворянства, «дабы чрез то не поставить Вас в неприятные отношения с г. Лонгиновым» [3, л. 7].

1 января 1836 г. Воронцов сообщил Бенкендорфу, что к нему уже поступал анонимный донос на губернатора, где утверждалось, что служащие при Лонгинове чиновники «взяли с публичных торгов в Екатеринославской казенной палате в оброчное содержа-

ние значительное количество казенной земли за дешевую цену, из коих 15 090 десятин перешли в пользование самого губернатора». Воронцов не стал начинать формального следствия, которое «могло быть допущено не иначе как в случае крайней необходимости, дабы не унижить... достоинства лица, облеченного доверием Правительства». Лонгинов был вызван в Одессу, где пояснил, что «земля сия есть не что иное, как некоторая только часть того большого количества земли, простиравшегося до 150 тыс. десятин, отданной в оброчное содержание другим лицам». Воронцов полагал, что ничто не мешало Лонгинову «на том же точно основании оставить за собой и гораздо значительнейшее количество земли, чего однакоже не случилось», и на этом основании заключал: «Я не могу признать означенные действия его прямым злоупотреблением, а нахожу в них один только недостаток деликатности и высшего понятия о чистоте действий лица, состоящего в его звании, долженствующего избегать даже и таких действий, которые могли бы наводить и самую тень подозрения». Генерал-губернатор потребовал от Лонгинова «избегать подобных случаев на будущее время» и предлагал этим ограничиться [3, л. 14].

В конце марта 1836 г. Дубельт получил ответ Ольшевского на запрос по письму Герсеванова. Штаб-офицер подтвердил, что Лонгинов содействовал Родзянку в тяжбе по имению Шперберга, а также представлял Воронцову о производстве Родзянку в следующий чин за пожертвование 100 десятин леса для пострадавших от неурожая, «между тем как пожертвованный им лес продан с публичного торга за 2 300 рублей». Штаб-офицер полагал, что «общее мнение относит пристрастие г. Лонгинова к сему дворянину к своекорыстным его видам воспользоваться частью его имения» [3, л. 21].

В следующей записке Ольшевский позволил себе прямой выпад в адрес Лонгинова, который «допустил не только медленность в производстве дел присутственными местами, неудовлетворение просьб, но и самые обиды и притеснения со стороны полиции и других властей». По словам Ольшевского, губернатор продолжает игнорировать жандармские записки, а также преследует прокурора А.И. Розинга. Тогда же Бенкендорф получил неодобрительный отзыв о Лонгинове от инспектора всей резервной кавалерии генерала от кавалерии И.О. Витта.

Предупреждая новое столкновение, Бенкендорф перевел Ольшевского в Полтаву, а 3 апреля направил министру юстиции

Д.В. Дашкову отношение с просьбой о покровительстве Розингу, который «обратил на себя незаслуженное гонение начальника губернии без всякой основательной причины, но единственно усердным исполнением своего долга и настойчивостью справедливых представлений о беспорядках и злоупотреблениях... ибо г. Лонгинов открытым образом преследует всех тех, кто имеет с г. Розингом самое обыкновенное знакомство и тем наносит ему чувствительное оскорбление» [3, л. 20].

8 апреля того же года Бенкендорф обратился с письмом к Воронцову: «Я не перестаю получать сведения о злоупотреблениях сего начальника губернии, до такой степени нарушающего свои обязанности, что наконец по долгу моему я не могу более умолчать о том пред Государем Императором... с откровенностью должен Вам сказать, что я не слыхал ни одного отзыва в пользу сего начальника губернии; напротив того, общий голос приписывает ему необыкновенную склонность к поползновениям». Сославшись на сведения из записок Ольшевского, шеф жандармов предлагал Воронцову склонить губернатора к отставке, не дожидаясь формального распоряжения Николая I: «Конечно трудно уличить его в злоупотреблениях, но рано или поздно они обнаружатся, ибо ропот сильный и общий и по соображению всех обстоятельств я опасаюсь, чтобы поведение г. Лонгинова не повлекло ответственности и на Ваше сиятельство! Сие то опасение, происходящее от моей искренней к Вам преданности, побуждает меня еще раз покорнейше просить Вас, милостивый государь, принять решительные меры к предотвращению тех неприятных последствий, которые неминуемы при настоящем образе управления Екатеринославской губернией» [3, л. 23]. Сведения о Лонгинове были тогда же переданы министру внутренних дел Д.Н. Блудову.

24 апреля Воронцов ответил, что ранее «входил во все подробности поведения и сношений губернатора, видел странное положение, в котором он находится с лучшей частью дворянства и многими чиновниками», но «формальных, законами нашими требуемых актов к явному обвинению» не было. По получении отношения Бенкендорфа он вызвал губернатора в Одессу с тем, чтобы предложить ему немедленно подать в отставку, а между тем исследовать все обстоятельства, «в том предположении, что если бы случаи сии подтвердились, отставка Лонгинова не избавит его от законной ответственности, в противном же случае долговременная служба его может еще остаться не совсем помраченной» [3, л. 33].

О развитии событий Воронцов уведомил и министра внутренних дел: «Если бы г. Лонгинов подать в отставку не согласился, в таком случае я буду просить Вашего... ходатайства о его смещении и определении на сие место состоящего при мне по высочайшему повелению статского советника Рославца, явившего уже многие опыты своего усердия и способностей» [3, л. 39].

1 мая Лонгинов подал в Одессе прошение об увольнении и представил записку, содержащую, по словам Воронцова, «самые основательные и всякого уважения заслуживающие объяснения против приписываемых ему действий» [3, л. 42]. Губернатор утверждал, что торги на пожертвованный Родзянко лес были отменены, а Розинг показал «себя столько выходящим из границ ему предписанных законом, что... и никакой другой начальник губернии не сможет и не должен сносить и одобрять таких действий прокуроров, которые пустыми протестами умножают переписку в присутственных местах и которые за черту закона выходят до того, что сей прокурор решился писать напоминания самому начальнику губернии» [3, л. 49]. Воронцов подтвердил со своей стороны, что представление о производстве Родзянко в следующий чин к нему не поступало.

Лонгинов отметил, что «имеет собственные способы к весьма приличному прожитку, не нуждаясь в каких-либо сторонних способах», а наиболее убедительно звучал аргумент в голословности обвинений: «Где основания такому жестокому обвинению? Где источник?». По его мнению, «так называемая всеобщность означенного мнения проистекает от одного только лица» — бывшего екатеринославского штаб-офицера Ольшевского, который составил «почти род заговора» со Шпербергом, устраненным от опекуна над именем жены [3, л. 50].

14 мая Бенкендорф направил Воронцову сводную записку, составленную в управлении Корпуса жандармов, где были перечислены имевшиеся в распоряжении высшей полиции отзывы о Лонгинове: «Все сии обстоятельства, хотя бы некоторые из них были и несовершенно справедливы, а другие совершенно и несправедливы, в совокупности своей уже достаточны, чтобы устранить от г. Лонгинова ту доверенность, которую Правительство должно иметь к благонамеренному губернатору» [3, л. 61], — полагал шеф жандармов. Воронцов отвечал уже партикулярным письмом в дружеском тоне. Указав на Шперберга как вероятного инициатора интриги, он позволил себе упрек в адрес жандарм-

ской службы: «Как бы сильно Вы ни доверяли агентам, нельзя быть во всех случаях уверенным, что они предоставляют достоверные сведения... Оставляю на Ваше усмотрение, были ли Вы втянуты в эти обвинения из-за частных интересов. Вероятно, следует тщательно проверять обвинения перед тем, как предъявлять их чиновникам» [3, л. 74]. Воронцов предлагал считать дело конченным, но Бенкендорф потребовал, чтобы «Ольшевский указал на доказательства, кои бы служили подтверждением доставленным от него вышеизъясненным сведениям» [3, л. 54]. Это привело к новому витку переписки, но формального разбирательства не последовало.

Таким образом, решение об отставке екатеринославского гражданского губернатора было принято в обход министра внутренних дел, к ведению которого относились вопросы утверждения и увольнения начальников губерний. Дело Лонгинова представляет показательный пример влияния высшей полиции на кадровый состав губернаторского корпуса 1830-х гг.

Список литературы

1. Бенкендорф А.Х. Воспоминания. — М.: Российский фонд культуры, 2012. — 761 с.
2. Бикташева А.Н. Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // Quaestio Rossica. — 2015. — № 2. — С. 132—143.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. I эксп. 1836. Д. 109.
4. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 551.
5. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 259.

Россия, Наполеон и Испания в 1808 г.

Аннотация. В статье отражена проблема взаимодействия России, Испании и Франции в 1808 г. В этом году на испанском дипломатическом театре завязался узел противоречий между союзными Российской и Французской империями, которые, действуя каждая в своих интересах, искали выгоды в сложившейся международной обстановке. Автор анализирует особенности русской дипломатии и русского общественного мнения в 1808 г.

Ключевые слова: Александр I; Наполеон; Жозеф Бонапарт; война за независимость Испании; русское общество.

Anastasia O. Eschenko
RUSSIA, NAPOLEON AND SPAIN IN 1808

Abstract. The article explores the problem of interaction between Russia, Spain and France in 1808. This year Spain became an area of contradictions between Russian and French empires, which acting in their own interests, were looking for benefits in the current international situation. The author analyzes the peculiarities of Russian diplomacy and Russian public opinion in 1808.

Keywords: Alexander I; Napoleon; Joseph Bonaparte; the War for independence of Spain; Russian society.

Заключение Тильзитского мира в июне 1807 г., превратившего Россию в союзницу Франции, позволило Наполеону обратиться к Пиренейскому полуострову, который все еще оставался брешью в континентальной системе императора. Кризис испанской монархии и противоречия в королевской семье предопределили вмешательство Наполеона во внутренние дела этой империи вслед за Португалией. Восстание в Аранхуэсе 17—19 марта 1808 г. привело к отречению Карла IV в пользу своего сына Фердинанда и вступлению в Мадрид Мюрата. Наполеон выступил посредником в семейном споре испанских Бурбонов

¹ **Ещенко Анастасия Олеговна** — аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: eshenko.anastasya@yandex.ru
Anastasia O. Eschenko — Post-graduate student, Department of Modern and contemporary history, Institute of history, St Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia.

(так называемое Байоннское дело) и взял тем самым на себя решение будущего Испании.

Послом России в этой стране с 1805 г. был англоман Г.А. Строганов. Целью его деятельности являлось сближение Испании с Англией, и включение первой в антифранцузскую коалицию. По ряду причин его усилия не увенчались успехом. В период кризиса 1808 г. русский посол занял сторону принца Астурийского [Фердинанд, сын Карла IV. — *Е.А.*].

Александр I доверял сведениям Строганова. Об этом свидетельствуют, в частности, данные французского посла в России Коленкура, который 27 апреля 1808 г. сообщал министру иностранных дел Шампаньи о своем разговоре с императором: «Я уже сообщил вам о моих новостях из Испании, они не отличаются от ваших, — сказал Александр I. — то, что король добровольно отрекся от престола... Принц Астурийский прекрасно вел себя по отношению к королю и даже по отношению к своей матери во время всего происходящего. Он даже дважды сохранил жизнь Князю Мира [Мануэль Годой, фаворит королевы, первый министр королевства. — *Е.А.*] и принял корону с трудом». В то же время император, ссылаясь на донесения Строганова, добавлял, что среди испанцев растет напряжение [11, с. 103—104]. Французский посол продолжал: «Вообще эти происшествия были приняты императором довольно безучастно и он, как кажется, вообще не озабочен последствиями» [2, с. 647].

В России знали о сомнениях Наполеона относительно будущего Испании на основании данных русского посла в Париже П.А. Толстого, назначение которого после подписания Тильзитского мира было не лучшей демонстрацией верности союзу. Толстой писал 29 апреля 1808 г., в период «Байоннского дела»: «Об этом много говорят в обществе, но то, что говорят довольно туманно и недостаточно для определения мнения французского правительства. Заявляют, что энергия, с которой народ Испании выступил в поддержку нового короля [Фердинанда. — *Е.А.*], остановила императора в его планах и, принимая во внимание усилия, которых стоит завоевание королевства, он сохранит в ней подобие самостоятельного правителя, ограничившись пока присоединением четырех провинций. По другой версии, кажется, что король Карл вновь взойдет на престол [после опротестования своего отречения. — *Е.А.*], а Фердинанд будет объявлен неспособным наследовать» [13, с. 511].

После первой встречи с Фердинандом в Байонне Наполеон решил не признавать его в качестве короля и установить свою династию в Испании. Поворотным моментом стало восстание 2 мая в Мадриде, которое было истолковано Наполеоном как заговор принца Астурийского. Соглашениями 5 и 10 мая власть Бурбонов в Испании пала. Новым правителем этой страны стал старший брат Наполеона неаполитанский король Жозеф.

Русская дипломатия в Испании в этот период была неотделима от факта союза с Францией, а потому признание Россией нового короля Испании было особенно важно для Наполеона. Строганов, ссылаясь на свою присягу Фердинанду VII, не спешил представляться ко двору короля Жозефа, несмотря на полученные из Петербурга инструкции. Подобное поведение посла наносило вред русско-французскому союзу, вызывало беспокойство в окружении короля Жозефа. 28 июля 1808 г. французский посол в Испании Лафорэ писал: «Строганов, кажется, колеблется до настоящего момента представиться ко двору под любым предлогом, пока не получит совета из Петербурга. Кажется, лучше, чтобы хоть кто-нибудь представился, чем позволить испанцам отметить отсутствие чрезвычайного посланника России» [18, р. 196].

В июле 1808 г. Севильская хунта, объявившая себя Верховной центральной хунтой, обратилась с письмом к Александру I с предложением установить дружеские отношения, на что был получен утвердительный ответ [14, с. 32—36]. Сношения с Хунтой имели канал связи в Петербурге через торговую контору, которую возглавлял испанец Антонио Коломби. В окружении Александра главным идеологом этого союза стал действительный статский советник Р.А. Кошелев. Переговоры были максимально тайными, даже министр иностранных дел Н.П. Румянцев не был о них осведомлен. Данный «союз», получивший свое оформление в 1812 г. подписанием договора в Великих Луках, породил политику лавирования между испанским мятежом и двором Жозефа, борьбу официальной и тайной дипломатии, что отчетливо проявилось в действиях русских послов в Мадриде.

Говоря о настроениях в обществе, отметим, что русские газеты и журналы политической направленности («Вестник Европы», издатель В.А. Жуковский; «Гений времен», издававшийся Ф. Шредером, библиотекарем великого князя Константина Павловича, фактически ставший рупором франкофилов; «Политический, статистический и географический журнал, или Совре-

менная история света»; «Санкт-Петербургский журнал») активно освещали события в Испании в 1808 г. На характер публикаций большое влияние оказывали союзные отношения России и Франции. Наличие русско-французского союза не позволяло критично относиться к действиям Наполеона и обязывало транслировать определенный образ Франции. Кроме того, сведения об Испании и испанцах черпались преимущественно из иностранных источников, переводы которых публиковались на страницах указанных изданий. Характерно было также влияние идей «просвещения» и «черной легенды» об Испании в целом в начале XIX в. [8]. Обобщая данные публикаций, выделим их основные особенности. Во-первых, война в Испании воспринималась как противостояние Англии и Франции, причем Англия, с которой Россия с 1807 г. находилась в состоянии войны, поддержавшая повстанцев, выступала как носитель реакционного начала. Во-вторых, падение Бурбонов виделось в слабости династии и силе Французской империи. Также публикации испытывали сильное влияние французской пропаганды, исторических образов и аллюзий Франции.

Одна из первых заметок обобщающего характера, посвященная испанскому кризису, появилась в «Вестнике Европы» в мае 1808 г., под заголовком «Письмо из Испании»: «На прошедшей неделе произошли здесь чрезвычайные перемены. Со времен открывшегося заговора против короля, которого главою был Астурийский принц, носились здесь разные слухи, приводившие всех в беспокойство» [6, с. 79], газета добавляла, что «назначение Французских войск, наводнивших Испанию, не есть одна осада Гибралтара — последствия откроют нам важные намерения Наполеона» [6, с. 85].

В августе 1808 г. «Вестник Европы» писал о падении Бурбонов: «Ныне Франция получила новое бытие и достигла высоты, неизвестной до сего времени. Когда все части ее укреплялись и приводимы были в цветущее состояние, какое позорище представляла Испания? Король добрый, но слабый... государство без войска, без доходов, правительство без порядка. Какой испанец мог без ужаса взирать на различие между обоими народами!.. если бы принц Астурийский сделался королем Испании, то беспрестанные жалобы отца всегда подавали бы причины ко внутренним беспокойствам и государство ежедневно страдало бы от новых судорог» [16, с. 340—341]. Подобное освещение событий вписывалось в концепцию «возрождения», которая активно про-

пагандировалась во французских газетах. В том же ключе писал «Политический, статистический и географический журнал»: «По слабости низвергнуты Бурбоны с древнего французского трона, по сей же причине, по слабости своей... низпали Бурбоны и в Испании... Сие царственное племя... опустилось в гроб политического ничтожества». В этом виделся спор между Испанией, «утесняемою от инквизиции и древних форм», и «гением девятнадцатого столетия» [7, с. 9].

Журналы публиковали широкий ряд источников, связанных с кризисом 1808 г.: манифесты Карла IV и Фердинанда VII об отречении, письмо Наполеона принцу Астурийскому, Карла IV Фердинанду, речь Жозефа при вступлении в Мадрид, бюллетени французской армии в Испании, но закономерно не могли быть на «стороне революционного народа», открыто поддерживать мятежи, памятуя о недавних событиях восстания Пугачева и французской революции. Подобный характер публикаций вызывал негодование советских историков [3; 4].

В сентябре частная газета «Гений времен» опубликовала ряд статей под общим названием «Возмутительная война в Испании. Известие об оной, помещенное во французских придворных ведомостях», которые представляют собой перевод Монитера. Главную угрозу процветания газета видела в монахах, которые «будучи почти все без просвещения и чрезвычайные суесвяты, имеют великое влияние над нижним классом народа. В Испании народ сей проживает в чрезвычайном невежестве» [1, с. 170]. Подобное восприятие вполне объяснимо для России, которая позиционировала себя как просвещенная европейская страна.

Как было упомянуто, характерной чертой публикаций было также то, что вина за разжигание войны ложилась на плечи Англии, с которой Россия также в этот период находилась в состоянии войны. «В третий уже раз Наполеон предложил Великобритании пальму мира... Новый опыт примирения сделан Наполеоном в соединении с другом своим самодержцем Александром» [9, с. 236—238], однако надежда на его достижение из-за позиции Англии была эфемерной.

В октябре «Вестник Европы» писал: «Революция в Испании есть важный шаг к уничтожению влияния англичан на твердую землю. По ту сторону Гибралтара в королевстве Фецком [Морокко. — *Е.А.*], на берегу Африки, находится крепость Цейта [Сеута. — *Е.А.*]. Она принадлежит Испании. По низвержении

Гибралтара будет она вратами, через которые просвещение и образованность разольются по плодоносным и обширным странам северной Африки, слишком давно опустошаемой варварами... тогда и Англия перестанет иметь влияние на Европу посредством колоний своих в Восточной и Западной Индии» [15, с. 298—299]. Журнал писал, что если испанцы и могут добиться успеха, лишь благодаря помощи англичан: «Кто усомнится, чтоб гений полководца великого не превозмог усилия храбрых, но разделенных, неопытных и несогласных между собою воинов?» [5, с. 318].

Интересен следующий фрагмент статьи, помещенной в «Вестнике Европы»: «Бунтовщики испанские с первого шага достигли таких ужасных крайностей, до которых не менее как в продолжение многих лет доведены были ослепленные революцией французы. Первые и лучшие люди Испании сделались жертвами исступленной черни... Война, загоревшаяся в Испании, имеет целью сохранение человечества, просвещения, торговли, и всех важнейших преимуществ гражданской жизни — сии сокровища надлежит спасти от бешеного исступления возмущившейся черни... Предсказываем решительно, что в январе 1809 г. возмущение в Испании утихнет, ни один француз, ни один здравомыслящий испанец в этом не сомневается» [10, с. 306—308].

В этом фрагменте интересны несколько моментов. Во-первых, журнал четко отделяет период французской революции от современной ему политики Наполеона и отстаивает идеи разума и просвещения, носителем которых являлась Франция. Подобное разделение встречается и в других изданиях. Так «Политический, статистический и географический журнал» писал: «Число просвещенных особ, желающих зреть отечество свое под управлением конституции, защищающей права народные, в Испании весьма велико. Равномерно в помянутом королевстве находится много и таких людей, которые желали быть свидетелями разных сцен французской революции» [1, с. 170]. Еще один момент: в России вслед за Францией считали, что война будет непродолжительной.

Здесь интересно отметить, что культурная гегемония Франции не была поколеблена войнами 1804—1807 гг. и смягчала изменения внешнеполитического курса. В период войны России с Англией, в первые годы после Тильзита, французская культура и «просвещение» стали общими точками сближения России и Франции, частью русской пропаганды Тильзитского курса.

Однако было бы неверно отождествлять газетные публикации с мнением всего русского общества. Оно в тот период лишь формировалось как феномен и представляло собой группировки, подверженные главным образом английскому или французскому влиянию. Для англофилов поддержка испанских патриотов определялась личной неприязнью к Наполеону, которого они именовали не иначе как Бонапартом, и союзу с Францией. Яркий пример тут — дневник Булгакова, наиболее часто цитируемый в историографии. Центром противников Наполеона стала мать Александра I Мария Федоровна. Эта часть дворянства также отрицательно восприняла поездку русского императора в Эрфурт в октябре 1808 г., где был подтвержден русско-французский союз. Судьба испанских Бурбонов и страх, что ее может повторить Александр I, порождали при дворе нелепые слухи.

После поражения корпуса Дюпона под Байленом Жозеф, опасаясь наступления испанских «мятежных» войск и народного бунта, 31 июля 1808 г. покинул Мадрид. За ним последовала часть дипломатического корпуса. Строганов ждал развития событий и остался в испанской столице. Его контакты с англичанами и испанским мятежом были известны при дворе короля. 10 сентября Лафорэ писал из Виттории: «Отъезд Строганова [из Мадрида и приезд его ко двору Жозефа. — Е.А.] бесконечно желателен и будет очень полезен. В Мадриде продолжают верить, что Россия собирается объявить войну Франции, что Австрия последует тут же за ней, что французская армия в Испании не сможет получить никаких подкреплений и уйдет за Пиренеи, едва испанские войска двинутся на нее. Ничто до сего времени не способствовало опровержению этих слухов» [18, р. 274].

14 октября, в день рождения Фердинанда, произошел неприятный, но весьма своевременный инцидент. Толпа, разгоряченная антифранцузскими лозунгами, напала на русское посольство в Мадриде под предлогом нахождения там французов на службе русской дипломатической миссии. Это событие было использовано Строгановым для отъезда из Испании в Вену, а затем... в Париж, куда посол перевез архивы русской миссии в Испании! Однако слухи о его возвращении циркулировали еще в течение года. Отсутствие в Мадриде российского посла устраивало Александра I: Россия формально соблюдала все свои обязательства перед Францией и имела возможность маневрировать, ожидая итоги войны в Испании. Официально Строганов был отозван только в 1810 г.

1808 г. завершился капитуляцией Мадрида 4 декабря. Эта весть и вступление короля Жозефа в испанскую столицу в январе 1809 г. позволили французам, а вслед за ними и части русского общества, считать войну оконченной. 8 декабря А.Б. Куракин (русский посол во Франции, сменивший Толстого) писал из Парижа: «Каждый раз, когда я вижу его величество, он говорит мне об испанских делах, о которых англоманы Петербурга не прекращают распускать в течение последних дней слухи самые абсурдные... Испанские дела закончатся быстро и так, как того может хотеть Его Величество» [17]. Коленкур писал Шампаньи из Петербурга: «Новость о взятии Мадрида произвела значительное впечатление и сильно изменила здесь мнение относительно войны в Испании, на которую всегда смотрели как нескончаемую» [12, с. 27]. Отъезд Наполеона из Испании в январе 1809 г. значительно усугубил ситуацию в этой стране.

1808 г., несмотря на подтверждение союза России и Франции в Эрфурте, стал в некотором роде переломным в отношениях двух стран, что проявилось в отношении к наполеоновской Испании. Россия избрала политику лавирования, не желая после Тильзита, который во Франции связывался с периодом всеобщего мира, по ряду объективных причин разрывать отношения с Англией. Россия выжидала итоги войны в Испании. Все это определило характер русской дипломатии в 1810—1812 гг.

Список литературы

1. Возмутительная война в Испании. Известие об одной, помещенное во французских придворных ведомостях // Политический, статистический и географический журнал, или Современная история света. — 1808. — Сентябрь. — Ч. 3. — Кн. 3. — С. 169—186.
2. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / под ред. А. Трачевского // Сборник Императорского Русского исторического общества. — Т. 88. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. — 754 с.
3. Додолев М.А. Россия и война испанского народа за независимость (1808—1814) // Вопросы истории. — 1972. — № 11. — С. 33—44.
4. Додолев М.А. Россия и Испания 1808—1823 гг.: Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. — М.: Наука, 1984. — 268 с.
5. Известия // Вестник Европы. — 1808. — Октябрь. — № 20. — С. 310—318.
6. Известия. Письмо из Испании от 22 марта // Вестник Европы. — 1808. — Май. — № 9. — С. 79—85.
7. Историческое и политическое обозрение 1808 года // Политический, статистический и географический журнал, или Современная история света. — 1809. — Январь. — Ч. 1. — Кн. 1. — С. 3—23.

8. Калугина Е.О. «Черная легенда» об Испании в русской культуре // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания) / сост. В.Е. Багно. — СПб., 2001. — С. 252—298.
9. Мирное предложение, učinенное Англии // Политический, статистический и географический журнал или Современная история света. — 1808. — Декабрь. — Ч. 4. — Кн. 3. — С. 236—238.
10. О войне в Испании (выписка из Публициста) // Вестник Европы. — 1808. — Октябрь. — № 20. — С. 306—309.
11. Письма и донесения Коленкура с 16 марта по 10 декабря 1808 г. // Романов Н.М. Дипломатические сношения России и Франции 1808—1812: в 7 т. — Т. 2. — СПб.: Альфарет, 2012. — 434 с.
12. Письма и донесения Коленкура с 20 декабря 1808 г. по 17 июля 1809 г. // Романов Н.М. Дипломатические сношения России и Франции 1808—1812: в 7 т. — Т. 3. — СПб.: Альфарет, 2012. — 430 с.
13. Посольство графа П.А. Толстого в Париже // Сборник Императорского Русского исторического общества. — Т. 89. — СПб.: Тип. А. Траншеля, 1893. — 916 с.
14. Россия и Испания: Документы и материалы, 1667—1917: в 2 т. — Т. 2.: 1800—1917. — М.: Международные отношения, 1997. — 344 с.
15. Пейта // Вестник Европы. — 1808. — Октябрь. — № 20. — С. 298—300.
16. Что прежним испанским правительством сделано для Испании? // Вестник Европы. — 1808. — Август. — № 16. — С. 340—341.
17. Archives du Consulat et de la Secrétairerie d'État impériale: Relations extérieures (an VIII—1815) AF/IV/1697. Doss. 4. № 56.
18. Correspondance du Comte de La Forest, ambassadeur de France en Espagne 1808—1813, 7 vol. — Vol I. — P.: Alphonse Picard et Fils, 1905—1913. — 456 p.

В.А. Болтрукевич¹

«Две новые великие реформы» кораблестроения. Появление броненосных кораблей в восприятии военно-морских кругов (1856—1862 гг.)

Аннотация. Во второй половине 1850-х — начале 1860-х гг. в военно-морском деле произошли изменения, которые вполне заслуженно можно назвать революционными. Это было связано с началом совершенно нового этапа в кораблестроении — эры броненосного флота. В этой статье мы хотим показать, как на этот переворот отреагировало военно-морское сообщество.

Ключевые слова: плавучие броненосные батареи; «Глуар»; «Уорриор»; «Монитор» и «Вирджиния»; Дж. Эриксон; С. Дюпюи-де-Лом; журнал «Морской сборник».

Vasily A. Boltrukevich

“TWO NEW GREAT REFORMS” OF SHIPBUILDING.
THE APPEARANCE OF ARMORED SHIPS IN THE PERCEPTION OF
NAVAL CIRCLES (1856—1862)

Abstract. In the second half of the 1850s — early 1860s in the naval business, a change occurred which deservedly can be called revolutionary. This was due to the beginning of a completely new stage in shipbuilding — the era of the armored fleet. In this article we want to show how the naval community reacted to this change.

Keywords: floating armored batteries; “La Gloire”; “Warrior”; “Monitor” and “Virginia”; J. Erickson; S. Dupuy-de-Lom; magazine “Marine collection”

Крымская война, начавшись грандиозной победой Черноморского флота в Синопской бухте, закончилась Парижским мирным договором, запрещающим России иметь военные корабли на Черном море. В свою очередь, флот на Балтике, прежде отличавшийся во многих морских сражениях, осуществлявший во второй половине XVIII — начале XIX в. экспедиции в Средиземное море, к 1856 г. устарел морально и физически и требовал полной модернизации и перестройки. Это понимали на самом высоком уровне

морского управления. Генерал-адмирал Великий князь Константин Николаевич писал князю А.И. Барятинскому, наместнику на Кавказе: «Мне предоставлено доверием Государя создать России флот, ибо у нас нет флота» [15, с. 248].

Перевооружение военно-морских сил России сдерживалось как политическим (запрещение постройки флота на Черном море), так и экономическим (денег едва хватало на обновление и поддержание судового состава Балтийского флота) факторами [12, с. 157—158; 38, с. 14—48]. Бюджет Морского министерства постепенно рос, но незначительно: если в 1870 г. сумма расходов Морского министерства составляла 20 135 тыс. руб., то в 1874 г. — всего 26 229 [2, с. 163]. Нехватка финансов оказывала свое влияние и на морскую политику: было решено начать с постройки оборонительного флота, как более дешевого. Это было тем более важно, так как польский кризис 1863 г. обнаружил устарелость морской обороны Кронштадта и Санкт-Петербурга. Генерал-адмирал отмечал: «Священный долг защиты Отечества налагает на морское ведомство обязанность заботиться о безопасности наших берегов; поэтому необходимо обратить, прежде всего, все средства на созидание сил оборонительных, для охранения доступов к нашим побережьям, и потом уже начать сооружение судов, предназначенных для нападения и могущих переплывать моря и океаны» [22, с. 498, 499].

Ситуация осложнялась тем, что за то время пока героический Севастополь сражался с превосходящими силами союзников, а гарнизоны Петропавловска-Камчатского и Соловецкого монастыря наносили поражения англо-французскому флоту, в кораблестроении произошли перемены, резко сказавшиеся на состоянии военно-морских сил во всем мире. Не зря многие современники дали название этому явлению «переворот»: это событие, «какого в деле ведения морской войны не было еще, кажется, с начала употребления пороха», затронуло и кораблестроение, и тактику [6, с. 14]. Аналогичным было мнение всего мирового военно-морского и научного сообщества.

Интересно отметить, что, по мнению британского естествоиспытателя конца XIX в. А.Р. Уоллеса, паровые суда не только привели «к совершенной перестройке флоты всего мира», но и стали одним из тринадцати «изобретений и практических приложений науки [имевших место в XIX в.], которые замечательны по своей новизне и которые столь глубоко повлияли не только на многие наши обычаи, но даже на мысли и речь» [36, с. 126].

¹ Болтрукевич Василий Анатольевич — кандидат исторических наук, свободный исследователь. Москва, Россия. e-mail: tikuma@mail.ru
Vasily A. Boltrukevich — Candidate of Historical Sciences, Independent researcher. Moscow, Russia

Капитан 2-го ранга М.П. Новосильский, один из авторов журнала «Морской сборник», также придерживался мнения, что к концу 1860-х гг. в кораблестроении имели место «две новые великие реформы». Первая из них произошла естественно, «вследствие великого и гениального изобретения, отразилась с одинаковой пользой и значением на всем вообще мореплавании, имела прямое влияние на все его отрасли и, одарив новой самостоятельной силой, значительно облегчила и упростила его». Вторая оказалась «вызванной современным состоянием военно-морского искусства, была вопиющей потребностью нашей эпохи; отражаясь исключительно на одном военном флоте, она произвела в нем радикальный переворот и по знаменательности своего характера существенно изменила прежнюю систему постройки судов, их вооружение и вообще все оборонительные и наступательные средства морской войны» [21, с. 5–6]. Под первой из реформ Новосильский понимал изобретение винтового двигателя, под второй — появление броненосцев.

Понимание того, что в середине XIX в. произошли важные изменения в кораблестроении, было характерно не только для морских офицеров, но и для всех мыслящих представителей военно-морских кругов. Например, русский общественный деятель М.О. Меншиков вспоминал впоследствии: «Все известно, что последнее тридцатилетие произвело целую революцию во флотах, изменив радикально самые существенные черты корабля» [17, с. 252].

Значение перемен в кораблестроении (внедрение паровой машины, винтового движителя и брони) 1850-х гг. не могло не породить особых настроений среди представителей военно-морской мысли. Так, адмирал французского флота Ж.Б.Э. Жюрбен де ла Гравьер видел в этом выгоду: «Два раза, в последнее время, представлялись случаи восстановить то равновесие сил, на которое в течение полувека нам не дозволено было рассчитывать: первый раз, в 1852 г., когда паровые корабли уничтожали парусные суда; во второй раз, в 1855 г., когда закованные суда грозили уничтожить паровые» [9, с. 357]. Интересно отметить, что аналогичное мнение о возможном использовании технических изменений в кораблестроении для установления Францией господства на море, встречается и в середине XX в., у одного из корифеев американской исторической мысли У. Мак-Нила [16, с. 262].

Столь значимые для общемировой совокупности военно-морской общественности события не могли не быть замеченными на самом высоком уровне и соответствующим образом оцененны-

ми. Так, в одном из своих первых всеподданнейших отчетов императору великий князь Константин Николаевич сообщал, что «вследствие переворота, произведенного во флотах всех наций введением винтового двигателя, все прежние *парусные* суда наши должны быть заменены судами *паровыми*» [23, с. 3]. Однако ситуация в военно-морском деле была такова, что простой замены паруса паровым двигателем было недостаточно, поскольку на сцену вышли три броненосные батареи, построенные во Франции — «Девастасьон», «Лав» и «Тоннан», способствовавшие падению крепости Кинбурн осенью 1855 г. [26, с. 1].

Надо сказать, что еще начиная с античности предпринимались отдельные попытки использовать металл для защиты кораблей [3, с. 233, 234]. Как один из примеров можно привести средневековый корейский корабль-черепаха [13, с. 97–105]. Но только с начала XIX в. эти отдельные эксперименты становятся регулярными. Однако на протяжении всей первой половины столетия все эти теоретические изыскания и практические опыты по созданию броненосных судов, как правило, не приводили к конкретному результату [3, с. 234; 14, с. 60–61]. Следует отметить, что уже первые случаи боевого применения паровых деревянных кораблей показали их уязвимость от разрывных снарядов. Именно «огромные разрушения, пожары и явная опасность, угрожающие [деревянным] кораблям в бою от действия бомбы», по словам члена Морского ученого комитета, генерал-лейтенанта морской артиллерии Р.В. Мусселиуса, побудили французского инженера Г.-Ж. Пексана предложить покрывать суда железной броней [19, с. 349]. Однако и тогда этот замысел не был реализован. Только разгром турецкого флота в Синопской бухте в 1853 г. и неудачные бомбардировки союзниками Севастополя осенью 1854 г. смогли сдвинуть дело с мертвой точки, что было засвидетельствовано представителями военно-морских кругов России [4, с. 234–235; 22, с. 487–489]. Аналогичного мнения придерживалось и зарубежное военно-морское сообщество. Так, британский инженер-судостроитель Дж. Скотт-Россель указывал, что только после 1854 г. было обращено внимание на защиту от бомб, потому что «всякий стойко держится под градом ядер, но не может устоять против действия бомб» [25, с. 124]. В свою очередь, французский публицист К. Раймон писал, что бессилие деревянных кораблей перед разрывными снарядами, продемонстрированное неудачным участием флота в первой бомбардировке укреплений Севастополя в октябре 1854 г.,

стало одним из главных мотивов, вынудивших кораблестроителей предпринять меры для внедрения броневой защиты и появления нового вида кораблей — «панцирных судов» [34, с. 307].

Следует отметить, что оценка событий начала Крымской войны (сражение при Синопе и особенно большие повреждения кораблей союзников во время первой бомбардировки Севастополя) как одного из основополагающих факторов, заставивших в деле внедрения броневой защиты перейти от теоретических изысканий и размышлений к реальным действиям, сохраняется и в новейшее время [30, с. 39]. Как пример можно привести мнение современного американского знатока морской истории Л. Пейна. Он указывает, что хотя в ходе боевых действий винтовые корабли союзников «могли вступать в бой и выходить из него когда угодно, деревянные корпуса не выдерживали попадания российских снарядов, поэтому французы построили несколько плавучих батарей, закованных в четырехдюймовую металлическую броню и сохранявших неуязвимость даже в непосредственной близости от обороняющихся фортов» [31, с. 625].

Таким образом, можно констатировать: одним из результатов Крымской войны стало всеобщее убеждение в том, что деревянные парусные и паровые корабли отошли в прошлое [18, с. 17; 27, с. 1]. Взятие союзниками в октябре 1855 г. крепости Кинбурн оказало большое влияние на кораблестроение и военно-морское дело, поскольку стало дебютом нового, доселе не виданного типа кораблей — броненосцев. Рассмотрим, как военно-морские круги отреагировали на это.

Один из официальных обзоров истории Российского флота называл эти корабли «слабыми родоначальниками нынешних грозных броненосцев», чьи имена «навсегда останутся памятными в истории броненосного судостроения» [22, с. 489]. Одновременно печатный орган Морского ведомства отмечал в 1860 г., что «опыт над батареями признан был вполне удовлетворительным; он доказал, что плавучие железные батареи не только в состоянии принимать без вреда себе крепостные ядра, но и отбрасывать их от себя» [10, с. 188].

Следует отметить, что и зарубежные военно-морские круги оценивали последствия этого сражения достаточно высоко. Так, французский морской офицер резерва С. Шабо-Арно отмечал: «В особенности, один факт... придает очень большое значение делу под Кинбурном; в то время как русские снаряды, попадая в большом количестве в борта *французских броненосных плавучих батарей*,

не производили на них никакого другого действия, как только оставляя небольшие углубления в точках удара, — артиллерия с этих судов делала большие бреши в стенах русской крепости, чем, вероятно, более всего способствовала к такой быстрой ее сдаче» [37, с. 400]. Таким образом, мы вполне можем согласиться с мнением одного из современных историков флота, указывающего, что именно французские плавучие батареи «положили начало становлению броненосных флотов» [14, с. 61].

Существовала и другая, более умеренная точка зрения. Одним из ее представителей являлся генерал-лейтенант Мусселиус, который характеризовал первые в мире броненосцы так: «Эти совершенно плоскодонные плавучие батареи, похожи на верхнюю часть большого корабля, срезанную горизонтальной плоскостью в нескольких футах ниже грузовой ватерлинии, и сидят очень неглубоко в воде, так что, по большой чувствительности их к волнению, они вовсе не благоприятствуют меткости выстрелов» [19, с. 352]. Мнение о плохой мореходности плавучих батарей подтверждалось и другими свидетельствами. Адмирал французского флота Пари, в эскадре которого они шли в Черное море, сравнил их с черепахами и вспоминал, что «натерпелся с ними много горя, опасаясь, чтобы они не опрокинулись» [4, с. 235].

Следует отметить, что некоторые представители военно-морских кругов сомневались в том, что именно присутствие французских броненосных батарей решило исход сражения за Кинбурн. Так, один из участников войны указывал на то, что бомбардировка плавучими батареями явилась только одной из причин сдачи укреплений [24, с. 124—128]. Аналогично и французский военно-морской теоретик Р. Гривель указывал, что боевой опыт не смог предоставить надежных данных для решения вопроса о результативности деятельности «морских батарей против береговых батарей» [8, с. 5]. На этом фоне выглядит весомым предположение одного из современных военно-морских историков о случайности успеха французских плавучих батарей под Кинбурном [30, с. 43].

Тем самым первые французские броненосные корабли, в которых «еще ясно проглядывало младенчество судов береговой обороны» [33, с. 174], несмотря на всю противоречивость оценок со стороны военно-морских кругов, указывавших многие недостатки, смогли оставить свой след в истории кораблестроения и военно-морской мысли. Они смогли дойти до Черного моря и продемонстрировать всем в мире зарождение небывалого ранее

типа боевых кораблей. В связи с этим мы должны согласиться с указанием Шабо-Арно на то, что практическое применение «броненосных поясов для защиты бортов судов» во время Крымской войны должно было продемонстрировать знающим людям о грядущем громадном перевороте в деле войны на море [37, с. 404].

Участие во взятии крепость Кинбурн французских плавучих батарей, которые смогли остаться невредимыми под огнем фортов, вдохновило талантливого французского кораблестроителя С. Дюпюи-де-Лома на создание первого в мире настоящего броненосного корабля «Глуар». Он получил деревянный корпус, обитый «металлическим панцирем с металлическим крепежом» [31, с. 624]. Спуск на воду этого корабля в 1858 г. привлек большое внимание мирового, в том числе русского военно-морского сообщества. Отклики были в основном благоприятными. Так, командир фрегата «Генерал-Адмирал» капитан 1-го ранга И.А. Шестаков назвал «Глуар» «первенцем броненосной силы» и отмечал в качестве одного из основных качеств нового корабля достижение им большой скорости [39, с. 367]. Большой интерес к новому кораблю проявил «Морской сборник», внимательно следивший за всеми новинками зарубежного военно-морского дела. Так, на его страницах был опубликован доклад адмирала Пари, в котором указывалось: «Появившись так внезапно и обратив на себя такое сосредоточенное внимание, *Gloire* рассеял все сомнения... относительно возможности для судов носить броню, сохраняя способность быстроты хода новейших деревянных кораблей» [5, с. 129]. Шабо-Арно писал, что на испытаниях «Глуара» «получилась замечательная скорость хода и доказаны были хорошие морские качества этого судна; оно отлично держалось в море во всякую погоду» [37, с. 448].

Любопытно, что еще в середине XX в., когда последние представители класса броненосцев — быстроходные линейные корабли — доживали свой век, английский морской историк О. Паркс приравнял постройку «Глуара» к созданию в 1905 г. «Дредноута», корабля, чье появление в начале прошлого столетия стало эпохальным [29, с. 4].

Во Франции не стали останавливаться на первом успехе и вскоре спустили на воду целую серию броненосцев типа «Глуара». Начало броненосного кораблестроения нарушило паритет между английским и французским флотами, было воспринято англичанами как угроза своему морскому могуществу и породило «морскую панику» 1858 г. Паркс писал: «В принципиально новом типе

боевого корабля и широких возможностях броненосца Франция видела в будущем кульминацию ее усилий по достижению господства на морях. Если бы она смогла достичь превосходства в броненосцах... то Трафальгар и Ватерлоо были бы отомщены» [28, с. 8]. Здесь можно отметить несомненную параллель с мыслями Жюрьен де ла Гравьера.

«Морской сборник» отмечал, что вопросом о броненосном судостроении «сильнее всего, как кажется, заинтересованы... англичане» [10, с. 187]. В ответ на французскую инициативу Британское адмиралтейство приступило к постройке двух первых своих броненосцев — «Уорриор» и «Блэк Принс». Одна из ведущих британских газет, «Таймс», так характеризовала первый отечественный броненосец: «Этот фрегат, названный *Warrigor*, несгораемый, непробиваемый ядрами — представит самое большое, самое крепкое, и самое быстрое на ходу судно, из всех существующих военных судов» [40, с. 178]. По мнению британцев, он предвосхищал наступление новой эры британского флота и являлся гарантией их владычества на море: «Британская нация видит в своем первенце неуязвимый оплот для защиты государства и основывает на нем самые свои лучшие надежды» [11, с. 236].

Казалось, после того как две главные морские державы-соперницы обзавелись броненосцами, всякие сомнения в выгоды строительства кораблей нового типа должны были быть отброшены. Однако этого не произошло. Даже в Великобритании не сразу приступили к массовому строительству броненосного флота. Одним из основных факторов, тормозивших внедрение кораблей нового типа, была их высокая стоимость. Другим — довольно сильная оппозиция со стороны промышленников, не желавших ломать хорошо отлаженное производство [35, с. 5]. Все это порождало среди военно-морской общественности некоторый скепсис. Дополнительным поводом для недоверия к новому типу кораблей было то, что первые его представители, в силу различных причин, имели ряд недостатков. Так, хотя «испытания “*Gloire*” и “*Warrigor*” доказали возможность создать такие броненосные флоты, которые могли бы с успехом держаться и плавать в открытом море, но они же показали и то, что построенные суда были далеко не совершенны: их сильно качало, при свежем ветре они не могли идти большим ходом, не рискуя потерпеть серьезные аварии, наконец, принуждены были заdraивать порта в такую погоду, когда хорошее винтовое судно могло бы с успехом пользоваться всей своей артиллерией» [37, с. 448].

Исходя из этих настроений, требовалось некоторое резонансное событие, которое показало бы несомненное превосходство броненосных судов над прочими типами военных кораблей. Таковым стала гражданская война, вспыхнувшая в США в 1861 г. Именно ей было суждено стать катализатором прогресса в военном и военно-морском деле, как в тактике и стратегии, так и в техническом аспекте. Одной из областей, где это воздействие проявилось в достаточной мере, явилось кораблестроение. Боевые действия на речных и морских театрах Американской войны способствовали тому, что был дан сильнейший импульс для активного развития мирового броненосного судостроения. Так, с целью ликвидации превосходства на море северян в обстановке строжайшей тайны на верфях Норфолка была осуществлена переделка винтового фрегата «Мерримак» в казематный броненосец «Вирджиния». 8 марта 1862 г. стало рубежной датой в истории флота: на Хэмптон-роудз произошло сражение между «Вирджинией» и эскадрой северян, в результате которого два корабля унионистов были потоплены, один — загнан на мель. Подобного исхода не ожидал никто. В самом деле, «единичный случай уничтожения “Мер[р]имаком” деревянной эскадры северян послужил сигналом для объявления смертного приговора старому деревянному флоту» [32, с. 1—2].

Один из участников событий вспоминал: «Не существовало морского сражения, которое было бы более широко обсуждаемо или произвело бы большую сенсацию. Оно революционировало военно-морские флоты всего мира» [7, с. 23]. Столь высокая оценка этого события разделялась и официальными кругами Российского Императорского флота: этот бой «совершил огромный переворот в способах ведения морской войны, окончательные результаты которого невозможно предвидеть и определить даже в настоящее время»; «морские державы, считавшие себя могущественными на море, вдруг увидели, что они почти вовсе беззащитны, если не примут решительных мер к созданию броненосных флотов, и началась поспешная, лихорадочная деятельность» [22, с. 462, 487].

Однако мировую военно-морскую общественность ждали еще большие изменения. Если «Вирджиния» — «Мерримак» представлял собой экспромт, переделку винтового фрегата унионистов, то ответ северян на него, «Монитор», задуманный с нуля, открывал новую страницу в истории кораблестроения. Более того, его название стало нарицательным, дав имя новому типу броненосцев.

Его изобретатель, инженер шведского происхождения Дж. Эрикссон по праву может быть поставлен в один ряд с самыми знаменитыми техническими гениями того времени. Не случайно один из его современников утверждал, что если бы автор проекта «Монитора» «не был вовсе известен до того времени, то изобретение монитора прославило бы его на вечные времена» [20, с. 18]. Хотелось бы подчеркнуть, что значение появления этого броненосца разделяется и современными историками флота [35, с. 4].

Революционность появления этого корабля сразу же была отмечена военно-морским сообществом того времени. Не обошли его вниманием и русские военно-морские круги. Следствием этого явилось огромное количество статей (переводных, аналитических и пр.), появившихся в журнале «Морской сборник». Из них следует, что пока еще несовершенное детище технического прогресса вызвало, наряду с восхищением от смелости конструкторского замысла и открывающимися перспективами в войне на море, некоторый шок: «Изобретение мониторов действительно извращает все наши понятия о плавающих судах» [1, с. 1]. Действительно, «Монитор» своим внешним видом не походил ни на один из существующих в то время боевых кораблей. Л. Пейн указывает, что «Монитор» Дж. Эрикссона был «предельно революционным», поскольку являлся первым в мире военным кораблем, «не имевшим рангоута и весел» [31, с. 630].

Подведем итоги. Прежде всего, хотелось бы отметить, что сам факт появления первых броненосцев хотя и вызвал широкий резонанс, все же не смог окончательно решить дело в пользу использования брони для защиты боевых кораблей. Только события Гражданской войны в Америке доказали необходимость существования броненосных кораблей и спровоцировали начало их массового строительства в морских державах. Хотя на тот момент новый тип кораблей пока что выглядел весьма примитивно и имел много «детских болезней», у него было более чем вековое будущее. Его рождение вызвало один из крупнейших переворотов в военно-морском деле.

Материалы, опубликованные в «Морском сборнике», а также и высказывания отдельных морских офицеров показывают, что русская военно-морская общественность пристально следила за процессами, шедшими в мировом кораблестроении. Все это, в конце концов, привело к появлению кораблей нового типа и в русском флоте.

Список литературы

1. Американский монитор «Миантономо» // Морской сборник. — 1866. — № 8. Броненосное судостроение. — С. 1—10.
2. Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История — статистика: в 4 т. — Т. 4. — СПб.: «Общественная Польза», 1882. — 307 с.
3. Боголюбов Н.П. История корабля, общедоступное изложение судостроения и судоходства у всех прибрежных народов от древнейших времен до наших включительно: в 2 т. — Т. 1. — М.: Тип. Снегирева, 1879. — 354 с.
4. Боголюбов Н.П. История корабля, общедоступное изложение судостроения и судоходства у всех прибрежных народов от древнейших времен до наших включительно: в 2 т. — Т. 2. — М.: Тип. Снегирева, 1879. — 707 с.
5. Броненосные суда. Извлечение из записки, представленной вице-адмиралом Пари французской академии наук. (Из Revue maritime et colonial) / пер. Н. Коха. // Морской сборник. — 1866. — № 1. Неофициальная часть. — С. 129—152.
6. Броненосные фрегаты и тараны. // Морской сборник. — 1862. — № 2. Современное обозрение. — С. 12—19.
7. Вуд Дж. Т. Первый бой броненосцев // «Монитор» и «Мерримак»: сборник статей о кораблях-броненосцах. — СПб.: «Тайфун», 1995. — С. 23—34.
8. Гривель Р. О морской войне до новейших изобретений и после них. Атака и оборона берегов и портов. Война в открытом море. Исторический и стратегический этюд / пер. В.В. Иванов. — СПб., 1871. — 325 с.
9. Жюрьен де ла Гравьер Ж.Б.Э. Воспоминания адмирала // Морской сборник. — 1860. — № 13. Неофициальная часть. — С. 432—546.
10. Заграничная морская хроника // Морской Сборник. — 1860. — № 13. Смесь. — С. 187—230.
11. Заграничная морская хроника // Морской сборник. — 1861. — № 2. Современное обозрение. — С. 234—273.
12. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802—1902) / сост. С.Ф. Огородниковым. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1902. — 263 с.
13. Каторин Ю.Ф. Предтеча броненосцев // Гангут. — Вып. 55. — СПб.: «Гангут», 2009. — С. 97—105.
14. Кондратенко Р.В. Роль броневоего производства в России до Первой Мировой войны // Гангут. — Вып. 45. — СПб.: «Гангут», 2007. — С. 60—69.
15. Копия собственноручного письма великого князя Константина Николаевича наместнику на Кавказе князю А.И. Барятинскому от 24 июня 1857 года // Головин А.В. Великий князь Константин Николаевич. — СПб.: «Д.А.Р.К.», 2006. Приложение VIII. — С. 247—248.
16. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI—XX вв. / пер. с англ. Т. Ованнисяна. — М.: «Территория будущего», 2008. — 456 с.
17. Меньшиков М.О. По портам Европы 1878—1879 гг. Очерки заграничного плавания на фрегате «Князь Пожарский». — Кронштадт: Тип. Кронштадтского Вестника, 1884.
18. Мордовин П.А. Английский неброненосный флот. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1881. — 179 с.
19. Мусселиус Р.В. О броненосных судах // Морской сборник. — 1860. — № 11. Неофициальная часть. — С. 349—361.
20. Некролог Эриксона // Морской сборник. — 1869. — № 4. Броненосные суда. — С. 17—18.
21. Новосильский М.П. Проект эволюций для броненосного флота // Морской сборник. — 1867. — № 12. Неофициальная часть. — С. 1—62.
22. Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича, 1855—1880: в 2 ч. — Ч. 1. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1880. — 592 с.
23. Обзор заграничных плаваний судов Русского военного флота. 1850—1866: в 2 т. — Т. 1. СПб.: Тип. Морского министерства, 1871. — 701 с.
24. Овладение неприятелем крепостью Кинбурн во время Крымской войны / сообщил Иван Воронов // Русская Старина. — 1908. — № 7. — С. 124—128.
25. О железных стенах Англии. (Извлечение из речи, сказанной в королевском великобританском институте Джоном Скоттом-Росселем) / пер. М.М. Окунева // Морской сборник. — 1862. — № 10. Смесь. — С. 122—130.
26. Окунев М.М. Обзор последних усовершенствований по разным отраслям морского искусства // Морской сборник. — 1863. — № 3. Современное обозрение. — С. 1—42.
27. О превращении английских винтовых кораблей в броненосные башенные суда. (Лекция г. Хенвуда в Обществе соединенных служб, 5 апреля 1869 г.) // Морской сборник. — 1869. — № 12. Броненосные суда. — С. 1—31.
28. Паркс О. Линкоры Британской империи: в 7 ч. — Ч. I: Пар, парус и броня / пер. с англ. — СПб.: «Галей-Принт», 2001. — 216 с.
29. Паркс О. Линкоры Британской империи: в 7 ч. — Ч. III: Тараны и орудия-монстры / пер. с англ. — СПб.: «Галей-Принт», 2004. — 136 с.
30. Пятинин С.В. Броненосные батареи Крымской войны // Арсенал-Коллекция. — 2016. — № 12 (54). — С. 39—44.
31. Пейн Л. Море и цивилизация. Мировая история в свете развития мореходства / пер. с англ. И.В. Майгуровой. — М.: АСТ, 2017. — 832 с.
32. Пестич Ф.П. Параллель между боевой силой современного и прежнего парусного флотов в связи с их стоимостью. (Доклад, сделанный генералом Пестичем 8 апреля 1894 года). — СПб.: Тип. кн. В.П. Мещерского, 1894. — 31 с.
33. Подвижная оборона гаваней и рейдов флотом / пер. Д.М. // Морской сборник. — 1869. — № 7. Неофициальная часть. — С. 169—196.
34. Раймон К. Флоты французский и английский с 1815 года / пер. с фр. // Морской сборник. — 1862. — № 8. Неофициальная часть. — С. 299—319.
35. Титушкин С.И. Первые броненосцы // «Монитор» и «Мерримак»: сборник статей о кораблях-броненосцах. — СПб.: «Тайфун», 1995. — С. 3—8.
36. Уоллес А.[Р]. Век чудес. Его успехи и темные стороны / под ред. В. Шевякова. — СПб.: Типо-лит. В.А. Тиханова, 1900. — 301 с.
37. Шабо-Арно С. История военных флотов / пер. с фр. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1896. — 519 с.
38. Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. — М.: МГУ, 1990. — 183 с.
39. Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. — СПб.: «Судостроение», 2006. — 784 с.
40. Warrior, фрегат, обшитый железом // Морской сборник. — 1860. — № 2. Смесь. — С. 176—181.

Ф.И. Мелентьев¹

Образ великого князя Александра Александровича в рукописных воспоминаниях князя В.П. Мещерского о цесаревиче Николае Александровиче

Аннотация. Статья посвящена изучению образа великого князя Александра Александровича в мемуарном наследии князя В.П. Мещерского. Автор приходит к выводу, что, конструируя образ наследника престола в своих рукописных воспоминаниях, Мещерский стремился сблизиться с цесаревичем Александром Александровичем.

Ключевые слова: цесаревич Александр Александрович; Александр III; цесаревич Николай Александрович; князь В.П. Мещерский; К.П. Победоносцев; мемуары; воспоминания.

Fedor I. Melentev

THE IMAGE OF GRAND DUKE ALEXANDER ALEXANDROVICH IN THE VLADIMIR MESHCHERSKY'S HANDWRITTEN MEMOIRS ABOUT TSESAREVICH NICHOLAS ALEXANDROVICH

Abstract. The article is devoted to the study of the image of Grand Duke Alexander Alexandrovich in the Prince Vladimir Meshchersky's memoir heritage. The author concluded that Meshchersky sought to get closer to the Crown Prince Alexander by constructing the image of the heir to the throne in his handwritten memoirs.

Keywords: Tsesarevich Alexander Alexandrovich; Alexander III; Tsesarevich Nicholas Alexandrovich; prince V.P. Meshchersky; C.P. Pobedonostsev; memoirs.

Великий князь Александр Александрович стал наследником престола в 1865 г. после смерти своего старшего брата — цесаревича Николая Александровича. Вспоминая о входившем в ближайшее окружение старших сыновей Александра II князе Владимире Петровиче Мещерском (1839—1914) и его дружеских взаимоотно-

шениях с цесаревичем Николаем Александровичем, граф С.Д. Шереметев отмечал, что «после его кончины он [Мещерский. — Ф.М.] сохранил те же отношения» с великим князем Александром Александровичем «по наследству» [7, с. 65]. Мемуарист сообщал, что «новому цесаревичу нужно было составить двор» и что «многие из числа близких к покойному цесаревичу перешли к брату», причем «по наследству от старшего брата» перешел к великому князю Александру Александровичу «также и князь В.П. Мещерский» [7, с. 419], не имевший, впрочем, официальной должности при наследнике.

И хотя «переход» князя к новому наследнику был во многом предreshен («Все близкие моего брата будут и мне близки», — напоминал Мещерский цесаревичу Александру Александровичу его слова 2 июля 1866 г. [9, с. 164]), тем не менее, Владимир Петрович, служивший в то время чиновником особых поручений при Министре внутренних дел, приложил определенные усилия для того, чтобы занять видное место в окружении цесаревича. При этом, как отмечает В.А. Астанков, «если верить самому Мещерскому, то его желание сблизиться с молодым цесаревичем было обусловлено исключительно бескорыстным стремлением помочь тому после кончины Николая Александровича освоиться на новом поприще и лучше подготовиться к престолу» [1, с. 16]. Одним из способов «заявить о себе» как о своего рода сподвижнике нового наследника стало написание воспоминаний о покойном цесаревиче Николае Александровиче и поднесение их Александру II в качестве подарка на новый 1866 г. Разумеется, особое место в этих воспоминаниях занимал образ великого князя Александра Александровича.

Прежде чем перейти к рассмотрению того, как преломлялся образ великого князя в тексте Мещерского, следует кратко охарактеризовать эту до сих пор не опубликованную 125-листную рукопись [2]. Ее основное содержание изложено в специальной статье, посвященной выяснению жанра этих мемуаров [5]. Как отмечает Н.В. Черникова, которая ввела рукопись в научный оборот, текст «выдержан в патетическом духе и помимо личных воспоминаний Мещерского содержит большие разделы, посвященные путешествию Николая Александровича по России в 1863 г. и его педагогам» [9, с. 644]. При написании воспоминаний князь консультировался с преподавателями цесаревича, о чем свидетельствуют бесценные эпистолярные материалы, опубликованные Н.В. Черниковой. «Мне хотелось очень повидаться с профессорами покойного Вашего брата, — писал Мещерский Александру Александро-

¹ Мелентьев Федор Ильич — главный специалист Отдела научно-информационной и справочной работы Государственного архива Российской Федерации. Москва, Россия. e-mail: fim91@mail.ru

Fedor I. Melentev — Chief specialist, Department of scientific information and reference work, State Archive of the Russian Federation. Moscow, Russia.

вичу 26 июля 1865 г., — чтобы услышать от них несколько живых воспоминаний и впечатлений о его ученическом периоде жизни» [9, с. 141]. Так, например, у И.К. Бабста, преподававшего Николаю Александровичу статистику, Мещерский просидел «часа два и слушал его воспоминания о дорогом покойнике» [9, с. 142].

Кроме того, князю удалось встретиться с историком С.М. Соловьевым, учившим Николая Александровича. «Он сказал мне между прочим, — сообщал Мещерский Александру Александровичу, — “Я удивляюсь Вашей смелости, Вы беретесь за труд, которого я не дерзаю предпринять, писать о человеке, который еще не жил”» [9, с. 143]. Практически то же говорил двоюродный брат цесаревича герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский, отговаривавший князя от его затеи. «По словам герцога, — излагает М.М. Леонов его письмо к Мещерскому от 15 августа 1865 г., хранящееся в Бахметевском архиве, — сочинение состояло бы из описания только лишь характера, стремлений, желаний цесаревича. “Человек не живший, не действовавший на общественном или научном поприще, человек не полный”, — заключал Лейхтенбергский» [3, с. 56].

Тем не менее Мещерский сообщал Александру Александровичу 26 июля 1865 г., что «после объяснения цели» Соловьев «отчасти согласился» с доводами князя и обещал ему содействие [9, с. 143]. В своих письмах наследнику Мещерский описывал работу над мемуарами. «Встаю в 7 часов, ложусь в 11, в промежутки пишу введение в Очерк жизни Вашего покойного брата и друга (которое вместе с программой самого очерка намерен прочесть в Москве Бабсту и Победоносцу[еву])», — писал он 1 августа 1865 г. [9, с. 144]. К.П. Победоносцев, преподававший Николаю Александровичу гражданское право, также делился с князем своими воспоминаниями об ученике. «Я пошел к молодому Мещерскому и просидел у него до двух часов ночи, — писал Победоносцев А.Ф. Тютчевой 28 мая 1865 г. — Он близко знал покойного и горько об нем сокрушается — мы проговорили об нем. Я читал некоторые письма его и все больше узнавал его и дивился» [10, л. 1—1 об.] (это письмо необходимо иметь в виду будущему составителю полной публикации переписки Победоносцева с сестрами Тютчевыми, сохранившейся в основном в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки).

Активная деятельность «во имя покойного престолонаследника» объяснялась, по мнению М.М. Леонова, «помимо дани уважения» к Николаю Александровичу, стремлением князя «упрочить связи с Александром Александровичем», ведь тот «был глубоко привязан к

старшему брату, поэтому Мещерский мог рассчитывать на всестороннюю поддержку своих начинаний и благодарность за них» [3, с. 56]. Каким же предстал в рукописных воспоминаниях Мещерского образ Александра Александровича, который, безусловно, должен был стать одним из читателей (или слушателей) этих воспоминаний и, естественно, обратить особое внимание на строки о себе?

Воспоминания Мещерского обрисовывали изменения во взаимоотношениях Николая и Александра Александровичей начиная с детских лет и заканчивая смертью наследника престола. Князь, очевидно, со слов покойного цесаревича, упоминал о педагогической ошибке воспитателей великих князей, связанной со сравнением ими братьев (в число которых входил также великий князь Владимир Александрович), отличавшихся друг от друга по своим способностям и телосложению. «В самые первые годы уже детства, — писал Мещерский, познакомившийся с великими князьями только в 1861 г., — нежная природа покойного цесаревича не только не вызвала особенный уход за нею, по возможности бережливый и отдельный от ухода за физическим развитием его братьев, с которыми он тогда воспитывался, но, напротив, служила как бы поводом постоянного сравнения, и так как это сравнение было всегда в невыгоду нежному сложению наследника, то вызвало ему упреки в присутствии братьев и в то же время затрогивало чувствительное самолюбие дитяти, побуждая его предпринимать все усилия в ущерб своему физическому развитию, чтобы приравнять себя к братьям и сверстникам-товарищам и чрез это избегать упреков и насмешек, которые как бы входили в систему его воспитания» [2, л. 43 об.—44].

Как вспоминал Шереметев, в ту пору «жил цесаревич вместе с братьями, и у них был общий воспитатель генерал-адъютант Зиновьев с двумя помощниками, генералами Гогелем и Казнаковым. Трудно понять, какими соображениями руководствовались при подобном выборе. Нельзя сказать, чтобы это были дурные люди, напротив того, но они не были на высоте своего положения» [7, с. 192—193]. В 1859 г., после совершеннолетия, которое у наследников российского престола согласно Учреждению об Императорской фамилии наступало раньше других великих князей, Николай Александрович был отделен от братьев. «Когда цесаревичу минуло 16 лет, началась перемена к лучшему. Его отделили от братьев, и он жил в отдельном помещении в т.н. Шепелевском дворце». При этом наследника «окружили новыми людьми»: «К нему назначен был флигель-адъютант Рихтер, офицер Кавказ-

ской армии, а попечителем граф Сергей Григорьевич Строганов» [7, с. 193].

Тем не менее, «в последующее время, когда великий князь отделился от братьев и воспитывался одиноко, еще более, увы! усилилось гонение на него за его нежную и деликатную натуру.. юный цесаревич должен был перед несколькими зрителями проявлять свою ловкость, искусство и свою силу, под страхом всеобщих насмешек и упреков за малейшее проявление неловкости или слабости сравнительно с другими». Однако «несмотря на все эти усилия, редко удавалось великому князю не отставать за несколькими геркулесами своего возраста, которых Бог одарил крепким сложением и отличным здоровьем» [2, л. 44, 44 об., 45]. Характерно, что в письмах к новому наследнику Мещерский называл геркулесом как раз своего адресата [9, с. 144].

Раздельное воспитание великих князей приводило их к осознанию своего одиночества и изолированности от мира. По крайней мере, именно так Мещерский передавал ощущения Николая Александровича. «Помню, что в то время [имеется в виду 1861 г. — Ф.М.] более всего я задумывался над одиночеством великого князя, — писал Мещерский. — Слова его “мы здесь живем как в монастыре” часто приходили на память» [2, л. 33 об.—34]. Примечательно, что в письмах самого цесаревича к Мещерскому выражена та же мысль, хотя и иными словами. «Но что ж, наконец, интересно, что же жизнь, участие, движение, сила, — вопрошал Николай Александрович в письме к Мещерскому в 1864 г. — Ведь это же должно быть что-либо, ведь без этого жить не стоит. Да, это все есть и есть именно у нас в России, но всего этого я не вижу, потому что живу чуть не хуже китайского богдыхана» [12, р. 262] (о формировании представлений о России великих князей Николая и Александра Александровичей подробнее см.: [6]). Поэтому князь вспоминал, что душа цесаревича казалась ему «именно пленницею в монастыре, ибо впечатления ее и сокровенные мысли он мог только открывать другу и товарищу по возрасту: этого товарища постоянного у него в то время не было; брат его Александр Александрович не подрос еще к тому возрасту, когда он мог сделаться его другом: их разделяла система воспитания и различие в летах, так что великий князь был всегда один в те часы, когда он не беседовал серьезно или не сидел у своего стола, имея перед собою профессора» [2, л. 34 об.].

Занять место товарища престолонаследника попытался сам Мещерский. «В затворе Вашего прошедшего, — писал он цесаревичу

11/23 августа 1864 г., — Ваша духовная природа работала как бы за двоих, за Вас и за тех, которыми Вы могли бы проверять впечатления и от которых могли бы проходить к Вам свежие силы» [12, р. 265]. Разумеется, что в таком случае внести свежую струю в дворцовую обитель мог только сам Мещерский, тем более, что, по его словам, зимой 1861—1862 гг. цесаревич виделся со своими братьями только «за обедом и прогулками» или на музыкальных вечерах [2, л. 15, 50 об.].

Однако уже в 1862 г., по воспоминаниям Мещерского, между великими князьями Николаем и Александром Александровичами начали завязываться более близкие дружеские отношения, ощутить которые им помогло расставание, вызванное поездкой младших братьев цесаревича в курортный город Либаву, находившуюся в Курляндской губ. «В первый раз разлука ему [цесаревичу. — Ф.М.] с братом показалась тяжелою, хотя длилась сперва только один день, ибо наследнику предстояло увидеться с ними в Либаве, куда они уезжали на морское купанье, но увидеться дней на 10, ибо ему надо было опять вернуться. Если я здесь упоминаю об этой разлуке, то это потому, что в этом году наследник положил начало этой тесной и неразрывной дружбе с своим братом, которая для обоих имела столько значения в настоящем и могла иметь еще более значения в будущем» [2, л. 57 об.—58].

Именно в связи с взаимоотношениями августейших братьев Мещерский дал характеристику Александру Александровичу, объясняющую значение дружбы старших сыновей Александра II. «Прямая, но в то же время скрытая душа второго сына государя, — писал Мещерский, — требовала в эти уже годы нежного и заботливого ухода» [2, л. 58—58 об.]. По всей видимости, необходимость «заботы» о душе великого князя еще более ощущалась Мещерским в 1865 г. После смерти цесаревича Владимир Петрович надеялся в некоторой степени восполнить великому князю потерю старшего брата и, можно сказать, предлагал императору свои услуги на этом поприще. Поэтому не случайны следующие строки воспоминаний Мещерского, относящиеся к 1863 г.: «Между прочим, великий князь, говоря о людях, заговорил о тех, которые искренно ему преданы: “Мой первый друг это Саша, а потом у меня несколько таких людей, которым я верю, и которые в меня верят, но их не много, — поспешил великий князь сказать. — Дружбы со мною достигнуть не легко, ибо Вы не знаете еще, какой я недоверчивый человек”» [2, л. 64 об.—65].

Упомянув же о дружбе великих князей, Мещерский писал: «Наследник не мог не чувствовать потребность в постоянном спутнике

и собеседнике, который в одно время мог быть его товарищем и его другом в самом широком и возвышенном значении этого слова» [2, л. 58 об.]. Чтобы подчеркнуть близость августейших братьев, князь привел прямую речь почившего наследника. «Мне жаль и скучно было расстаться с моим Сашею», — говорил он на другой день, сидя в лодке, несмотря на то, что в тот же вечер ему предстояло ехать в погоню за ним в Либаву» [2, л. 58 об.]. Естественно, что, читая эти строки, Александр Александрович должен был еще раз почувствовать горечь утраты брата и «единственного друга», как он называл покойного в письме к Мещерскому 12 апреля 1865 г. [11, с. 12]. И только «понимавший» внутренний мир обоих братьев Мещерский мог бы в той или иной мере занять то место, которое занимал в душе нового наследника старший брат. Не удивительно, что в своих многочисленных письмах к Александру Александровичу князь неоднократно ссылался на авторитет покойного цесаревича [9].

Следующая разлука братьев произошла в 1863 г., когда цесаревич Николай Александрович отправился в путешествие по России. «Жаль, — говорил он перед своим отъездом, — что нельзя мне поехать с моим Сашею, как бы хорошо было бы и ему, и мне», и действительно, при этой дружбе, получившей уже для обоих столь живое значение, нельзя было не желать ему в спутники родного брата и нельзя было не жалеть о том, что желанию великого князя не суждено было осуществиться» [2, л. 68 об.]. Впрочем, не осуществилось и желание Мещерского войти в свиту путешествовавшего цесаревича [8, с. 166]

Тем не менее, великие князья вели активную переписку во время разлуки летом 1863 г. [4]. Любопытно, что наиболее яркие фрагменты писем цесаревича вошли в воспоминания Мещерского, включая и «чрезвычайно секретные» эпизоды, связанные с мимолетными влюбленностями наследника [2, л. 105]. Использование Мещерским этих писем красноречиво свидетельствовало о степени его близости к Александру Александровичу в 1865 г., и в то же время позволяло последнему почувствовать свою причастность к созданию воспоминаний о старшем брате.

Подводя итоги, следует отметить, что образ Александра Александровича в рукописных воспоминаниях Мещерского о Николае Александровиче был довольно разносторонен и весьма комплексен, но в то же время некоторые его черты были подвергнуты князем замалчиванию. В частности, по воспоминаниям Мещерского, именно педагогическая ошибка воспитателей великих кня-

зей, постоянно сравнивавших физически развитого Александра Александровича и хрупкого Николая Александровича, привела впоследствии к роковому падению цесаревича с лошади и к возникновению заболевания, которое свело наследника в могилу. Тем не менее, Мещерский изо всех сил старался, чтобы этот вывод не повлиял на характер конструированного им образа нового наследника. Кроме того, князь-мемуарист подчеркивал ощущавшееся великими князьями духовное одиночество и практическое отсутствие рядом с ними собеседников-сверстников, которое должно было еще более усилиться у великого князя после смерти его брата. Тем самым рукописные воспоминания Мещерского становились своего рода мостиком, соединявшим князя с новым наследником престола и открывавшим новый этап их взаимоотношений.

Список литературы

1. Астанков В.А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865—1881 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 2014. — 188 с.
2. Воспоминания князя В.П. Мещерского о цесаревиче Николае Александровиче. 1865 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. 125 л.
3. Леонов М.М. Салон В.П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX—XX вв. — Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. — 388 с.
4. Мелентьев Ф. Саша и Никса летом 1863 года // Родина. — 2015. — № 2. — С. 8—10.
5. Мелентьев Ф.И. Рукописные мемуары князя В.П. Мещерского о цесаревиче Николае Александровиче (1843—1865): очерк или воспоминания? // Карамзинские чтения. — Вып. 2 (в печати).
6. Мелентьев Ф.И. Формирование представлений наследников престола о России в эпоху Великих реформ: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 2018. — 279 с.
7. Мемуары графа С.Д. Шереметева / сост. Л.И. Шохина. — М.: Индик, 2004. — Т. 1. — 736 с.
8. Мещерский В.П. Мои воспоминания. — М.: Захаров, 2003. — 864 с.
9. Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863—1868 / сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н.В. Черниковой. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 736 с.
10. Письмо К.П. Победоносцева А.Ф. Тютчевой 28 мая 1865 г. // ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 36. 2 л.
11. «Ужасный день смерти брата... останется для меня лучшим днем моей жизни»: Письмо будущего императора князю Мещерскому / публ. подгот. Ф. Мелентьев // Родина. — 2015. — № 2. — С. 11—12.
12. Correspondence: Grand Duke Nikolai Alexandrovich Romanov and Vladimir Petrovich Meshchersky // New Zealand Slavonic Journal. — 2003. — Vol. 37. — P. 257—280.

С.А. Иконников¹

Влияние трудностей в материальном обеспечении приходских священно- и церковнослужителей на формирование протестного движения воспитанников духовных семинарий Центрального Черноземья в начале XX в.

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и опубликованных источников рассматривается взаимосвязь материального обеспечения приходского духовенства и революционных настроений воспитанников духовных учебных заведений Центрального Черноземья в начале XX в. Автор приходит к выводу о том, что трудности в финансовом положении Церкви явились существенным фактором в распространении революционных идей среди воспитанников духовных семинарий.

Ключевые слова: Православная Церковь; Российская империя; Центральное Черноземье; материальное положение приходского духовенства; духовные семинарии; революционное движение.

Sergey A. Ikonnikov

THE INFLUENCE OF DIFFICULTIES IN MATERIAL SECURITY OF THE PARISH CLERGY TO THE PROTEST MOVEMENT OF THE STUDENTS OF THEOLOGICAL SEMINARIES OF CENTRAL BLACK EARTH IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract. The article is devoted to the study of the connection between material security of the parish clergy and formation of the political position of the students of the theological seminaries of the Central Black Earth at the beginning of the XX century. The author comes to the conclusion that difficulties in the financial provision of the Russian Orthodox Church had a significant impact on the dissemination of revolutionary ideas among students of the theological seminaries.

Keywords: Orthodox Church; the Russian empire; dioceses of the Central Black Earth; parish clergy; material security of parish clergymen; theological seminaries; revolutionary movement.

В конце XIX — начале XX в. в духовных учебных заведениях Православной Церкви наблюдался подъем протестного движения. Воспитанники семинарий принимали активное участие в антиправительственных выступлениях, манифестациях и забастовках. В ходе Первой русской революции семинарии стали центрами революционного движения молодежи. Не были исключением учебные заведения епархий Центрального Черноземья. Процессы, развернувшиеся в российском обществе, во всей полноте отразились на детях священнослужителей, обучавшихся в духовных семинариях в переломное для империи время.

Исторические источники повествуют о падении в начале XX в. нравов, распространении неуважения к Церкви и традиционным православным ценностям, особенно среди молодежи. В этой связи примечателен анализ ситуации, проведенный выдающимся отечественным иерархом епископом Тамбовским Иннокентием (Беляевым). Владыка писал о нарастании кризисных явлений: «Интеллигентная группа горожан в религиозном смысле индифферентна, мнит, что уже перешла эту стадию духовного развития в прошлом истории русской, и теперь выше ее, и потому вопросами веры и церкви не интересуется, или же судит о них весьма своеобразно» [13, л. 34 об.]. Религиозный индифферентизм молодежи не ускользнул от взора епископа Курского Питирима (Окнова). В отчете за 1906 г. архипастырь жаловался в Синод о частых случаях проявления духовного равнодушия: «О молодежи можно сказать, что она бессильна в своем легкомысленном стремлении объять все своим жалким незрелым умом, с легким сердцем готова отрицать все в области религии, нисколько не стесняясь этим и при случае бравируя своим религиозным индифферентизмом» [12, л. 29].

Однако подобные негативные явления наблюдались не только в светской среде. Церковная молодежь (дети священно- и церковнослужителей) не была в этом отношении исключением. В духовных семинариях также царил дух противления старым порядкам, неприятия православных традиций. Глубокие проблемы учебных заведений ведомства православного исповедания со всей очевидностью проявились в ходе Первой русской революции.

Архивные материалы говорят об активном протестном движении среди воспитанников Воронежской духовной семинарии в годы революции 1905—1907 гг. Священноначалие неоднократно прекращало занятия, распускало учеников по домам с целью стабилизировать обстановку в учебном заведении. Для проявления недовольства

¹ Иконников Сергей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права Воронежского государственного аграрного университета имени Императора Петра I. Воронеж, Россия. e-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru

Sergey A. Ikonnikov — Candidate of Historical Sciences, associate professor of the department of humanities, civil and criminal law, Voronezh State Agricultural University N.A. Emperor Peter the Great. Voronezh, Russia.

могло хватить лишь самого незначительного повода. Так, например, 8 марта 1906 г. к ректору Воронежской семинарии протоиерею Василию Борисоглебскому обратилась группа учеников разных классов с просьбой отслужить панихиду по знаменитому революционеру, одному из организаторов севастопольского восстания лейтенанту Шмидту. Руководство семинарии ответило решительным отказом. Тогда 50—70 юношей без разрешения собрались на третьем этаже учебного корпуса, пропели похоронный марш, несмотря на проходившие в то время лекции. Затем семинаристы во главе с организатором панихиды учеником V класса Мухиным попытались прекратить занятия, однако этого им сделать не удалось [10, л. 1].

Через несколько дней в Воронеже прошли похороны студента университета Берга, покончившего жизнь самоубийством (юноша считался активным социалистом). Семинаристы открыли шествие, во главе которого шел Мухин с заранее приготовленным венком. Вскоре процессия направилась к зданию семинарии. Руководство предприняло все попытки к предотвращению беспорядков. Тем не менее, без эксцессов не обошлось. Воспитанники, увидев из окон шествие, стали покидать классы и выбегать из корпуса. В результате учебные занятия были сорваны. Борисоглебский докладывал правлению школы о том, что «ушло довольно много учеников». Администрация была в недоумении: следует ли отменять занятия или ограничиться отчислением наиболее радикально настроенных учащихся. Губернатор М.М. Бибиков отправил на имя ректора семинарии телеграмму с настоятельной просьбой отпустить учеников на каникулы раньше окончания учебного года. Руководству заведения ничего не оставалось делать, как отчислить «наиболее плохо себя ведущих» учеников второго класса [10, л. 1 об.].

Волнения воспитанников семинарии настолько сильно беспокоили священноначалие, что архиепископ Анастасий (Добрадин) был вынужден опубликовать специальное обращение к их родителям (подавляющее большинство которых являлось выходцами из духовного сословия). Владыка выражал крайнее сожаление по поводу революционной настроенности воспитанников: «Прошлый год омрачил нашу жизнь необычайною скорбью: дети ваши, обучавшиеся в семинарии, забыв страх Божий, оставив повиновение воле родительской, следуя влечениям самовольной и склонной к греху природе, увлеклись общим революционным, как называют они, освободительным движением, пошли вслед за бунтарями, оставили учение, обозвав его схоластикой по внушению социалистов, забастовали против

порядков семинарии и должны были оставить заведение, которое давало и образование и кусок хлеба» [10, л. 32 об.]. Архипастырь с тревогой обращался к родителям: как же будет дальше развиваться семинария? «Наступает новый учебный год. Мы с трепетом думаем, не повторят ли юноши глупостей минувшего года? Не вздумают ли они опять забастовать под влиянием злых людей?» [10, л. 32 об.].

Масштабные волнения происходили в Тамбовской духовной семинарии. 7 апреля 1907 г. воспитанник семинарии 17-летний сын священника Николай Архангельский совершил попытку покушения на жизнь ректора архимандрита Симеона (Холмогорова). Преступник настиг ректора по пути домой. Вот как об этом докладывал в Синод епископ Тамбовской Иннокентий (Беляев): «Когда ректор сделал 10—12 шагов, с ним повстречался казеннокоштный воспитанник семинарии Архангельский Николай в форме и поздоровался. В ответ на приветствие отец-ректор произнес: “Здравствуй, Архангельский”. Едва только они разошлись, как раздался выстрел из револьвера, и отец-ректор как подкошенный упал навзничь со словами: “Архангельский, что вы делаете!?” Преступник произвел в павшего ректора еще два выстрела, из которых один перебил фалангу среднего пальца левой руки и расщепил верхнюю часть посоха, бывшего в этой руке, и скрылся» [11, л. 5].

Знаменитый воронежский краевед, деятель духовного образования П.В. Никольский пытался разобраться в причинах забастовки, стараясь увидеть корень проблемы, а не огульно осуждать юношей: «Я не подниму камень осуждения, чтобы бросить его в вас. Вы — юноши, и когда горячились, спорили и ссорились, решая вопрос — бастовать или нет, вы в большинстве были проникнуты добрыми намерениями. Вы действовали во имя идеи, по крайней мере, те из вас, которые сознательно присоединились к забастовке» [5, с. 1].

Вполне обоснованно может возникнуть вопрос, почему воспитанники духовной семинарии вели себя совершенно недопустимым для учащихся религиозных школ образом? Что явилось причиной распространения в, казалось бы, консервативной церковной среде социалистических идей? Первая статья устава семинарий гласила: «Духовные семинарии суть учебно-воспитательные заведения для приготовления юношества к служению Православной Церкви» [16, с. 1] — однако в начале XX в. духовные учебные заведения представляли собой центры революционного движения.

Причины столь явно выраженного протестного духа воспитанников кроются, прежде всего, в проблемах, связанных с материаль-

ным и социальным положением приходского духовенства. Большинство учеников Воронежской семинарии являлось выходцами из духовного сословия. В 1905—1906 учебном году в ее стенах обучался 581 юноша, из которых 476 были детьми священно- и церковнослужителей [14, л. 11]. Естественно, трудности, сопровождавшие служение отцов, не могли не сказаться на настроении сыновей. Воспитанники Тамбовской семинарии в «Воззвании к обществу», распространявшемуся в ходе революции 1905—1907 гг., прямо писали: «Бедность заставляет нас поступать в семинарии, а не другие учебные заведения. Пользуясь этим, правительство сократило преподавание общеобразовательных предметов и набивает наши головы исключительно богословской схоластикой, чтобы подавить возможность всякого самостоятельного умственного развития, чтобы из нас приготовить для себя послушные орудия» [1, л. 3].

Во второй половине XIX — начале XX в. материальное положение приходского духовенства оставляло желать лучшего. Целый ряд вопросов, волновавших служителей алтаря на протяжении всего синодального периода истории Церкви, не был решен. Прежде всего, священники тяготились своей зависимостью от прихожан в деле финансового обеспечения. Основным источником получения доходов для приходских причтов являлось требоисполнение. Последнее носило добротный (добровольный) характер. Приходские клирики высказывали мнение о крайне неблагоприятном характере получения вознаграждения за совершение треб. Так, например, священно- и церковнослужители Вознесенской церкви слободы Терешковой Богучарского уезда во главе с иереем Александром Петровым писали в Синод о том, что приношения крестьян за требы являются крайне нестабильным источником материального обеспечения, не позволяющим в должной мере обеспечивать семьи всем необходимым. Неразвитость крестьян приводила к тому, что они не всегда понимали необходимость своевременно оплачивать труд духовного лица. Поэтому священники, имевшие даже небольшие семьи, вынуждены были открыто выпрашивать хлеб, яйца и другие продукты питания. Многолетние клирики умышленно учащали посещения с молебнами. Нравственное и духовное влияние таинств, таким образом, совершенно терялось. Вместе с тем регулярные визиты к прихожанам не решали материальной проблемы, так как чем чаще клирики ходили с молебнами по домам, тем меньше крестьяне платили духовенству [15, л. 66].

Собранные Присутствием в 1863 г. данные показывают, что средний доход одного причта за требоисполнение в Воронежской епархии составлял 388 руб. 59 коп. в год [6, с. 8—9]. Подобные цифры, естественно, не устраивали православных клириков. Но даже эти скудные доходы часто приходилось добывать, выпрашивая плату у прихожан. Если у священнослужителя не было детей, то он еще мог рассчитывать на безбедное существование и позволить себе не ходить по дворам в праздники, навязывая крестьянам служение молебнов и других чинов. К концу XIX — началу XX в. ситуация улучшилась. Средний доход приходского священника Воронежской епархии по состоянию на 1892 г. составлял 450 руб., дьякона — 300 руб., псаломщика — 150 руб. однако подобные цифры не могли устраивать священнослужителей, имевших, как правило, многодетные семьи и соответствующие сану социальные запросы (необходимость платного обучения детей в семинарии и училище и т.п.). Положение заштатных священнослужителей характеризовалось современниками как еще более плачевное [3].

Не мог удовлетворить потребностям белого духовенства и такой важнейший источник материального обеспечения как церковная земля. По закону приходские церкви наделялись наделами в размере 33 десятин (30 пахотной, 3 луговой) [4]. Однако священнослужители, исполнявшие целый ряд приходских послушаний (в том числе образовательного и миссионерского характера), не могли работать на земле, так как это привело бы к недолжному исполнению пастырских обязанностей. Священник ввиду своего призвания обязан произносить проповеди, подолгу готовится к совершению богослужения и т.д. Работа на земле требовала значительного времени и, соответственно, не оставляла его для служения на приходе. Воронежский иерей Елпидифор Попов писал о том, что возрождение духовной жизни в России возможно только в случае, если священнослужители не будут вынуждены работать на земле [8, с. 323].

В начале XX в. на страницах церковных журналов часто высказывалась мысль о важной роли хозяйства для клириков. Пастырь-земледелец, используя свое образование, мог достичь немалых успехов в земледелии и быть своего рода образцом хозяина для недостаточно просвещенных крестьян. Это, в свою очередь, способствовало бы поднятию авторитета Церкви и усилило бы роль пастырства в жизни мирян. Иногда в прессе раздавались прямые призывы заниматься земледелием. Так, например, в «Орловских епархиальных ведомостях» за 1908 г. была помещена статья «Пастырь душ — сельский

хозяин», в которой автор — сельский священник — утверждал, что земледелие могло принести немало пользы приходским причтам: «Имея собственные посевы хлебов, пастырь за едино с прихожанами своими усерднее помолится об их изобилии, о дождике в засуху, найдет неистощимую тему для бесед, так как предмет этот непосредственно интересуется сельское население» [7, с. 665].

Однако подобные идеалистические образы совместной работы пастыря и прихожан в поле были практически не осуществимы. Большинство священнослужителей понимало, что собственноручная обработка церковной земли ставила причты в социальном отношении наравне с крестьянами, никак не способствуя поднятию авторитета православного пастырства. «Идеализировать же, что земля нужна духовенству, чтобы оно могло показать своим прихожанам пример рационального ведения хозяйства, нам кажется в настоящее время, по меньшей мере, наивно», — писал Е. Попов [7, с. 323].

Основные источники материального обеспечения приходского духовенства Воронежской епархии (требоисполнение и церковная земля) не устраивали приходских священно- и церковнослужителей, как по своей низкой прибыльности, так и по причине крайней нестабильности и ненадежности. В начале XX в. духовенство, несмотря на официально привилегированный статус, переживало не самые лучшие времена. Пастыри рассчитывали на то, что рано или поздно ситуация изменится к лучшему. Немало надежд возлагалось на улучшение политической обстановки в стране. Архиепископ Воронежский и Задонский Анастасий (Добрадин) в своем обращении к клирикам епархии по поводу первого пастырского собрания в Воронеже (1906) призывал служителей алтаря: «Как члены государства, мы не можем быть равнодушны к такому животрепещущему вопросу, как предстоящие выборы в Государственную думу: как отнестись к этим выборам? Кого выбрать?» [9, с. 31]. Архипастырь советовал выбрать достойных кандидатов, которые бы действительно смогли решить назревшие в Церкви и Империи проблемы, с максимальной отдачей используя площадку представительного органа власти.

Таким образом, внутри самого духовенства в начале XX в. назрели серьезные проблемы, прежде всего связанные с материальным положением, которые вызывали недовольство пастырей, заставляя обращать внимание на политические события в стране. Их сыновья — воспитанники семинарий — явились концентрированным отражением кризиса духовного сословия. Об этом писал в мемуарах митрополит Евлогий (Георгиевский), прекрасно понимавший

причину распространения протестного духа в семинариях, так как сам являлся выходцем из многодетной семьи сельского священника: «Тяжелые впечатления моего детства заставили меня понять, что такое социальная неправда. Впоследствии я понял, откуда в семинариях революционная настроенность молодежи: она развивалась из ощущения социальной несправедливости, воспринятых в детстве. Забитость, униженное положение отцов сказывались бунтарским протестом в детях» [2, с. 73].

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 124. Оп. 11. Д. 1308.
2. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. — Париж: YMCA-Press, 1947. — 676 с.
3. Иконников С.А. Проблема пенсионного обеспечения приходского духовенства воронежской епархии во второй половине XIX века // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. — 2014. — № 1—2. — С. 353—358.
4. Иконников С.А. Роль землевладения в материальном обеспечении приходского духовенства Воронежской епархии во второй половине XIX — начале XX века // Материалы научной и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов ВГАУ. — Воронеж, 2014. — С. 130—133.
5. Никольский П.В. Над свежей могилой // Воронежский Телеграф. — 1906. — № 9. — С. 1.
6. О мерах к улучшению материального обеспечения православного сельского духовенства: по Высочайше учрежденному Присутствию по делам православного духовенства. — СПб.: Синодальная типография, 1880. — 37 с.
7. Пастырь душ — сельский хозяин // Орловские епархиальные ведомости. — 1908. — № 27. — С. 662—665.
8. Попов Е., свящ. Мнение сельского священника по современным вопросам // Воронежские епархиальные ведомости. — 1906. — № 7. — С. 312—324.
9. Послание Преосвященного Анастасия, Архиепископа Воронежского и Задонского, к пастырям Воронежской епархии по поводу первого их пастырского собрания в г. Воронеже // Воронежские епархиальные ведомости. — 1906. — № 4. — С. 27—33.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 187. Д. 312.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 188. Д. 275.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2153.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2178.
14. РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (Разд. X). Д. 8.
15. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 3. Д. 75.
16. Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, с относящимися к ним постановлениями святейшего Синода. — СПб., 1888. — 226 с.

«Теперь не старое время, когда толпа в 100 тысяч человек была в диковинку»: ходынская катастрофа и ее влияние на организацию столичных торжеств в начале XX в.²

Аннотация. В статье проанализировано влияние Ходынской катастрофы на организацию городских торжеств начала XX в. в Петербурге (Петрограде) и Москве. Показан процесс выработки превентивных мер по обеспечению безопасности и общественного порядка в местах скопления большого количества людей. Выявлена взаимосвязь в способах организации столичных торжеств позднеимперского и раннесоветского периодов.

Ключевые слова: коронация; Ходынка; организация торжеств; народный праздник; толпа; массовый зритель; юбилей.

Svetlana A. Limanova

“NOW IS NOT OLD TIME WHEN THE CROWD OF 100 THOUSAND PEOPLE WAS A RARITY”: KHODYNSKAYA DISASTER AND ITS INFLUENCE ON ORGANIZATION OF ST PETERSBURG AND MOSCOW CEREMONIES IN THE EARLY XX CENTURY

Abstract. The article analyzes the influence of the Khodynka disaster on the organization of city ceremonies in Petersburg (Petrograd) and Moscow in the early XX century. The process of developing preventive measures to ensure security and public order (in places where large numbers of people are crowded) is presented. The interrelation in the methods of the capital festivals organization in the late imperial and early Soviet periods was revealed.

Keywords: coronation; Khodynka; organization of ceremonies; national holiday; crowd; mass audience; jubilee.

18 мая 1896 г., в разгар коронационных торжеств в честь императора Николая II, состоялся народный праздник на Ходын-

¹ Лиманова Светлана Андреевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-информационного центра Архива Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: sergovasvetlana@mail.ru

Svetlana A. Limanova — Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Scientific Information Center, Archive of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-39-00080 мол_а.

ском поле. Более чем полумиллионная толпа жителей и гостей Москвы пришла посмотреть на своего монарха и разделить его радость. Такая форма общения правителя с народом была традиционной и считалась проявлением «высочайшей милости» по отношению к подданным. Народный праздник в дни коронаций устраивался в течение всего XIX в., сведения о специально проводимых пирах для народа имеются и за XVIII в., и за более ранний период. Истоком праздника можно считать обычай Руси угощать гостей за царским столом во время именин.

Новшеством не было и место проведения торжества. Ходынское поле (на тот момент загородный участок земли, использовавшийся для военных учений, затем для размещения выставок, а впоследствии ставший аэродромом) впервые предстало площадкой для народного праздника при Александре II по случаю коронации в 1856 г., затем в 1883 г. — во время коронации Александра III. В 1896 г. праздник решили провести там же, однако запланированное торжество завершилось трагедией. Народу собралось слишком много, вновь приходящие теснили уже собравшихся. Началась давка, в результате которой, по официальным данным, погибло 1 389 человек, разную степень увечья получил еще 1 301 человек. Подробностей пресса не сообщала, но произошедшее активно обсуждалось и осуждалось общественным мнением.

Если внимательно проследить реакцию на случившуюся трагедию, то станет ясно, что знак равенства между Ходынкой и Николаем II был поставлен далеко не сразу, этому способствовала череда дополнительных обстоятельств. В частности, отсутствие публичного наказания виновных [6, с. 97—111]. Современник событий, издатель газеты «Новое время» А.С. Суворин писал по горячим следам: «Справедливо говорят, что ничего не следовало раздавать народу. Теперь не старое время, когда толпа в 100 тысяч человек была в диковинку. Собралась полумиллионная толпа, и это должны были предвидеть... Что за сволочь эти полицейские поголовно и это чиновничество, которые стараются только отличиться! Где проезжает высшее общество, там приготавливают все места за два, за три часа, расставляют городских непрерывной цепью, казаков и т.д., а о публике обыкновенной, о народе насколько не думают. Как это возмущает душу!» [15, с. 126—127].

В дальнейшем слово «ходынка» стало нарицательным, и многие принялись рассматривать ее (постфактум) как «дурное предзнаменование» царствования. Рефлексии на тему катастрофы по-

явились в литературе (стихотворение К. Бальмонта «Наш царь», рассказы Л.Н. Толстого «Ходынка и Ф. Сологуба «В толпе») и искусстве (картины В.Е. Маковского «Ходынка», «Похороны жертвы Ходынки», фотографии), о влиянии трагедии на восприятие самодержавия было достаточно написано и в публицистике, и в научных статьях [1; 2; 5; 8; 18]. Вместе с тем из исследовательского поля зрения выпало еще одно важное последствие — влияние Ходынки на дальнейшую организацию торжеств, количество которых в столице с началом XX в. постоянно росло.

Источники по подготовке и проведению мероприятий с привлечением массового зрителя за период 1897—1917 гг. свидетельствуют о том, что особое внимание уделялось не только безопасности императора и декорированию «высочайших маршрутов», но и рассредоточению публики. При нанесении на карту и сравнении мест народных празднований после 1896 г. выявляется тенденция к их децентрализации. Если народный праздник на Ходынском поле служил единственным местом сбора всех горожан и гостей Москвы, приехавших из самых отдаленных губерний и желавших воочию посмотреть на «помазанника Божия», то в 1903 г., в ходе празднования юбилея Петербурга, народные гулянья проводились в разных частях Петербурга: на Петровском острове, в Екатерингофском парке, по Шлиссельбургскому тракту, в Александровском парке, в саду при Василеостровском театре и в саду у Стеклянного завода. На торжествах в честь 300-летия дома Романовых в 1913 г. эта тенденция получила развитие. Организаторы вновь намеренно «разделили» зрителей. Площадки для празднований были «разбросаны» по всему Петербургу и по возможности удалены от центра: в Царском городке за Невской заставой, в деревне Мурзинке, на Коломяжском ипподроме, Смоленском поле, в Петровском парке на территории попечительства о народной трезвости, в Екатерингофском парке, на Горячем поле со стороны Забалканского проспекта (ныне — Московский проспект).

В прессе стали заблаговременно оговаривать места проведения торжеств и печатать предписания по соблюдению порядка. Места празднований предварительно проверялись соответствующими должностными лицами, а программа развлечений продумывалась все более тщательно. В преддверии Бородинских торжеств, например, в газетах от имени московского губернатора В.Ф. Джунковского было размещено следующее сообщение: «Я приму все меры к тому, чтобы все прибывшие на Бородин-

ские торжества имели возможность видеть своего Царя, Царицу и Царскую Семью, но следует иметь ввиду, что место, где будут происходить торжества, имеет крайне незначительные размеры, а потому удобно разместить всех зрителей можно только тогда, когда они будут строжайшим образом исполнять распоряжения и указания вверенной мне полиции и других начальствующих лиц». Среди таких пожеланий, в частности, было предложение почтить память павших благодарной молитвой, а от неумеренного веселья воздержаться. Не рекомендовалось также употребление спиртных напитков, с присовокуплением того, что «эта мера лучше всего выразит почтение... к памяти героев двенадцатого года и лучше всего обеспечит порядок праздника» [7, с. 2].

Отправными материалами для изменения концепции организации официальных торжеств послужили выводы следственной комиссии по делу о Ходынской катастрофе. В ходе расследования, изначально порученного Министру юстиции Н.В. Муравьеву, а в результате придворных интриг перешедшего в ведение бывшего Министра юстиции графа К.И. Палена, было собрано большое количество показаний свидетелей, поэтапно восстановлена мрачная картина произошедшего. И если акценты в деле расставлялись в соответствии с политической конъюнктурой, то причины трагедии в одном и другом случае назывались аналогичные: выбор неподходящей для проведения массовых гуляний местности, практически полное незнание одним начальством распоряжений другого, отсутствие общего руководства, нерегулируемое движение толпы, преждевременная раздача подарков [3; 4]. Главным же упущением стала недооценка количества участников: вместо ожидавшихся 400 тыс. человек пришло раза в два больше. Указывались и другие существенные просчеты, недопустимые в местах скопления большого количества народа. Так, в брошюре санитарного врача и публициста А.В. Погожева говорилось об отсутствии амбулансов (карет) скорой помощи, непродуманности в снабжении водой, слабом контроле за качеством угощений и т.д. [9].

Ходынская трагедия четко показала, что нельзя пускать на самотек такую важную компоненту имперской презентации, как устройство народных празднеств. И все же к данному вопросу по-прежнему обращались лишь по мере необходимости. Специально создаваемые комиссии по подготовке торжеств должны были следить за своевременным удалением из города «неблагонадежных элементов», проверять пути следования и близлежащие

дома, железные дороги и полосы отчуждения, контролировать фабрики и заводы, организовывать проверку паспортов у приезжих, регулировать людские и транспортные потоки, вводить ограничительные меры (например, зрителям торжеств могли запретить сходить с тротуаров, распивать алкогольные напитки, курить или проносить зонтики и бинокли на трибуны) и т.д. Время от времени и, скорее, интуитивно, нежели при помощи планомерных разработок в данной области, организаторы усовершенствовали процесс подготовки торжеств и стремились минимизировать возможные риски. Продолжалось использование и уже традиционных для сохранения общественного порядка мер — таких как увеличение нарядов полиции, натягивание канатов, привлечение «добровольной охраны», размещение резервных войск.

Однако опасность толпы могла заключаться и в другом — в ее идеологической мотивированности. Революционные события 1905—1907 гг. обнаружили новую роль столичного городского пространства: отныне в любой момент оно могло превратиться в арену политической борьбы. Череда юбилеев 1909—1913 гг. призвана была продемонстрировать возвращение лояльности подданных по отношению к монархии. И к организации торжеств стали предъявлять еще более высокие требования. Каждое празднование готовилось в течение нескольких лет.

Обширная документация Булыгинского комитета (специальный межведомственный комитет во главе с членом Государственного совета гофмейстером двора А.Г. Булыгиным), с 1910 г. занимавшегося подготовкой 300-летнего юбилея династии, дает разностороннее представление об изменениях, произошедших в деле организации официальных торжеств за истекшие пятнадцать лет. В записях «Журнала образованной при Комитете для устройства празднования Трехсотлетия Царствования Дома Романовых комиссии по устройству торжеств празднования» особенно подробно разбирались четыре вопроса, связанных с привлечением к торжествам в Петербурге массового зрителя: царский выезд в золоченых каретах из Зимнего дворца в Казанский собор, народные гулянья, устройство фейерверка и угощение народа. Важно, что эти вопросы *обсуждались*, происходил аргументированный обмен мнениями, учитывался *опыт подготовки* предыдущих торжеств.

В результате «комиссия признала желательным устроить гуляния в разных чертах города в возможно большем числе пунктов». От задачи бесплатного угощения в местах празднований решено было

отказаться, она была заменена устройством бесплатных обедов для беднейшего населения столицы в народных столовых и при городских попечительствах (причем было поручено собрать сведения о количестве народа, прибегающего к благотворительной помощи народных столовых, и поставлен вопрос о том, какие именно учреждения могли бы лучше всего справиться с реализацией поставленной задачи). Раздача бесплатных памятных сувениров также была признана нежелательной, вместо этого практиковалась выдача призов за успешное прохождение различных конкурсов во время народных празднований. Для того чтобы избежать «слишком большого скопления народа в определенном месте» главным зрелищем решено было сделать фейерверки, рассредоточив места их запуска по всему городу, обозначив время и порядок проведения. Кстати, с целью возможно лучшего устройства этой забавы комиссия запрашивала сведения об устройстве придворных фейерверков в Новом Петергофе [14, л. 3—4 об.; 17, л. 21—22 об.]. Организаторы все тщательнее продумывали и другие моменты. Например, способы оказания первой медицинской помощи, для чего оборудовались временные врачебные и санитарные пункты, выделялись медикаменты, изыскивались перевозочные средства (карыеты скорой помощи) и т.д.

Несмотря на наличие несомненных успехов в процессе организации торжеств, еще оставалось достаточно трудностей и нерешенных вопросов. Во-первых, здравые рассуждения не всегда завершались принятием соответствующих постановлений, а если таковые и принимались, то могли не выполняться должным образом. Во-вторых, все также трудно было рассчитать количество потенциальных участников, хотя подобные попытки и предпринимались. В-третьих, не во всем учитывались потребности гостей торжеств. Среди архивных документов обнаружилось, например, заявление гласного городской думы А.В. Платова в Московскую городскую думу, содержащее жалобу на плохо продуманное участие в торжествах детей. В конце мая 1913 г. юбилейные празднования продолжились в Москве. Воспитанники городских школ должны были участвовать в церемонии встречи императора. Их привели за три часа до начала высочайшего проезда, все это время они стояли под жаркими лучами солнца, без возможности выпить простой воды или справить естественные нужды. Некоторые падали в обмороки. После же проезда торжественной процессии взбудораженные зрители прорвали цепь полиции, загоразивавшей детей, вследствие чего некоторые из них оказались «помяты толпой». Показательно, что заявление рассматривалось на

заседаниях городской думы, но в вышестоящие инстанции отправлено не было. В итоговом постановлении говорилось о необходимости принимать более действенные меры предосторожности в отношении детей: обеспечивать их водой; предоставлять места, надежно защищенные от толпы; размещать поблизости в необходимых количествах пункты врачебной помощи [16, л. 169—170 об].

300-летие династии Романовых стало последним крупным имперским празднеством. С началом Первой мировой войны столичные торжества не устраивались, их заменили молебны по случаю отправки войск на фронт. Однако после падения самодержавия в марте 1917 г. вновь актуальным стал вопрос символического маркирования городского пространства. Первые после революции торжества должны были олицетворять собой новый порядок. И хотя в их форме были заметны отголоски прежних «шаблонов» («Церемониал похорон»... жертв революции, «Церемониал»... пролетарского праздника и т.д.), идеологическое содержание было уже совершенно иным.

С точки зрения подготовки существенным — и неоднократно намеренно подчеркиваемым — аспектом стало не просто соблюдение порядка, но возможность народной *самоорганизации*. С одной стороны, этому способствовали соответствующие предписания: «Порядок процессии поддерживается милиционерами и распорядителями, избранными от заводов, фабрик, учебных заведений и иных учреждений... для поддержания порядка убедительно просят подчиняться распоряжениям товарищей, наблюдающих за порядком» [11, с. 4] и др. С другой — сознательность граждан новой России (по крайней мере, так это старались представить на страницах прессы). «Да, до этого дня стоило дожить! — сообщала газета «Правда» через день после церемонии похорон жертв революции, состоявшейся 23 марта 1917 г. — Первая свободная, самим народом организованная манифестация целого Петрограда... Миллионная демонстрация без одного полицейского, — разве это было когда-либо видано? Разве к этому нас приучали? Даже при наилучшем желании широких масс нужен опыт, а где было взять его, когда нас держали на привязи, выводили иногда на поводу между казацкой нагайкой и крупом лошади? Когда самая небольшая манифестация на улицах не обходилась без больших неприятностей: ругани, свиста нагаек, арестов и даже жертв. А крупные демонстрации бывали организованы в роде Ходынки!» [12, с. 6]. И аналогично после 1 мая 1917 г.: «Опять, как и накануне 23-го марта, масса темных слухов и паники среди буржуазной публики и опять,

как и тогда, грандиозная внушительная манифестация и полный порядок. Первое свободное празднование... показало блестяще, насколько русский рабочий класс созрел для самостоятельной жизни. Он царил вчера на улицах Петрограда» [13, с. 5].

По мере установления советской власти процесс «перерождения» столичных торжеств начал принимать вполне определенные черты, впоследствии была создана концепция «советского праздника». При этом любая преемственность с дореволюционным прошлым в вопросах организации торжеств отрицалась. О нем старались не вспоминать, а если и вспоминали, то исключительно в отрицательном ключе. Так, в 1926 г. (в год «юбилея» коронации) были опубликованы воспоминания В. Краснова под заглавием «Рассказ не до смерти растоптанного. К 30-летию катастрофы на Ходынском поле. 1896—1926», использованные пропагандой как еще одно наглядное подтверждение произвола царского режима.

Казалось бы, на этом можно поставить точку, однако «историческая ассоциация с Ходынкой» вновь возникла в марте 1953 г. В дни похорон И.В. Сталина желающих проститься с «вождем» собралось так много, а представители власти были столь растеряны, что «образцовый порядок» рухнул. Историк, очевидец событий Ю.А. Поляков писал: «Кроме неоспоримо-масштабного значения физической смерти Сталина, означавшей конец его диктатуры, есть еще одно обстоятельство, делающее март 1953 г. столь памятным и знаменательным. Это гибель сотен людей во время прощания с вождем в результате смертоубийственной давки, обусловленной многими причинами. Огромное скопление народа, губительный хаос, неожиданно обнаружившиеся расхлябанность, растерянность партийно-советской машины, приведшие к массовым смертям и травмам, — все это было производным от кончины советского генералиссимуса» [10, с. 195]. Об «инциденте» не было сделано официальных заявлений, о нем старались не говорить, но аналогии напрашивались сами собой (хороший тому пример — поэма Г. Плисецкого «Труба», которая была опубликована только в 1967 г. и то за границей; из более позднего — фильм Е.А. Евтушенко «Похороны Сталина», вышедший на экраны в 1990 г.). Ходынка как явление, ставшее уже именем нарицательным, оказалась куда большей проблемой, чем это представлялось ранее...

Проведение столичных торжеств с привлечением массового зрителя обладало неоспоримым потенциалом демонстрации «единства» правителя и народа, но в то же время могло нести в себе угрозу обще-

ственным порядку. Ходынская катастрофа послужила хоть и вынужденным, но довольно эффективным стимулом к выявлению наиболее слабых сторон в процессе их организации, привела к разработке универсальных превентивных мер по минимизации нежелательных последствий. Данные вопросы требовали регулярной проработки и корректировки в соответствии с задачами каждого мероприятия, что в действительности далеко не всегда осуществлялось на должном уровне. Продуманное распределение участников, их «ролей», выбор подходящих «площадок», обеспечение безопасности, соблюдение санитарных норм и установленных правил, наличие средств первой помощи, контроль за исполнением предписаний — из всех этих факторов складывался, в конечном счете, успех намеченного торжества.

Список литературы

1. Васильева С.В. Последняя коронация: образы и восприятие // Вестник Московского Университета. — Серия 8: История. — 2005. — № 4. — С. 51—67.
2. Васькин А.А. Ходынка — символ краха дома Романовых // Современные гуманитарные исследования. — 2013. — № 6 (55). — С. 13—15.
3. Записка министра юстиции Муравьева о событиях, происшедших на Ходынском поле в Москве 18 мая 1896 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 4284.
4. Записки графов К.И. и К.К. фон-дер Пален по поводу катастрофы на Ходынском поле в Москве 17 мая 1896 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1016. Оп. 1. Д. 217.
5. Левандовский А.А. Ходынка // Россия XXI. — 2000. — № 6. — С. 174—182.
6. Лиманова С.А. Столичные торжества Российской империи в царствование Николая II. — М.: Кучково поле, 2017. — 360 с.
7. Московский листок. — 1912. — № 187.
8. Мурашко Л.И. Ходынка (Первые жертвы последнего царя). — М.: Изд-во Всес. о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, школа ФЗУ, Мособлполиграф, 1931. — 61 с.
9. Погожев А.В. Санитарная полиция при народных сборищах и торжествах. — СПб.: Б. и., 1896.
10. Поляков Ю.А. Похороны Сталина. Взгляд историка-очевидца // Новая и новейшая история. — 1994. — № 4—5. — С. 195—207.
11. Правда. — 1917. — № 15.
12. Правда. — 1917. — № 17.
13. Правда. — 1917. — № 36.
14. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 60.
15. Суворин А.С. Дневник. — М.: Новости, 1992. — 492 с.
16. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 179. Оп. 21. Д. 2853.
17. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 569. Оп. 17. Д. 128.
18. Шаховской Д.И. Ходынка. — Женева: Укр. тип., 1896. — 8 с.

Взаимодействие московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова и полковника Г.А. Мина во время занятия Пресни (17—21 декабря 1905 г.)

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова и командира Семеновского полка Г.А. Мина на завершающем этапе Декабрьского восстания — во время занятия Пресни — и его результаты. Автор приходит к выводу, что в силу ряда факторов стороны не смогли наладить эффективное сотрудничество.

Ключевые слова: генерал-губернатор; Семеновский полк; Прохоровская мануфактура; штаб Московского военного округа; донесения.

Michail G. Almazov

THE COOPERATION BETWEEN MOSCOW GOVERNOR- GENERAL F.V. DUBASOV AND COLONEL G.A. MIN DURING THE OCCUPATION OF PRESNYA (17—21 DECEMBER 1905)

Abstract: The article deals with the cooperation between Moscow Governor-General F.V. Dubasov and commander of Semenovskiy regiment G.A. Min implementation of compulsory regulations, issued by Dubasov at the final stage of the December uprising — during the occupation of Presnya — and its results. The author draws to the conclusion that the participants hadn't be able to to organise an effective cooperation.

Keywords: Governor-General; Semenovskiy regiment; Prokhorov manufactory; haedquarters of Moscow military district; reports.

Темой настоящей статьи является рассмотрение взаимодействия между главой московской администрации генерал-губернатором вице-адмиралом Ф.В. Дубасовым и командующим Семеновским полком полковником Г.А. Мином, отряду которого надлежало сломить последний оплот Декабрьского восстания — Пресненский район. Изучение данного вопроса позволяет оценить сте-

¹ Алмазов Михаил Григорьевич — аспирант кафедры истории России XIX — начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия. e-mail: vnm128@mail.ru
Michail G. Almazov — Post-graduate of the Department of the Russian History of the XIX and the beginning of the XX centuries of the Historical Faculty, Moscow State University, Moscow, Russia.

пень эффективности системы подавления мятежа, выстроенной Дубасовым. Задачи настоящей работы — исследование системы связи между пресненским отрядом и Дубасовым, определение степени ее эффективности, анализ проблем, по которым взаимодействовали командир семеновцев и генерал-губернатор, руководящего стиля вице-адмирала и итогов их сотрудничества, определение роли штаба Московского военного округа и генерал-лейтенанта Г.К. Штакельберга в ходе операции.

В историографии данная тема практически не получила освещения [1; 8; 21; 22; 23]. Единственным исключением до сих пор являются статьи В.Н. Сторожева, в которых «без изъятия» приведены донесения Мина Дубасову, однако отсутствует анализ их взаимоотношений в процессе «зачистки» Пресни [17, с. 115—129; 18, с. 140—155]. Как свидетельство лидерства Дубасова в диссертации А.И. Куксина приводится факт посылки Мином донесений [6, с. 134], однако всесторонне этот вопрос не исследован.

Для раскрытия темы особое значение имеют делопроизводственные материалы (донесения Мина генерал-губернатору и в штаб Московского военного округа, доклад полковника о действиях его отряда на Пресне, распоряжения начальника штаба барона Е.А. Рауш фон Траубенберга и генерал-квартирмейстера Московского военного округа (МВО) С.М. Шейдемана начальнику пресненского отряда) и источники личного происхождения (дневники Дубасова и помощника командующего войсками МВО генерал-лейтенанта В.Г. Глазова)

Как известно, после настоятельных просьб Дубасова Николай II принял решение об отправке в Первопрестольную Семеновского полка на помощь московскому гарнизону [20, с. 48, 49, 53, 55—56]. В письмо генерал-губернатору он сообщал о направлении этого элитного гвардейского подразделения в «распоряжение» вице-адмирала [9, с. 441]. Первоначально большей части полка во главе с Мином надлежало заняться оцеплением 2-го участка Арбатской части, однако 16 декабря план был изменен, и полковнику поручили возглавить операцию по разгрому Пресни, чем он и занимался 17—21 декабря [2, с. 729—735; 19, с. 56—57]. Какова была система связи, существовавшая между Мином и руководящим центром во главе с Дубасовым?

Надо отметить, что командир Семеновского полка должен был регулярно отчитываться в своей деятельности как генерал-губернатору, так и штабу МВО [13, л. 273—326]. Приведем пример

этой «двойной отчетности». 18 декабря в 8 часов 20 минут вечера он отправил генерал-губернатору донесение, в котором, помимо рассказа о действиях вверенного ему отряда, просил выслать к 8 часам утра 19 декабря «как можно больше полиции» в свое распоряжение [17, с. 114]. В тот же день депеша с аналогичной просьбой была отправлена в Штаб МВО, причем Мин преследовал цель не столько информировать военное руководство Москвы о своих действиях, сколько получить содействие в удовлетворении своего ходатайства [13, л. 326—326 об.].

В какой форме Мин и его «кураторы» связывались друг с другом? Общался с ними командир пресненского отряда с помощью коротеньких записок, передававшихся специальными гонцами [17, с. 115—129]. Примерно в таком же виде пересылались и приказания самому полковнику от начальника штаба барона Рауша и генерал-квартирмейстера Шейдемана (кроме них командиру отряда было отправлено еще одно официальное предписание от 18 декабря) [2, с. 692; 4, с. 51, 175—177; 15]. Посылал командиру Семеновского полка свои распоряжения и генерал-губернатор, причем значительная их часть содержалась в составе посланий Рауша [4, с. 51, 175—176]. Часто эти записки целиком посвящались передаче распоряжения главного начальника Первопрестольной, как, например, экземпляр от 19 декабря, в коем требовалось сообщить Дубасову о состоянии Прохоровской мануфактуры и фабрики Мамонтова, а также о судьбе владельца первой Н.И. Прохорова и его семьи [4, с. 176]. Другие же записки являлись комбинацией распоряжений самого генерал-губернатора и приказов военного характера [2, с. 692; 4, с. 51, 175—176]. Предписания же Шейдемана, относящиеся ко времени «зачистки» уже покоренного района (20—21 декабря), содержали в себе распоряжения командующего войсками округа генерала Малахова [15, л. 1].

Такая система связи не была оперативной. Выполнить требование адресатов о посылке телеграмм ежечасно Мин оказался не в состоянии в связи с колоссальной загруженностью своих людей в эти дни, о чем сообщил генерал-губернатору уже 18 числа [17, с. 118]. Это подтверждает отправка донесений 17—18 декабря. Первое было отослано в 9 часов 20 минут утра, второе и третье датируются не имеют, четвертое — в 4 часа 45 минут дня, пятое — в 5 часов 5 минут, более же за это число донесений не отправлялось. 18 декабря первое донесение было послано в 4 часа 45 минут, вто-

рое — в 8 часов 20 минут [17, с. 115—118]. 19 числа, несмотря на приказ Рауша, ситуация не сильно изменилась. Следует отметить, что значительная часть «рапортов» полковника была подписана даже не им, а офицерами, бывшими в его распоряжении, в частности капитаном Генерального Штаба А.В. Колосовым [17, с. 115—118, 120, 122, 123, 124]. Но на оперативность доставки донесений это не влияло. Излишнюю сложность процессу установления связи между Мином и его «кураторами» придавал «человеческий фактор». В 8 часов 10 минут вечера 20 декабря полковник извещал Дубасова, что его последнее донесение не дошло до генерал-губернатора, так как «везший его драгун упал с лошади и донесение, которое было у него в фуражке, потерял». Поэтому полковнику частично пришлось эту депешу пересказать в новом послании. Предыдущее же донесение было отправлено только в 1 час дня, следовательно, практически целый день Дубасов не имел сведений о происходящем на Пресне [17, с. 124].

Естественно, такое положение вызывало обеспокоенность обеих сторон и желание его исправить. 18 декабря Мин просил командировать в свое распоряжение еще одного офицера Генерального Штаба [17, с. 114]. Вскоре барон Рауш прореагировал на это сообщение, отправив на Пресню офицеров Генерального Штаба подполковника Эйгеля и капитана Черного [2, с. 692]. Первый участвовал в отправке донесений, второй снимал планы Сахарного завода, Прохоровской и Мамонтовской фабрик [17, с. 123].

Предпринял Мин и собственные меры по «оптимизации» сообщения с московским начальством. 19 декабря он решил отправлять донесения лишь в Штаб МВО при условии передачи отправляемых им сообщений генерал-губернатору [17, с. 120—121].

Однако подобная практика вызвала недовольство адресатов, и в 7 часов 30 минут 19 декабря Рауш отправил Мину записку, которая гласила, что если нет возможности посылать донесения в оба места, то нужно отдать приоритет генерал-губернатору [4, с. 176]. С тех пор Мин возобновил посылку «отчетов» Дубасову, хотя с их регулярностью оставались проблемы. По всей видимости, 19—21 декабря был окончательно сделан выбор в пользу посылки донесений главе гражданской власти Первопрестольной, и Штаб округа не получал известий о действиях Мина. Данные факты явно свидетельствуют о том, что интересы гражданской власти были признаны приоритетными самим Штабом МВО. Причину

этого раскрывает в своем дневнике генерал Глазов: Штаб решил действовать «сообразно решению Малахова» — предоставить все «сношения» с отрядом Мина Дубасову «без посредников» [16, л. 382].

Справедливости ради надо также отметить, что проблемы с оперативностью были и у канцелярии московского генерал-губернатора. Например, в ответ на запрос Мина от 20 декабря о том, как лучше арестовать хозяина Сахарного завода, с разъяснениями от Дубасова вынужден был лично явиться на Пресню исполняющий должность московского губернатора В.Ф. Джуновский [2, с. 734].

Нельзя не упомянуть и еще об одном альтернативном канале связи, который попыталось наладить руководство МВО. Сохранилась запись телефонных переговоров за 17—18 декабря между Колосовым и состоявшим при Штабе МВО подполковником Никольским [4, с. 50]. Основными темами бесед были перемещения отряда, доставка продовольствия, потери со стороны войск и «мятежников», отчеты Колосова перед генерал-губернатором в действиях отряда [4, с. 50]. Однако, судя по тексту записей, переговоры носили исключительно информационный характер.

Приводил ли недостаточно отлаженный механизм информирования сторон к эксцессам в практическом плане? Последствий, фатальных для подавления восстания, он не породил, однако принес ряд осложнений. Во-первых, приходящие с задержкой распоряжения военно-политического руководства вели к несовершенному их исполнению. Так, изложение задач отряда на 19 декабря было доставлено Мину лично генерал-квартирмейстером Шейдеманом только в 11 часов вечера, в результате чего войска смогли выступить не в 5 часов утра, а в 5.30 [2, с. 733]. Во-вторых, невозможность частого информирования приводила к тому, что зачастую Дубасов узнавал о результатах действий Мина после их совершения. Слишком поздно (в 11 часов 20 минут 19 декабря) Дубасов отправил через Рауша запрос о состоянии Прохоровской и Мамонтовской фабрик [4, с. 176]. Выступивший в 5.30 утра Мин сосредоточил все свои силы на Сахарном заводе, отправил на Прохоровскую мануфактуру лишь одну роту Ладожского полка, «обыска и опроса» там не проводилось. Это способствовало спасению части мятежников еще утром 19 декабря [2, с. 733; 17, с. 121, 124].

Каково было содержание донесений Мина и его помощников генерал-губернатору? В них подробно излагались действия отряда, вплоть до сведений об остановках на ночлег [17, с. 115—129]. Сопоставление данного источника с записками барона Рауша позволяет заключить, что некоторая часть этих сообщений служила ответом на конкретные распоряжения и запросы генерал-губернатора. Так, 19 декабря начальник штаба передал Мину просьбу Дубасова сообщить о судьбе фабрикантов Прохорова и Мамонтова и о состоянии их фабрик. В ответ командир пресненского отряда доложил генерал-губернатору, что Прохоровская мануфактура занята его войсками, а выполнение аналогичного действия в отношении Мамонтовской в его задачу не входило. Он также заявил, что о судьбе Прохорова ему «ничего не известно», но он высылает отряд на фабрики. В 3 часа дня Мин сообщил, что с хозяином первой из фабрик и его семьей все в порядке [4, с. 176; 17, с. 121].

Отправлялись таким же образом и разнообразны просьбы и запросы, адресованные генерал-губернатору. Основное их содержание составляли вопросы политического характера (увеличение штатов полиции, производство следствия и арестов, выдвижение условий желающим сдать рабочим, осмотр найденных предметов, розыск бежавших дружинников), а также «военные» темы, тесно связанные с задачами гражданской власти (передвижение отряда) [2, с. 735—736; 10, л. 16 об.; 17, с. 124].

В распоряжениях же Дубасова речь шла прежде всего о политических сюжетах: выдвижении условий рабочим Прохоровской мануфактуры, содействии городскому голове Гучкову и губернскому предводителю дворянства Трубецкому в выводе женщин и детей с Пресни, решении участи хозяина Сахарного завода и его управляющих, о бессудных расстрелах оказавших сопротивление и «дерзость» бунтовщиков, о выдаче сторожу Сахарного завода гонорара в 500 руб. за выдачу рабочего-дружинника И. Афанасьева, убитого на месте [2, с. 734; 4, с. 51; 17, с. 114—115; 20, с. 67]. Однако кроме чисто «гражданских» всплывали и «военные» темы, тесно связанные с политическими задачами подавления восстания — розыском мятежников и оружия. 19 декабря Рауш обратился к Мину с запиской, которая гласила, что Дубасов «придает особое значение» отпуску «на отдых» частей, свободных от обысков на 20 декабря. Данное повеление давалось неспроста: из

отпущенных надлежало сформировать отряд для обыска Комиссаровского училища [4, с. 176].

Следует отметить, что Дубасов часто предоставлял решение вопросов инициативе самого Мина, ограничиваясь рекомендациями. Он доверил полковнику определить время для истечения срока ультиматума рабочим Прохоровской мануфактуры, лишь посоветовав назначить время «не позднее 9 часов утра» [4, с. 114—115]; «способ удаления» женщин и детей с Пресни также предлагалось разработать Мину (хотя первоначально, судя по черновику данного отношения, Дубасов планировал обсудить его на военно-полицейском совещании и затем сообщить командиру отряда Пресни) [19, л. 37; 20, с. 67].

Точность исполнения Мином поручений генерал-губернатора зависела от ситуации. Довольно оперативно он отреагировал на повеление Дубасова разработать план эвакуации женщин и детей: в приказе по отряду от 17 декабря о действиях на следующий день содержался пункт, что каждой из намеченных для «прохождения» района колонн будут приданы «представители от Думы» для реализации вышеупомянутой акции [2, с. 691].

Однако так бывало далеко не всегда. Мин не воспользовался рекомендацией генерал-губернатора и назначил рабочим Прохоровской мануфактуры срок до часа дня (вместо девяти, как советовал Дубасов) [2, с. 732; 10, л. 18 об.]. Интересное свидетельство содержится в записи телефонного разговора Колосова с Никольским. Капитан сообщал своему собеседнику, что требования «очистить весь пресненский рабочий район от баррикад» и срок до 1 часа дня 18 декабря были выставлены Мином еще «ночью» 17 декабря (хотя вполне возможно, что офицер решил обобщить известные ему факты) [4, с. 50].

Особенно широко применял Мин практику бессудных расстрелов. Если ликвидацию дружинников Дубасов еще мог одобрить, то такие меры, как убийство и сечение лиц, задержанных патрулями Семеновского полка в районе Пресни, слабо или вовсе не причастных к революционному движению, не вызвали восторга генерал-губернатора. По двум «эпизодам» расстрельной практики Мина и его подчиненных — убийствам студентов Г. Моисеева и А. Григорьева — Дубасов даже возбудил дознания. Расследования, проводившиеся состоявшим при генерал-губернаторе подполковником Генерального Штаба князем Волконским, выявили факты прямого произвола со стороны гвардейцев:

Моисеев был расстрелян патрулем на льду Москвы-реки; Григорьев, доставленный на Прохоровскую мануфактуру, был убит в числе довольно большого числа «подозреваемых» после непродолжительного «судилища», устроенного офицерами Семеновского полка на дворе этой фабрики [11, л. 7—9 об., 21—21 об.; 12, л. 83]. Подобные факты вызвали возмущение Дубасова, который признавался Волконскому, что не знал об этих расправах [11, л. 4]. Подобное признание, скорее всего, соответствовало истине: первоначально генерал-губернатору был доставлен список из 20 дружинников, расстрелянных на Прохоровской мануфактуре и фабрике Мамонтова, причем в списке фигурировал «агитатор Григорьев» [10, л. 25].

Следует отметить, что такие результаты «деятельности» офицерского корпуса гвардейского полка объясняются несколькими причинами. Первой было своеобразное представление обо всех пресненцах как о потенциальных мятежниках [3, с. 188]. Свою лепту внесли и потери при начале пресненского штурма, поразившие Мина [4, с. 140]. Примечательно, что сам факт проведения дознания оскорбил полковника, который обвинил Дубасова в нарушении слова не выдвигать никаких претензий к полку и откровенно заявлял, что «если даже Григорьев был праведник, то смерть его не искупила бы смерти трех моих славных семеновцев» [10, л. 1—2 об.]. Но сыграла свою роль и позиция гражданских властей — чинов политического сыска (включая знаменитого П.И. Рачковского) и юстиции, присутствовавших во время грандиозного расстрела на Прохоровской мануфактуре 21 декабря, которые, по сути, самоустранились от активных действий, предоставив семеновцам свободу действий [12, л. 27, 73—74, 79]. Естественно, слухи о подобных методах судопроизводства не могли добавить популярности генерал-губернатору. Информация о расстреле Григорьева проникла в печать, что спровоцировало скандал [5, с. 49—53; 10, л. 1—1 об.].

Надо сказать, что инициативы полковника порой приводили к спорным результатам в чисто практическом плане. Мин сам признал, что выдвинутое им требование разборки рабочими баррикад и проверка его исполнения привели к тому, что отряд так и не смог засветло начать действия [2, с. 732—733]. Это во многом способствовало тому, что часть революционеров с Прохоровской мануфактуры скрылась в течение 18 — утра 19 декабря [17, с. 124]. Однако не стоит оценивать последствия этой инициативы пряс-

молиейно. Проиригнорировав «советы» Дубасова о раннем начале операции, Мин обеспечил относительно мирную капитуляцию Пресни.

Надо также сказать, что вице-адмирал в своих взаимоотношениях с Мином столкнулся с еще одним потенциальным «руководящим центром» — генерал-лейтенантом Штакельбергом, прибывшем в Москву вместе с семеновцами 15 декабря [20, с. 53]. Как, на наш взгляд, правильно предположил В.Н. Сторожев, он был отправлен с особой миссией от царя [19, с. 176]. Судя по источникам, миссия бывшего командира 1-го Сибирского корпуса заключалась в исполнении роли военного консультанта при генерал-губернаторе и аналитика, помогавшего вице-адмиралу осознать недостатки гражданского и военного управления Первопрестольной [16, л. 368 об.—369; 19, с. 103].

Но дело этим не ограничилось. Генерал-лейтенант выступал и в роли дополнительного контролера действий Семеновского полка. В чем он заключался? По свидетельству М.С. Тюлина, еще 15 декабря Штакельберг выступил резко против наступления Семеновского полка на Пресню до прибытия подкреплений — Ладожского полка, ссылаясь при этом на полномочия, полученные от царя [7, л. 15]. В первый день операции против Пресни — 17 декабря — Штакельберг (правда, от имени Дубасова) отдал распоряжения Шейдеману о возвращении артиллерийской батареи на позицию у Николаевских казарм [14, л. 194].

Поддерживал он и связь с Мином. Судя по письмам генерал-лейтенанта полковнику, он отдавал ему распоряжения военного характера (например, разработать план на случай завлечения отряда в «трусобу»), извещал его о распоряжениях Дубасова и собственных (например, о посылке «ежечасных донесений») [2, с. 864; 10, л. 14 об.—15]. Пытался он решать своей властью и вопросы политического характера: например, явившись на Сахарный завод, приказал Мину взять под стражу его директора как «неблагонадежного». В итоге полковник обратился за консультацией к Дубасову, который отменил это распоряжение [2, с. 864]. Таким образом, можно сделать вывод, что для Мина в данной ситуации отдал приоритет указаниям генерал-губернатора, и Штакельберг не стал ему противодействовать.

Таким образом, на протяжении пресненской операции Дубасов стремился осуществлять тесный контроль над действиями отряда полковника Мина, отправляя ему многочисленные распо-

ряжения военного и политического характера. При этом он фактически исполнял функции главнокомандующего, оттеснив на второй план (по добровольному соглашению) руководство МВО. В свою очередь, Мин отправлял генерал-губернатору донесения о своих действиях и запросы по широкому спектру проблем. Как руководитель Дубасов сумел проявить в процессе взаимодействия с командиром Семеновского полка гибкость и в ряде случаев предоставлял инициативу самому полковнику. Однако нельзя говорить о чрезвычайной эффективности их взаимодействия. Качество связи между Мином и Дубасовым оставалась неудовлетворительным, что приводило к многочисленным проволочкам и самоуправству командира отряда. Кроме того, пришлось столкнуться с еще одним потенциальным руководителем в лице Штакельберга, который иногда проявлял инициативу, идущую вразрез с мнением генерал-губернатора. Таким образом, выстроить отлаженную систему контроля над пресненским отрядом Дубасов не смог.

Список литературы

1. Вальдин А.С. Социально-политическая борьба накануне и во время Декабрьского (1905 г.) восстания: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 2000. — 277 с.
2. Высший подъем революции. Вооруженные восстания: ноябрь-декабрь 1905 года. Ч.1 // Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. 50 лет. 1905—1955. — М., 1955. — 950 с.
3. Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников московской полиции / публ. И.В. Говорова // Новейшая история России. — 2012. — № 6. — С. 182—190.
4. Из истории московского вооруженного восстания. Документы и материалы / сост.: Г. Костомаров, В. Симоненко и А. Дрезен. — М.: Моск. рабочий, 1930. — 232 с.
5. Климков Василий И. Расправы и расстрелы: (Письма, очерки и наброски спец. кор. газеты «Русь» («Молва»). — М.: Тип. А.П. Поплавского, 1906. — 238, II с.
6. Куксин А.И. Боеготовность русской армии и военно-окружной аппарат в начале XX века, 1904—1913 гг.: По материалам Московского военного округа: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 2001. — 230 с.
7. Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (ОР РГБ) Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4.
8. Первая революция в России. Взгляд через столетие / отв. ред. А.П. Корелин и С.В. Тютюкин. — М.: Памятники исторической мысли, 2005. — 602 с.
9. Письма Николая II Ф.В. Дубасову // Красный архив. — 1925. — Т. 4—5. — С. 440—442.
10. Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 428.

11. РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 445.
12. РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 447.
13. Российский Государственный Военно-Исторический Архив (РГВИА). Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386.
14. РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 576.
15. РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2680.
16. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 922. Оп. 1. Д. 10.
17. Сторожев В.Н. Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Иллюстрированный сборник статей, заметок и воспоминаний: Материалы по истории пролетарской революции. Сборник 3-й / под ред. Н. Овсянникова. — М.: Государственное издательство, 1920. — С. 60—207.
18. Сторожев В.Н. Ф.В. Дубасов и Г.А. Мин на Пресне в 1905 г. (по данным секретного отделения канцелярии московского ген.-губернатора) // Голос минувшего. — 1918. № 4—6. — С. 107—141.
19. Центральный Государственный Архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1.
20. Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооруженном восстании в Москве // Власть и общество в Первой российской революции 1905—1907 гг. Документальные свидетельства / сост., ред. и предисл. А.П. Ненарокова, П.Ю. Савельева (отв. ред.) и А.А. Чернобаева. — М.: Политическая энциклопедия, 2017. — С. 38—67.
21. Черномордик С.И. Московское вооруженное восстание в декабре 1905 г. — М.; Л.: Моск. рабочий, 1926. — 242 с.
22. Шатина Н.В. Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой российской революцией: (На прим. Москвы): Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1989. — 227 с.
23. Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 г. — М.: Госполитиздат, 1957. — 549 с.

*А.М. Капитоненков*¹

Столыпинская аграрная реформа в отечественной историографии: дискуссионные вопросы и критерии оценок

Аннотация. В статье исследуется отражение столыпинской аграрной реформы в отечественной (дореволюционной, советской и российской) историографии. На основе анализа научной исторической литературы выявляются основные подходы к изучению и тенденции в оценках реформы.

Ключевые слова: П.А. Столыпин; аграрная реформа; община; сельское хозяйство; землеустройство; крестьянское движение.

Alexey M. Kapitonenkov

STOLYPIN AGRARIAN REFORM IN THE DOMESTIC
HISTORIOGRAPHY: DEBATABLE QUESTIONS AND CRITERIA OF
ESTIMATES

Abstract. In article Stolypin agrarian reform is investigated. On the basis of the analysis of scientific historical literature the main approaches to studying and a tendency in estimates of Stolypin agrarian reform in a domestic historiography come to light.

Keywords: P.A. Stolypin; agrarian reform; community; agriculture; land management; peasant movement.

Прошло более ста лет с начала преобразований, которые вошли в историю под названием столыпинской аграрной реформы. Она представляла собой беспрецедентную по своим масштабам и замыслу программу модернизации, которая была нацелена на глубокое и коренное реформирование сельского хозяйства. Неудивительно, что такая грандиозная по масштабности реформа стала объектом пристального внимания исследователей.

Литература, посвященная реформе П.А. Столыпина, обширна и многообразна. До 1917 г. основные подходы к анализу реформы

во многом определялись политическими взглядами авторов. При этом интересы политической борьбы оказывали значительное влияние на формирование концепций изучения реформы. Необходимой признавалась критика любых мероприятий правительства, и аграрная реформа не была здесь исключением. По этой причине большинство работ имели исключительно описательный характер, их авторы мало стремились к глубокому осмыслению преобразований. Главным критерием оценки становилось не то, каких результатов она достигла и какое влияние оказала, а ее соответствие аграрным программам различных политических партий и течений.

Одним из первых, кто начал писать о столыпинской аграрной реформе, был В.И. Ульянов (Ленин). Признавая научно-экономический прогресс реформы, он, тем не менее, в силу своих революционных убеждений писал о полном ее крахе, не скупясь на уничижительную критику в адрес реформатора: «обер-вешатель», «погромщик», «глава правительства контрреволюции», «представитель диктатуры крепостников-помещиков» и т.д. [29, с. 324—333]. Ленинские работы оказали большое влияние на отечественную историографию и на многие десятилетия стали методологической основой и источниковой базой при изучении истории дореволюционной России.

Большое внимание уделял реформе крупный специалист по аграрному вопросу, член кадетской партии А.А. Кауфман, принимавший участие в разработке партийного проекта земельного закона. В своей статье он «под свежим впечатлением» выступил с резкой критикой указа 9 ноября 1906 г., отмечая, что критиковать его следует двояко: с точки зрения справедливости и с точки зрения целесообразности [24, с. 165]. Позднее Кауфман критически воспринимал и закон 14 июня 1910 г. В конечном счете, по его мнению, «в самой резкой форме нарушая законнейшие права и интересы остававшейся в общине части населения, указ 9 ноября и закон 14 июня едва ли могут быть оправданы и с точки зрения желательного хода экономической и социальной эволюции страны» [25, с. 130].

Видный экономист А.И. Чупров полагал, что реформа Столыпина явилась «скоропелым продуктом бюрократического творчества». Превознося достоинства общины и выступая против ее разрушения, он негативно оценивал указ 9 ноября, считая его «резким вызовом русскому народу» [47, с. 9].

¹ Капитоненков Алексей Михайлович — Свободный исследователь. kapi-ale79@mail.ru

Alexey M. Kapitonenkov — Independent researcher.

Много писал о столыпинской аграрной реформе Н.П. Огановский. Являясь представителем либерального народнического направления, он сравнивал указ 9 ноября с «камнем, брошенным в общину». Он полагал, что в начинаниях правительства политические мотивы преобладали над экономическими, и подлинной целью реформы было создание класса мелкой сельской буржуазии как оплота власти против остальной массы крестьянства [35, с. 126—127]. В конечном счете, Огановский приходил к выводу, что «аграрный вопрос в России еще не решен и не может быть решен способом, придуманным П.А. Столыпиным» [36, с. 79].

Критически оценивали аграрную реформу экономисты С.Н. Прокопович [38], И.В. Чернышев [46], либеральный публицист А.С. Изгоев [19], работы которых носили ярко выраженный политический характер. Более оптимистично по отношению были настроены статистик А.Е. Лосицкий [33], историк-экономист Н. Рожков [39]. С восторгом воспринял столыпинское земельное законодательство публицист С. Бельский, на основании личных наблюдений отмечавший, что «земельная реформа на почве закона 9 ноября имеет столь очевидные преимущества, что против нее оказались бессильными даже упорная приверженность к старому типу хозяйства и обычная робость крестьян перед всякими новшествами» [4, с. 93].

Известный экономист и социолог А.В. Чаянов, будучи первоначально противником аграрных преобразований, постепенно, по мере более глубокого и вдумчивого подхода пришел к переоценке взглядов и констатации положительных результатов реформы. В 1917 г. он писал: «Крестьянское хозяйство 1917 года не то, каким было крестьянское хозяйство 1905 года. Изменилось само крестьянское хозяйство: иначе обрабатываются поля, иначе содержится скот, крестьяне больше продают, больше покупают. Крестьянская кооперация покрыла собою нашу деревню и переродила ее; стал развитее и культурнее наш крестьянин» [45, с. 9].

После Октября 1917 г. столыпинская аграрная реформа продолжала оставаться одной из центральных тем отечественной историографии, не отличаясь при этом большим разнообразием оценок. Новой властью предпринимались активные шаги по перестройке исторической науки на марксистских началах. Однако до середины 1920-х гг. еще отсутствовало сильное идеологическое давление на историческую науку, поэтому работы, вышедшие в

этот период, могли носить более объективный характер. Среди них стоит выделить весьма умеренные в своих выводах работы Н. Карпова [23], А.И. Тюменева [44] и особенно труды крупного историка-экономиста Б.Д. Бруцкуса, который, отмечая отдельные недостатки реформы, был одним из немногих, кто призывал отказаться от ее негативной оценки лишь потому, что ее «выдвинул старый режим», при этом подчеркивая, что «к аграрным реформам старого режима примешались разного рода политические моменты, исказившие их смысл» [5, с. 24]. В дальнейшем, отвечая на вопрос о причинах событий 1917 г., Бруцкус приходил к выводу, что революция произошла не на почве аграрной политики старого режима, не вызвавшей «ни одной серьезной вспышки народного недовольствия» [6, с. 131].

Отдельного упоминания заслуживает работа экономиста и статистика Л.Н. Литошенко, которая увидела свет лишь в 2001 г. — спустя почти семьдесят лет после ее написания. В ней автор высоко оценивал результаты столыпинской реформы. Отмечая ее головокружительный успех, Литошенко констатировал, что «реформа Столыпина порвала связь с устаревшими и неправильными представлениями о русском крестьянстве» [32, с. 141].

С конца 1920-х — начала 1930-х гг. давление власти приобрело фатальный для исторической науки характер, произошло окончательное утверждение марксистской политико-идеологической доктрины. Отличительной чертой становится отсутствие у исследователей самостоятельных оценок и выводов. Круг привлекавшихся источников крайне сузился, а единственной платформой для выводов служили работы Ленина, так как безоговорочно считалось, что итоговые и единственно верные оценки реформы даны именно им.

При освещении аграрной реформы присутствовала заданность негативной оценки. Содержание подгонялось под заранее известное клише: уже в самом начале своих работ исследователи постулировали «крах» реформы по всем направлениям, то, что она не принесла желаемых результатов и просто была чрезвычайно вредна. Основное внимание уделялось насильственному характеру разрушения общины, «антикрестьянской» направленности и «помещичье-самодержавной» сущности реформы. Отмечалось, что она ускорила развитие капитализма, до крайности обострила социально-экономические противоречия в деревне, что и явилось главной причиной революции. Многие стереотипы кочевали из

одной работы в другую в качестве аксиомы. Весьма показательна диссертация А.В. Шапкарина, среди прочих целей которой автор обозначал: «показать крушение столыпинской аграрной политики» [48, с. 1], подразумевая, что сам факт крушения доказан и не подлежит сомнению.

В 1931 г. вышла работа исследователя И. Литвинова. В ней он сделал вывод о том, что аграрный вопрос в России остался неразрешенным вплоть до октября 1917 г., потому как «столыпинские реформы были полумерами, были результатом компромисса, они хромали на обе ноги» [31, с. 13]. В конце 1938 г. появилась небольшая по объему работа историка Г.В. Барандова, в которой премьер-министр предстал как «свирепый душитель революции». Автор считал, что целью реформы было расколоть деревню, создать в ней слой зажиточных крестьян-собственников, которые «не за страх, а за совесть» защищали бы от масс неприкосновенность помещичьих имений. Затем, опираясь на союз с этими «новыми помещиками из крестьян», правительство рассчитывало повести борьбу против политически проснувшейся крестьянской массы и, как следствие, против революции [3, с. 16]. Перед Великой Отечественной войной была издана книга историка П.Н. Ефремова. Отмечая насильственный характер проведения реформы, он писал, что «столыпинская программа могла быть осуществлена лишь путем неслыханного насилия над массой крестьянства, путем открытого, беззастенчивого грабежа общинных земель кулаками» [16, с. 25]. По этой причине крестьяне всячески сопротивлялись политике, что, в свою очередь, по мнению автора, являлось причиной медленного проведения реформы.

1950-е гг. отмечены появлением первых диссертационных работ, посвященных изучению аграрной реформы на региональном уровне. Среди них выделяется работа Н.Н. Гульцева [11], уже в самом названии которой звучит все та же мысль о «крахе» реформы. Среди других трудов тех лет заслуживает внимания исследование М.С. Симоновой, которая отрицательно оценивала столыпинское землеустройство. Развивая мысль о провале реформы, она пришла к выводу, что аграрная реформа, несмотря на ее масштабность, не могла решить проблему острого аграрного кризиса в стране [42, с. 81].

В 1960—1980-х гг. источниковая база исследований аграрной реформы заметно расширилась, был накоплен значительный фактический материал, но для исследователей были ха-

рактерны тенденциозный подбор источников и их трактовка. Под этим углом зрения цели и итоги преобразований неминуемо искажались. Тенденциозность вела к нарушению принципа объективности. Целый ряд проблем не получил надлежащего освещения, многие аспекты реформы недооценивались, оставались в тени или были вовсе незаслуженно забыты. Отмечая объективные предпосылки преобразований, свои выводы исследователи все же сводили к ее ограниченному характеру и реакционности.

В 1960 г. появилась работа Е.Г. Василевского, посвященная, главным образом, борьбе различных политических партий вокруг столыпинской реформы. По мнению автора, «изучение столыпинской аграрной реформы и той борьбы, которая развернулась вокруг нее в период между двумя революциями, имеет не только историческое, но и актуальное политическое значение» [7, с. 3]. Спустя три года была издана солидная по объему монография С.М. Дубровского, ставшая, пожалуй, самым заметным событием в советской историографии. Автор значительное внимание уделил истории указа 9 ноября, обсуждению его в Государственной думе и Государственном совете, силовому давлению власти в ходе проведения реформы и крестьянскому движению. Выводы Дубровского предсказуемо основаны на оценках В.И. Ленина: реформа вызвана в первую очередь революцией 1905 г., носила ярко выраженный классовый характер и проводилась в интересах помещиков и зажиточных крестьян. Она имела большое значение для развития капитализма, однако не привела к серьезным положительным изменениям в сельском хозяйстве, а наоборот несла в себе огромные противоречия, которые делали неизбежной новую революцию. В итоге резко ухудшилось положение бедноты, возросла ее численность, значительно усилилось расслоение деревни [14, с. 567—568].

Похожей позиции придерживались П.Н. Першин [37], Л.П. Липинский [30], С.М. Сидельников [41].

Историк Г.А. Герасименко в своей работе, вышедшей в середине 1980-х гг., рассматривал аграрную реформу в тесной связи с крестьянским движением. Основное внимание исследователь уделил анализу форм и методов борьбы крестьян против землеустроителей, с одной стороны, и выделившихся из общины собственников — с другой. Эта борьба, по его мнению, явилась одной из главных причин провала реформы. Он приходил к выводу,

что подобная картина борьбы наблюдалась во всех губерниях, затронутых реформой. По мере усиления нажима на общину борьба крестьян против землеустроителей и выделенцев выливалась в открытые столкновения — «в сплошной фронт борьбы, направленный против аграрной реформы царизма», в которой крестьяне использовали самые разные способы [9, с. 342—343].

В 1991 г. была опубликована статья И.Д. Ковальченко, который критически оценил ход проведения и результаты столыпинской реформы. По мнению академика, она не только провалилась еще до Первой мировой войны, но и не привела бы к положительным результатам даже в случае более благоприятной конъюнктуры [27, с. 69]. В русле той же историографической традиции написаны работы В.С. Дякина [15] и А.Я. Авреха [1].

Среди трудов, вышедших в первые постсоветские годы, можно выделить работы П.Н. Зырянова. Автор попытался показать внутреннюю жизнь общины в период проведения реформы, ее жизненность и трансформацию к новым условиям, а также проанализировать цели и задачи реформы. Подчеркивался насильственный характер реформы, особенно на втором ее этапе, что, в свою очередь, приводило к сопротивлению крестьянства. По мнению историка, реформа, несомненно, потерпела крах, дав новый толчок пьянству, так как «некоторые укрепленцы пропивали свои наделы немедленно по выходе из общины» [17, с. 238]. Вместе с тем исследователем были отмечены и положительные результаты: предоставление крестьянам большей личной свободы, устройство хуторов и отрубов на землях Крестьянского банка, переселение в Сибирь, некоторые виды землеустройства [18, с. 63].

Заслуживают внимания работы историка Э.М. Шагина, который считал, что Первая мировая война вынудила правительство приостановить осуществление реформы тогда, когда общество стало ощущать первые ее плоды [49, с. 40]. Другими серьезными препятствиями на пути ее реализации, по его мнению, являлось недоверие, с которым отнеслась деревня к этому начинанию, а также просчеты самих реформаторов: использование насилия по отношению к крестьянству, выступающему против разрушения общины, торопливость и связанное с ней недостаточно высокое качество землеустроительных работ, и т.п. [50, с. 144—145].

В целом в историографии 1990-х гг. сохранялась инерция оценок советского времени. Однако начали появляться и публикации, оценивавшие аграрные преобразования начала XX в. совер-

шенно иначе. Среди них следует указать на статьи экономистов А. Глаголева [10] и М. Румянцева [40], опубликованные в журнале «Вопросы экономики», а также небольшую, но весьма содержательную работу В.В. Казарезова [21].

Новый этап в историографии открывается выходом в свет капитального труда В.Г. Тюкавкина, почти полвека посвятившего изучению сельского хозяйства дореволюционной России. Автор подверг критике стереотипы советской историографии. Признавая необоснованность мнения о «крахе» реформы, историк считал, что необходимо отказаться от оценки реформы только по проценту дворов, вышедших из общины. Переход к частной собственности совершался также в процессе землеустройства, которое стало главным направлением реформы с 1911 г. По мысли Тюкавкина, именно землеустройство принесло наибольшую выгоду крестьянам: «Рассмотрение выходов из общины в комплексе с итогами землеустройства показывает, что не было “краха” реформы. Было замедление выходов из общины после 1910 г., которое Ленин и назвал “крахом”, но с 1911 г. резко возросло землеустройство, так как по закону от 29 мая 1911 г. о землеустройстве крестьянину не нужно было предварительно проходить процедуру получения разрешения на выход из общины, не нужно было “укреплять” землю — документы о землеустройстве его двора давали ему право на личное частное владение его участком. Лишь война помешала провести землеустройство всех 6 174,5 тыс. дворов, подавших заявления, что составляло более половины всех дворов крестьян Европейской России, или 67% общинных хозяйств» [43, с. 125].

Не отрицая фактов применения насилия к крестьянам, Тюкавкин видел в них карьеристские устремления и личные качества местных чиновников. При этом он обращал внимание на то, что многие из упоминаемых в трудах историков случаи силового давления на общинников не подтверждены ссылками на надежные источники, а основная масса крестьян стремилась добровольно выйти из общины. «Тот факт, что более 3 млн домохозяев подали заявления о выходе из общин, а более 6 млн — о проведении землеустройства — это весомое доказательство добровольности основной крестьянской массы в стремлении выйти из общины, укрепить свой надел в собственность или провести землеустройство... Такое количество заявлений невозможно было “выбить” под нажимом. Да и зачем было “выбивать” их, если далеко не всех

успели выделить из общин и еще больше не успели землеустроить из тех, кто уже подал заявления», — отмечал автор [43, с. 156—158].

Современный этап в изучении аграрной реформы характерен повышенным интересом к личности и реформаторской деятельности П.А. Столыпина. Заметно увеличилось число публикаций о нем, издано значительное количество новых архивных материалов, переосмыслены статистические данные. Как следствие, значительно расширилась источниковая база исследований. Появились работы, в которых предпринята попытка всестороннего и объективного анализа как положительных, так и отрицательных сторон реализации реформы и ее результатов, значительное внимание уделено позитивным аспектам, а также подвергнуты критике стереотипы советской историографии. Внимание исследователей привлекают такие проблемы, как причины незавершенности реформы, объективные кадровые, финансовые и организационные трудности при проведении реформы, нехватка исторического времени. Большое внимание уделяется исследованию второго этапа реформы, начавшегося условно после 1910 г.

Значительным шагом вперед в деле изучения реформы стала работа М.А. Давыдова. Исследовав ее различные аспекты, автор пришел к выводу о том, что этиаграрные преобразования по своему масштабу не имели аналогов в мировой истории. На основе официальной статистики, а также широчайшего круга других источников он убедительно показал, что реформа способствовала началу агротехнологической революции в России, активному развитию кооперации, значительному росту благосостояния населения страны. Касаясь итогов землеустройства, Давыдов отверг широко распространенное мнение о «крахе» столыпинской реформы после 1910 г. ввиду уменьшения числа ходатайств о землеустройстве, поданных в Землеустроительные комиссии. На самом же деле, отметил он, в 1907—1911 гг. было подано 2 633,5 тыс. ходатайств, а в 1912—1915 гг. — 3 540,9 тыс., т.е. на 34,5% больше [12, с. 501].

Выводы Давыдова об успешности реформы поддержал исследователь социальной истории России Б.Н. Миронов. Аграрную реформу ученый рассматривает как показатель степени модернизации деревни, «освободившую ее от балласта — от крестьян, которые не хотели или не могли вести хозяйство, создавая социальное напряжение, мешавшее хозяйственной деятельности» [34,

с. 236]. Миронов подчеркнул, что разрушение общины началось еще до реформы, которая лишь ускорила этот процесс [34, с. 239]. Недостатки были вызваны нехваткой финансовых средств, квалифицированных специалистов и соответствующего ведомственного аппарата. Тем не менее «механизм аграрной реформы к осени 1911 г. был уже так отлажен, что продолжал работать и после гибели П.А. Столыпина» [34, с. 240].

Помимо работ Тюкавкина, Миронова и Давыдова, новый взгляд на аграрную реформу Столыпина содержится также в работах О.Г. Вронского [8], В.В. Кабанова [20], П.С. Кабытова [21], И.И. Климина [26].

Несмотря на эти достижения, по-прежнему идут споры вокруг реформы, оценки ее всё так же неоднозначны. Современный этап характерен отсутствием общепризнанной концепции в изучении реформы. Можно говорить о существовании двух основных течений. Первое — попытка по-новому оценить результаты и характер преобразований, второе — продолжение в основных чертах традиций советской историографии. В русле второй традиции написаны статьи В.П. Данилова [13], А.П. Корелина и К.Ф. Шацилло [28], а также последняя монография известного историка-аграрника А.М. Анфимова, в которой он приходил к выводу о том, что «Столыпин плохо знал русскую деревню с ее бедами и надеждами и не мог уяснить для себя причин назревших в ней противоречий. Да и не старался познать» [2, с. 83].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что столыпинская аграрная реформа является одной из тех проблем, где разброс мнений исследователей продолжает оставаться весьма широким. Эти преобразования всегда были и до сих пор остаются одной из наиболее политизированных тем отечественной истории, и это в полной мере сказалось на их изучении. По сути дела, в основе всех споров о реформе лежат два основных подхода к интерпретации исторического прошлого страны и, в частности, пореформенного периода: первый — негативный, второй — позитивный. Полно и объективно она еще не оценена, отдельные аспекты реформы остаются вне должного внимания исследователей. Однако сам факт неослабевающего на протяжении многих десятилетий интереса уже есть признание того большого места, которое заняла реформаторская деятельность П.А. Столыпина в истории России.

Список литературы

1. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. — М.: Политиздат, 1991. — 285 с.
2. Анфимов А.М. Столыпин и российское крестьянство. — М.: ИРИ РАН, 2002. — 299 с.
3. Барандов Г.В. Столыпинская реакция. (Исторический очерк). — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1938. — 64 с.
4. Бельский С. Новая земледельческая Россия. (Очерки землеустройства). — СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1910. — 208 с.
5. Бруцкус Б.Д. Обобществление земли и аграрная реформа. — М.: Универс. б-ка, 1917. — 31 с.
6. Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. — Пг.: Право, 1922. — 234 с.
7. Василевский Е.Г. Идеиная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. — М.: Соцэкгиз 1960. — 227 с.
8. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905—1917). — М.: МПГУ, 2000. — 417 с.
9. Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. — 342 с.
10. Глаголев А.И. «Второе раскрепощение» русского крестьянина (социально-правовые предпосылки реформы П.А. Столыпина) // Вестник Академии наук СССР. — 1991. — № 9. — С. 74—90.
11. Гульцев Н.Н. Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1953. — 20 с.
12. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. — СПб.: Алетейя, 2016. — 1080 с.
13. Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрные революции России (1861—2001) // Россия в XX веке. Реформы и революции: в 2 т. / под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. — Т. 1. — М.: Наука, 2002. — С. 20—37.
14. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — 599 с.
15. Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. — 1990. — № 12. — С. 113—124.
16. Ефремов П.Н. Столыпинская аграрная политика. — М.: Госполитиздат, 1941. — 144 с.
17. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России, 1907—1914 гг. — М.: Наука, 1992. — 256 с.
18. Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. — М.: Высшая школа, 1992. — 157 с.
19. Изгоев А.С. П.А. Столыпин: очерк жизни и деятельности. — М.: К.Ф. Некрасов, 1912. — 133 с.
20. Кабанов В.В. А был ли крах столыпинской аграрной реформы? // Россия сельская, XIX — начало XX века / отв. ред. А.П. Корелин. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 309—330.
21. Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. — М.: РОССПЭН, 2007. — 192 с.
22. Казарезов В.В. О Петре Аркадьевиче Столыпине. — М.: Агропромиздат, 1991. — 96 с.
23. Карпов Н. Аграрная политика Столыпина. — Л.: Прибой, 1925. — 238 с.
24. Кауфман А.А. Указ 9 ноября 1906 г. // Русская мысль. — 1908. — Кн. I. — С. 138—175.
25. Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. — М.: Моск. науч. изд-во, 1918. — 268 с.
26. Климин И.И. Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России. — СПб.: Клио, 2002. — 335 с.
27. Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа: мифы и реальность // История СССР. — 1991. — № 2. — С. 52—72.
28. Корелин А.П., Шацилло К.Ф. П.А. Столыпин: попытка модернизации сельского хозяйства // Деревня в начале века: революция и реформы / [науч. ред. Н.А. Ивницкий]. — М.: РГГУ, 1995. — С. 6—42.
29. Ленин В.И. Столыпин и революция // Полное собрание сочинений. — Т. 20. — М.: Изд-во политической литературы, 1973. — С. 324—333.
30. Липинский Л.П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. — Минск: Изд-во БГУ 1978. — 223 с.
31. Литвинов И.И. Столыпинщина. — Харьков: Пролетар, 1931. — 104 с.
32. Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. — 536 с.
33. Лосицкий А.Е. Община и указ 9 ноября // Образование. — 1907. — № 1. — С. 61—77.
34. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. — Т. 2. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. — 912 с.
35. Огановский Н.П. Первые итоги «великой реформы» // Русское богатство. — 1911. — № 10. — С. 124—162; № 11. — С. 67—98.
36. Огановский Н.П. Аграрная эволюция в России после 1905 г. — М.: Задруга, 1917. — 100 с.
37. Першин П.Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование: в 2 кн. — Кн. 1: От реформы к революции. — М.: Наука, 1966. — 490 с.
38. Прокопович С.Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства. — М.: М. и С. Сабашниковы, 1912. — 224 с.
39. Рожков Н. Аграрный вопрос и землеустройство // Современный мир. — 1916. — № 3. — С. 44—73.
40. Румянцев М. Столыпинская аграрная реформа: предпосылки, задачи, итоги // Вопросы экономики. — 1990. — № 10. — С. 63—74.
41. Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. — М.: МГУ, 1980. — 288 с.
42. Симонова М.С. Экономические итоги столыпинской аграрной политики в Центрально-черноземных губерниях // Исторические записки. — 1958. — Т. 63. — С. 31—81.
43. Токавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. — М.: Памятники исторической мысли, 2001. — 304 с.
44. Тюменев А. Закон 9 ноября и политика насаждения хуторов // Вестник социалистической академии. — 1923. — Кн. 6. — С. 264—301.
45. Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос? — М.: Универсальная б-ка, 1917. — 63 с.
46. Чернышев И.В. Расслоение современной деревни (Крестьянский банк, землеустроительные комиссии и указ 9 ноября) // Современный мир. — 1908. — № 6. — С. 46—69.

47. Чупров А.И. По поводу Указа 9 ноября 1906 г. — М.: М. и С. Сабашниковы, 1908. — 102 с.
48. Шапкарин А.В. Столыпинская аграрная реформа: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 1954. — 48 с.
49. Шагин Э.М. Об опыте и уроках столыпинской аграрной реформы // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия / отв. ред. А.Ф. Киселев. — М.: Магистр, 1994. — С. 40—64.
50. Шагин Э.М. Столыпинская аграрная реформа: ее результаты и судьба // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование / отв. ред. Л.В. Милов. — М.: МГПУ им. В.И. Ленина, 1995. — С. 130—150.

Секция III
**История России
в XX – начале XXI вв.**

Муниципальные финансы Москвы в руках большевиков (конец 1917 г. — 1918 г.)

Аннотация. В статье автор прослеживает процесс трансформации системы муниципальных финансов Москвы в конце 1917 — 1918 гг. На основании архивных данных показано, что приход к власти большевиков подорвал налоговую базу города, и так находившуюся в кризисе. Большевики в муниципалитете пытались стабилизировать финансы на «рыночных» принципах, но попытки не удалось: в условиях слома рыночной экономики и социальных потрясений собираемость сборов была низкой, расходы резко росли.

Ключевые слова: большевики; революция; городское самоуправление; муниципальное хозяйство; городские финансы.

Andrey V. Mamaev

MUNICIPAL FINANCE OF MOSCOW UNDER THE BOLSHEVIKS
(END OF 1917 — 1918)

Abstract. The author traces the process of transformation of the system of municipal finance in Moscow at the end of 1917—1918. On the basis of archival data article show that the Bolshevik's coming to power undermined the tax base of the city, which was in crisis. The Bolsheviks in the municipality tried to stabilize the finances on the “market” principles, but these attempts failed: in the conditions of breaking of market economy and social upheavals the collection of fees was low, the costs increased sharply.

Keywords: Bolsheviks, revolution, city self-government, municipal economy, city finance.

Приход к власти большевиков породил проблему встраивания института городского самоуправления в новые структуры власти, что сопровождалось как разрывом с прошлым, так и элементами преемственности. К моменту захвата власти в Москве большевиками городское хозяйство находилось в глубоком кризисе, что

¹ Мамаев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра экономической истории Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: andreidx2006@yandex.ru
Andrey V. Mamaev — Candidate of Historical Sciences, Researcher, Center of economic history, Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

стало одной из причин неспособности института самоуправления укрепить власть Временного правительства и обеспечить сохранение демократического выбора в 1917 г. Приход большевиков создал ряд новых проблем. Как вспоминал первый большевистский управляющий финансами московского самоуправления Е.Л. Афонин, «мы очутились буквально у разбитого корыта» [1, с. 72—75].

Новую власть не считали легитимной ни банковские круги, ни прежние центральные органы госуправления, ни руководство демократического муниципалитета, ни плательщики сборов. Так, значительная часть городских служащих не приняла власть большевиков как «узурпаторов» и объявила забастовку, от которой отказалось лишь в феврале 1918 г. [5, 14 февраля]. Для большевиков важнейшей задачей было овладеть аппаратом управления, восстановить работу нарушенного финансового аппарата и взимание налогов, решить вопрос с кредитованием.

Радикальные социалисты были намерены форсировать отход от капиталистической экономики, поэтому с их приходом резко упало доверие в целом к финансовой системе, начался массовый отлив вкладов из банков. «Дело дошло до того, — отмечал А.И. Рыков, что Государственный банк выплачивал ежедневно 100 млн руб., притоку же не было никакого» [19, л. 6]. Национализация банков, позволила спасти их от банкротства, но разрушение кредитных институтов лишило города и предприятия возможности покрывать нехватку доходов займами.

Была подорвана налоговая база муниципалитетов. Муниципализация жилья лишала города важнейшего прямого налога — оценочного сбора — и фактически возлагала на муниципалитеты крупные расходы на обслуживание домов и текущий ремонт. Нехватка денег на ремонт и обеспечение работы городских предприятий вела к поломкам, нехватке материалов, падению производительности труда и снижала поступления.

Еще одной проблемой было отсутствие у Советов, взявших власть, своей финансовой базы и серьезного бюджета: местное обложение контролировали муниципальные власти, обойтись же добровольными перечислениями со стороны партий, предприятий и отдельных рабочих, как раньше, было невозможно. В декабре 1917 г. СНК санкционировал субсидирование местных советов из смет бывшего Министерства внутренних дел [8, с. 51—55].

В Москве уже в начале ноября городская дума, состоявшая преимущественно из эсеров и кадетов, была распущена, а функ-

ции представительного органа городского самоуправления взял на себя сформированный из районных дум Совет, который создал исполнительный орган, заместивший городскую управу, — бюро Совета районных дум.

Муниципальные расходы продолжали быстро расти, а поступления иссякли. Городские рабочие и подрядчики требовали своевременной выплаты жалованья и надбавок, а также их повышения, деньги требовались муниципальным учреждениям, на выдачу пособий солдаткам, ведение продовольственной и топливной операции, текущий ремонт городских предприятий, выплаты по займам. Исправные плательщики сначала несли деньги в кассу распущенной управы, однако вскоре это стало невозможно: старые структуры, не желавшие признавать власть большевиков, прекращали работу, преследовались и исчезали. Отсутствие средств, наряду с силовым давлением новой власти, привело к постепенной потере демократической думой контроля над всеми предприятиями, муниципальными учреждениями, отделами городской управы [4, 28 декабря].

Дефицит средств большевики в муниципалитете в конце 1917 г. стали покрывать за счет экспроприаций из московского отделения Государственного банка и займов у государства. Как сообщал Афонин, «все наши выемки из банка и казначейства к 1 января выразились в сумме 38 млн руб.» [1, с. 72—75]. В качестве займов от государства было получено 50 млн руб. [20, л. 70—71].

Первым шагом в налоговой сфере стало повышение ставок в соответствии еще с законодательством Временного правительства. Оно 29 сентября успело принять новое Положение о городских доходах, расходах, сметах и отчетах, согласно которому налоговая база городов существенно расширилась. В соответствии с ним Совет районных дум Москвы 21 ноября 1917 г. повысил городской оценочный сбор с 10 до 20% доходности (или с 1 до 2% стоимости) [14, л. 2]. Однако начавшаяся уже в декабре муниципализация жилья привела к тому, что крупные домовладельцы лишились квартирной платы со стороны жильцов и не могли заплатить этот сбор.

К началу 1918 г. стало ясно, что в дальнейшем покрывать резко растущий дефицит местного бюджета из центра не удастся. Совнарком отказывался финансировать местные советы, предлагая им воспользоваться муниципальными финансами. В телеграмме СНК о субсидировании местных советов отмечалось, что, так как

советы в качестве власти на местах обладают и налоговыми правами, они должны финансироваться путем введения местных налогов [2, с. 9]. По решению президиума Моссовета была создана комиссия, которой предложили в срочном порядке заняться разработкой налоговых мероприятий [21, л. 72]. В качестве важнейшего источника пополнения местных финансов назывались разные косвенные сборы и повышение тарифов на муниципальные услуги. Так, член президиума Моссовета Н.С. Ангарский говорил о важности косвенных налогов, «чтоб выкачать деньги из карманов крестьян». «Нечего бояться, что это есть измена программам социалистов, отрицающим всякие косвенные налоги, — заявлял он, — надо быть решительным, иначе мы придем к катастрофе» [16, л. 12—16].

В области прямого обложения большевики для поддержания городского хозяйства сразу вышли в городском обложении за пределы, установленные законодательством Временного правительства, и придали ему классовый характер. 26 января 1918 г. для покрытия расходов Совета районных дум и других советских отделов Моссовет установил единовременный подоходный налог в размере полного оклада государственного подоходного налога за 1916 г. Половину суммы следовало заплатить до 1 марта, остальное к 1 мая [5, 31 января]. Как отмечалось в небольшевистской прессе, налог ложился тяжким бременем на тех домовладельцев и фабрикантов, которые до Февраля имели большой доход в связи с войной и жилищным дефицитом, но к началу 1918 г. его лишились [5, 26 марта].

В связи с муниципализацией жилья оценочный сбор сохранялся только для частных домовладений, в муниципализированных домах Совет перешел к обложению налогом на недвижимость — жилищным сбором — домовых комитетов, которые стали получать квартплату непосредственно от жильцов, минуя домовладельцев. Жилищный сбор представлял собой определенное процентное отчисление с дохода муниципализированных владений, доходность которых превышала 750 руб. в месяц. Таких владений в Москве насчитывалось около 3 500. Процентное отчисление с таких домов в пользу города зависело от престижности района, в котором оно находилось, от наличия канализации, централизованного отопления, времени года [9, л. 152].

В первые месяцы 1918 г. финансово-податной отдел московского самоуправления смог наладить деятельность. Главной его

задачей стало побудить налогоплательщиков аккуратно, вовремя и в полном объеме вносить положенные средства в кассу города. Для взыскания недоимок по городским сборам с 5 марта 1918 г. вступил в действие декрет об ответственности за неуплату налогов в срок. Финансово-податному отделу давалось право прекращать должникам отпуск воды, газа и электричества; выселять из помещений; налагать штрафы и применять другие меры вплоть до конфискации имущества; сдавать уклонявшихся от уплаты на принудительные работы. Те предприятия, которые не могли внести налоги деньгами, должны были платить продуктами или изделиями [10, л. 34 об].

Еще более жесткие меры было решено предпринять 16 апреля 1918 г.: при отделе сборов временно создавалась особая комиссия из представителей отдела, которая должна была выбрать из каждой категории сборов 5—10 наиболее состоятельных недоимщиков, после утверждения комиссией списка к должникам применялись такие меры, как закрытие их заведений, предприятий, конфискация имущества, которое передавалось районным управам или Комитету общественного питания [15, л. 91].

В течение первой половины 1918 г. поступления городских налогов в бюджет Москвы постепенно увеличивались: если в январе отдел сборов Совета районных дум получил 1 537 939 р. 18 к., из которых оценочный сбор составил 64%, сборы с торгово-промышленных заведений — 7,5%, то в феврале в отдел сборов поступило на 33% больше, а в марте — в 20 раз больше, чем в январе, из них оценочный сбор — 7,7%, сбор с торгово-промышленных заведений — 5%, единовременный городской подоходный налог — 72,6%.

Однако показатели собираемости налогов были не на высоте: так, по оценочному сбору было выплачено только 25% от того, что предполагалось получить, если сборы с торгово-промышленных заведений удалось получить на 96%, то поступления по единовременному городскому подоходному налогу составили лишь 31% от запланированного [9, л. 4, 16—16 об].

Расходы кассы Совета районных дум в период с 12 ноября 1917 г. по 1 июля 1918 г. значительно превышали доходы: потрачено было в 2,27 раза больше, чем за это время поступило городских налогов. Значительные траты в начале были связаны с выплатой жалования работникам трамвая, канализационного отдела, водопровода, транспортного отдела, газового завода, город-

ского ломбарда, боен, продовольственного комитета (примерно треть от общей суммы расходов).

Сократить расходы во второй период удалось за счет вывода части отделов из компетенции Совета районных дум и городской кассы, перевода городских предприятий в режим самокупаемости [9, л. 18—18 об.]. Как отмечал Афонин, в первые месяцы после большевистского переворота трамвай ежемесячно приносил больше 3 млн руб. дефицита, но с мая 1918 г. «трамваи стали на собственные ноги», а в июне в доходах образовался даже некоторый излишек, поэтому муниципальный отдел смог взять из трамвайной кассы 500 тыс. руб. на содержание лазаретов [20, л. 71].

Результаты работы финансово-податного отдела московского самоуправления в первой половине 1918 г. оказались противоречивыми: расходы с 12 ноября 1917 г. по 30 июня 1918 г. превысили собранные налоги более чем в два раза. Разница покрывалась за счет выжимания максимального количества средств у муниципальных предприятий, путем займов у государства и экспроприаций из Госбанка.

Летом 1918 г. ежедневно в кассу муниципалитета поступало 200—300 тыс. руб., в то время как тратилось свыше 1 млн руб. В процессе обсуждения доклада Афонина о положении финансово-податного отдела бывшего Совета районных дум на заседании исполкома Моссовета 13 июля 1918 г. член исполкома Смирнов заявил, что работа финансово-податного отдела кажется ему неудовлетворительной [22, л. 217—217 об.]. Бывший председатель Совета районных дум, член президиума Моссовета М.Ф. Владимирский поддержал Афонина, указав, что «ни один город, ни один Совет не существует на свои средства, за исключением Моссовета. Нигде налоговая система не развита так, как в Москве... что касается дефицита, то все города еще до революции работали с дефицитом... В период слияния Бюро Совета районных дум и Моссовета, конечно, произошла заминка и расстройство в делах, как и должно быть» [16, л. 38—41].

Несмотря на плачевное финансовое положение, финотделу Совета районных дум удалось сравнительно быстро возобновить взимание налогов. Если раньше возможность введения новых налогов муниципалитетами жестко ограничивалась законодательно, то после Октября появилось гораздо больше возможностей для расширения налоговой базы на основе решений местных советов, новые налоги носили классовый характер. Например, единовре-

менный городской подоходный налог должен был дать Москве существенную сумму: около 150 млн руб., т.е. больше, чем вся предполагавшаяся накануне революции сумма доходов города на 1917 г. Но показатели собираемости налогов, несмотря на жесткие меры, были низкими. В то же время усилилась финансовая поддержка Москвы центральной властью, не заинтересованной в коллапсе городского хозяйства.

Перспективы финансового положения Москвы во второй половине 1918 г. оставались туманными. Как отмечал Афонин на заседании Моссовета 6 августа, чтобы просуществовать до 1 января 1919 г. муниципальному хозяйству требовалось более 200 млн руб., но от имевшихся к июлю налогов и возмещения части расходов государством город мог получить лишь 157 млн.

Высказываясь против дальнейшей национализации и обобществления промышленных и торговых предприятий, докладчик сообщил, что город из-за этого терял объекты обложения: с национализированного «нельзя драть тех трех шкур, какие можно свободно и законно драть с теперешней буржуазии». Национализация и муниципализация подрывали основы ведения городского хозяйства, признавал Афонин. Источниками дополнительного дохода он назвал введение налога на извозчиков-лихачей, городской квартирный налог и налог на торгово-промышленные учреждения [20, л. 72]. Выйти из финансовых трудностей могло помочь и создание советских доходных предприятий: «Это путь, предложенный кооперацией, муниципалитет стоял на этой почве». Часть прибыли доходные предприятия должны были бы отчислять в пользу тех, которые по своей природе бездоходны [20, л. 72—73, 76, 78—79].

Особый городской квартирный сбор был введен 21 августа 1918 г. для покрытия расходов по содержанию городской милиции, его сумма устанавливалась в зависимости от стоимости помещения или наемной платы за него на 1 января 1917 г. (от 8 до 20%) [10, л. 79]. Но уже 18 января 1919 г. этот налог был отменен в связи со сложностью в новых условиях выяснить стоимость помещений и тем, что его реализация не оправдала ожиданий [11, л. 41]. Вводился особый сбор в пользу города: 5% и 10% с торговли и промышленности, однако он не был утвержден центральной властью, поэтому тоже не взимался. В 1918 г. проводился ряд принудительных акций в виде единовременных сборов на нужды обеспечения продовольствием и питанием детей [17, л. 172; 20, л. 23—26; 11, л. 81].

Показатели собираемости налогов по итогам 1918 г. оставляли желать лучшего. Так, в Москве 5% и 10% сбор с торговли и промышленности (без учета штрафов) был собран в 1918 г. на 82%, трактирный сбор — на 33%, особый городской промысловый налог дал 51%, квартирный налог — лишь примерно 70% от планов. Финотдел Моссовета отмечал, что поступления особого промыслового налога, как и других, были скорее случайными, так как «до последнего времени не было определенного аппарата взыскания в Москве, он все преобразовывался» [12, л. 121, 127—127 об].

Летом 1918 г. финансово-податной отдел Моссовета, как было заявлено в тезисах о его деятельности и лично Афониним, стал «в новую плоскость финансовой политики: советские отделы должны быть доходными». В соответствии с разъяснениями центральной власти подтверждались прежние, «рыночные» принципы построения финансовых отношений, основанные на том, что базой доходной части бюджета должны быть поступления от населения в виде прямых или косвенных налогов, прибыль от хозяйственной деятельности муниципальных предприятий, а расходы должны были вестись в соответствии с доходами на основе сбалансированных смет.

Несмотря на начало слома капиталистического строя и аннулирование государственных долгов, муниципальные обязательства оставались в силе. На 1 января 1919 г. общая задолженность Москвы составляла 296 млн 319 тыс. 241 руб. и 1 млн фунтов стерлингов [13, л. 10 об]. В связи с инфляцией тяжесть городского долга в рублях быстро уменьшалась.

Однако чрезвычайные условия вели к невозможности жить по-старому. Так, в докладе о финансовом кризисе в водопроводном отделе 30 сентября 1918 г. заведующий отделом городских предприятий П.Н. Мостовенко констатировал, что за воду отказывались платить муниципальные, правительственные, общественные учреждения, жильцы муниципализированных домов. В связи с резким увеличением их доли среди абонентов за девять месяцев отдел водопровода недополучил более 8 млн руб., «таким образом, дальнейшее ведение водопроводного хозяйства является не только затруднительным, но и невозможным, вследствие отсутствия средств». В качестве выхода было предложено либо «обеспечить подотделу водопровода нормальное производство сборов за воду», либо субсидировать водопровод из городского бюджета [18, л. 37—37 об].

К тяготам и противоречиям переходного времени добавились организационные недостатки, не позволявшие наладить должное управление муниципальными финансами. В конце сентября 1918 г. департамент государственного казначейства наркомата финансов произвел ревизию финансового положения Моссовета. Как констатировалось в отчете, «выяснилась полная хаотичность прежней постановки счетоводства в совдепе, отсутствие отчетности, в особенности по операциям бывшего городского самоуправления... полное смешение средств местных и общегосударственных, а равно и расходов на те и другие потребности». Учреждения бывшего городского самоуправления не давали отчетности с 1915 г., а созданные советской властью не отчитывались о финансах ни разу. Частые изменения в организации Моссовета, как отмечалось по результатам ревизии, еще более запутали дело. Деньги отпускались в отделы без всякого плана, лишь по требованиям отдельных лиц. Финансовые дела муниципалитета оказались запутанными настолько, что ревизоры сомневались в возможности в полной мере выявить всю задолженность Моссовета и долги ему [3, л. 68—72].

Большевикам, несмотря на все их попытки, не удалось стабилизировать ситуацию в муниципальных финансах в условиях разрушения финансовой системы, ускорения инфляции, оформления главкистской системы централизованного управления и складывания военного коммунизма. При новом наркомате финансов Н.Н. Крестинском декрет СНК от 31 октября 1918 г. упразднил отдельные от государственных финансов финансовые органы местного самоуправления, как и старые органы комиссариата финансов. Общее руководство финансовым делом на местах передавалось в губисполкомы советов, а 1 декабря в коллегии НКФ было принято обсуждавшееся с сентября решение о ликвидации городских общественных банков [5, с. 177—178, 188, 267; 6, с. 3—15]. В ситуации вооруженного противостояния задачи стабилизации финансов и сохранения городского хозяйства отходили в сторону.

Список литературы

1. Афонин Е.Л. В 1917 году // Октябрьское восстание в Москве: сб. документов, статей и воспоминаний. — М.: Гос. изд-во, 1922. — С. 66—75.
2. Вестник отдела местного управления Комиссариата внутренних дел. — 1917. — № 1.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 1а. Д. 8а.

4. Русские ведомости (Москва). — 1917.
5. Русские ведомости (Москва). — 1918.
6. Соколов Е.Н. Большевики и финансы (август-декабрь 1918 г.) // Российская история. — 2010. — № 2.
7. Соколов Е.Н. Финансовая политика Советского государства (октябрь 1917 — март 1921 гг.). — М.: Перо, 2016. — 319 с.
8. Соколов Е.Н. Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917 — август 1918 гг.). — Рязань: Издательство Рязанского университета, 2008. — 146 с.
9. Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 179. Оп. 3. Д. 1425.
10. ЦГАМ. Ф. 715. Оп. 4. Д. 1.
11. ЦГАМ. Ф. 715. Оп. 4. Д. 51.
12. ЦГАМ. Ф. 715. Оп. 4. Д. 235.
13. ЦГАМ. Ф. 715. Оп. 5. Д. 3.
14. ЦГАМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 8.
15. ЦГАМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 14.
16. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 2. Д. 9
17. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 52.
18. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 758.
19. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 122.
20. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 369а.
21. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 415.
22. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 444.

УДК 94(47)

Ю.А. Соколов¹

Неофициальная агитация в деревне в годы гражданской войны (по материалам губерний Русского Севера)

Аннотация. Распространение неофициальной агитации в деревне Русского Севера в годы Гражданской войны было отражением общественного мнения села относительно политики Советской власти и не несло в себе четкой идеологии.

Ключевые слова: крестьяне; агитация; гражданская война; революция; Русский Север.

Yuri A. Sokolov
UNOFFICIAL AGITATION IN THE NORTHERN VILLAGE
IN THE YEARS OF CIVIL WAR (ON THE MATERIALS
OF THE RUSSIAN NORTH)

Abstract. The spread of unofficial agitation in the village of the Russian North during the Civil War was a reflection of the public opinion of the village on the policy of the Soviet government and did not carry a clear ideology.

Keywords: peasants; agitation; Civil War; revolution; Russian North.

В современной исторической науке нет единого мнения, являлась ли в 1917—1922 гг. политическая агитация и пропаганда большевиков действенным инструментом политического контроля над населением, или же ресурс и возможности власти манипулировать широкими массами были крайне ограничены. При этом очевидно, что феномен «антисоветской» агитации и критику власти со стороны крестьянства нужно рассматривать как форму социального протеста, не имеющую идеологических основ [17, с. 303—308; 44].

По выражению социолога П.А. Сорокина, после октября 1917 г. вся страна, кроме коммунистов, «лишилась языка» и анти-

¹ **Соколов Юрий Алексеевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник филиала СПб ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга» «Музей С.М. Кирова». Санкт-Петербург, Россия. e-mail: y.a.sokolov@yandex.ru
Yuri A. Sokolov — Candidate of Historical Sciences, Head researcher of the Museum of S.M. Kirov (The branch of State Museum of the History of St Petersburg). St Petersburg, Russia.

большевистские настроения воспринимались властью как противогосударственные [37, с. 72, 257]. «Революционное творчество» первых лет советской власти поощрявшее использование новояза и аббревиатур, расширило словарь современников. Работая с источниками, содержащими сведения об агитации и пропаганде, исходившей не от большевиков, сталкиваемся с характеристиками, данными им коммунистами в виде приставок «контр-», «анти-» и «противо-». При этом большинство упоминаний о так называемой «антисоветской» агитации, приводящихся в источниках партийного происхождения, нельзя оценивать в качестве свидетельств, отразивших акты противогосударственной агитации и пропаганды. Поясним эту мысль: документальные факты, в которых зафиксированы призывы к слову Советов, исходя из контекста большей части подобных свидетельств, к свержению существующего государственного строя не призывали. В этой связи неофициальная агитация — наиболее корректное понятие, которое характеризует агитацию, исходившую не от большевистских и властных органов. Данное определение опускает все негативные смыслы и коннотации, связанные с пониманием «антибольшевистской» агитации как современниками, так и советскими историками. Кроме того, оно объединяет такие понятия как «антибольшевистская», «кулацкая», «белогвардейская», «контрреволюционная» (с точки зрения большевиков) агитация и пропаганда.

Неофициальная агитация являлась рупором интересов части российского общества, ставшего после Октября и разгона Учредительного собрания политическими аутсайдерами. Военный и осадный режим в северных губерниях, близость фронтов и дислокации войск иностранных интервентов накладывали особый отпечаток на понимание и трактовку, поиск и пресечение властью фактов «антисоветской агитации». В этой связи перманентный поиск «антисоветчины» и деятельности «врагов революции» транслировался партией и государством через работу военно-революционных трибуналов, чрезвычайных комиссий, печать, листовки, устную агитацию и пропаганду.

До октября 1917 г. эсеровская и большевистская агитация в губерниях Русского Севера проводилась не систематически. На местах идеологической деятельностью занимались рабочие, учителя, солдаты-фронтовики [29, с. 172]. Тем не менее, недооценивать значение агитации и пропаганды большевиков и их политических

конкурентов нельзя. Примером может служить влияние агитации, проводившейся солдатами, прибывавшими на побывку и в отпуск в апреле-июне 1917 г., после которой крестьяне Тотемского, Сольвычегодского, Велико-Устюгского уездов начали захватывать земли соседей, делить хутора, делать самовольные порубки казенных и удельных лесов [12, с. 299—303].

В период февраля-ноября 1917 г. структуры партии социалистов-революционеров сталкивались с трудностями в организации пропаганды, которые проявлялись в конфликтах, происходивших между пропагандистами и крестьянами, а также в «равнодушии» местного населения к эсеровской пропаганде. Несмотря на это, в Вологодской и Северо-Двинской губ. позиции партии эсеров по сравнению с другими губерниями Европейского Севера и Северо-Запада России были наиболее значительными [2, с. 114—115, 184]. С конца 1917 г. авторитет анархистских групп среди северного крестьянства серьезно ослаб. В начале 1918 г. власть большевиков поддержали анархистские группы в Вологде и Кириллове, а также тотемский комитет партии левых эсеров [13, с. 32].

28 ноября 1917 г. СНК принял «Декрет об аресте вождей Гражданской войны против революции», по которому руководящие кадры партии кадетов как «враги народа» подлежали аресту и суду революционного трибунала, а на местные Советы возлагалось обязательство «особого надзора» за партией кадетов «ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции» [9, с. 162]. Согласно положению декрета СНК «Социалистическое Отечество в опасности!» (принят 21 февраля 1918 г.) в стране устанавливался режим, в рамках которого «контрреволюционные агитаторы» должны были расстреливаться на месте «преступления» [9, с. 491].

Продолжением политики большевиков по упрочению позиций партии в государственных органах РСФСР стал выход постановления ВЦИК от 14 июня 1918 г. о выводе из состава Центрального исполнительного комитета и местных Советов представителей «контрреволюционных» партий социалистов-революционеров (правых и центра) и меньшевиков [10, с. 430—431]. При этом, официальная пропаганда эксплуатировала тезис о «временном» («до победы труда над капиталом») характере «изоляции» социалистов. Другим шагом коммунистов к установлению монополии власти РКП(б) вскоре после «левоэсеровского мятежа» (июль 1918 г.) стали репрессии в отношении членов ПСР и

разгон местных Советов, в которых влияние эсеров было значительным. С начала 1919 г. левые эсеры были вынуждены перейти на нелегальное положение [21, с. 31—32, 45, 52].

Тем не менее, у оппозиционных партий сохранилась возможность легальной организации своей работы. В Вологодской губ. с 1919 г. действовала сеть ячеек Меньшинства партии эсеров (МПСР). Кроме того, продолжали свою работу группы левых эсеров в Вологде и Грязовце, организации правых эсеров-анархистов в Каргопольском уезде, а также городской комитет меньшевиков в Вологде. В Северо-Двинской губ. среди учащихся действовали организации анархистов (в Великом Устюге и Яренске). Из-за отсутствия разногласий с коммунистами и «боязни перед насилием» в Усть-Сысольском и Яренском уездах (Северо-Двинская губ.) в 1918 г. некоммунистические исполкомы вели пробольшевистскую политику. В июле в Усть-Сысольском уезде был арестован местный комитет партии кадетов, а члены партии левых эсеров были отстранены от участия в работе исполкома. Начиная с осени эсеровские и лево-эсеровские ячейки на местах стали переходить на большевистские позиции. В январе 1920 г. оставшиеся эсеровские ячейки в Усть-Сысольском уезде были ликвидированы [38, с. 36, 41—42].

Для пропаганды своих взглядов противники большевиков в условиях нэпа пытались использовать легальные возможности политической работы в Советах, профсоюзах и беспартийных конференциях. К примеру, в апреле 1921 г. на беспартийной конференции в Несвойской волости Вологодского уезда эсеры меньшеинства и меньшевики сумели провести резолюцию об организации проэсеровского «Союза крестьян» [42, с. 73—75]. Тем не менее, в первой половине 1920-х гг. влияние на крестьянство оппозиционных партий и групп было незначительным в силу их малочисленности и распыленности, а также сокращения возможностей для легальной политической и агитационной деятельности [15, с. 178]. Кроме того, исходя из анализа сводок ВЧК, с началом нэпа жизнь северного села отличалась общественной инертностью и отсутствием доверия к «контрреволюционной» агитации политических партий и городских жителей [6, с. 19, 42].

Большевистские и советские агитаторы и пропагандисты заявляли о разлагающем влиянии «противосоветской» агитации на политические настроения северного крестьянства. Однако необходимо говорить об «антисоветской» агитации как о про-

пагандистском штампе, исходившем из большевистской среды. Идеологический враг коммунистов в ряде исторических свидетельств предстает как абстрактный и при этом подвергающийся уничтожению субъект [43, с. 1]. Политический оппонент большевиков предстает со страниц газеты в виде идеологического врага, не способного к диалогу, могущего только впасть в крайности — «кричать» или «шептаться», однако мешающего большевикам «обсуждать» и «разъяснять». В этой связи представляется возможным говорить о том, что в период 1917—1922 гг. была развита практика партийной интерпретации неофициальной агитации, в основе которой лежали слухи. Журналисты и агитаторы сравнивали неофициальную агитацию со сплетнями и толками, причем даже в тех случаях, когда характеризовали пропаганду, проводившуюся публично.

Главным идеологическим врагом большевиков в деревне в период Гражданской войны являлось «кулачество». Об этом говорит обилие упоминаний о распространении «антисоветской» агитации со стороны зажиточного крестьянства. «Кулак» в агитаторских отчетах и сводках ВЧК предстал в образе извечного зачинщика большинства крестьянских выступлений. Образ «кулака», как показывают источники, являлся собирательным образом всего сельского общества. «Кулак» мог как выражать «исподтишка недовольство», так и вести пропаганду против «мобилизаций людей и лошадей», обвинять советскую власть в том, что она «все берет, нам ничего не дает», «используя в целях антисоветской агитации недород». При этом партия конструировала образ кулачества как перманентно «сплоченного» слоя крестьян, поддерживавшего «тревожное» настроение всей деревни, и проводившего «подпольную агитацию». Ее влиянием аргументировались переизбрания «кулацких» Советов (Кадниковском уезде Вологодской губ.), «разгоны» исполкомов (Корбангская вол. Кадниковского уезда), отказы крестьян идти в образцовые полки бедноты (Борисовская вол. Вологодского уезда). При этом в источнике отмечалось, что, несмотря на данные факты, «порядок восстанавливается без всяких эксцессов — легко» [5, с. 5—6, 10; 27, с. 4; 32, с. 188—189].

Исходя из подобной логики, «кулацкая» агитация распространялась в «темных углах», куда еще не дошла большевистская пропаганда. Если в деревне происходили волнения или крестьяне игнорировали коммунистическую агитацию, такую деревню могли назвать «кулацкой». Влиянием «кулацкой» агитации можно

было объяснить и «смуту» среди «малосознательных деревенских коммунистов». Согласно этой логике могли быть истолкованы «неудачные» для коммунистов результаты на выборах в Советы. «Антисоветской» пропагандой признавались даже высказывания деревенских женщин о советской власти как о власти «безбожной». Констатируем, что понятием «антисоветская» агитация могли быть охарактеризованы любые общественные явления » [3, с. 6 об.; 7, с. 4; 28, с. 58;].

Остановим внимание на фактах распространения неофициальной агитации, связанных с крестьянским протестом против социально-экономических реформ, проводившихся в РСФСР. Подобные факты агитационной работы представляли собой выступления членов Советов, исполкомов или рядовых крестьян на съездах Советов или сельских сходах с требованием отказаться от претворения в жизнь декретов советской власти.

Например, в апреле 1918 г. в Грязовецком уезде Вологодской губ. «кулаки», «попы» и «темные лица» неоднократно «запугивали» местных крестьян: «Вы не думайте, что получите землю. Учредительное собрание придет, так оно с вас за большевистскую землю три шкуры сдерет» [40, с. 113]. Подобная осторожность вполне ясна: после очередного переворота, который, по мнению «темных лиц», вполне мог произойти, всей деревне пришлось бы отвечать за проведенные в жизнь большевистские реформы. Данное свидетельство отражает обсуждение земельного вопроса крестьянским обществом в губерниях Русского Севера в докомбедовский период.

Тем не менее, тематика неофициальной агитации, направленной против реализации экономических инициатив большевиков (в частности положений «Закона о социализации земли»), отмечена и в период после провозглашения партией курса на «союз» с середняком и введения нэпа. К примеру, крестьяне Андогской вол. (Череповецкий уезд) распространяли информацию о том, «власть» и «землемеры» «неправильно распределяли землю по едокам» в деревне, а также были уверены в скорой «смене власти», в связи с чем предлагали не выселяться на хутора [19, с. 4].

В большей мере распространению неофициальной агитации способствовала продовольственная политика власти. К примеру, 26 мая 1918 г. в Новленской вол. Вологодского уезда состоялось собрание волостного Совета, на котором «кулак» Колпаков высказался против избрания комиссии для проверки наличия хлеба в волости, а также против создания военного комиссариата. Его

предложения были поддержаны односельчанами, которые разогнали комиссию по проверке хлеба [25, с. 4].

Обратимся к документам, отразившим неофициальную агитацию против сотрудничества крестьян с большевиками. Так, летом 1918 г. на местах проводились решения об отказе от выборов в состав местного военного комиссариата, выдвигались требования о созыве Учредительного собрания [44, с. 103—105]. В октябре были отмечены факты агитации кулачества среди односельчан за отказ от сотрудничества с Советами в связи с тем, что жители волости ожидали скорого прихода сил иностранных войск [18, с. 3]. Подобные факты имели место и после упразднения Северного фронта в феврале 1919 г. [33, с. 70]. Так, члены Северо-Двинского губкома, присутствовавшие в апреле на съезде Советов в Афанасьевской вол., отмечали призывы игнорировать политику большевиков, а также «увещевания» о скором прибытии в регион сил «белых» и последующей расправе над коммунистами и беднотой [4, с. 45]. Крестьянин Усть-Сысольского уезда Е.А. Жижов призывал «никаких агитаторов не слушать», заявив, что «Советская власть лишь грабит народ, и что Россию она привела до полной разрухи и развала». Содержание подобной агитации целиком основывалось на личной, индивидуальной рефлексии современников по поводу первых итогов внутренней политики Советов. При этом сложная внутри- и внешнеполитическая конъюнктура диктовала тематику выступлений как партийных, так и неофициальных агитаторов. К примеру, в сентябре в Никольской вол. Северо-Двинской губ. члены местного исполкома обсуждали и предрекали прибытие в регион сил «деникиных белогвардейских», а также высказывали желание осуществить «расправу» над коммунистами как над «врагами» [16, с. 101].

Отдельного анализа требуют факты неофициальной агитации, послужившие импульсом к началу крестьянских восстаний. Так, в бюллетенях ВЧК за июль 1918 г. содержится информация о том, что в Никольском уезде Северо-Двинской губ. распространялась «контрреволюционная» агитация, имевшая «успех». Под влиянием данной агитации произошла кража со склада серпов, а во время ареста священника были нанесены побои комиссару народного хозяйства. Той же агитацией объяснялись крестьянские волнения, произошедшие в двух волостях, избивание должностных лиц, а также изгнание революционного отряда и приостановка работы землемеров [36, с. 72—73].

Схожий характер имели крестьянские волнения, произошедшие в Великом Устюге (Северо-Двинская губ.) 1 июня 1918 г. Как сообщалось в сводке политотдела VI армии, в губернский центр стянулось около 1 500 человек. Собравшиеся требовали от губисполкома немедленной выдачи нуждающимся хлеба и семян. К гражданам обратились представители партии и губпродкома, но уверения «крестьяне принимать не хотели», в связи с чем без применения насилия отряд красноармейцев «разогнал» крестьян [32, с. 191—192]. Властью были установлены «контрреволюционеры» и «агитаторы». На этом инцидент не был исчерпан, так как крестьяне, участвовавшие в данных событиях, «ждали прибытия других волостей». Можно констатировать, что определенного рода требования со стороны участников волнений были заявлены, но данная агитация являлась лишь публичной демонстрацией насущных потребностей сельского общества. Крестьяне не выдвинули ни одного политического лозунга. Однако попытка диалога, предпринятая деревней, переросла в конфликт с властью.

Еще одно указание на распространение «антисоветской» агитации, стимулировавшей волнения, встречена в отчете заведующего отделом по внутреннему управлению на IV съезде Советов Никольского уезда Северо-Двинской губ. (октябрь 1918 г.). 13 сентября под руководством крестьянина М.И. Политова «с товарищами» произошло выступление крестьян, в ходе которого были арестованы члены бывшего волисполкома и военного комиссариата. Выступление было жестоко подавлено [30, с. 85—94]. В документе это событие представлено как «контрреволюционное» выступление «бандитов», которые «агитацией и силой оружия привлекли на свою сторону большинство населения». Политизированность подобных характеристик в сообщении подтверждает и штрих об успешности действий данной «банды», склонившей население к сотрудничеству не только своей агитацией, но и «силой оружия». Однако факт ареста крестьянами бывших должностных лиц не может рассматриваться как политический жест. В менее идеологизированных оценках инциденты, связанные с арестами или избиениями членов исполкомов, объяснялись в сводках не агитацией, а «глухим ропотом» [36, с. 214].

По сведениям С.В. Ярова, с 25 марта по 16 октября 1918 г. в Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губ. отмечены 83 случая крестьянских волнений, большая часть которых (85%) явились бунтами голодающего населения [44, с. 142—143]. По

подсчетам Н. Саутина, в период с марта по октябрь 1918 г. в Череповецкой губ. произошло 63 «белогвардейских» и «кулацких» выступления [35, с. 177]. По данным В.А. Саблина, с октября 1918 г. по март 1919 г. на территории Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губ. в 31 из 103 крупных крестьянских выступлений причиной являлась «контрреволюционная агитация» [31, с. 69—70]. В силу массовости волнений, произошедших в данный период, нельзя исключать влияния на крестьян неофициальной агитации.

В декабре 1918 г. произошло Шекснинское восстание — одно из самых крупных в губерниях Русского Севера, которое захлестнуло 10 волостей Череповецкого и Вологодского уездов. Причиной массового выступления крестьян стали последствия действий продотрядов. Непосредственным поводом послужила, по сообщению источника, «агитация каких-то неизвестных, говоривших, что у крестьян будет отбираться хлеб и налагаться какие-то усиленные налоги». Кроме того, одной из причин событий стало объявление очередной мобилизации в Красную армию и отправки на фронт лошадей. Волнения были подавлены силой [33, с. 65].

Как отметила Т.В. Осипова, ни в одной тыловой губернии «антисоветским» силам в конце 1918 — первой половине 1919 г. не удалось создать армейских формирований из крестьян, несмотря на то, что инициаторами восстаний повсеместно проводились насильственные мобилизации. И это при том, что, поскольку советская власть не могла устранить причины недовольства крестьян (голод, реквизиции лошадей, скота и транспортных средств, мобилизация солдат), у ее политических противников была реальная возможность возбудить недовольство села [20, с. 165].

Поводом для Шекснинского восстания стала не агитация, а протест населения против действий продотрядов и насильственных мобилизаций. В воспоминаниях волостного милиционера, члена РКП(б) А.Н. Суворова, содержится информация о «разгроме» волисполкома в с. Дермянинское, совершенном группой из 300 человек «дезертиров и кулаков», после чего «мятежниками» был устроен митинг. На нем с речью выступил «кулак-старовер» С.Г. Кудряшов из дер. Фролово: «Он истошным голосом призвал мятежников немедленно свергнуть Советскую власть, уничтожить всех коммунистов и установить старый порядок» [8, с. 211]. Судя по всему, восставшие не имели никакой программы и вели себя крайне хаотично. Единственной целью участников восста-

ния стало желание расправиться с «обидчиками» и выпустить из-под замка дезертиров-односельчан. При этом, можно предположить, что «старый порядок», к которому стремились восставшие, предполагал восстановление дореволюционных структур власти.

Крестьян привлекали призывы инициаторов восстания (офицерства, эсеров, а также представителей купечества и зажиточного крестьянства) отказаться сотрудничать с большевистским правительством и бороться с диктатурой. Суворов в своих воспоминаниях сообщил о других фактах неофициальной агитации, проводившейся среди крестьян во время Шекснинского восстания — например, о митинге, состоявшемся с участием мобилизованных в Красную армию. Агитация была поддержана населением: «Шершень-Бараев [он же подпоручик Шерстнев, один из инициаторов восстания — Ю.С.] призывал... собирать народ на восстание против Советской власти. Он врал, что весь народ уже восстал и сражается с Красной армией за Советы без коммунистов» [8, с. 219]. Содержание подобной агитации дополняют воспоминания чекиста П.Л. Павловцева: среди восставших распространялась следующая информация: «Ленин убит, даже сварен в горячей смоле, власть в центре и Череповце пала и призывали громить Советы, убивать большевиков и советских работников» [22, с. 120]. Тем самым агитировавшие рассчитывали на поддержку протестных настроений со стороны селян («народ уже восстал и сражается»). Однако мы не вправе говорить о том, что население деревни помышляло о сломе политической системы. Именно лозунг «за Советы без коммунистов», интерпретировавшийся в партийных кругах как «антисоветский», по существу являлся исключительно «антибольшевистским».

В период с 13 ноября 1918 по 18 января 1919 г. в Вологодской губ. произошло три крупных крестьянских восстания. В этой связи решением II губернского съезда Советов (декабрь 1918 г.) было постановлено освободить середнячество от обложения чрезвычайным налогом. Т.В. Осипова особо подчеркнула этот факт: губернский Совет стал единственным в стране, в начале 1919 г. «появившим вред» репрессивных методов сбора чрезвычайного налога [20, с. 252—253]. Возможно по этой причине крестьянские выступления 1918—1919 гг., в том числе и в губерниях Русского Севера, не достигли своих целей.

Как отметила Г.Ф. Доброноженко, после ликвидации угрозы со стороны «белой» реставрации и начала процесса демобилиза-

ции у крестьян «появилась почва для возрождения естественного недовольства продразверсткой, трудовыми повинностями и произволом властей» [11, с. 5]. В этой связи проанализируем события Вельского восстания (Вологодская губ., март 1921 г.) [41, с. 121—122]. В данном уезде были сильны позиции организованного летом 1920 г. «Союза хлеборобов», ставшего органом самоорганизации крестьянства и созданного в противовес советским и партийным органам. Несмотря на разгон 8 июля 1920 г. уездного съезда «союза», волсоюзы подпольно продолжили свою работу [23, с. 131—132].

В восстании приняло участие не менее 16 000 человек. Оно охватило Вельский, часть Каргопольского и Кадниковского уездов Вологодской губ. В ряде волостей были организованы повстанческие комитеты, проводившие аресты коммунистов, ликвидировавшие местные Советы, создававшие волостные правления вместо волисполкомов. За участие в Вельском восстании было осуждено 436 человек. Организаторами были признаны 13 человек, из них 8 дезертиров [1, с. 260; 14, с. 191—192, 196; 41, с. 120].

Безусловно, столь масштабное и организованное восстание имело определенную идеологическую основу. Участники восстания сначала (события 15 марта) выдвигали лишь экономические требования (отмену разверстки, гужевых повинностей, прекращение вывоза хлеба из уезда), а в период с 18 по 25 марта их требования приобрели политическую окраску (требования легализации «Союза хлеборобов» и выхода коммунистов из Советов) [29, с. 268; 41, с. 120]. По свидетельству военного комиссара Вельского уезда М.М. Ушакова, восстание организовал «народный повстанческий комитет», имевший отношение к «Союзу хлеборобов». «Комитет» распространял среди местных крестьян информацию о том, что советская власть в Москве, Петрограде и других городах была свергнута [1, с. 261].

Тем не менее, анализ доклада «О восстании крестьян в Вельском уезде» дает иное представление о содержании политической информации, неофициально распространявшейся в уезде. Среди причин волнений в документе были названы слухи о сокращении хлебного пайка крестьянам, что в обстановке вывоза хлеба из уезда было воспринято крайне остро. В документе отсутствуют сведения о привнесении данных слухов в крестьянский мир извне. Действительно, по мере возрастания количества примкнувших к восстанию волостей, среди крестьян распространялась инфор-

мация о падении советской власти в соседних уездах, а также Вельске, Вологде и Петрограде. Кроме того, за исключением нескольких повстанческих комитетов, единства действий среди восставших не было [6, с. 158—168].

Исследователь Т.И. Трошина указала, что «вожаков» у восстания не было. Вельские крестьяне объясняли свое участие в коллективных протестах происками соседних «а поэтому и не дружественных селений», а также женской паникой. Привлечение населения осуществлялось с помощью обещаний (обещания после «победы» восстания отобрать и пожечь имущество, обязанность принять участие в солидарных действиях). Тем не менее, к наиболее активным участникам восстания нужно отнести местных эсеров и анархистов (из расстрелянных только А.А. Морозов принимал участие в открытой агитации), а также фронтовиков [39, с. 214—215].

Отметим, что информация, поддержанная крестьянством, оказалась эффективной в силу сложившейся экономической (неурожай 1920 г., вывоз хлеба из Вельского уезда, трудности в выполнении уездом разверстки сена и шерсти, отсутствие премий за лесозаготовки) [6, с. 159—161] и политической (функционирование организации «Союз хлеборобов») обстановки в данном уезде. Участники описываемых событий распространяли идеи солидарности крестьянского общества («власть свергнута») [1, с. 261], а также поддерживали экономические требования деревни («жаловались на уполномоченного райпродкома и протестовали против вывозки хлеба») [6, с. 163]. Их посягательство на монополию власти большевиков было объявлено современниками «контрреволюционными» целями восставших. При этом свидетельством, подтверждающим отсутствие радикальных настроений среди участников событий, служит факт того, что уже 19 марта (через четыре дня после начала восстания) крестьяне после агитации, проводившейся коммунистами, «дрогнули» и «женщины заводили сурю с мужьями» [6, с. 165].

Яркой иллюстрацией очевидной политизации в оценках властью крестьянских волнений представляет «обзор-характеристика» Северо-Двинской губ. за май-июнь 1922 г., составленная информатором Секретного отдела ЦК РКП(б). Из содержащихся в документе сведений становится известно, что в с. Шонга Никольского уезда произошло крестьянское восстание «на почве агитации гражданина из деревни Хавино» [26, с. 26]. Суть данного

инцидента можно передать следующим образом: местными крестьянами был ограблен ряд продуктовых складов в Никольском уезде. После случившихся событий на 17 деревень уезда была наложена разверстка с целью «возвращения разграбленного». Уезд был объявлен на осадном положении, к следствию было привлечено более 1 000 человек [34, с. 56—58]. Отметим, что призыв одного из крестьян к ограблению продуктовых складов, распространившийся в ряде деревень, мог быть передан не в форме организованной пропаганды, а в виде пущенного слуха, которым и руководствовались никольские крестьяне. Отсутствие организованности подтверждают данные телефонограмм Северо-Двинского губернского ревтрибунала, в которых зачинщики шонгских событий были названы «крикунами» и «кем-то в лесу» [34, с. 44—45].

Факты агитации в 1921—1922 гг., отмеченные в источниках, свидетельствуют о смене настроений крестьянства. Так, документы начального периода нэпа отмечали «агитацию лиц кулацкого элемента и антисоветски настроенных» [6, с. 39]. Органами ЧК зафиксированы факты того, что в данный период беднячество, в отличие от кулаков и середняков, высказывало недовольство деятельностью РКП(б). Помимо этого, отмечались случаи «направленного кулачеством бедняков против советской власти и уплаты налогов» [6, с. 39, 42]. Летом 1921 г. в Грибошинской вол. Велико-Устюгского уезда проходили нелегальные собрания местных жителей, на которых обсуждались последствия земельной реформы. По сведениям ЧК, целью данной организации было изъятие земли и покосов у бедняков, а также осуществление физического насилия над коммунистами и совработниками [6, с. 20]. Подобные акты «контрреволюционной агитации» отмечались и в других уездах Северо-Двинской губ., что связывалось властью с последствиями хозяйственных ошибок и должностных преступлений, совершенных на местах [6, с. 24]. Данная организационная и агитационная деятельность крестьянства характеризует противоречия, сложившиеся внутри сельского общества, которые были связаны с вопросами землепользования и сведения личных счетов с представителями власти в конкретной деревне.

Таким образом, говорить об «антисоветской» агитации, распространявшейся в северной деревне в период Гражданской войны, необходимо, в первую очередь, как в значительной степени пропагандистском штампе, исходившем из большевистской среды. Большую часть партийных сообщений об «антисоветской»

агитации и пропаганде стоит воспринимать исключительно в кавычках. Тем не менее, неофициальная агитация в северной деревне в период 1917—1922 гг. была значимым элементом общественно-политической жизни села. Масштабы ее были несопоставимы с масштабами деятельности партийно-государственного агитпропа, обладавшего сетью учреждений, планом работы, штатом агитаторов и определенной материальной базой. При этом она являлась мощной силой, способной инициировать волнения в крестьянской среде. Однако отмеченные факты неофициальной агитации не носили антигосударственного характера и были направлены исключительно против действий местных Советов и коммунистов.

Среда, распространявшая неофициальную агитацию в северной деревне, состояла как из «народных» идеологов и общественно активных крестьян, так и из представителей оппозиционных партий и местной власти. Кроме того, в источниках отмечены факты распространения неофициальной агитации со стороны весьма пестрой группы агитаторов: мигрантов, «странников», «моряков» и так называемых «неизвестных» личностей (например, людей «в шинелях») [6, с. 18, 20; 39, с. 215]. Большевики видели в кулачестве основного транслятора «антисоветской» агитации. Положения неофициальной агитации основывались во многом на слухах, неверных интерпретациях идеологии власти, а также личных оценках деятельности партии и Советов. Выражение протеста против налоговой и экономической политики, создания коммун, решения продовольственного, промтоварного и земельного вопросов объяснялось большевиками влиянием кулацкой или эсеровской пропаганды.

Подобная форма распространения политической информации являлась отражением общественного мнения села относительно политики советской власти и не несла в себе четкой идеологии. Тематика вопросов, поднимавшихся агитаторами, была в значительной степени посвящена экономическим инициативам Советов. Поддерживая подобную агитацию, сельский мир пытался экономически обособиться от города и отложить реализацию реформ в конкретной местности. При этом в значительной степени актуальность неофициальной агитации была связана с рефлексией сельского общества относительно развития боевых действий на фронтах Гражданской войны, а также ожидания прихода иностранцев в качестве силы способной противостоять власти большевиков.

В рамках распространения неофициальной агитации сельский мир отказывал власти в доверии, доказательством чему — уверенность крестьян в «ограблении» и «обирании» деревни коммунистами. Заметим, что «антибольшевистская» агитация, распространявшаяся среди крестьянства, содержала критику деятельности местных коммунистов. При этом нельзя говорить о том, что в распространявшейся агитации был четкий политический вектор. Поддерживая ее, крестьянство выражало коллективную солидарность, отказывая большевистской политике в поддержке. Так, значительная доля положений подобной агитации содержала сведения об организованном массовом крестьянском протесте против власти большевиков («власть уже свергнута», «народ уже сражается»). В заключение подчеркнем, что распространение неофициальной агитации являлось следствием информационного вакуума, усталости населения от инициатив власти, революционного опыта современников, переживших в 1917—1918 гг. сразу несколько политических переворотов.

Список литературы

1. Авантюра эсеров в Северном крае в 1921 г. Воспоминания М.М. Ушакова / Публикация В.А. Саблина // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. — Вып. 2. — Вельск, 2004. — С. 253—264.
2. Безбережьев С.В. О социальном и численном составе эсеровских организаций в губерниях Северной области в 1917 г. // Вопросы истории Европейского Севера (История Великого Октября на Северо-Западе России). Межвузовский сборник. — Петрозаводск, 1987. — С. 108—119.
3. ВОАНПИ (Вологодский областной архив новейшей политической истории). Ф. 2. Оп. 1. Д. 93.
4. ВОАНПИ (Вологодский областной архив новейшей политической истории). Ф. 2. Оп. 1. Д. 252.
5. ВОАНПИ (Вологодский областной архив новейшей политической истории). Ф. 1853. Оп. 2. Д. 56.
6. ВЧК—ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства 1921—1927 гг. (По материалам информационных сводок ВЧК—ОГПУ) / Сост. Г. Ф. Доброноженко. — Сыктывкар, 1995. — 193 с.
7. Гаврильцевская волость, Грязовецкого уезда // Известия Вологодского губернского исполнительного комитета. — 1918. — 16 октября.
8. Гражданская война на Севере (Воспоминания П.П. Сахарова и А.Н. Суворова о шекснинском восстании 1918 года) / Публикация Г.Н. Пахний // Череповец: Краеведческий альманах. — Выпуск 2. — Вологда, 1999. — С. 176—223.
9. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 — 16 марта 1918 г. — М., 1957. — 626 с.

10. Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта — 10 июля 1918 г. — М., 1959. — 686 с.
11. Доброноженко Г.Ф. Крестьянство и государственная политика в деревне в 1920-е гг.: изменения в политических настроениях северного крестьянства // ВЧК—ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства 1921—1927 гг. (По материалам информационных сводок ВЧК—ОГПУ). — Сыктывкар, 1995. — С. 5—14.
12. История северного крестьянства. — Т. 2. Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. — 385 с.
13. Кубасов А.Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 — февраль 1922 г.). — М.-Вологда: Рос. акад. наук, Ин-т Рос. истории, 2008. — 215 с.
14. Кукушкин В.Л. Армейское и трудовое дезертирство в среде вологодского крестьянства в 1919—1921 годах // Вологда: Краеведческий альманах. — Вып. 3. — Вологда, 2000. — С. 189—202.
15. Кукушкин В.Л. Социальный протест крестьянства Европейского севера России в 1918—1920 гг.: На материалах Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний: Дис. ... канд. истор. наук. — Вологда, 2002. — 244 с.
16. Ластунов И.И. Крестьянство и власть на Европейском Северо-Востоке России в годы Гражданской войны (1917—1921 гг.) // Крестьянство и власть на Европейском Севере России. Материалы научной конференции (г. Вологда, 6—7 февраля 2003 г.). — Вологда, 2003. — С. 95—102.
17. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917—1932 гг. — М.: РОССПЭН, 2010. — 344 с.
18. Марьинская волость, дер. Мочево // Известия Вологодского губернского исполнительного комитета. — 1918. — 16 октября.
19. Наган. Где критика? // Коммунист. — 1922. — 13 августа.
20. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. — М.: Издательство Стрелец, 2001. — 400 с.
21. Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. — М.: РОССПЭН, 1999. — 231 с.
22. Павловцев П.Л. Полвека назад. Воспоминания участника революционных событий. — Вологда: Сев.-Зап.кн.изд-во, 1968. — 192 с.
23. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. — М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1997. — 270 с.
24. Пономарев. Шептуны // Советская мысль. — 1919. — 3 августа;
25. Работа кулаков (Новленская волость Вологодского уезда) // Известия Вологодского губернского исполнительного комитета. — 1918. — 7 июля.
26. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 33. Д. 123.
27. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 33. Д. 160.
28. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 60. Д. 354.
29. Очерки истории Вологодской организации КПСС. 1895—1968. — Вологда, 1969. — 688 с.
30. Саблин В.А. Крестьянские восстания в Вологодском крае в 1917—1922 годах // Историческое краеведение и архивы: материалы областной научно-практической конференции. 23 марта 2011 г. — Выпуск 18. — Вологда, 2011. — С. 85—94.
31. Саблин В.А. Политические настроения крестьянства Севера Европейской России в годы Гражданской войны // Постигая прошлое и настоящее: Межвуз. сборник науч. тр. — Вып. 3. — Саратов, 1994. — С. 64—82.
32. Саблин В.А. Хроника отчаяния и борьбы (Вологодская деревня в годы Гражданской войны) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. — Вып. 1. — Вологда, 1994. — С. 180—194.
33. Саблин В.А. Шекснинское восстание 1918 года // Череповец: Краеведческий альманах. — Вып. 1. — Вологда, 1996. — С. 64—70.
34. Саблин В.А. Шонгское восстание 1922 года // Кичменгский край: Материалы Глубоковских чтений. — Кичменгский городок, 2011. — С. 38—59.
35. Саутин Н. Великий Октябрь в деревне на Северо-Западе России (1917—1918). — Л., 1959. — 215 с.
36. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. 1918—1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. — М., 2000. — 861 с.
37. Сорокин П.А. Социология революции. — М., 2005. — 704 с.
38. Таскаев М.В. Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917—1920 гг.). — Сыктывкар, 2000. — 116 с.
39. Трошина Т.И. Вельское восстание 1921 г. // Крестьянский фронт 1918—1922 гг. Сборник статей и материалов. — М., 2013. — С. 211—222.
40. Чудодеева Л.И. Борьба коммунистической партии за массы трудящегося крестьянства в период развертывания социалистической революции в деревне (по материалам Вологодской губернии) // Ученые записки Московского педагогического университета. — Т. 135. — Вып. 5. Вопросы истории КПСС. — Ч. 1. — М., 1959. — С. 101—134.
41. Шпрыгов А.П. Из истории борьбы с кулацко-эсеровской революцией на Европейском Севере РСФСР 1920—1921 гг. // Вестник Ленинградского ун-та. — Сер. 6: История КПСС, научный коммунизм, философия, право. — 1986. — Вып. 1. — С. 119—121.
42. Шпрыгов А.П. Из истории политической гибели непролетарских партий на Европейском Севере РСФСР (1921—1925 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера (Проблемы общественно-политической истории XIX—XX вв.). Межвузовский сборник научных статей. — Петрозаводск, 1991. — С. 72—81.
43. Шептуны (Яренский уезд) // Северная беднота. — 1919. — 3 апреля.
44. Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада Советской России 1918—1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. — СПб., 1999. — 167 с.

Август Летавет как зеркало советской гигиены труда

Аннотация. В статье отражены основные этапы развития гигиены труда в РСФСР и СССР. Исторический материал проиллюстрирован биографией А.А. Летавета.

Ключевые слова: история медицины, гигиена труда, медицина труда, профессиональные заболевания, социальная гигиена, революция.

Vsevolod N. Sergeev

AUGUST LETAVET AS THE MIRROR OF THE OCCUPATIONAL HYGIENE IN THE USSR

Abstract. The article reflects the main stages of the development of occupational hygiene in the RSFSR (USSR). Historical material is illustrated by the biography of A.A. Letavet.

Keywords: history of medicine, occupational health, occupational hygiene, occupational diseases, social hygiene, revolution.

В политической программе РСДРП (1903) содержались требования по «охране рабочего класса от физического и нравственного вырождения». В программе РКП(б) 1919 г. эти требования трансформировались в задачи «в области охраны труда и социальной защиты» и «в области охраны народного здоровья». Практическим выражением программы большевиков было создание в качестве центральных органов РСФСР — народного комиссариата здравоохранения и народного комиссариата труда. Формирование новых органов власти сопровождалось научной революцией в медицине. Новой парадигмой в этот период стала социальная гигиена, которая на первое место ставила изучение влияния социальных и экономических факторов на здоровье человека [16]. В условиях существования РСФСР в качестве государства диктатуры пролетариата требовалось уделять особое внимание вопросам профессиональных болезней и гигиены труда (про-

фессиональной гигиены) [14]. Далее на примере биографии Августа Андреевича Летавета будут проанализированы основные вехи в развитии гигиены труда, как самостоятельной науки и практики.

Родился А.А. Летавет 6(18) февраля 1893 г. в крестьянской семье, в маленьком хуторе Сенули (Лифляндская губ.). В 1907—1912 гг. он обучался в Псковской гимназии, которую закончил с золотой медалью. За время своего обучения в ней Летавет получил не только хороший багаж знаний, но и друзей — Ю.Н. Тынянов и Л.А. Зильбер. По окончании гимназии он решил посвятить себя медицине, но его путь к званию «лекаря» был непрост. Первоначально он начал обучаться в Императорской Военно-медицинской академии, но быстро втянулся в студенческую жизнь и принял участие в студенческой забастовке. По приказу военного министра в марте 1913 г. академия была закрыта, а все студенты, в том числе и член забастовочного комитета Летавет, были уволены. Вскоре студенты старших курсов к занятиям вернулись, а младшекурсникам пришлось искать новые места для учебы. Отчисление из ИВМА привело Летавета на медицинский факультет Московского университета, который он успешно закончил в мае 1917 г.

Первый практический врачебный опыт Летавет получил в действующей армии. После призыва он был назначен младшим врачом в 185-й Башкадыкларский пехотный полк (Юго-Западный фронт). Военная служба продолжалась до весны 1918 г., когда началась ликвидация старой армии.

Новый дом и новое место работы Август Летавет нашел в Льговском уезде Курской губ., где с мая 1918 г. начал работать участковым врачом в больнице с. Шептуховка. И на этом месте проявилась его кипучая энергия. Через год он уже был заведующим отделом здравоохранения уезда. Возможно, Летавет стал бы выдающимся организатором системы здравоохранения Курского края, но этому помешала война. Летом-осенью 1919 г., в ситуации наступления антибольшевистских сил, проходила активная эвакуация органов советской власти. Именно она принесла Летавета в Москву.

Дальнейшую судьбу Летавета во многом определил случай. Находясь после эвакуации в Москве, он откликнулся на предложение своего однокурсника С.И. Каплуна (руководитель отдела охраны труда НКТ РСФСР) заняться на практике гигиеной труда. Надо заметить, что в первые годы советской власти отделы охраны труда НКТ и исполкомов региональных советов были местом притяжения врачей, которые специализировались на професси-

¹ Сергеев Всеволод Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н.Ф. Измерова. Москва, Россия. sergeew.w@irioh.ru
Vsevolod N. Sergeev — Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Izmerov research institute of occupational health. Moscow, Russia.

ональных заболеваниях. Например, один из основателей российский гигиены труда В.А. Левицкий в эти годы активно работал по линии организации системы здравоохранения московского региона и сотрудничал с местными органами охраны труда.

С 1919 по 1923 г. Август Андреевич совмещал обязанности санитарного инспектора и врача по профессиональной гигиене, а в 1923—1925 г. возглавлял санитарную инспекцию Московского губернского отдела охраны труда. Для периода Гражданской войны была характерна ситуация, когда гигиенисты делали карьерную ставку на работу в государственных органах. В этом вопросе не оказывала влияние даже партийная принадлежность. Например, активный меньшевик и врач-гигиенист М.Я. Лукомский возглавлял санитарную инспекцию труда в Петрограде. Важно было принадлежать к сообществу и иметь желание построить систему защиты труда, которая бы отличалась от имперской фабричной инспекции и фабрично-заводской медицины.

Переход к нэпу оказал влияние на карьеры многих врачей, которые занимались вопросами гигиены труда и профессиональных патологий. В начале 1920-х гг. перед советским руководством стоял вопрос — как лучше восстановить народное хозяйство и улучшить экономическое положение пролетариата. Свой вариант решения предлагали сторонники различных теорий научной организации труда. Организационными центрами трудоведения были три довольно разных института: Центральный институт труда [3], Харьковский (Всеукраинский) институт труда [8] и Казанский институт научной организации труда [9]. Все они имели разный взгляд на проблемы охраны труда и профессиональной гигиены. Руководитель ЦИТ А.К. Гастев публично выступал с критикой идеи охраны труда за их слабую научность и родство с бытовыми привычками. На этой почве Гастев и Каплун часто конфликтовали. Другой путь выбрало руководство КИНОТ, которое сотрудничало со всеми.

Появление конкурентов подтолкнуло профгигиенистов и профпатологов к созданию научных и научно-педагогических институций. Наш герой не остался в стороне от этого процесса. В 1923 г. началось издание журнала «Гигиена труда» («ежемесячный журнал, посвященный вопросам социальной охраны труда, профессиональной гигиены, техники безопасности и научной организации труда»). Ответственным редактором этого журнала был Каплун, а Летавет редактировал отделы «Профессиональная санитария» и «Рефераты и хроники». В этом журнале он начал пу-

бликовать свои первые научные статьи по проблемам профессиональных заболеваний и патологий.

Начало научно-педагогической карьеры Летавета полностью совпадает с началом становления гигиены труда как отдельной дисциплины. Параллельно с работой в санитарной инспекции Мосгубохрантруда и редакции журнала он в 1923—1924 г. работал ассистентом кафедры социальной гигиены медицинского факультета 1-го МГУ имени М.Н. Покровского. В 1924 г. Каплун организовал кафедру гигиены труда на медицинском факультете 2-го МГУ и пригласил Летавета старшим ассистентом. Через два года аналогичная кафедра появилась уже в составе медицинского факультета 1-го МГУ. Впоследствии Летавет организовал кафедру промышленной гигиены в Центральном институте усовершенствовании врачей и руководил ею с 1931 по 1955 г.

Важным элементом институализированной науки, наравне с журналами и кафедрами, являются научно-исследовательские институты. В этом вопросе профгигиенисты проигрывали не только в «поле» медицины, но и трудоведам. Первый специализированный институт по изучению профессиональных болезней появился в 1923 г. в Москве (Институт им. Обуха). Он был создан в качестве составной части всеобщей диспансеризации, которую проводил Мосздравотдел во главе с В.А. Обухом [1]. Но часть профгигиенистов пошла иным путем. Для сохранения межведомственного статуса гигиены труда по инициативе Каплуна и Левицкого в 1925 г. был создан Государственный институт охраны труда (ГИОТ), который имел тройное подчинение: наркомат труда, наркомат здравоохранения и ВСНХ. Именно с этого института началась научная карьера Летавета. В 1925—1927 г. он работал в нем сначала старшим ассистентом, а затем заведующим отделом местных исследований.

Переход СССР к политике коллективизации и индустриализации оказал значительное влияние на всю сферу науки в целом [12] и на гигиену и охрану труда, в частности. В 1928 г. под руководством Левицкого был создан Центральный институт профессиональных болезней Наркомздрава РСФСР (с 1931 г. — Институт гигиены труда и промышленной санитарии), который должен был осуществлять координацию научной работы региональных институтов. В отличие от ГИОТ данный институт имел уже ярко выраженную ведомственную принадлежность, что было проявлением общего курса на создание узковедомственной науки. Кадровой основой для формирования нового центрального института

были специалисты из ГИОТ и профессионально-гигиенического отдела Санитарно-гигиенического института Наркомздрава. В частности, Летавет занял важную должность заведующего гигиеническим сектором института.

В первой половине 1930-х гг. в системе защиты труда и здравоохранения прошли крупные реорганизации. Трансформация ВСНХ в наркомат тяжелой промышленности СССР в 1932 г. повлекла за собой реорганизацию в системе исследовательских учреждений. ГИОТ перешел в исключительное подчинение наркомата труда и был объединен с Институтом экономики труда во Всесоюзный центральный институт экономики, организации и оздоровления труда НКТ СССР. Новый институт первоначально сохранил свою медицинскую составляющую, но из него ушел ряд врачей-гигиенистов во главе Каплуном. В 1933 г. произошла ликвидация Наркомата труда, часть его функций была передана Всесоюзному центральному совету профессиональных союзов. После этого в 1934 г. последовало разграничение полномочий между научно-исследовательскими институтами ВЦСПС и Наркомздрава. В сферу интересов профсоюзных НИИ была отнесена «разработка вопросов экономики труда, промышленно-санитарной техники, технического нормирования и технической безопасности», а к медицинским НИИ «вопросы норм промышленной санитарии, физиологии и гигиены труда, профпатологии и профзаболеваний». Еще одним последствием стало объединение институтов одинакового профиля для усиления научно-исследовательской работы. В частности, в 1935 г. произошло объединение Института гигиены труда и промышленной санитарии и Института по изучению профессиональных болезней имени В.А. Обуха во Всесоюзный институт гигиены труда и профессиональных заболеваний имени В.А. Обуха Наркомздрава СССР.

После реформ первой половины 1930-х гг. наступила определенная стабилизация системы научных учреждений по изучению вопросов гигиены труда. Примером этой стабильности является дальнейшая карьера Летавета, который вместе с Левицким и другими сотрудниками вошел в коллектив объединенного Института имени Обуха и проработал в нем до 1972 г.

Начало Великой Отечественной войны внесло свои коррективы в развитие всей сферы защиты труда. Вслед за промышленными предприятиями Центральный институт профессиональных болезней Наркомздрава СССР был эвакуирован в Свердловск. В условиях военной мобилизации экономики и переноса заводов и фабрик

в глубокий тыл остро встала необходимость практического применения знаний по гигиене труда. Фактически в первые годы войны произошло «замораживание» исследовательской работы, а научные сотрудники занялись практическим применением своих знаний. Перед профгигиенистами стояла задача не просто защитить промышленных рабочих, но и повысить производительность труда за счет сокращения утомляемости и производственного травматизма. За работу по подготовке кадров и медико-санитарное обеспечение оборонной (прежде всего танковой) промышленности в 1943 г. Летавет получил свой первый орден Трудового Красного знамени.

Знаковым событием для всей медицины стало создание в 1944 г. Академии медицинских наук СССР. Если ранее вся медицинская наука попадала в разряд «отраслевой» или «ведомственной», то теперь произошло разделение на «академическую» и «отраслевую». Московский Институт гигиены труда и профзаболеваний был включен в состав отделения гигиены, микробиологии и эпидемиологии. В 1945 г. доктор медицинских наук, профессор Летавет был избран членом-корреспондентом АМН. В дальнейшем его путь в академии складывался довольно успешно: член бюро отделения (1947), академик (1950), академик-секретарь отделения (1957—1960). К этому необходимо добавить, что с 1948 по 1971 гг. он занимал должность директора НИИ гигиены труда и профессиональных заболеваний АМН СССР.

Статус академического института предполагал изучение передовых тем и проблем. Одной из таких тем стала проблема влияния на человека лучистой энергии и формирование радиационной безопасности на производстве. Вопросами защиты человека от радиации Летавет начал заниматься еще под руководством Левицкого в довоенный период [2]. Первым итогом данной работы стала монография «Гигиена труда в производстве радия» (1935). В последующие годы данная проблематика принесла Летавету и государственные награды. В частности, в 1949 г. он получил Сталинскую премию II степени и орден Трудового Красного знамени за разработку системы мероприятий защиты от радиоактивных излучений.

В 1950—1960-е гг. наблюдается лишь количественный рост системы научных учреждений по гигиене труда. Во-первых, создавались новые научные периодические издания, среди которых был ежемесячный журнал «Гигиена труда и профессиональные заболевания» (главный редактор Летавет). Во-вторых, в ключевых промышленных центрах открывались новые научно-исследо-

вательские институты, которые были в подчинении у Минздрава (Ангарск, Ереван, Кривой Рог и др.), но в научном плане курировались АМН СССР. В-третьих, возродилось международное сотрудничество. Если в 1920-е гг. советские гигиенисты активно участвовали в международных научных конференциях и конгрессах, то с началом «Большого скачка» эта деятельность постепенно была свернута. Новый этап международного сотрудничества советских гигиенистов с их коллегами (из других соцстран или капстран) начался в середине 1950-х гг. В этот период, как и в 1920-е гг., главной задачей стала презентация достижений советской медицины в вопросах предотвращения возникновения заболеваний. Особенностью международного сотрудничества периода «оттепели» была нацеленность советских гигиенистов на занятие статусных позиций в международных организациях. Например, в 1961 г. Летавет был избран вице-президентом Международной комиссии по медицине труда. Помимо этого, он работал в качестве эксперта во Всемирной организации здравоохранения, Международной организации труда и Международной комиссии по радиационной защите.

1970-е гг. и большая часть 1980-х гг. для научных и практических организаций по гигиене труда и профзаболеваниям прошли под знаком стабильности: развивались новые направления исследований (от изучения условий труда на «комсомольских стройках» до гигиены труда женщин), применялись новые способы сбора и обработки данных, устанавливались новые нормы предельно допустимой концентрации и санитарно-эпидемиологические правила и т.д. Наш главный герой в эти годы, уже после ухода с поста директора института, продолжал работу в основанном им журнале. Летавет умер в 1984 г., на пороге нового периода в жизни страны и его науки. В 1992 г. по инициативе Н.Ф. Измерова, который был преемником Летавета на посту директора института, произошла большая реформа. Вместо гигиены труда началось развитие медицины труда (с переименованием института и направления подготовки научных кадров). Продолжением этой тенденции явилась трансформация Отделения гигиены, микробиологии и эпидемиологии АМН СССР в Отделение профилактической медицины РАМН [15].

Список литературы

1. Боголепова Л.С. История создания Московского института по изучению профессиональных болезней им. В.А. Обуха // Теоретические, историче-

ские и этические проблемы медицины труда. (Актовые речи ведущих ученых НИИ Медицины труда РАМН). — М.: МП «МАР», 1994. — С. 9—20.

2. Бухтияров И.В., Шиган Е.Е., Прокопенко Л.В., Денисов Э.И. Покоренные вершины Августа Летавета (к 125-летию со дня рождения крупного ученого-гигиениста и знаменитого спортсмена Августа Андреевича Летавета) // Медицина труда и промышленная экология. — 2018. — № 3. — С. 1—5.
3. Вельминский В. Видение верстака. Поэзия удара молотком как средство «установки» изобретательства // Логос. — 2010. — № 1(74). — С. 173—192.
4. Измеров Н.Ф., Воронцова Е.И. Роль А.А. Летавета в развитии медицины труда (к 100-летию со дня рождения) // Медицина труда и промышленная экология. — 1993. — № 2. — С. 1—3.
5. Институту медицины труда Российской академии медицинских наук 75 лет / Под ред. Каспарова А.А., Корбаковой А.И. — М.: НПЦ «ЭКИЗ», 1998. — 284 с.
6. Летавет А.А. Советская гигиена труда за 60 лет после Великой Октябрьской социалистической революции // Гигиена труда и профессиональные заболевания. — 1977. — № 11. — С. 1—10.
7. Летавет А.А., Рошин А.В. 20-летие журнала «Гигиена труда и профессиональные заболевания» и его задачи // Гигиена труда и профессиональные заболевания. — 1977. — № 1. — С. 1—5.
8. Михайличенко Д.Ю. Всеукраинский институт труда и становление харьковской школы научного менеджмента (1921—1930 гг.) // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / Гол. ред. В.М. Васькевич. — Киев: ВІР УАН, 2012. — Вип. 60 (№ 5). — С.100—106.
9. Морозов А.В. Казанский институт научной организации труда и его роль в развитии охраны труда на промышленных предприятиях Татарской Республики в период НЭПа // Вестник Казанского технологического университета. — 2014. — Т. 17. — № 17. — С. 306—310.
10. Рошин А.В. Жизнь, отданная развитию советской гигиены труда // Гигиена труда и профессиональные заболевания. — 1978. — № 11. — С. 32—36.
11. Рошин А.В., Волкова Н.И. Роль А.А. Летавета в развитии отечественной гигиены труда (К 75-летию со дня рождения) // Гигиена труда и профессиональные заболевания. — 1968. — № 2. — С. 40—45.
12. Тасиц Н.А. Научная политика СССР в 1927—1941 годах // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). — М.: НЛЮ, 2012. — С. 564—592.
13. Труд и здоровье / Н.Ф. Измеров, И.В. Бухтияров, Л.В. Прокопенко, Н.И. Измерова, Л.П. Кузьмина. — М.: Литтера, 2014. — 416 с.
14. Хухрина Е.В. Врачи-большевики у истоков гигиены труда // Теоретические, исторические и этические проблемы медицины труда. (Актовые речи ведущих ученых НИИ Медицины труда РАМН). — М.: МП «МАР», 1994. — С. 53—63.
15. Шиган Е.Е., Измеров Н.Ф. Медицина труда в России: наука и развитие общества // Бюллетень Национального НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко. — 2016. — Вып. 2. — С. 413—416.
16. Щепин В.О., Затравкин С.Н. Социальная гигиена как феномен научной революции в медицине конца XIX — первой половине XX века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2015. — Т. 23. — № 6. — С. 14—18.

Почему пал Севастополь — о структурных недостатках в системе оборонительно-огневых сооружений севастопольского оборонительного района (1941—1942 гг.)

Аннотация. Оборона Севастополя является одной из самых ярких страниц в истории Великой Отечественной Войны СССР. Тема «падения Севастополя в 1942 г.» оказывается популярной также в постсоветском периоде. Для объяснения причин к успехам и поражениям нужно обратить больше внимания на собственные структурные недостатки и дефекты СОР и их отрицательные влияния на боеспособность гарнизона Приморской армии в 1942 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборона Севастополя, система оборонительно-огневых сооружений, оборонительная пустота, соотношение сил.

Tam Hok Chiu

WHY SEVASTOPOL FELL — A DISCUSSION ON THE STRUCTURAL DEFECTS OF THE DEFENSIVE-FIRING SYSTEM OF SDR DURING 1941—1942

Abstract. The defense of Sevastopol considered as one of the most significant pages in the history of the Great Patriotic War of the USSR. The topic “the collapse of Sevastopol’s battle in 1942” is also popular even during the post-soviet period. In terms of explaining the reasons led to the successes and failures of the defense of Sevastopol, it is necessary to focus on its own structural shortages and defects in the system of SDR as well as the negative effects on the combat-abilities of the Coastal Army in 1942.

Keywords: The Great Patriotic War, The Defense of Sevastopol, system of defensive-firing constructions, defensive vacancy, correlation of power.

Оборона Севастополя 1941—1942 гг. — одна из главных битв в истории Великой Отечественной и Второй Мировой войны, но ее

значение в общей военной истории не ограничивается этим периодом. Как писал советский военный историк А.В. Басов, «оборона Севастополя впитала в себя все героическое прошлое русской армии и флота в борьбе за Крым, и в первую очередь оборону Севастополя 1854—1855 гг., опыт революций 1905—1907 гг., разгрома интервентов и белогвардейцев в период Гражданской войны. Подвиг защитников Севастополя проявился в период общего военного превосходства противника в 1941 г. и в первой половине 1942 г., когда войска южного крыла фронта отступили от Днепра к Дону, затем от Харькова к Сталинграду и от Ростова к Грозному (Моздоку)» [1, с. 84]. Однако, говоря о военно-историческом значении битвы за Севастополь 1941—1942 гг., нельзя просто обращать внимание на контексты того периода. Требуется общий анализ исторических факторов, сравнительный анализ вышеуказанных примеров, чтобы более конкретно исследовать причины успехов и поражений в битвах за Крым и Севастополь в русской и советской военной истории.

Главная задача данной статьи заключается в анализе факторов, связанных с боевой сутью обороны Севастополя и системой севастопольских оборонительно-огневых сооружений, влиявших на общую боеспособность Севастопольского оборонительного района (СОР) и судьбу города в 1942 г. в рамках битвы в тылу противника.

Оборона Севастополя безусловно является легендарной оборонительной битвой именно в силу нахождения в тылу оккупированной противником территории. Поэтому необходимо как можно более многосторонне и объективно проанализировать причины удачам и поражениям каждой из операций того времени с использованием архивных документов и материалов, в том числе военных карт и оперативных схем.

При ноябрьском штурме Севастополя войска 11-й армии Вермахта наносили главные удары с юга на север по районам Балаклава и Камары, чтобы быстро продвинуться вдоль шоссе на Севастополь, но все их атаки были отбиты к концу месяца [1, с. 84—105; 3, с. 14—23; 7, с. 109—109; 8]. При декабрьском штурме немцы пытались нанести два главных удара одновременно с севера и с юга с целью быстрого прорыва советской обороны на главном рубеже и рубеже прикрытия и дальнейшего захвата Севастополя в течение 4—5 дней. Однако атаки немцы на южном направлении были отбиты уже в первые дни штурма. Противнику

¹ Там Хок Чуи — аспирант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия. e-mail: Volodja1217@gmail.com

Tam Hok Chiu — Post-graduate student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

удалось полностью оттеснить главные силы Приморской армии на глубину СОР, но в конце декабря 1941 — начале января 1942 г. в связи с большими потерями после ожесточенных боев с советскими войсками немцы, заняв больше половины территории северной части СОР, были вынуждены прекратить наступление, не имея сил и возможностей достичь запланированных стратегически-тактических целей. При первом и втором штурмах немцы наступали направлениями с севера на юг и с юга на север к северной и южной сторонам Севастополя [1, с. 105—138; 3, с. 25—39; 7, с. 107—109; 9].

В июне 1942 г., при третьем штурме СОР, немцы превосходящими силами атаковали северную часть СОР (4-й и 3-й секторы). Как и в декабре 1941 г., они быстро прорвали советские оборонительные позиции в некоторых промежутках и быстро продвигались к берегу Северной бухты, одновременно нанося вспомогательные удары с юга на север по промежутку между 1-м и 2-м секторами. Потом, чтобы прекратить все попытки сопротивления советских войск в северной части города и завершить полное окружение Севастополя, немцы в середине июня, после захвата главной части северной территории СОР, начали наносить интенсивные удары по всему фронту 1-го и 2-го секторов, оттеснив советские войска к южному краю Севастополя и побережью. В результате боевые порядки Приморской армии были полностью разрушены и эффективное сопротивление оказалось невозможно [1, с. 160—191; 2, с. 263—322; 3, с. 48—60; 7, с. 109].

Из данного сравнения, можно понять, что немцы в целом продолжали наступление на СОР прежними путями, не меняя тактику или оперативные методы, например привлечение боевых кораблей или отправка воздушных десантов. Единственное различие между тремя штурмами — соотношение людской и огневой сил и превосходство немцев над советской стороной. Поэтому отвечая на вопрос «почему оборона Севастополя пала в июле 1942 г.», необходимо обратить внимание на боевую организацию СОР, чтобы выявить причины того, как и каким образом немцы прорвали советскую оборону.

Оборонительная система укрепленных позиций и огневых сооружений являлась одним из ключевых факторов, влиявших на решение судьбы обороны Севастополя. Все важные и решающие бои были связаны с состоянием сухопутных огневых точек, артиллерийских и пулеметных дотов и дзотов и др. Известно, что

как военно-морская база Севастополь в истории всегда характеризовался укрепительно-оборонительными работами и огневыми средствами. Обычно вокруг города строились только сооружения береговой обороны, противокатерные и позже противовоздушные средства. В отличие от битвы за Севастополь 1854—1855 гг., в годы Великой Отечественной войны оборона характеризовалась не морскими, а сухопутными боями. Иными словами, оборона 1941—1942 гг. оказалась сухопутной битвой за военно-морскую базу, в которой морских сражений между советскими и немецкими боевыми кораблями не было [7].

Согласно источникам, вплоть до начала Великой Отечественной Войны в районе Севастополя не проводилось сухопутных оборонительных работ и установки огневых средств, а будучи начаты, к началу обороны города осенью 1941 г. работы еще не были завершены (сам СОР был создан только по приказу от 4 ноября 1941 г.) [10]. Тем не менее, на территории вокруг города были оформлены три оборонительных рубежа (передовой, главный, тыловой (прикрытие эвакуации) и три сектора. К 1 ноября 1941 г. на территории СОР имелось 34 артиллерийских дота (11 на передовом рубеже, 6 на главном, 17 на тыловом), 144 пулеметных дота и дзота (соответственно 50, 32 и 62), 350 разных окопов (193, 66 и 91) [3, с. 7—10; 4, с. 4—6]. Важную роль играли батареи береговой обороны СОР и полевые артиллерийские части Приморской армии.

Однако, хотя огневые сооружения были важны для обороны СОР, их в общем числе было мало — в частности, недостаточно для ровного расположения в каждом оборонительном участке. К началу ноябрьского штурма большинство артиллерийских дотов и пулеметных дотов-дзотов сосредотачивалось только на границе города и возле края тылового рубежа, а также на самой северной части СОР (направления Калымтай—Аранчи—Кача—Мамашай). Отдельные группы дотов-дзотов располагались с севера на юг в районах Азиз-Оба, Биюк-Отаркой, Черкез-Кермен, Мекензия, Чоргунь, Камары. В южной части, особенно в районе Балаклавы и на Балаклавских горах и высотах, не было построено никаких огневых сооружений [3, схема 1].

Иными словами, многие участки общей оборонительной системы, в особенности на самой южной части СОР, были слабыми. Причина успеха оборонительных боев Приморской армии в ноябре 1941 г. заключались в успешном обеспечении прочной общей

обороны с помощью охраны промежутков и флангов между 1-м и 2-м секторами, а также позициями частей благодаря высотам, которые прикрывали некоторых пути к направлениям Камары—Севастополь или Балаклава—Севастополь. Конечно, решающую роль в подавлении немецких атак играла мощь полевой и береговой артиллерии СОР. Однако вышеуказанные структурные проблемы и дефекты сильно влияли на прочную оборону северной части СОР уже в декабре 1941 г. Например, несмотря на героизм защитников дзота № 11 в районе Камышлы [6, с. 178—180], немцам удалось прорвать на значительную глубину северную часть обороны на северном и центральном направлениях. «Пустоты» на отдельных участках оборонительных рубежей являлись основной проблемой системе СОР и главной причиной успешных прорывов и продвижения немецких войск.

Падение СОР также тесно зависело от ряда структурных недостатков и дефектов в военно-инженерной системе оборонительных сооружений. Несмотря на то, что командования СОР и Приморской армией пытались максимально восстановить и укрепить общую оборонно- и боеспособность, предпринимавшиеся меры не дали желаемого эффекта. Среди причин можно выделить отсутствие разумных планов инженерного отдела армии по восстановлению и укреплению сооружений СОР. Военно-инженерные работы велись с рядом недостатков, проблем и дефектов, в результате сети огневых сооружений оказались бесполезными и малоэффективными. Начальник инженерного отдела Приморской армии генерал-майор А.Ф. Хренов выказал очевидные непрофессионализм, недооценки и ошибки, не заметив коренного изменения к худшему общей боевой ситуации после потери широкой территории СОР в северной части. В особенности он ошибочно обращал слишком много внимания на проведение минирования и заградительных работ, что сильно мешало восстановлению и укреплению системы дотов-дзотов.

В литературе можно встретить мнение, что решение по инициативному проведению минирования и заградительных работ было принято Генштабом и Ставкой, ибо в начале января 1942 г. Москва послала из Новороссийска в Севастополь оперативно-инженерную группу во главе начальника штаба инженерных войск генерал-майора И.П. Галицкого, которая привезла в СОР 20 000 противотанковых мин, 25 000 противопехотных мин и 500 пакетов малозаметных препятствий, чтобы срочно помочь

войскам укрепить оборону в видах ближайших возможных атак немцев [2, с. 219—220; 5, с. 237—241; 6, с. 250; 11, л. 67]. Однако, необходимо отметить, что специальная оперативная группа из Москвы выполняла свои задачи только временно в начале января 1942 г., принимая экстренные мероприятия против немецких атак, и ушла из Севастополя уже 27 января. Как вспоминал тогдашний начальник штаба Приморской армии генерал Н.И. Крылов, московская оперативная группа занималась не только минированием, но и улучшением позиционных работ, окопов и др. Генерал-майор Галицкий лично сказал генерал-майору И.Е. Петрову, что минные поля должны действовать под прикрытием противотанковой артиллерии [5, с. 239].

Непрофессиональные идеи Хренова, в особенности переоценка минирования, очень сильно влияли на проведение оборонительных работ. Сам генерал считал, что минирование крайне эффективным в условиях позиционной обороны. Он написал в газете «Красный Крым» от 11 февраля 1942 г., что проволочные заграждения и минные поля вызывают панику среди наступающих немецких войск, а также вынуждают их выделять многочисленные команды для разминирования местности. Таким образом, наступление полностью задерживается минами и заградительными работами [12]. По версии Г.И. Ванеева и др., к началу июня 1942 г. в СОР имелось 75 артиллерийских дотов, 492 пулеметных дота-дзота [2, с. 221], по сравнению с цифрами ноября 1941 г. (имелось в СОР 75 артиллерийских дотов, 232 пулеметных дота и дзота) [2, с. 39]. Число артиллерийских дотов в принципе было лишь восстановлено до уровня конца 1941 г. Это означало, что время для усиления артиллерийской и стрелковой мощи не было использовано.

Хотя число пулеметных дотов и дзотов выросло в два раза, а также было построено 480 деревянный и железобетонный стрелково-пулеметный оголовков, это в целом не решило коренных проблем. К началу июньского штурма Севастополя на территории СОР по-прежнему оставалось много оборонительных пустот, также на многих важных военных подступах почти отсутствовали доты, дзоты и другие огневые точки [3, схема № 1].

Изучение архивных документов и материалов из фонда Приморской армии в ЦА МО показывает, что общее количество мин и фугасов на территории СОР было гораздо больше, чем количество построенных или восстановленных дотов-дзотов. В начале

января 1942 г. имелось 57 512 противопехотных мины, 12 899 противотанковых мин и 1 068 фугасов; в середине января стало уже 76 155 противопехотных мин, 16 999 противотанковых мин и 1 422 фугасов [11, л. 51]. К середине февраля произошло дальнейшее увеличение: соответственно 97 488, 33 425 и 1434 [11, л. 135]. Наконец, в середине марта цифры составили 129 767, 34 425 и 1 444 фугасов [11, л. 198]. К началу июня 1942 г. на территории СОР было установлено 189 760 противопехотных мин, 51 503 противотанковых и 1 242 фугаса [2, с. 221]. Архивные документы показывают рост количества противопехотных мин почти в три раза, а противотанковых — почти в четыре. Однако на практике минные поля в целом не смогли задержать интенсивный натиск немецких войск даже в первый день июньского штурма Севастополя.

Согласно боевым схемам и картам, приведенным в воспоминаниях и мемуарах, сеть дотов-дзотов стала немного больше и теснее [6, с. 184—185, схема]. Но на самом деле, это не означало, что вышеуказанные проблемы были разрешены и общая боеспособность усилилась. Наоборот, проанализировав оперативные схемы, можно узнать, что большинство групп дотов и дзотов, как и в 1941 г., располагалось возле линии фронта передового рубежа и границы тылового рубежа. Кроме того, на прифронтовой линии имелось немало групп дотов-дзотов, которые даже не были заняты советскими войсками [3, схемы № 1, 6, 7, 8]. Таким образом, вокруг Севастополя на широкой тыловой территории юго-западной части 1-го и 2-го секторов, с севера на юг в полосе главного рубежа 3-го, 2-го и 1-го (в том числе и Сапун-Гора) сохранялась широкая пустая зона без дотов и дзотов.

Согласно военным теориям, если бы немцы смогли прорвать линию фронта в одном или нескольких местах в северной или южной частях, они дальше могли бы с максимальной скоростью продвигаться через слабые оборонительные рубежи и пустые полосы, оставшиеся без защиты огневых сооружений. Так и произошло во время июньского штурма: немцы уже в первый день смогли прорвать советскую оборону в промежутке 4-го и 3-го секторов и вынудили советские войска оставить свои позиции и отступать. Спустя три дня им удалось полностью разрушить советскую оборону в северной части СОР и занять важный транспортный узел Мекензиевы горы, Кордон Мекензи № 1 и развивать наступление к берегу Северной бухты.

На основе данного исследования можно сделать следующие выводы. Система оборонительно-огневых сооружений СОР являлась одним из главных факторов успеха оборонительных боев. К сожалению, в ней имелся ряд структурных проблем, недостатков и дефектов, проявившихся уже в первые дни. Данные проблемы способствовали ухудшению боеспособности в северной части СОР после потери более чем половины его территории. Они остались неразрешенными вплоть до начала июньских битв. Минные поля и заградительные работы оказались неэффективными и не смогли задержать последнее немецкое наступление. Столкнувшись с превосходящими силами противника, советские войска не могли больше удерживать позиции, хотя немцы вообще не меняли своей тактики на протяжении всех трех штурмов.

Список литературы

1. Басов А.В. Крым в Великой Отечественной Войне 1941—1945 гг. — М.: изд. Наука, 1987. — 336 с.
2. Вансеев Г.И. и др. Героическая оборона Севастополя 1941—1942. — М.: Воениздат, 1969. — 367 с.
3. Генштаб РККА. Оборона Севастополя: Оперативно-тактический очерк. — М.: НКО РККА. — 70 с.
4. Замятин Н.М., Воробьев Ф. Д. Оборона Севастополя. — М.: Воениздат НКО, 1943. — 47 с.
5. Крылов Н.И. Огненный бастион. — М.: Воениздат, 1973. — 415 с.
6. Моргунов П.А. Героический Севастополь. — М.: изд. Наука, 1979. — 520 с.
7. Прохоров А.М. (гл. ред.) Большая Советская Энциклопедия (3-е издание). — Т. 23. — М.: изд. Советская Энциклопедия, 1976. — С. 106—109.
8. ЦАМО (Центральный архив Министерства Обороны). Ф. 288. Оп. 9900. Д. 22. Л. 18—164.
9. ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 23. Л. 1—192.
10. ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9896. Д. 39. К. 19476. Л. 1.
11. ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 126. Л. 5, 51, 67, 135, 19.
12. Чурсин П.А. (ред.) Героическая оборона Севастополя 1941—1942 гг. Сборник документов и материалов. — Симферополь, 1946. — С. 107—108.

Особенности организации питания рабочей молодежи на предприятиях Москвы в годы Великой отечественной войны

Аннотация. В статье отражены особенности организации питания рабочих-подростков на московских предприятиях. Данные особенности оказывали значительное влияние на трудовую дисциплину заводской молодежи, а, следовательно, и на производственный процесс, который, в свою очередь, имел крайне важное значение в условиях войны.

Ключевые слова: снабжение; заводская молодежь; организация питания; комсомол; хищения; трудовая дисциплина.

Natalya E. Anisimova

SPECIAL FEATURES OF CATERING FOR TEENAGERS AT THE ENTERPRISES OF MOSCOW DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article reflects the features of feed system of teenage workers at Moscow enterprises. The features have had a significant impact on the trade discipline of the factory youngsters, and consequently on the production process, which, in turn was extremely important in war.

Keywords: supply; factory youth; catering service; Komsomol; theft; labour discipline.

В условиях военного времени производительность труда и своевременное выполнение оборонного заказа предприятием зачастую играют решающую роль в деле обеспечения обороноспособности страны. А они, в свою очередь, не в последней степени зависят от подбора удовлетворения бытовых нужд трудящихся. Значительную часть трудового контингента московских предприятий в годы Великой Отечественной войны составляла особая категория: молодые рабочие в возрасте 13—17 лет — выпускники Государственной системы трудовых резервов. Большинство этих юношей и девушек были оторваны от родных мест и впервые испытали на

себе тяготы самостоятельной жизни. Многие из них потеряли кого-то из близких, а то и вовсе утратили связь с семьей. Значительная часть не подлежала призыву ввиду возраста или состояния здоровья, и, тем не менее, вынуждена была адаптироваться в новых условиях. Таким образом, рабочая молодежь нуждалась в особом подходе и участии со стороны руководства промышленных предприятий. Забота об их быте возлагалась на директоров предприятий, однако обеспечение приемлемых жилищно-бытовых условий, соответствующего питания и подходящего досуга для заводской молодежи было трудновыполнимо, а часто и вовсе практически невозможно. И, хотя партийные и комсомольские органы признавали важность бытовых условий для производства, осуществление этой задачи на практике оказалось довольно непростым делом.

Быт молодых рабочих в советской историографии освещался преимущественно в военно-патриотическом ключе. Особенно следует отметить исследование А.В. Митрофановой, в котором обозначено, что снабжение питанием и обеспечение жильем рабочей молодежи оставалось на довольно низком уровне, особенно в первой половине Великой Отечественной войны [10]. А.М. Маркевич и А.К. Соколов отмечали большое значение денежного стимулирования в оплате труда для питания рабочих во время войн [9].

В постсоветский период вопросы снабжения советского тыла стали предметом острой научной дискуссии. Большой интерес представляет монография Р.Е. Романова, который сделал вывод, что юноши и девушки, работавшие на оборонных предприятиях Сибири, регулярно страдали от недоедания и в поисках решения этой проблемы находили самые разные способы борьбы с голодом [5].

Среди зарубежных исследований последних лет следует отметить работы Д. Фильцера и В. Голдман. Фильцер заключил, что детская смертность от голода и болезней, связанных с ним, была стабильно высокой на протяжении всего периода войны, однако смертность подростков была крайне незначительной [19]. Голдман приводит факты многочисленных нарушений в изучаемой сфере, которые часто становились причиной голода [7].

Несмотря на относительную изученность темы, вопрос жилищно-бытовых условий и организации питания молодых рабочих освещен слабо. Научная новизна данной статьи заключается в изучении социального феномена нового типа рабочих на примере подростков, занятых на промышленных предприятиях Москвы в годы войны. В частности, показано, что большинство предпри-

¹ Анисимова Наталья Эдуардовна — аспирант Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: linley2012@list.ru
Natalya E. Anisimova — Graduate student of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

ятий, подобно предприятиям других регионов, испытывали затруднения в обеспечении молодых рабочих подходящим питанием. Это было следствием как объективных условий военного времени, так и нежелания руководителей фабрик и заводов уделять достаточное внимание нуждам их юных подопечных, пренебрежения своими обязанностями и разного рода злоупотреблений чиновников разных уровней на местах.

Источниковая база данной статьи представлена спектром архивных документов разного характера. Общее представление о системе Гострудрезервов можно составить, ознакомившись с материалами Главного управления трудовых резервов (ГА РФ). Особый интерес представляет приказ начальника ГУТР при СНК СССР № 458 от 27 июня 1941 г. «О бережном и экономном расходовании продуктов в столовых» [6, л. 45—46], которым вводился особый порядок расходования и подачи продуктов питания в столовых РУ, ЖУ и ФЗО.

Другой комплекс источников — справки, докладные записки, материалы заседаний организаций ВЛКСМ разного уровня, которые являлись низовым звеном в деле контроля трудовых и жилищно-бытовых условий молодых рабочих (РГАСПИ). Именно в них отражены наиболее острые проблемы, которые подлежали устранению со стороны руководства заводов и фабрик, либо передавались вышестоящим инстанциям [11, 13]. Также следует упомянуть стенограммы заседаний и собраний партийных и комсомольских организаций различных районов и предприятий Москвы [20—26]. Из решений по итогам этих заседаний можно узнать, какие вопросы бытового обеспечения молодежи стояли наиболее остро и какие меры предлагались для их решения.

Еще один источник — заводские газеты-многотиражки, выпускавшиеся регулярно и посвящавшие заводчан в основные производственные и бытовые проблемы (выдержки из газеты «Все для фронта» — органа парткома, завкома и дирекции завода № 45 [12]).

Помимо этого, использованы материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР под руководством академика И.И. Минца — стенограммы бесед с работниками заводов «Серп и Молот», «Красный Пролетарий» и комбината «Трехгорная мануфактура» [1—4] (Архив Института российской истории РАН). Составленные «по горячим следам», они помогают взглянуть на быт предприятий «изнутри», дают краткие биографические сведения о работниках.

Комплексное исследование проблемы питания молодых рабочих в рамках статьи невозможно. Ее цель — показать, что организация питания молодежи на предприятиях Москвы отличалась от обеспечения взрослых производственников, а это в свою очередь, значительно влияло на производительность труда новых кадров.

В системе продовольственного обеспечения советского тыла в годы Второй Мировой войны вершину иерархии занимали рабочие тяжелых отраслей промышленности. От того, насколько хорошо они будут обеспечены калориями, зависела интенсивность их труда и своевременность выполнения оборонного заказа. Также существовала в каждой отрасли и на ряде предприятий этих отраслей сложная градация по региональному и профессиональному признаку. В качестве примера приведем распоряжение ГКО «Об улучшении продовольственного снабжения рабочих ряда производств и профессий Наркомата угольной промышленности» от 24 декабря 1944 г. [15, л. 116—118], постановление ГКО «Об оплате труда и снабжении продовольственными товарами работников шахт Буланашского угольного месторождения в Свердловской области» (29 марта 1945 г.) [16, л. 1—5] и «О плане снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятий наркоматов военной, тяжелой промышленности и транспорта на II квартал 1945 г.» (19 апреля 1945 г.) [17, л. 148—177].

Молодые рабочие составляли значительную часть контингента оборонной промышленности 1941—1945 гг., а на ряде предприятий — и большую часть. В Москве положение было таково:

Предприятие	Молодежь 13—17 лет (%)	Год
Первый государственный подшипниковый завод (ГПЗ-1)	60	1943
«Каучук»	60	1943
«Красный Пролетарий»	60	1943
Завод № 30 НКАП	60	1943
Станкозавод им. Орджоникидзе	60	1943
Завод № 27 НКАП	70	1943
Завод № 41 НКАП	57	1942

Сост. по: ЦГАМ. Ф. П-635, оп. 1, д. 459. Л. 1; ЦГАМ. Ф. 635, оп. 3, д. 2. Л. 38.

Юные производственники рассматриваемых нами предприятий относились к первой категории снабжения как занятые ручным трудом на заводах оборонной промышленности. Согласно установленным нормам, рабочие первой категории получали 700—800 г хлеба в день и 2 кг мяса или рыбы, 1,5 кг крупы или макарон, 500 г сахара и кондитерских изделий в месяц [10, с. 226; 5, с. 324]. При этом продукты подлежали обмену на продовольственные талоны. Кроме того, существовала дифференцированная система распределения пищевых продуктов среди рабочих, перевыполнивших нормы, рабочих вредного производства, усиленное и диетическое питание для производственников, имеющих медицинские ограничения, а также дополнительное питание для выпускников учебных заведений системы трудовых резервов (с 1942 г.) [10, с. 231]. Указанные нормы выдавались в столовых предприятий, ремесленных и железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения в виде приготовленной пищи. Улучшению системы снабжения служило учреждение в 1942 г. отделов рабочего снабжения (ОРС) при предприятиях. Они функционировали на принципах хозрасчета и получали в свое ведение совхозы, столовые, магазины и бытовые мастерские.

Прежде чем приступить к описанию процесса организации питания молодежи, следует выяснить: какими были подростки, пришедшие на предприятие со школьной скамьи, либо учащиеся ремесленного училища или ФЗУ? Приведем несколько примеров.

В.Ф. Шагалову, рабочему завода «Красный Пролетарий», к началу войны было 16 лет. После того, как отца и брата забрали в армию, он вынужден был материально обеспечивать себя, мать и сестру: «Заработок у меня хороший: в сентябре я заработал около 1000 руб., за октябрь — 1132 руб., на руки получил 960 руб., купил пальто, брюки, обувь — все на свои заработанные деньги, матери посылаю, она живет в Саратове, куда эвакуировалась из Волоколамска» [1, л. 24—25]. Его ровесник, Н.И. Быковский — выпускник ремесленного училища № 15 при заводе «Серп и Молот». После смерти отца работал на заводе модельщиком [3, л. 2]. Начальник отдела подготовки кадров комбината «Трехгорная мануфактура» Л.П. Чистякова передавала слова рабочего-подростка, желающего учиться в школе рабочей молодежи: «Когда папанька ушел на фронт, я пошел работать, а мать — инвалид, у нее припадки, и она по стенке еле ходит. И еще сестренка и брат есть. Я прихожу с работы и прежде всего должен наколоть дров,

истопить печку, пойти за хлебом, в магазин и только потом могу учиться» [4, л. 2—2 об.].

Естественно, данная категория заводской молодежи особенно нуждалась в чутком отношении руководства и приемлемых жилищно-бытовых условиях. Многие из них в столь юном возрасте обеспечивали не только себя, но и несовершеннолетних и недееспособных родственников.

Организация питания молодых заводчан отличалась от той, что была установлена для остальных рабочих. В частности, ГУТР предписывало отводить для питания молодежи отдельные залы. Кроме того, с началом войны в столовых был введен особый порядок подачи пищи молодым рабочим. В соответствии с приказом начальника ГУТР № 458 от 27 июня 1941 г. «О бережном и экономном расходовании продуктов в столовых» [6, л. 45], директорам школ ФЗО и ремесленных училищ, а также руководителям управлений трудовых резервов на местах предписывалось обслуживать учащихся группами по 4—10 человек, строго соблюдая нормы подачи хлеба так, чтобы не оставалось никаких хлебных отходов. Однако возможности конкретного предприятия учитывались редко.

Руководители заводов старались по мере сил и возможностей оборудовать для юных рабочих специальные столовые. Об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе комсомольской проверки ряда предприятий Куйбышевской области, куда были эвакуированы из Москвы заводы № 1 и 24 (с 1943 г. — завод № 45), а также завод № 18 из Воронежа. В докладной записке о выполнении постановления ЦК ВЛКСМ от 3 октября 1942 г. комсомольскими организациями заводов № 24, 18 и 1 (Наркомавиапрома) гор. Куйбышева читаем: «На заводах №№ 1 и 18 для молодых рабочих отведены спец-залы, на заводе № 24 в юнгородке столовая» [11, л. 76 об.].

Комсомольские организации контролировали жилищно-бытовые условия молодых рабочих и чаще всего рапортовали о выявленных нарушениях. Иногда до высшего руководства доходили вопиющие примеры нарушений. Например, общежития и столовые ряда заводов Куйбышевской области были в таком плохом состоянии, что группа молодых рабочих из Баку устроила бунт, часть из них впоследствии убежали [11, л. 53—53 об.]. В ходе проверок, организованных ЦК ВЛКСМ, была выявлена крайне неприглядная картина бытового содержания рабочей молодежи.

Это вынудило ЦК комсомола принять постановление 3 октября 1942 г. «О многочисленных фактах формально-бюрократического отношения к молодым рабочим и неотложных мерах по усилению работы комсомольских организаций среди этих рабочих» [14, л. 56].

Однако «низовые комитеты комсомола сталкивались с острым дефицитом материальных ресурсов, распределявшихся на усмотрение дирекции заводов. Директора далеко не всегда оказывали административную поддержку комсомольцам в их стремлении отстаивать жизненно важные интересы молодых работников» [18, с. 219]. Проанализировав справки и сообщения органов комсомола, можно сделать вывод, что подобная ситуация была характерна не только для Сибири, но и для столицы. Так, в записке секретаря МК и МГК ВЛКСМ Н.П. Красавченко на имя секретаря МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакова и секретаря МГК Г.М. Попова содержатся сведения о том, что на ряде предприятий руководители распределяют спецталоны между собой, не давая молодым возможности получать дополнительное питание [23, л. 6—7].

Также множество нареканий вызывали состояние столовых и качество пищи. В докладной записке о выполнении постановления ЦК ВЛКСМ от 3 октября 1942 г., приводятся факты антисанитарного состояния столовых заводов № 24 и № 18 Куйбышева, в результате чего молодые рабочие в недостаточной степени обеспечиваются питанием, страдают от нехватки чистой посуды, воровства и обвешиваний, а также плохого качества пищи [11, л. 76 об.], не имеют возможности разогреть пищу, попить чаю [11, л. 112]. Отмечается также, что «все это ставит молодых рабочих, начавших самостоятельную жизнь в тяжелое положение» [11, л. 102]. Зачастую директора заводов и фабрик значительно большее внимание уделяли потребностям «бывалых» производственников, которые за много лет труда хорошо зарекомендовали себя.

Серьезной проблемой были хищения продуктов в столовых. Случаи обвешивания, хищений с заводских кухонь были обычным и повсеместным явлением [8]. Красавченко сообщал: «Плохо работают цеховые столовые, наблюдаются случаи обвешивания, особенно подростков» [23, л. 6]. Более подробно примеры краж с заводских кухонь представлены в газете «Все для фронта». В частности, описаны случаи неоднократных хищений в комбинате питания данного предприятия и равнодушном отношении к этому директора завода [12, л. 12 об.]. По крайней мере, на дан-

ном предприятии случаи хищений не воспринимались как норма и предавались огласке. Примечательно также то, что редактор газеты обращает особое внимание на бездействие директора комбината питания. В той же статье приведены случаи хищений и невлечений продуктов в диетстоловой завода № 45, обнаруженные сотрудниками рабочего контроля: «Было установлено невлечение на каждую порцию 5,9 г риса и 5,4 г сгущенного молока... неизвестно куда исчезло 6 кг творога» [12, л. 12 об.]. Очевидно, хищение продуктов на комбинате питания было крайне распространенным явлением. Редактор газеты выражал сильное недовольство тем, что директор комбината смотрит на вышеприведенные случаи сквозь пальцы. Трудно однозначно судить, в чем была причина такого отношения. А.К. Соколов, говоря о нарушениях дисциплины на предприятиях и отношении руководства к этому, пишет, что «администрация могла покрывать случаи опозданий и отсутствия на работе, если она была заинтересована в работнике... дабы не вызвать на себя излишний огонь критики» [9, с. 167]. Кажалось бы, хищение — совсем другое дело, которое требует особого отношения. Но, как мы видим, на заводе № 45 к этому относились весьма лояльно.

В справке о бытовом обслуживании молодых рабочих на ряде предприятий города Москвы (по данным МГК ВЛКСМ) упоминаются и иные факты. Так, уборщица Ширяева воровала у юных обитателей общежития личные вещи и деньги. Когда данный факт был вскрыт, и ребята известили об этом ответственного за общежитие, уборщица была понижена в должности — переведена в истопники [11, л. 112—112 об.]. Воровство в стенах общежитий было нередким явлением не только со стороны персонала, но и среди самих жильцов. Молодых людей часто толкали на преступления плохое качество и недостаток пищи. Не имея возможности как следует поесть в заводской столовой, они вынуждены были воровать и продавать краденое, либо обменивать его на еду. Многочисленные кражи фиксировались в общежитии Химического завода им. Сталина Кировского района Москвы. У выпускников ремесленного училища регулярно пропадали хлеб, чай, табак и даже продовольственные карточки: «У т. Рыбина украли карточку, жил целый месяц без карточки, продал все для того, чтобы питаться... Два чел. из комнаты обокрали спальню и уехали, ребятам сказали, что поехали в Ташкент за хлебом» [11, л. 112—112 об.].

Причиной краж становился и недостаток финансовых средств. Так, на заводах № 24, 18 и 1 Наркомавиапрома администрация обеспечивала работой в первую очередь производственников со стажем, а молодые рабочие часто оставались без дела. Это привело к тому, что молодежь вынуждена была продавать имущество общежития: «Так получилось и в ноябре м-це — 25 чел. остались без зарплаты, вследствие чего некоторые из них вынуждены продать из общежития простыни. Только при этом вторичном факте, когда перед начальником цеха резко поставили вопрос, ребятам была произведена доплата за октябрь и ноябрь» [11, л. 75]. На заводе имени Масленникова «за короткое время в общежитии № 3 растащили и продали на рынках 96 одеял, 110 матрацев, 166 полотенец, более 150 простыней, большое количество подушек» [11, л. 70 об.].

Те, кто не воровал, зачастую не находили выхода из критической ситуации. Выше уже упоминалась беседа с начальником Кировского отделения НКВД Коноваловым. Она ярко иллюстрирует случаи крайнего отчаяния, до которого доходили юноши и девушки: «Материальные и бытовые условия молодых рабочих района продолжают оставаться очень плохими: живут в холодных, грязных и неудобных бараках, питание также плохое, почти никаких культурных развлечений... На заводе № 18 слесарь Политоновская повесилась на почве голода. Ранее на заводе 24 умер от истощения рабочий» [11, л. 53].

Приведенные выдержки из документов относятся к периоду сентября-декабря 1942 г., то есть за месяц до и три месяца после постановления ЦК ВЛКСМ от 3 октября 1942 г. Следовательно, на большинстве промышленных предприятий Москвы и других городов выполнение данного решения оставляло желать лучшего.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать ряд выводов. В целом, государство осознавало важность улучшения бытовых условий молодежи, считая его значимой составляющей в деле повышения производительности труда. Испытывая объективные трудности в условиях колоссальной нехватки ресурсов, руководство страны старалось обеспечить юным трудящимся приемлемое снабжение продуктами питания. Тем не менее, забота о бытовых нуждах юных рабочих была далеко не первостепенной задачей.

Продовольственный кризис сохранялся на протяжении всего периода Великой Отечественной войны и больно ударял по физическому и моральному состоянию юных рабочих. Меры улучшения их питания имели разную степень эффективности на раз-

личных предприятиях. В целом, оно обеспечивало выживание, но было недостаточным для ведения полноценного и здорового образа жизни. По большому счету, подростки страдали от постоянного недоедания и не имели возможности восстановить силы после многочасового физического труда. В большинстве случаев именно это становилось причиной всякого рода нарушений трудовой дисциплины, преступлений и проступков.

Подростки регулярно сталкивались с воровством, хищениями и различного рода махинациями. Примеры катастрофического положения и вопиющих случаев вроде голодных смертей являлись, как правило, результатом злоупотреблений служебными полномочиями на местах, недостаточного внимания со стороны руководства предприятий, либо преступного поведения отдельных лиц.

Заводская молодежь, как и взрослые производственники, испытывала на себе тяготы жизни за линией фронта и изнурительного труда на благо родины. Однако, будучи в большинстве еще несформировавшимися личностями, по факту детьми, эти юноши и девушки день за днем сталкивались с обстоятельствами, травмирующими их психику, и без того переживая самый стрессовый — подростковый — период жизни. Все же, несмотря на тяжелые условия существования, среди юных заводчан было немало тех, кто успешно адаптировался к новой жизни и даже справлялся с ролью добытчика в своей семье.

Список литературы

1. Архив ИРИ РАН. Ф. 2, разд. 5, оп. 1, д. 1
2. Архив ИРИ РАН Ф. 2, разд. 5, оп. 27, д. 61
3. Архив ИРИ РАН Ф. 2, разд. 5, оп. 30, д. 13
4. Архив ИРИ РАН Ф. 2, разд. 5, оп. 35, д. 42.
5. Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941—1945). — Новосибирск: Параллель, 2012.
6. ГАРФ. Ф. Р9507, оп. 1, д. 17.
7. Goldman W. Not by Bread Alone: Food, Workers, and the State // Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II. / Ed. by Wendy Z. Goldman and Donald A. Filtzer. — Bloomington (IN): Indiana University Press, 2015.
8. Goldman W. Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II / Ed. by Wendy Z. Goldman and Donald A. Filtzer. — Bloomington (IN): Indiana University Press, 2015.
9. Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883—2001 гг. — М., 2005.

10. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. — М., 1971.
11. РГАСПИ. Ф. 1, оп. 8, д. 59
12. РГАСПИ. Ф. 1, оп. 8, д. 90
13. РГАСПИ. Ф. 1, оп. 8, д. 129
14. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 236.
15. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 345.
16. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 464.
17. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 480.
18. Романов Р.Е. Советское государство и рабочие в годы Великой Отечественной войны: социально-трудовые отношения в сфере занятости // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. — Выпуск 6. — Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН, 2015.
19. Filtzer D. Starvation Mortality in Soviet Home-Front Industrial Regions during World War II // Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II. / Ed. by Wendy Z. Goldman and Donald A. Filtzer. — Bloomington (IN): Indiana University Press, 2015.
20. ЦГАМ. Ф. П-412, оп. 1, д. 177
21. ЦГАМ. Ф. П-412, оп. 1, д. 153
22. ЦГАМ. Ф. П-433, оп. 1, д. 161
23. ЦГАМ. Ф. 635, оп. 1, д. 458
24. ЦГАМ. Ф. 635, оп. 1, д. 458
25. ЦГАМ. Ф. 635, оп. 1, д. 459
26. ЦГАМ. Ф. 635, оп. 3, д. 2;

УДК 94

С.П. Ким¹

Следственная работа по выявлению военных преступников среди японских военнопленных (1946—1956 гг.)

Аннотация. В августе 1945 г. сотни тысяч солдат и офицеров японских войск были разоружены Красной Армией и размещены в лагерях НКВД СССР. В статье рассмотрена проблема разоблачения военных преступников среди бывших военнослужащих японских войск. Автор на основе архивных материалов определяет численность и состав военных преступников, а также цель (помимо определения виновных в совершении военных преступлений), следственной работы, проводимой МВД среди японских военнопленных.

Ключевые слова: военнопленные, МВД, НКВД, Япония, военные преступления, Маньчжурия

Sergey Kim

IDENTIFICATION OF WAR CRIMINALS AMONG JAPANESE PRISONERS OF WAR (1946—1956)

Abstract. In August 1945, hundreds of thousands of Japanese soldiers and officers surrendered to the Red Army and accommodated in the Soviet labour camps. The article deals with the problem of exposing war criminals among former soldiers of Japanese troops. The author on the basis of archival materials determines the composition of war criminals and the purpose (in addition to identifying the perpetrators of war crimes), the investigative work carried out by the Soviet Ministry of Internal Affairs among Japanese prisoners of war.

Keywords: prisoners of war, internees, NKVD, MVD, Japan, war crimes, Manchukio.

В результате молниеносного наступления в Маньчжурии в конце августа 1945 г. японская Квантунская армия была разделена на несколько групп, которые вскоре были блокированы и окружены советскими войсками, а коммуникация между ними была нарушена. 16 августа командование армии по радиосвязи сообщило

¹ **Ким Сергей Петрович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: sergeypkim@gmail.com

Sergey Kim — PhD, research employee of the Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

командованию советскими войсками на Дальнем Востоке о готовности прекратить все военные операции и сдать оружие. В период с 19 августа по 2 сентября было разоружено 639 776 солдат, офицеров и генералов [21, с. 229].

Военнослужащие сдали оружие, выполняя приказ командующего армией генерала Отодзоо Ямада. Большинство из них не считало себя капитулировавшими военнопленными, поэтому вопрос об их статусе является дискуссионным. В отечественной научной литературе уже устоялось понятие «японские военнопленные», в то время как в зарубежной сложившиеся оружие в Маньчжурии считаются интернированными (т.е. гражданскими лицами). Советское командование и руководство страны считали разоруженных японцев военнопленными: 23 августа И.В. Сталин в постановлении Государственного комитета обороны (ГКО) обязал НКВД и командование военных советов фронтов направить «до 500 000 японских солдат и офицеров» на территорию Советского Союза для строительства Байкало-Амурской магистрали и промышленных предприятий, работ по добыче угля, металлов и нефти, возведения жилья и инфраструктурных объектов.

Для региональных властей японцы, немцы и другие иностранные пленные стали достаточно ценной рабочей силой. Исследователи, изучавшие пребывание японских военнопленных на территории СССР, считают, что целью судебного преследования являлась дальнейшая эксплуатация в этом качестве [13, с. 79], из-за чего их репатриация намеренно затягивалась [12, с. 226]. В то же время, следственная работа, которую проводили органы МВД и МГБ, практически не изучалась, хотя несколько исследователей опубликовали работы о Хабаровском судебном процессе, осудившем виновных в изготовлении и применении бактериологического оружия. В данной статье будет рассмотрен вопрос о составе японских военных преступников и организация следственной работы по их выявлению.

Первые следственные мероприятия были проведены среди представителей высшего командования Квантунской армии, а также японских и китайских чиновников. Их показания были необходимы для формирования обвинительной базы представителей СССР на процессе в Токио. Для организации этого суда 19 января 1946 г. был учрежден Международный трибунал для Дальнего Востока. В его состав вошли представители 11 государств (СССР, США, Великобритания, Китай, Австралия, Ка-

нада, Франция, Нидерланды, Новая Зеландия), хотя для работы было необходимо присутствие представителей лишь шести.

Несмотря на то, что в годы Второй мировой войны Советский Союз практически не пострадал от действий японских войск, участие представителей СССР в Токийском процессе было необходимо для державы, внесшей свой вклад в разгром японских вооруженных сил. Наиболее важные и полные показания пленных представителей японского командования в виде докладных записок регулярно отправлялись Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берии.

Одним из первых 8 и 9 апреля 1946 г. следственными органами был допрошен главнокомандующий Квантунской армией генерал О. Ямада. Он уклончиво упомянул о том, что накануне войны японский генеральный штаб намеревался усилить армию в связи с подготовкой к военным действиям против СССР согласно плану «Канн Току Эн» («Особые маневры Квантунской армии») [11, с. 53]. В то же время, в своих собственных показаниях, переведенных на русский язык, он отметил, что этот план не являлся оперативным планом войны. Ямада отметил, что армия с 1940 г. получала пополнения, а в ее состав включались новые соединения. Если первоначально ее численность составляла 386 тыс. человек (13 дивизий), то затем выросла до примерно 600 тыс. (15 дивизий). Он упомянул и о приказе верховной ставки японского командования о начале подготовки к войне с СССР, однако свидетельствовал, что в 1941 г., уже после начала Великой Отечественной войны, на личном совещании у императора принято решение, что Япония будет придерживаться собственной политики по вопросу советско-германской войны [11, с. 53].

С 20 по 23 апреля 1946 г. показания давал бывший командующий 1-м фронтом армии Сейити Кита. Он упомянул, что генштаб японской армии разработал план наступательной войны против СССР под названием «Оцу», который предусматривал оккупацию всего Дальнего Востока вплоть до оз. Байкал. План состоял из четырех этапов: 1) демонстративные маневры на границе с СССР, подготовка к наступлению, переход советских границ и наступление вглубь советского Дальнего Востока; 2) развитие наступления вплоть до Хабаровска и его оккупация; 3) наступательные действия в Забайкалье, захват Читы; 4) завершение оккупации советской территории [11, с. 55]. Кита отмечал, что план «Оцу» из-

менялся из года в год вплоть до 1944 г., когда ситуация стала складываться явно не в пользу Японии.

Эти сведения были чрезвычайно важны для выстраивания обвинения со стороны СССР, поскольку Япония, в отличие от нацистской Германии, не нападала на Советский Союз, а у представителей американского обвинения не было сведений о наличии у японского руководства агрессивных планов в отношении СССР. Советским представителям нужны были свидетели со стороны обвинения. 28 ноября 1946 г. заместителю министра иностранных дел Я.А. Малику, а также генеральному прокурору СССР К.П. Горшенину поступило ходатайство от представителей защиты Международного военного трибунала для Дальнего Востока о вызове в Токио в качестве свидетелей десяти японских офицеров, занимавших командные должности. Восемь из них, согласно данным МВД СССР, содержались в лагере № 45 в Хабаровском крае. Об этом ходатайстве был информирован С.Н. Круглов, который отметил, что присутствие этих военнопленных на судебном процессе в качестве свидетелей нежелательно [3, л. 228]. Все восемь человек были допрошены сотрудниками МВД, семеро из них дали показания, свидетельствующие о наличии планов по подготовке войны с СССР, восьмой значимых сведений не предоставил.

Руководство МВД желало получить информацию и о том, какую политику проводила японская военная администрация в Маньчжурии. 21 марта 1946 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило директиву участвовавшим в работе Международного военного трибунала для Дальнего Востока советским представителям, что обвинение должно было доказать не только подготовку военного нападения на СССР, но и то, что Маньчжурия и Корея были подчинены ей и превращены в плацдарм для наступления [14, с. 8].

О политике японской администрации стало известно из показаний номинального главы Маньчжоу-Го и главнокомандующего маньчжурских вооруженных сил — Пу И. В августе 1945 г. командование Квантунской армии хотело вывезти его в Японию, чтобы скрыть факты, компрометировавшие политику японских властей. Но Пу И вместе с маньчжурскими чиновниками и своей свитой был захвачен советскими войсками и, во избежание нежелательных контактов с японцами, поселен в отдельном доме с прислугой. Пу И так боялся, что его могут убить, что несколько раз писал письма Сталину и всему советскому руководству, в

которых просил разрешения вместе с семьей остаться в СССР и получить советское гражданство. В знак признательности он в 1946 г. преподнес в дар советскому руководству свои ювелирные украшения, драгоценности и утварь стоимостью более 473 тыс. руб. (по ценам «Ювелирторга»). Аналогичные дары (на сумму около 476 тыс. руб.) были преподнесены и его подчиненными [6, л. 163, 404].

13 марта 1946 г. министр внутренних дел выслал докладную записку на имя Сталина, Молотова, Берии и Г.М. Маленкова, содержащую перевод коллективного письма, составленного Пу И и министрами Маньчжоу-Го на китайском языке. В нем говорилось, что им запрещалось вести самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, назначать и снимать представителей правительства, были запрещены свобода слова, прессы и печати [1, л. 95—96]. Сам бывший император свидетельствовал на Токийском процессе, что у него «не было собственных рук» и «не было собственного рта» [2, л. 81].

Показания Пу И оказались неожиданными для представителей США и для японского народа. Представители защиты пытались поставить под сомнение его слова, аргументируя это давлением на свидетеля, оказанным представителями СССР. В японской газете «Сэкай Ниппон» было отмечено, что его показания имели существенное значение для составления обвинительных материалов со стороны СССР. Позднее глава совета обвинения Д.В. Кинэн написал бывшему императору письмо с благодарностями, в котором высоко оценил значимость его показаний. Сам Пу И, несмотря на действия представителей защиты, держался твердо и уверенно. Он вызвал большой интерес у репортеров и сотрудников информационных агентств, освещавших ход процесса. После выступления в Токио он вернулся в СССР, где прожил до середины 1950 г.

В процессе подготовки обвинительных материалов руководству МВД стало известно, что японская военная администрация создала в Маньчжурии шпионско-агентурную сеть. Ее деятельность была развернута задолго до начала боевых действий. Стремительное наступление Красной армии в начале августа 1945 г. ухудшило оперативное и тактическое положение регулярных японских соединений и частей, но создало благоприятные условия для ведения подрывной деятельности в советском тылу. Специальные отряды действовали почти автономно, успехи или

неудачи соединений на фронте практически не влияли на их деятельность. Даже после того, как войскам был разослан приказ о сложении оружия, диверсии и акты саботажа не прекратились. 28 августа заместителю председателя Совета народных комиссаров СССР Г.М. Маленкову была направлена телеграмма члена Военного совета Главного командования советскими войсками на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта И.В. Шикина, который сообщал, что в тылу сохранилась обширная сеть японской агентуры. Замаскированные под местное население, они нападали на красноармейцев, наносили ущерб гражданской инфраструктуре, подрывали мосты и переправы, нарушали связь, коммуникации и водоснабжение, а также выводили из строя военные и промышленные объекты. В связи с этим политуправления советских частей были даны указания об усилении работы среди населения занятых районов [15, л. 17—18].

Выявление причастных к диверсионной деятельности началось сразу же после разоружения японских войск. Первые успехи были достигнуты достаточно быстро. Судебное рассмотрение дел в отношении подозреваемых в шпионаже, вербовке агентуры, ведении разведывательной деятельности, сборе данных о военных объектах и дислокации частей Красной армии проводилось в рамках заседаний военных трибуналов, созданных при Дальневосточной армии Приморского военного округа, начиная с февраля 1946 г. В список подсудимых вошли сотрудники военной миссии в расположенном вблизи границы с СССР г. Сахалян (ныне г. Хэйхэ). Были преданы суду завербованные маньчжуры и согласившиеся на сотрудничество с японцами русские эмигранты [20, л. 83].

19 января 1948 г. министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов в своем докладе руководству страны сформулировал задачи, стоявшие перед МВД, среди которых упомянул и выявление военных преступников [4, л. 7]. Были проверены все японцы, имевшие отношение к деятельности разведывательных, диверсионных и полицейских служб в Маньчжурии. К середине года следственные органы смогли получить сведения об организации работы диверсионных и шпионских органов. Согласно им, в августе 1945 г. в разветвленную систему японской агентуры были вовлечены десятки человек. Ее первый (низовой) уровень оставляли непосредственно разведчики, агенты, резиденты и проводники из числа китайского (маньчжурского) населения; второй занимали

вербовщики, командно-преподавательский состав диверсионных и разведывательных школ; третий был представлен начальством силовых органов и спецслужб. За поддержку, обеспечение и снабжение всем необходимым разведчиков, шпионов и диверсантов отвечали отдельные группы военнослужащих.

Вербовщики использовали тяжелое материальное положение местного населения (китайцев, монголов, корейцев, реже — потомков русских эмигрантов). Угрожая физической расправой, они не испытывали недостатка в кадрах. Белоэмигранты занимались сбором информации об СССР и его вооруженных силах, а также для совершения диверсий в тылу. Ямада еще на допросе 20—23 апреля 1946 г. указал, что для их подготовки в составе Квантунской армии была организована 2-я секция [11, с. 53], в структуру которой входило «осведомительное бюро» со штабом в г. Харбин.

Если агентура набиралась в основном из представителей местного населения, то разведчики и диверсанты состояли преимущественно из японцев. Кроме этого, была налажена и контрразведывательная деятельность, направленная на нейтрализацию советской разведки. Ею занимались сотрудники полицейских органов в крупных городах, которые также состояли в основном из японцев.

Следственные органы МВД выявили несколько лиц, ответственных за совершение диверсий в тылу. Одним из них был майор Макото Морита — начальник штаба бригады диверсантов, известных как «смертники». Они специализировались на ведении партизанской войны: уничтожении техники (в основном танков) и средств связи противника, совершении вылазок на военные склады, аэродромы, штабы, разрушении путей сообщения и совершении террористических актов в отношении офицеров и генералов. По словам майора, в состав бригады входили лучшие солдаты и офицеры Квантунской армии, воспитанные в глубокой преданности своей родине и императору и готовые, если потребуется, пойти на самопожертвование. Бригада имела армейскую структуру и делилась на полки, которые, в свою очередь, состояли из батальонов, а те — из рот.

Согласно показаниям Мориты, инициатива создания бригады принадлежала начальнику 1-го отдела оперативного отделения штаба армии подполковнику принцу Цунаеси Такэда, который приходился кузеном императору Хирохито. В 1943 г. он, получив звание подполковника, был направлен в Маньчжурию [23, р. 2].

Предложение Такэда, поддержанное штабом армии, было направлено в министерство армии Японии. Бригада была сформирована в августе 1944 г. на базе 2-го оперативно-маневренного полка «смертников», существовавшего с 1941 г. и находившегося в непосредственном подчинении у главкома армии. Первоначально ее численность составляла 4—5 тыс. человек, но уже к началу августа 1945 г. доходила до 7—8 тыс. В августе 1945 г. часть бригады была переведена в отдельные батальоны «смертников», которые создавались по приказу штаба Квантунской армии с февраля того года. Все члены бригады проходили специальную подготовку на трехмесячных курсах, где обучались действиям в ночное время суток и даже изучали опыт ведения партизанской войны советского народа в годы ВОВ [10, с. 5].

С 20 июля 1945 г. военнослужащие бригады строили вдоль границы с Советским Союзом опорные пункты, которые могли послужить укрытиями во время осуществления диверсионной деятельности. Они представляли собой землянки с запасами боеприпасов и провизии, в которых могли жить офицеры и рядовые. С 10 августа в течение семи дней военнослужащие действовали в тылу танковых частей Красной армии. 17 августа, когда командиру бригады был отдан приказ о сложении оружия, деятельность «смертников» прекращена не была из-за отсутствия связи и, по словам Мориты, приказ был выполнен лишь к 20 августа. В своих показаниях майор упомянул 77 офицеров — адъютантов, помощников, командиров полков, батальонов и рот, включая и комбрига полковника Хидэаки Киносита, содержавшегося, по предположению самого Морита, в лагере МВД № 97.

Лица, вовлеченные в разведывательную, шпионскую и диверсионную деятельность, не попадали под репатриацию. Деятельность полицейских и карательных органов также квалифицировалась как враждебная по отношению к СССР. Все японцы, которые в разные годы работали в этих органах или оказывали им содействие, не подлежали репатриации до особого разрешения. В ходе следственной работы среди военнопленных было установлено, что карательные органы осуществляли массовый террор среди мирного населения и поэтому являлись военными преступниками. Жертвами военных преступлений становились не только жители Маньчжурии, но и граждане Советского Союза.

Рассмотрение дел проводилось на заседаниях трибуналов военных округов и войск МВД, соответствовавших дислокации ла-

гереи, в которых содержались подсудимые. В 1949 г. состоялись заседания военных трибуналов при Дальневосточном округе войск МВД, Приморском военном округе, военном округе войск МВД Хабаровского края и Казахской ССР [19, л. 83—102].

Согласно информации, которой к 1 марта 1949 г. располагало Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ МВД СССР), общее число пленных японцев, которые подозревались в совершении военных преступлений, шпионаже или в совершении диверсий, составляло 8 870 человек [19, л. 16]. Все они стояли на оперативном учете МВД. К началу июля 1949 г. Круглов доложил руководству страны также о 696 японцах, работавших в разведывательных и контрразведывательных органах. Из них к тому моменту были осуждены лишь 397 человек, а 298 находились под следствием [5, л. 250].

Осенью 1948 г. руководство МВД приняло решение, что к осени 1949 г. будут освобождены все находившиеся на территории СССР иностранные военнопленные. Перед следственными органами стояла задача из числа подозреваемых в антисоветской деятельности отобрать тех, кто непосредственно служил в специальных органах или совершал военные преступления. 9 октября 1949 г. Молотову из МВД за подписью Круглова был выслан проект постановления Совета министров, согласно которому подлежали репатриации 5 138 военнопленных и интернированных японцев, поскольку у МВД отсутствовали данные, свидетельствовавшие об их преступной деятельности. Из них 4 359 человек служили в японской полиции и жандармерии, 402 являлись сотрудниками японских военных миссий в Маньчжурии, 237 — «реакционно настроенными» (высказывались негативно об СССР, коммунизме, коммунистическом движении в Японии и других странах), 89 — номинальными членами общества «Ке Ва»¹, 45 входили в агентурную сеть японской контрразведки и 6 рядовых участвовали в полевых карательных подразделениях [22, с. 476].

От репатриации были освобождены 4 547 военнопленных и интернированных. Проект постановления СМ СССР предполагал создание комиссии в составе министра внутренних дел Круглова, министра государственной безопасности В.С. Абакумова и гене-

¹ Также известна как Кио-Ва-Кай — общественная организация, созданная японской военной администрацией в Маньчжурии для упрочения своего военного и политического влияния

рального прокурора Г.П. Сафонова для рассмотрения дел освобожденных от репатриации и составления списка тех, кого следовало судить военными трибуналами.

Согласно имевшимся у МВД данным, еще примерно 1 000 военнопленных и интернированных были причастны к совершению преступлений в отношении мирного китайского населения и бойцов Народно-освободительной армии Китая. Для определения точной численности японцев, которых планировалось передать КНР, в конце октября была сформирована специальная комиссия, в которую вошли представители МВД, МИД, министерства юстиции и Генеральной прокуратуры СССР [17, л. 29]. В результате численность таковых составила 971 человек [22, с. 477].

Молотов утвердил проект постановления, а 2 ноября, согласно постановлению СМ СССР № 5038—1924сс, комиссия была учреждена. Ее работа должна была закончиться к 20 ноября, однако результаты были доложены Сталину только спустя месяц. Комиссия пришла к заключению, что в военные трибуналы следует направить материалы о 2 883 пленных и интернированных. К началу января 1950 г. были осуждены 1 690 японцев. Всего на территории СССР к тому времени содержались 5 544 японских военнопленных и интернированных [17, л. 30].

В декабре 1949 г. представители США в Союзном совете для Японии — консультативном органе при главнокомандующем оккупационными войсками в Японии, куда также входили СССР, Великобритании и Китай — обвинили Советский Союз в незаконной задержке 300 тыс. японских военнопленных. Перед МВД и МИД СССР встала задача определить окончательное число японцев, которых следовало судить на военных трибуналах. Комиссия, в которую, помимо Круглова, Сафонова и Абакумова, были включены также министр юстиции К.П. Горшенев и министр иностранных дел А.Я. Вышинский, еще раз изучила следственные материалы. 25 января 1950 г. Молотов получил доклад комиссии о том, что из 2 883 военнопленных следует судить только 871 человека. Остальных ввиду неубедительности доказательств планировалось репатриировать. Комиссия также приняла решение о том, что 1 017 японцев из 1 690 осужденных военными трибуналами на территории СССР следует освободить из мест заключения, поскольку они совершили незначительные преступления уже во время своего пребывания в лагерях МВД (нарушения лагерного режима, кражи, драки и т.д.).

2 февраля комиссия завершила работу. Согласно итоговым данным, от репатриации были освобождены 1 578 человек, в число которых входили 1 487 военнопленных (среди них 34 генерала) и 91 интернированный. Репатриации подлежали 3 109 японцев, среди которых 1 346 бывших военнослужащих (включая 80 генералов) и 1 683 гражданских лица, а 971 ожидали передачи КНР. Из 1 578 освобожденных от репатриации ожидали суда военных трибуналов 895 японцев. Из них: 24 генерала, руководивших разведывательной, контрразведывательной, диверсионной и шпионской деятельностью; 479 сотрудников жандармерии, военной полиции, разведывательных и контрразведывательных органов; 215 человек командно-преподавательского и курсантского состава специальных разведывательных и диверсионных школ, созданных на территории Маньчжурии; 75 сотрудников «спецотряда № 731»; 71 участник диверсионных и террористических отрядов, действовавших в тылу Красной Армии; 24 руководителя общества «Ке Ва»; 7 участников карательных операций против китайского населения.

Численность японцев, которые не были освобождены из мест заключения к началу февраля 1950 г., составляла 683 человека. К ним относились: 10 генералов, получивших различные сроки наказания по итогам Хабаровского судебного процесса; 534 виновных в шпионаже в пользу Японии; 67 диверсантов; 27 японцев, участвовавших в террористических актах; 8 осужденных за вредительство; 3 человека, состоявших в фашистских организациях; 31 человек, замеченных в оказании «помощи международной буржуазии»; 3 осужденных за бандитизм [17, л. 60—61].

К весне 1950 г., по данным МВД, из 1 487 военнопленных было осуждено 678 солдат и офицеров (в т.ч. 10 генералов) за подготовку бактериологической войны против СССР, а задержано — 809 военнопленных (в т.ч. 24 генерала), занимавшихся диверсионной, шпионской, разведывательной и контрразведывательной деятельностью против СССР и вербовкой агентуры для шпионажа на советской территории [16, л. 182].

При этом всего к концу декабря 1950 г. на территории Союза находились 19 457 осужденных и ожидавших суда военных преступников из числа бывших иностранных военнопленных [7, л. 120].

22 апреля 1950 г. официальное сообщение ТАСС оповестило, что репатриация иностранных военнопленных завершена и все обязательства по их возвращению на родину выполнены [21,

с. 524]. Однако советское правительство и позднее продолжало небольшими партиями освобождать военных преступников. К началу апреля 1952 г. в СССР из 10 910 иностранных военных преступников насчитывалось 1 049 японских военнослужащих: 28 генералов, 366 офицеров, 656 унтер-офицеров и рядовых. Восемь человек ожидали суда [8, л. 134—135]. Согласно докладу заместителя начальника УПВИ И.С. Денисова, к 1 января 1953 г. на территории СССР оставались только 1 050 осужденных военнопленных японцев, причем 15 из них еще не были осуждены. Часть бывших военнослужащих, вероятно, были причислены к категории интернированных, которых к тому моменту насчитывалось 411 человек, из которых четверо еще не были осуждены. Из 1 065 военнопленных японцев, находившихся в СССР, 928 содержались в лагере МВД № 16, расположенном в Хабаровском крае, 41 — в лагере МВД № 48 (Ивановская область), 23 отбывали заключение в тюрьмах МГБ, 9 — в тюрьмах МВД, 45 — в лагерях ГУЛАГа, а еще четверо — на излечении в спецгоспиталях [8, л. 134—135].

Правительство и парламент Японии долгое время считали, что в СССР содержатся десятки тысяч их соотечественников. МИД СССР не давал комментариев по этому вопросу, считая, что тема намеренно используется для распространения антисоветских настроений. Японское общество Красного Креста выступило посредником на переговорах о возвращении японцев на родину, и 28 октября 1953 г. в СССР прибыли его представители [9, л. 66]. 24 декабря того же года завершилось возвращение первой группы репатриантов: 464 человек. 18 марта 1954 г. в Японию вернулась вторая группа из 420 человек [9, л. 66].

В апреле 1953 г., после того, как все военнопленные японцы были осуждены военными трибуналами, функции ГУПВИ были переданы Тюремному отделу МВД. 10 сентября 1953 г. его глава И.С. Денисов сообщил руководству МВД о 1 446 бывших японских военнослужащих. Большинство из них отбывали сроки заключения в лагере № 16. К 20 ноября 1956 г. на территории СССР оставались 1 040 японских подданных, из которых 825 — военнопленные, а 215 — интернированные [22, с. 684].

19 октября 1956 г. после советско-японских переговоров была подписана Декларация, согласно которой прекращалось состояние войны между СССР и Японией, а также проводилась репатриация всех осужденных военнопленных японцев. Многие

проблемы гуманитарного характера, к которым относилось отсутствие списков японцев, скончавшихся на территории СССР с августа 1945 по 1956 гг., и данных об их численности, так и не были решены, хотя в декларации и указывалось, что «СССР, по просьбе Японии, будет продолжать выяснять их судьбу» [22, л. 485]. Все осужденные военнопленные вернулись в Японию в декабре 1956 г.

Подводя итоги, следует отметить, что следственные органы МВД считали военными преступниками не только военнослужащих, совершивших преступления против человечности (убийства, пытки, насилие и уничтожение общественной и частной собственности, не обусловленной военной необходимостью), но вообще всех, кто был связан с разведкой, шпионажем, диверсионной подготовкой, вербовкой агентуры, агитацией. Главной целью следственной работы, проводимой среди военнопленных, являлось не только разоблачение и наказание военных преступников, но и формирование обвинительного материала для передачи в военные трибуналы. МВД стремилось изолировать военных преступников, не допустить их возвращения в Японию и таким образом предотвратить возрождение реваншистских настроений. Считалось, что осужденные японцы, имевшие ценный опыт в подрывной деятельности против СССР, могли стать ценными кадрами для американских оккупационных властей. К тому же за время пребывания в СССР часть осужденных военнопленных изменила свои взгляды под воздействием политической работы, проводившейся в лагерях НКВД. Они стали выступать за «мир, демократию и национальную независимость», противопоставляя себя «реваншистам», сохранившим милитаристские взгляды.

Список литературы

1. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 135.
2. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139.
3. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 143.
4. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199.
5. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 235.
6. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Т. 1.
7. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Т. 2.
8. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 270.
9. ГА РФ. Ф. 9501. Оп. 5. Д. 84.
10. Документ без комментариев. Докладная записка Сталину И.В. от Круглова С.Н. от 12 января 1947 г. // Родина. — 2010. — № 10.

11. Документ № 8. Докладная записка Сталину И.В. 9 июня 1946 г. Экз. № 1 // Родина. — 2010. — № 9.
12. Катасонова Е.Л. Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (Российской Федерации) и Японии (1945—2003 гг.). Исторический аспект: дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. — М., 2004.
13. Кузнецов С.И. Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945—1956 гг.): дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. — Иркутск, 1994.
14. Лубянка. Сталин и МГБ. Март 1946 — март 1953: документы высших органов партийной и государственной власти / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. — М.: МФД: Материк, 2007.
15. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 125. Д. 319.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1080.
17. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388.
18. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 1п. Оп. 10з. Д. 2.
19. РГВА. Ф. 1п. Оп. 8и. Д. 5.
20. РГВА. Ф. 1п. Оп. 2т. Д. 14.
21. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. — Т. 24 (13). — М.: ТЕРРА, 1996.
22. Японские военнопленные в СССР: 1945—1956. Сборник документов / Составители: В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. — М.: МФД, 2013.
23. Barshay A.E. The Gods Left First: The Captivity and Repatriation of Japanese POWs in Northeast Asia, 1945—1956. — Berkley: University of California Press, 2013.

УДК 94(520)

*Акина Кобаяси*¹

Допросы японских репатриантов как источник информации об СССР для американских оккупационных властей в Японии

Аннотация. Статья посвящена деятельности в Японии послевоенного периода американских контрразведывательных служб, проводивших опросы среди японских репатриантов — военнопленных, возвращавшихся из трудовых лагерей в СССР. Главной целью этих мероприятий являлись сбор информации об СССР и выявление политико-идеологических взглядов репатриантов. Автор приходит к выводу, что американские оккупационные власти использовали полученную информацию для ослабления влияния СССР в Японии.

Ключевые слова: СССР, США, Япония, военнопленные, репатриация, допрос, политическая работа.

Akina Kobayashi

THE US INTERROGATION OF JAPANESE RETURNEES FROM THE USSR

Abstract. The article is concerned with the interrogation of the Japanese repatriates from the Soviet labor camps, provided by the Counter Intelligence Corps (CIC). The main aim of interrogation was to gather information about the USSR and to uncover ideological and political view of returnees. Author concludes that the US occupation authorities used the extracted information to weaken the Soviet influence in Japan.

Key words: USSR, USA, Japan, prisoners of war, internees, repatriation, interrogation, propaganda education.

Introduction

The purpose of this article is to provide an overview of the US interrogation of Japanese prisoners of war from the Soviet labor camps. The study of the fate of Japanese Kwantung Army in Manchuria (Northeast China) is of fundamental importance in understanding the period of high tension between the USSR and the United States. David Wolff wrote that Japan was central to Stalin's postwar policy in Northeast Asia in 1945 [3, p. 4], but I would like to add to his suggestion that Stalin expected the Japanese prisoners of war (POWs) to be the leading actors of his policy during the Cold War.

¹ **Акина Кобаяси** — научный сотрудник юридического факультета университета Хосэй, Токио, Япония. e-mail: akina.kobayashi@gmail.com

Akina Kobayashi — Research employee, Faculty of Law, Hosei University. Tokyo, Japan.

Thanks to the dissolution of the USSR and the perestroika (reformation), it has become possible to search the Soviet archives. For this purpose, a number of Russian scholars, such as Aleksey Kirichenko, Sergei Kuznetsov, and Elena Katasonova, have already investigated the history of Japanese prisoners of war for 25 years and nowadays Japanese scholars have been providing additional explanation from the accounts of survivors. However, surprisingly few studies have ever tried to examine the US policy regarding Japanese prisoners of war.

By the end of World War II, the Soviet Army captured about 600 thousands Japanese POWs who were in Manchuria, the Korean Peninsula, and the Kuril Islands. They were mainly transported to Far East Russia and Siberia as laborers in compliance with Stalin's order No. 9898 on August 23 to help the Soviets recover from the devastation and impoverishment brought by the war. This was, actually, an act by Stalin against the Potsdam Declaration. The Japanese POWs remained in captivity ranging from 2 to 11 years, and almost all the POWs except for the war criminals were repatriated by 1949.

Soviet propaganda education

According to the Russian archives, the main purpose of the Japanese POWs' transportation was to use them as laborers [5, c. 174]. In addition, the second purpose was to create "soviet seeds", sympathized with socialism and communism. Before considering the interrogation, I would like to add explanations of the second one.

As soon as the Soviet army had attacked the Kwangtung Army, they had begun to search the typewriters which can print Japanese "Kanji" characters. In September 4 1945, the Central Committee of the Communist party of the Soviet Union (CC CPSU) approved to provide Japanese prisoners propaganda newspaper "Nippon Shinbun" containing Soviet ideology [2, p. 92]. Because of this newspaper, which was written in Japanese, the political education to Japanese POWs at the prison camps could already take a step forward in September 1945.

At the beginning, the Soviet government tried to convert them to Marxism-Leninism by criticizing Empire of Japan. "Nippon Shinbun" had posted criticism of Japanese financial clique "Zaibatsu"¹ or Military

Factions "Gunbatsu", after that it started to criticize Japanese Emperor system. There were some articles about the activities in prison camps such as introduction of their labor work and interview, which were not completed without prisoners' cooperation. In this way, the Soviet government expected the prisoners to switch their ideology from militarism to communism. This approach was also employed toward German prisoners who were captured at the Eastern Front. However, during the war, it was harder for the Soviet government to re-educate the Germans because many prisoners still expected a Nazi victory. On the other hand, indoctrinating Japanese POWs after the war was easier because the Japanese Empire had been beaten by the time they arrived at the camps.

The Soviet re-education policy toward the Japanese POWs had three stages: to integrate young POWs into the political education, to let them join the communist campaign in prison camps, and to create communists or the pro-Soviet sympathizers before the repatriation. The indoctrination was strengthened due to the high tension between the USSR and the USA. The Soviets expected that their propaganda education would give the POWs the chance to recognize their underlying blind trust in the Japanese Emperor and the military system. They also hoped to transform militaristic POWs by teaching public order and morals. In late 1946, prison camps had newspaper-reading circles and study groups. Participation in these political activities contributed to hastening their repatriation to Japan.

The US interrogation of Japanese returnees from the USSR

It is certain that the US government considered Japanese prisoners a big menace. The US government presumed that almost all Japanese prisoners of war would repatriate as the Soviet sympathizers or communists. The US occupation forces had two different interrogation projects. One was "Project Stitch" which was established by the US Counter Intelligence Corps (CIC) under the control of the General Headquarters. This General Staff Section (G-2) was led by Charles A. Willoughby who was a major general in the US Army and anticommunist, serving as General Douglas MacArthur's chief of intelligence. The other was "Project Wringer" started by the US Air Force after 1949.

"Project Stitch" collected the information about the Soviet propaganda education, analyzed the threat of returnees from the USSR and exposed the Soviet agents. There were 900 CIC staff members including Nisei (Japanese-Americans) in Japan. The CIC divided Japan into eight areas and placed the staff in each area for investigation and a flow-

¹ Japanese term referring to industrial and financial business conglomerates in the Empire of Japan, whose influence and size allowed control over significant parts of the Japanese economy from the Meiji period until the end of World War II.

up survey of pro-Soviet returnees [2, p. 134—136]. The CIC was particularly efficient in collecting information from the newly arrived returnees. One survivor and witness, Teru Hayashi described some of the changes returnees underwent after CIC interrogations [1, p. 218—219].

According to a report of “Stitch”, the greatest number of communists had been repatriated from October to December 1948. In October, 16.6% of the returnees supported both the Soviet Union and the Soviet social structure. In November and December, the numbers were 30.9% and 27.5% respectively. The highest number of communists and sympathizers arrived on three ships. One on November 26th had 57.3%. One on November 18th had 44.8%. Also on November 24th, the third had 43.6%. However, the CIC discovered that, during this peak three-month period, about 20% of the returnees supported the Soviet social structure but did not understand basic communism. Moreover, according to another survey results for each Soviet regions during these months, in Khabarovsk, a base for propaganda education, the number of communists and sympathizers had only 34.8%. So the number of communists or Soviet sympathizers was less than expected by CIC [2, p. 144—149].

“Wringer” collected the Soviet topography information. It is clear that this project was conducted in preparation for the Korean War because the main purpose of this project was to collect the Soviet military data. The US Air Force interrogated thousands of returnees. They routinely disturbed the everyday life of returnees, calling them to Tokyo from their homes across Japan. The information they sought included military, geographic, and economic details. Some examples were the production of nuclear weapons, location of prison camps and base camps, and the labor of POWs. Although “Stitch” had completed the analysis of the Soviet indoctrination, “Wringer” also collected the sociological and psychological reactions of POWs against the Soviet propaganda. The author investigated original examination records and one immediate observation was that the real life of prisoners in the camps had not appeared in the Russian archives.

First, returnees complained about the Soviet management system such as their food shortage and overwork. Second, the Soviet authority thought that the Japanese military hierarchy disturbed the improvement of morale in camps, but many returnees answered that there was low morale in prison camps even after communistic-political activities were brought there. The interviewers also asked returnees about escape. Interestingly, many of them answered that they had heard of planning or planned escapes themselves from the camps. Some of them heard about or experienced sexual intimacy with Russians, especially in Uzbekistan. In some cases babies were born [4].

The “Nisei” were influential talented people for the US occupation force in Japan. They helped with the language barriers at the interrogation and showed the ability to read the psychological condition of returnees. One Nisei discovered that one of the returnees was shaken by specific questions. Others judged the reliability of the returnees’ answers.

The Soviet espionages were founded

According to the US archives, 352 spies repatriated from the USSR and 312 of them kept in touch with Soviet agents in Japan. From 1949 to 1950, they caught agents every month. Probably Russian archives would mention another number who were trained as Soviet spies in prison camps.

One spy was Masatsugu Shii, an information officer in the Kwangtung Army. He signed a written pledge to become a Soviet spy before his repatriation in November 1948. The US intelligence corps kept their eyes on him as soon as he returned. They employed him at the Civil information and Educational section of GHQ/SCAP and asked him for cooperation to collect Soviet information. However, Shii also gave a Soviet KGB informant information related to topics such as the Japanese National Safety Forces, the policy of the Japanese cabinet, the US preparation for the Korean War. In 1953, he changed his job to the Ministry of Foreign Affairs and continued the double espionage. In 1954 he confessed about his activity to Japanese police because he was targeted for assassination by the USSR.

Tadashi Itagaki whose father, Seishirou, was a General during the war and was later executed in 1948, shifted to become communist in a Soviet prison camp. He gave lectures criticizing the Japanese Emperor System and explaining the way to construct a new Japan. He also signed the pledge to become a Soviet agent and joined the Japanese Communist Party. Although he had been a member of JCP for two years, he suddenly changed his mind and confessed to being a spy to the CIC. His interrogation record said that he had realized others took advantage of him and that he had been ignorant. In 1980, he was elected to the Liberal Democratic Party in an Upper House election. Now, he is a conservative disputant.

Conclusion

During the Cold War, the information warfare was very active between both the Soviet Union and the US, and they took advantage of Japanese POWs to pursue their own profit. USSR brainwashed Japanese

POWs toward anti-capitalism and anti-American feelings, and allowed only sympathizers or pro-Communists to return home. But the US succeeded to spread anti-Soviet propaganda in Japan. Since October 1946, when the Soviets started permitting POWs to send post-cards home, the US forces started censoring cards and collecting the information [2, p. 79–87]. Joining Nisei in this operation was very helpful. After the war Tokyo had no diplomatic channels to the Soviet government, therefore the General Headquarters of the Supreme Commander for Allied Powers had been appealing to the Soviet authority to repatriate the Japanese prisoners of war from the USSR. However, the discussions between the US and the USSR had not borne fruit until December 1946.

During the negotiations, Japanese and the US mass media provided contradictory versions of the situations. For example, in March 5 1946, Japanese newspaper “Yomiuri” reported that all of Japanese prisoners of war in Mukden transferred to Siberia. Actually the places were not only to Siberia but also to Far East Russia, Moscow, Central Asia where it was warmer than in Siberia. Another showed a testimony of a returnee that almost all Japanese prisoners had died by the end of 1946. Actually, they did not. These anti-Soviet news were brought by the United States to Japanese society. The US government itself also reported the different news at the Allied council for Japan that 374 000 Japanese prisoners died in the Soviet prison camps. But in all according to a report, about 60 000 people died in the USSR during the period from 1945 to 1956. In 1949, there were less than 10 000 POWs in the Soviet camps but the US occupation forces insisted that the Soviets still held 400 000 prisoners.

The Soviets placed more than half of the POWs in Far East Russia, which was the nearest place from Japan under the US occupation. This provided a shield against sudden attacks from the US. In this power game between the superpowers, Japanese POWs were both leading actors and victims.

Reference list

1. Hayashi T. Shiberia futounohana. — Shimpushobou, 2011.
2. Kobayashi A. Shiberia yokuryu beiso kankei no nakadeno henyou. — Iwanamishoten, 2018.
3. Wolff D. Japan and Stalin’s Policy toward Northeast Asia after World War II // Journal of Cold War Studies. — 2013. — Vol. 15.
4. “Wringer Reports”, Reports of returning POWs and detainees under Japanese control. — RG341, NACP.
5. Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2 т. — Т. 18 (7–2). — М.: ТЕРРА, 2000.

Экономические проблемы организации промышленности Северной Кореи (1945–1948 гг.)

Аннотация. Статья посвящена начальному этапу вовлечения Северной Кореи в сферу влияния СССР и рассматривает экономическую сторону этого процесса. Внимание автора сконцентрировано на действиях специалистов Советской гражданской администрации по воссозданию промышленности Северной Кореи.

Ключевые слова: СССР, Северная Корея, холодная война, корейский конфликт, Советская гражданская администрация в Корее.

Ekaterina Nacharova
ECONOMIC PROBLEMS OF INDUSTRIAL ORGANISATION
IN NORTH KOREA (1945–1948)

Abstract. The article is devoted to the initial stage of North Korea’s integration into the Soviet sphere of influence and considers the economic aspect of this process. The author concentrates on the actions of specialists of the Soviet Civil Administration to reconstruct of industry in North Korea.

Keywords: the USSR, North Korea, cold war, the Korean conflict, the Soviet Civil Administration in North Korea.

Раздел Корейского полуострова и создание на его территории двух государств под покровительством, соответственно, СССР и США стали причиной одного из самых продолжительных международных конфликтов современности, пути решения которого мировое сообщество пытается найти уже шестьдесят лет. События второй половины 1940-х гг. являются ключевыми для понимания причин раскола полуострова. Именно в эти годы были заложены экономические и политические основы существования двух корейских государств. Однако создание просоветского режима на севере было сопряжено с большим

¹ **Начарова Екатерина Юрьевна** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: katushanac@gmail.com
Ekaterina Nacharova — Candidate of Historical Sciences, Researcher of Department “Russia in international relations”, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

количеством не только политических, но и в первую очередь, экономических трудностей.

Территория Северной Кореи была освобождена силами 25-й армии Дальневосточного фронта под командованием генерал-полковника И.М. Чистякова. Согласно договоренности с США, достигнутой в начале августа 1945 г., Красная армия должна была занять территорию полуострова до 38-й параллели. Главной задачей сил 25-й армии стало принятие капитуляции японских войск в Манчжурии и на севере Кореи, которая началась после выступления императора Хирохито, переданного по радио 15 августа 1945 г. Уже 24 августа первые части советских войск прибыли в Корею. К 26 августа штаб 25-й армии расположился в крупнейшем городе региона — Пхеньяне. Освобождая корейцев, находившихся под японской оккупацией с 1910 г., советские войска столкнулись с необходимостью наладить управление территорией, организовать снабжение армейских частей и упорядочить хозяйственную жизнь корейцев. Все эти вопросы необходимо было решать в срочном порядке, учитывая то, в каком плачевном состоянии оказалась экономика страны после капитуляции японцев. К концу Второй мировой войны Северная Корея была, безусловно, более развитым в экономическом отношении регионом. Здесь сосредоточивалось около 2/3 всей промышленности страны, крупнейшие электростанции, обеспечивавшие энергией весь полуостров (в том числе мощнейшая среди них — Супхунская ГЭС, построенная в 1937 г.). Когда советские войска заняли территорию Севера, большая часть из 1034 промышленных предприятий не могла быть введена в строй поскольку, отступая, японские войска вывезли или уничтожили необходимое оборудование, а 53 предприятия были полностью разрушены [21, с. 284].

Безусловно, влияние СССР на формирование экономической системы Северной Кореи в первые годы после освобождения было огромным. Анализ участия советских специалистов в восстановлении хозяйства, выявление механизмов ее адаптации к плановой системе хозяйствования отражают основные проблемы становления нового режима на севере.

В отечественной историографии вопрос экономических отношений двух стран исследователи затрагивали нечасто. В советской исторической науке крупных специализированных работ по этой теме было крайне мало. В обобщающем двухтомнике «История Кореи» вопросу экономического развития региона в 1945—

1948 гг. уделено немного места [7, с. 48]. В работах советских историков тема экономического восстановления Северной Кореи после Второй мировой войны затрагивается в основном как краткая предыстория к становлению отношений СССР и КНДР [1; 6; 18; 19; 20].

В постсоветский период экономические отношения двух стран изучаются интенсивнее, но работ по интересующей нас теме по-прежнему немного. Первой из них стала монография Н.Е. Бажановой [4], сосредоточенная на роли СССР в восстановлении экономики КНДР после Корейской войны 1950—1953 гг. Поскольку подавляющее число современных работ по истории экономических отношений Северной Кореи с другими странами посвящено периоду 1990-х — 2010-х гг., труд Бажановой остается наиболее полным освещением истории развития северокорейской экономики от становления государства до распада СССР. Непосредственно периоду 1945—1948 гг. посвящена монография Ю.В. Ванина, в которой автор приходит к выводу о полном успехе экономических мероприятий, предпринятых советской администрацией в Северной Корее [5].

Вопрос о восстановлении экономики Северной Кореи возник практически сразу после ее освобождения. Как вспоминали командующий 25-й армией генерал-полковник И.М. Чистяков и член военного совета армии генерал-майор Н.Г. Лебедев, уже первая встреча советских военных руководителей с представителями созданных корейцами народных комитетов 29 августа 1945 г. показала, что в Северной Корее практически отсутствуют кадры для выполнения хозяйственных задач [9, с. 32; 21, с. 281—282]. В колониальный период корейцы не могли занимать управленческие посты на заводах и фабриках, японская администрация допускала их только к работе, не требующей высокой квалификации. Поэтому корейцы в первую очередь были заинтересованы в советских специалистах для формирования органов управления промышленностью и обучения собственных кадров.

Для решения проблем восстановления хозяйства было сформировано Управление советской гражданской администрации, которое возглавил прибывший в Пхеньян в сентябре 1945 г. член военного совета 35-й армии генерал-майор А.А. Романенко. Вместе с ним из штаба 1-го Дальневосточного фронта прибыли первые специалисты, которые должны были заниматься вопросами наладки связи, упорядочивания финансовой системы, восстанов-

ления железных дорог, промышленных предприятий, сельского хозяйства [9, с. 36]. Впервые они выступили со своими предложениями на совещании советского командования и представителей народных комитетов Кореи, которое прошло в расширенном составе, включающем 170 человек (20 из них представляли советское командование, 51 — корейских коммунистов), с 7 по 11 октября 1945 г. в Пхеньяне [21, с. 285].

Обсуждение экономических вопросов проходило в нескольких секциях (промышленности, сельского хозяйства, финансов и железнодорожного транспорта), в каждой из которых председательствовали советские специалисты, делившиеся опытом с корейцами. Решения были приняты на основе заключений, составленных, исходя из воспоминаний Н.Г. Лебедева, советскими офицерами [9, с. 39]. Важнейшие из решений включали определение сроков восстановления инфраструктуры (почты, телеграфа, железнодорожного сообщения — к 1 ноября, мостов и дорог — к 15 декабря), создание советско-корейского угольного треста, который должен был восстановить к 1 ноября 24 шахты, рекомендации по установлению твердых закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и регулированию торговли в целом. Также участники совещания просили дополнительно отправить в Корею советских специалистов в связи с нехваткой руководящих кадров на местах [9, с. 40]. Данные решения легли в основу планов по восстановлению экономики.

Вопрос восстановления промышленных предприятий стоял особенно остро. В первую очередь Романенко и его подчиненные сосредоточились на проблемах тяжелой промышленности. 27 ноября 1945 г. командование советскими войсками издало приказ о пуске первой очереди предприятий, подготовить который должны были специалист отдела промышленности советской гражданской администрации Железнов и начальник тыла армии генерал-майор Черенков. Причем армия брала на себя не только подготовку плана, но и его финансирование и исполнение [10, с. 17]. К 1 июня 1946 г. в строй было пущено 288 промышленных предприятий. Правда, среди них не было крупнейших заводов, которые в первую очередь интересовали советских специалистов — таких как металлургические заводы в гг. Кэндзико, Дзиосин, и Сейсин, которые давали 90% всей продукции отрасли [16, л. 92].

Восстановление промышленных предприятий требовало большого количества специалистов, которыми ни корейцы, ни Совет-

ская гражданская администрация не располагала. Потребность в кадрах летом 1946 г. стояла чрезвычайно остро. Так, из материала, подготовленного советником по промышленности полковником Коркуленко, видно, что необходимая потребность в кадрах покрыта только на 25%, при этом наибольший недостаток наблюдался среди переводчиков, владеющих корейским, что значительно усложняло работу советских специалистов. Кроме того, проявлялась и нехватка представителей инженерных профессий: электриков, нефтяников и даже горных инженеров по добыче угля [15, л. 83—88].

Восстановление угольных шахт являлось одной из важнейших задач согласно плану, разработанному в октябре 1945 г., однако эта проблема стояла наиболее остро. При всей важности этого пункта программы шахты вводились в эксплуатацию очень медленно — в первую очередь из-за отсутствия специалистов. Группа советских геологов, прибывшая в Корею в 1946 г. занималась поиском руд цветных, редких металлов, железа, но не угля. Из 155 угольных шахт в рабочем состоянии находились 96. Рабочих рук катастрофически не хватало. Согласно отчету советских геологов, количество шахтеров не могло обеспечить и 20% выработки времен войны.

При добыче железной руды дело обстояло еще хуже: 4 главных рудника, обеспечивавших более 90% металла, в течение сентября 1945 — мая 1946 г. не эксплуатировались вовсе, количество рабочих на металлургических предприятиях упало с 56 500 до 10 800 человек [14, л. 94]. При этом из инспекционных отчетов видно, что на немногих заводах, находящихся в строю, «оборудование используется на износ... Отсутствует техника безопасности, у рабочих нет спецодежды... русские советники понимают ненормальность такого положения. По их же словам на советских заводах они этого не допустили бы» [11, л. 14].

Тем не менее, несмотря на большие трудности, на крупных заводах и фабриках удалось организовать обучение для корейцев прямо на производстве. К концу 1946 г. его прошли более 511 мастеров и бригадиров и около 5 000 рабочих. На следующий год количество рабочих, охваченных системой образования без отрыва от производства, составило чуть менее 10 000 человек, а мастеров и бригадиров — 1 252 [11, л. 45].

Постепенный рост числа квалифицированных рабочих и открытие заводов не снижали количества проблем в отдельных

отраслях. Особенно это касалось металлургии. Снабжение промышленных предприятий углем и рудой Советская гражданская администрация должна была осуществлять поставками с Сахалина. Однако, как сообщали специалисты, привезенный уголь, во-первых, покрывал лишь около 25% необходимого (к 1947 г. потребность в угле составляли 213 тыс. тонн, при реальном объеме поставок 54,6 тыс. тонн [13, л. 42]), во-вторых, обладал крайне низким качеством и по большей части не соответствовал назначению. Лишь около 10% угля можно было использовать в промышленных целях, что привело к срыву плана восстановления на 1947 г. [13, л. 44—45]. Угольные шахты Сахалина в 1945—1946 гг. объективно не могли полностью обеспечить северокорейскую промышленность, так как на тот момент отгрузка угля происходила только в трех портах острова, доставить его не успевали даже на территорию советского Приморья, а хранение в ненадлежащих условиях на территории портов приводило к порче и частым самовозгораниям [13, л. 126.].

Советские специалисты представляли в Корее 18 ведомств, среди которых числились министерства вооружений, связи, электростанций, цветной и черной металлургии, авиационной, автомобильной, судостроительной, нефтяной, бумажной, резиновой, пищевой, текстильной промышленности, транспортного и сельскохозяйственного машиностроения. На их содержание требовались значительные суммы, и здесь Советская гражданская администрация также встречала немало трудностей [15, л. 21]. В письме к министру внешней торговли А.И. Микояну начальник Приморского военного округа К.А. Мерецков летом 1946 г. указывал на необходимость дополнительного финансирования группы советских специалистов в промышленности, поскольку «общая сумма затрат на содержание Управления и предприятий составляет 24 500 тыс. военно-корейских иен до конца года или 3 500 тыс. иен ежемесячно» [15, л. 22], что примерно соответствует 6 125 000 руб. за полгода и 875 000 руб. ежемесячно [12, л. 21]¹. Около половины всех трат сметы должна была покрыть поставки товаров корейских предприятий в СССР в сумме 11 200 тыс. иен (около 2 800 000 руб.) до конца 1946 г. или 1600 тыс. иен (около

400 000 руб.) ежемесячно. В связи с острой нехваткой средств специалисты Советской гражданской администрации указывали на необходимость предусмотреть особые ассигнования в сумме 13300 тыс. военно-корейских иен (около 3 325 000 руб.) до конца года [12, л. 22]. Однако деньги, полученные администрацией, покрыли только около 75% требуемой суммы.

Конечно, затраты советского правительства на восстановление промышленности Северной Кореи могут показаться скромными в сравнении с размерами помощи восточноевропейским странам. Так, кредиты СССР на развитие промышленности Югославии составили 179 млн руб. за 1945—1948 гг. [8, с. 364]. Однако выделенные средства оставались практически единственной возможностью запустить собственное промышленное производство на севере. Других источников финансирования не было по понятным причинам. С началом «холодной войны» Корея, поделенная на сферы ответственности СССР и США, стала ареной борьбы сверхдержав. Восстановление промышленного потенциала севера было для СССР делом в первую очередь политическим. Для США в свою очередь советская зона оккупации Кореи представляла экономический интерес с точки зрения снабжения юга Кореи. Каждый раз обсуждение будущего объединения Кореи на Московском совещании министров иностранных дел Большой тройки в декабре 1945 г. начиналось с проектов экономической интеграции севера и юга, который испытывал проблемы с поставками электричества [2, л. 16]. При подготовке к совещанию посол США в СССР А. Гарриман 8 ноября 1945 г. передал в МИД СССР письмо с предложениями, в котором все внимание было сосредоточено на сюжетах экономики: открытии торговли между севером и югом, возобновлении транспортного сообщения и упорядочивании финансов [3, л. 17].

Как показали заседания Московского совещания, у Государственного департамента США не только не было конкретных планов политического объединения Кореи, но и желания обсуждать их до разрешения экономических вопросов. На одной из встреч 16 декабря 1945 г. этот вопрос был прямо поставлен В.М. Молотовым: «Поскольку в письме совсем ничего не говорится о создании объединенной администрации и о создании корейского правительства, может быть г-н Бирнс пояснит бы, какие имеются соображения по этому вопросу у американского правительства?» В свою очередь госсекретарь США Дж. Бирнс высказал предпочте-

¹ В справке, составленной Управлением советской гражданской администрации в Корее, указано, что за 1 военно-корейскую йену (т.е. напечатанную японцами во время войны, а не в Сеуле после августа 1945 г.) дают около 4-х рублей.

ние «исключить название этого вопроса о создании объединенной администрации и дать ту формулировку, которая имеется в первом параграфе письма [2, л. 17], т.е. американская сторона настаивала именно на решении вопросов торговли и финансов, которые были перечислены в письме от 8 ноября. С учетом того, что советская сторона желала заручиться гарантией представительства просоветских сил в будущем правительстве Кореи, для Молотова на первом месте стоял вопрос критериев формирования органов власти на полуострове. Переговоры по корейскому вопросу быстро зашли в тупик и решение Московского совещания оказалось полумерой, не удовлетворившей ни самих корейцев, ни советскую и американскую стороны. Решение об объединении откладывалось до окончания работы Совместной советско-американской комиссии из представителей военных администраций севера и юга, режим совместной опеки должен был продлиться пять лет, экономически две зоны Кореи оставались обособлены [2, л. 94—95].

Показательно, что после провала первой сессии Совместной советско-американской комиссии (20 марта — 8 мая 1946 г.) принимаются важнейшие политические и экономические решения: закон о национализации промышленности в Северной Корее — 10 августа 1946 г., а затем создание Трудовой партии Кореи под руководством Ким Ду Бона — одного из самых влиятельных политических деятелей Северной Кореи, возглавлявшего «яньнаньскую фракцию» корейских коммунистов.

Так была заложена политическая и экономическая основа будущей социалистической Кореи, а СССР открыто продемонстрировал, что эта территория перешла в его сферу влияния. Дальнейшие поиски компромисса для объединения севера и юга полуострова оказались бессмысленны.

Сложившаяся политическая ситуация привела к быстрой активизации двусторонней торговли. Все торговые отношения между СССР и Северной Кореей регулировались на основе соглашений командования Красной армии и Временного народного комитета. Согласно отчетам Советской гражданской администрации, товарооборот двух стран стабильно рос в течение всего периода действия соглашений (1946—1948 гг.) [16, л. 48]:

Структура импортно-экспортных отношений СССР и Северной Кореей по данным за 1947 г. показывает, что проблемы с поставками постепенно решались. Так, уголь стал основной статьей советского импорта в Северную Корею. Другими важными для

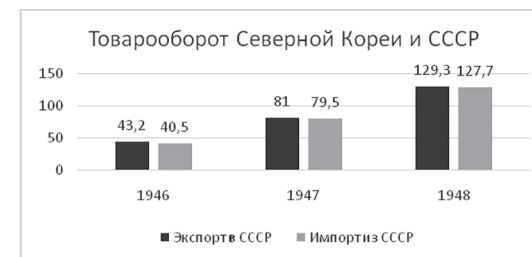

Диаграмма 1

корейцев товарами были ткани и бумага, производство которых в стране после 1945 г. практически отсутствовало. Основа корейских поставок в СССР — в первую очередь сырье (химикаты, металл), которое заводы Северной Кореи могли поставлять в небольшом объеме. Тем не менее, для советского Приморья это был весьма важный пункт, т.к. для развития промышленности в этом регионе собственные ресурсы были недостаточно освоены. К полномасштабной разведке природных ресурсов на юге Дальнего Востока приступят только в 1946 г. с образованием Дальневосточного геологического управления, при этом начальный период геологоразведки продолжался до 1960 г.

Небольшие суда (рыболовецкие шхуны, катера и кунгасы¹), строительство которых контролировали представители советского флота и министерства рыбной промышленности, стали еще одной статьей выгодной торговли между СССР и Северной Кореей. Они пользовались спросом среди советских рыбаков и артелей, поскольку проблема гражданского водного транспорта остро стояла для портов Сахалина и Приморья, вызывая перебои с поставками не только крупных грузов [15, л. 11], но и со снабжением населения Сахалина, например [17].

Исходя из сведений Советской гражданской администрации в Корее за 1946—1948 гг., можно говорить о сбалансированном товарообороте двух стран в период становления северо-корейской экономики. При этом нужно учитывать, что советский импорт, по сути, являлся движущей силой восстановления промышленности Северной Кореи.

¹ Кунгас — гребная или парусная лодка длиной до 20 м. Именно они составляли основу экспорта в СССР — из 204 судов, проданных корейцами в 1947 г., 186 — кунгасы.

В целом, период 1945—1948 г. стал решающим в судьбе послевоенной Кореи. Политика США и СССР в эти годы привела к расколу полуострова, корейцы оказались втянуты в холодную войну. Однако на этот период приходится восстановление национальной экономики, которая в колониальный период 1910—1945 гг. обслуживала интересы своей метрополии — Японии.

Благодаря деятельности Советского Союза у корейцев появилась возможность подготовить собственные квалифицированные кадры для промышленных предприятий. Советские специалисты, работавшие в гражданской администрации под руководством генерал-майора А.А. Романенко, а с осени 1947 г. — генерал-майора Н.Г. Лебедева, участвовали в разработке планов по восстановлению промышленности Кореи, обучали корейцев. К октябрю 1947 г., готовясь к выводу советских войск с территории Северной Кореи, военное командование передало Временному народному комитету Кореи имущество, находящееся под контролем Советской гражданской администрации. Оно включало 81 действующее предприятие тяжелой промышленности, 243 полностью восстановленных рудника и шахты, почти 4 тыс. км восстановленных железных дорог, 19 гидроэлектростанций и т.д. Общая сумма была оценена в 4,7 млрд корейских йен [10, с. 16—17]. В течение 1948 г., пока осуществлялся вывод войск, Советская гражданская администрация продолжала свою работу. Но и с образованием КНДР 9 сентября 1948 г. многие советские специалисты исполняли свои обязанности, теперь в качестве советников при министерствах КНДР.

СССР сыграл большую роль не только в политическом, но и в экономическом развитии Северной Кореи, но так ли много это участие дало самому Советскому Союзу? Если взглянуть на экономические показатели, возникает впечатление небольшой значительности советско-корейских отношений для СССР. Однако в условиях начавшегося противостояния с США, когда обе стороны отказывались идти на компромиссы и приступили к формированию собственных политических лагерей, созданию союзов, поддерживать их нужно было в первую очередь экономическими мерами. Каждая из стран старалась продемонстрировать свою мощь, будь то план Маршалла или помощь СССР странам Восточной Европы. В данном контексте экономические отношения СССР и Северной Кореи вполне закономерны.

Список литературы

1. Андреев В.И., Осипов В.И. СССР — КНДР: курсом взаимовыгодного сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. — 1983. — № 3. — С. 8—22.
2. АВП РФ (Архив внешней политики РФ). Ф. 07. Оп. 10. П. 6. Д. 65.
3. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29. П. 168. Д. 18.
4. Бажанова Н.Е. Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. — М.: Восточная литература, 1993. — 215 с.
5. Ванин Ю.В. СССР и Северная Корея. 1945—1948. — М.: ИВ РАН, 2016. — 225 с.
6. Грязнов Г.В., Королев П.Г. Изменение общественно-экономического строя в Северной Кореи после освобождения (1945—1948 гг.) // Очерки социалистического строительства в Корейской Народно-Демократической Республике. — М.: Наука, 1963. — С. 82—137.
7. История Кореи: с древнейших времен до наших дней / под ред. Б.Г. Гафурова. — Т. 2. — М.: Наука, 1974. — 470 с.
8. История социалистической экономики СССР / под ред. И.А. Гладкова. — Т. 5. — М.: Наука, 1978. — 448 с.
9. Лебедев Н.Г. Заря свободы над Кореей // Во имя дружбы с народом Кореи. Воспоминания и статьи. — М.: Наука, 1965. — 288 с.
10. Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945—1980. Документы и материалы / под ред. С.Л. Тихвинского. — М.: Наука, 1981. — 424 с.
11. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1265.
12. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 413. Оп. 13. Д. 5062.
13. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 5464.
14. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 5465.
15. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 5466.
16. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 5467.
17. Савельева Е.И. От войны к миру (Гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах. 1945—1947 гг.). — Корсаков: Анистратов, 2012. — 112 с.
18. Семенова Н.П. Внутренняя и внешняя торговля Корейской Народно-Демократической Республики. — М.: Наука, 1961.
19. Суслина С.С. Некоторые вопросы развития экономического сотрудничества между СССР и КНДР // Дальний Восток. История. Экономика. — М.: Наука, 1974. — С. 110—123.
20. Тригубенко М. 20 лет экономического и культурного сотрудничества между СССР и КНДР // Международная жизнь. — 1969. — № 3. — С. 134—146.
21. Чистяков И.М. Служим Отчизне. — М.: Воениздат, 1985. — 228 с.

Античность в интерьерах идеологических кампаний «позднего сталинизма» (обсуждение учебника по истории Античности 22 марта 1949 г.)

Аннотация. статья посвящена анализу дискуссии вокруг учебников по истории Античности для вузов. Основная полемика развернулась вокруг содержания учебника известного историка-антиковеда В.С. Сергеева. Показываются аргументы сторон, их идеологический контекст. Делается вывод, что в дискуссии отразились не только актуальные на тот момент идеологические установки, но и противостояние между московскими и ленинградскими антиковедами.

Ключевые слова: советская историческая наука, идеологические кампании, история Античности.

Vitaly V. Tikhonov

ANTIQUITY IN THE INTERIORS OF THE IDEOLOGICAL CAMPAIGNS OF "LATE STALINISM" (DISCUSSION OF A TEXTBOOK ON THE HISTORY OF ANTIQUITY, 22 MARCH 1949)

Abstract: the paper is devoted to the analysis of the discussion around textbooks on the history of Antiquity for universities. The main controversy revolved around the content of the textbook of the famous historian V. S. Sergeev. The arguments of the parties and their ideological context are shown. It is concluded that the discussion reflected not only relevant at that time ideological attitudes, but also the confrontation between Moscow and Leningrad historians of Antiquity.

Keywords: Soviet historical science, ideological campaigns, history of Antiquity.

Советские учебники выполняли не только образовательную, но и направляющую идеологическую функцию. Поэтому к ним всегда сохранялось повышенное внимание — даже к учебной литературе по древнейшим периодам истории. В середине 1930-х гг. появился учебник по истории древней Греции, написанный первым заведующим кафедрой истории древнего мира исторического факультета

МГУ В.С. Сергеевым¹. Им же была подготовлена книга «Очерки по истории Древнего Рима» (1938). В 1936 г. была опубликована «История античного общества» (Ч. 1.: Греция; Ч. 2.: Эллинизм. Рим), написанная ленинградским историком, заведующим кафедрой истории древней Греции и Рима ЛГУ С.И. Ковалевым². В 1940 г. вышла первая часть учебного пособия по истории Древней Греции, подготовленного ленинградским ученым С.Я. Лурье.

Стоит отметить конкуренцию между московскими и ленинградскими историками на ниве написания учебников и продвижения в них своих идей. В 1937 г. московский специалист по истории Древнего Рима Н.А. Машкин написал разгромную рецензию на учебник Ковалева [5; 4, с. 58]. В этом же году Ковалева резко критиковал другой московский «античник» А.И. Мишулин в директивной статье «Обидительности на фронте древней истории», опубликованной в «Историческом журнале» [3, с. 126—127]. Соперничество продолжилось и после войны. В 1947 г. Машкин выпустил пособие «История древнего Рима», а в 1948 г. вышло пособие Ковалева «История Рима».

22 марта 1949 г. прошло совместное заседание кафедры древней истории исторического факультета МГУ и сектора древней истории Института истории АН СССР³. Официально оно было посвящено обсуждению учебника для вузов В.С. Сергеева «История древней Греции» [1]. Несмотря на то, что автор умер в 1941 г., написанный им учебник оставался главным учебным изданием по древнегреческой истории в вузах. В 1948 г. вышло второе, исправленное и дополненное издание под редакцией Машкина и Мишулина.

Вел заседание Машкин, заведовавший кафедрой и сектором. Первым выступил специалист по истории эллинистического Египта Н.Н. Пикус. В самом начале он отметил несомненные достоинства разбираемого учебника, в особенности по сравнению с тенденциозно и антипатриотически написанными учебниками ленинградца Лурье. Не удовлетворил по многим параметрам и учебное пособие Ковалева по истории Рима. В частности, в нем достижения российских дореволюционных антиковедов оценивались лишь как «отголосок»

¹ Первое издание «Истории древней Греции» вышло в 1934 г., второе — в 1939 г.

² В 1937 г. в Ленинграде был разгромлен «Античный кружок». С.И. Ковалев оказался под следствием, дал показания. Был освобожден только в 1940 г. См.: [8]

³ Долгое время стенограмма заседания была неизвестна исследователям. Ее случайно обнаружили при переезде кафедры в 2008 г. Фактически стенограмма повторила судьбу других материалов, связанных с кафедрами Исторического факультета МГУ, которые часто уничтожались как макулатура и почти не сохранились.

¹ Тихонов Виталий Витальевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: tikhonovvitaliy@list.ru
Vitaly V. Tikhonov — Candidate of Historical Sciences, Leading researcher of the Institute of Russian History, Russia Academy of Sciences. Moscow, Russia.

западноевропейской науки. Теперь это было непатриотично. В этом контексте раздел «Источники и историография», подготовленный для нового издания Машкиным, был признан вполне удовлетворительным, пусть и не без некоторых недостатков. Вообще, выступавший с большим пиететом, не боясь быть обвиненным в «объективизме», говорил о дореволюционной историографии античности, а В.П. Бузескула назвал «выдающимся русским источниковедом и историографом античности» [1, с. 203]. Далее Пикус подробно разобрал частные вопросы. Не мог он пройти мимо актуальной в связи с философской дискуссией тематики древнегреческой материалистической философии. Никаких замечаний сделано не было.

Приглашенный заведующий кафедрой древней истории Московского областного педагогического института (МОПИ) В.К. Никольский рассказал об обсуждении учебника на его кафедре. Он с удовлетворением отметил, что Сократ и Платон охарактеризованы совершенно правильно¹.

По-настоящему боевым (видимо, неожиданно) стало выступление молодого историка, ученицы Мишулина О.Н. Юлкиной — специалиста по римскому периоду. В ее выступлении отразилась нарастающая истерия поиска космополитов и повышения бдительности. Она заявила, что нужно прямо поставить вопрос о том, в какой мере история древнего мира — наука партийная. В качестве аргумента в пользу особой значимости древней истории приводилась недавняя статья в газете «Правда», посвященная разоблачению космополитов-историков античной архитектуры [2]². Юлкина утверждала, что за рубежом древняя история — «очень действующая наука», которая служит англо-американским империалистам. Со времен Т. Моммзена при помощи модернизации исторических явлений буржуазные историки доказывают, что капитализм — вечен, а социализм — преходящ.

Оратор заявила, что учебник нужно рассматривать в контексте актуальной политической ситуации. В частности, она предложила

¹ Во 1-м издании учебника Сократ был отнесен к группе сторонников умеренной олигархии. Указывалось, что «реакционность» сократовской философии определялась ее религиозностью и мистицизмом. Платон также характеризовался как выразитель олигархических кругов и идеалист [7, с. 257—259]. В новом издании, отредактированном и дополненном Н.А. Машкиным и А.В. Мишулиным, текст о философах значительно был расширен, указания на «реакционность» Сократа убиралась, а слова о реакционности социальной философии Платона оставались [6, с. 330].

² В статье разоблачалась «космополитическая» диссертация С.А. Кауфмана «Итало-римская архитектура».

подробнее осветить историю Причерноморья в античности. Это и патриотично (теперь это в значительной степени территория СССР) и, о чем прямо не говорилось, отчасти соответствует исследовательским интересам самой выступавшей (ее диссертация была посвящена завоеванию Пергама Римом). Историографический раздел она призвала переделать, показав в нем приоритет отечественной исторической науки перед западной. При этом нельзя забывать и о разоблачении буржуазных историков — в частности упоминался Ф. де Куланж. Особое внимание необходимо было уделить воспитанию патриотизма при помощи древней истории — в частности, разоблачить непатриотическое поведение участников греко-персидских войн Фемистокла и Алквиада, бежавших к персам. В заключение она призвала сделать «учебник таким, который помогал бы в борьбе с низкопоклонством, объективизмом и буржуазным космополитизмом» [1, с. 232].

Другой ученик Мишулина, П.Н. Тарков, в целом (хотя и не особенно энергично) поддержал Юлкину, хотя и сказал, что кое в чем с ней не согласен. В частности, он взял под защиту де Куланжа, поскольку тот боролся с «германистами» (видимо, поклонниками немецкой науки), а советские ученые теперь должны учиться у него бороться со своими германистами. Больше внимания он призвал уделить скифам, которые являлись носителями «демократической линии» в древней истории.

Л.М. Рогалин попенял Пикусу, что тот, вместо того, чтобы «глубоко вскрыть имеющиеся в нем отдельные ошибки», сосредоточился на сравнении изданий. Выступавший заявил, что он на 100% согласен с Юлкиной, за исключением оценки Фемистокла. Недостаточно, по его мнению, в новом издании отражена философская дискуссия 1947 г. Не дано разоблачение буржуазной зарубежной историографии [1, с. 234—237].

Специалист по истории древнего Востока Д.Г. Редер с удовлетворением отметил, что в новом издании роль русской науки подчеркнута сильнее, чем в предыдущем. Также он не заметил недооценки отечественных историков. Не согласился выступавший и с претензиями по поводу количества материала, освещающего древнейшую историю территории СССР. По его мнению, важно не количество, а качество, с которым более или менее порядок. Например, рассказывается о неудачном походе Дария I против скифов и сопротивлении народов Средней Азии завоеванию Александра Македонского. Слабой стороной было признано

освещение философии. Рекомендовалось разоблачить космополитизм древних стоиков. Выступавший признал, что в учебнике Сергеева есть недостатки, но отметил, что по сравнению с учебниками Лурье и Ковалева он «стоит гораздо выше» [1, с. 241].

Специалист по истории Северного Причерноморья Ю.С. Крушкол из МОПИ подчеркнула, что, несмотря на замечания, обсуждаемый учебник никто не обвинил в отходе от марксизма-ленинизма. Это свидетельствует о его высоком уровне. Все же она предлагала усилить внимание к Причерноморью. В отношении историографии предлагалось исходить из того, что если у классиков буржуазной историографии есть чему поучиться, то современная буржуазная историческая наука — сплошная фальсификация [1, с. 242—244]. Специалист по древнегреческой философии Ф.Х. Кессиди выступал довольно путано, но пытался доказать, что в учебнике недостаточно показано экономическое развитие и призывал отойти от «экономического материализма». Особых замечаний не оказалось и у Я.А. Ленцмана.

А.Г. Бокшанин похвалил учебник за внимание к эллинизму. Более того, «В.С. Сергеев по мере сил и возможности старался дать четкое марксистско-ленинское понимание греческой истории. И опять приходится сказать: где в советской литературе мы имеем столь органическое слияние текста классиков марксизма-ленинизма с изложением конкретной истории, как в этой книге?» [1, с. 254]. Противоположностью учебника, по мнению докладчика, является учебник «История древнего Рима»: «Книга Ковалева поразила меня, во-первых, минимальным количеством приведенных цитат из классиков марксизма-ленинизма, во-вторых, отсутствием ссылок на русских историков, в-третьих, отсутствием историографии вообще» [1, с. 254].

К.К. Зельин подчеркнул, что обсуждаемый учебник — марксистско-ленинский. Он напомнил Юлкиной, что еще недавно она с восторгом и сугубо положительно оценила характеристику Алквиада, данную в издании. Юлкина с места ответила, что она этого не говорила [1, с. 259]. Вообще Зельин направил множество колкостей в ее сторону, стремясь, видимо, тем самым отчасти дезавуировать ее боевое выступление.

Т.В. Блаватская положительно оценила новое издание обсуждаемого учебника. Особенно ей импонировало внимание к традициям дореволюционной отечественной историографии. Кстати, при желании это можно было расценить как объективизм.

Завершал заседание Машкин — как и положено руководителю, за которым было последнее слово. Он указал, что их заседание проходит на фоне борьбы с космополитами, а скоро пройдут ученые советы Института истории АН СССР и исторического факультета МГУ, посвященные этой же теме. Главным космополитом объявлялся Лурье. Выступавший призвал дать для «Вестника древней истории» статью по античному космополитизму. Что касается учебника Сергеева, то книга, по мнению Машкина, «выдержала экзамен» [1, с. 270]. С буржуазной историографией оратор призвал бороться, оберегая от нее студентов. В то же время он посоветовал, что в силу недостаточного знакомства с идеологическими течениями XIX—XX вв. не всегда может определить, к какой группе относится тот или иной ученый. Для красного словца он вспомнил слова одного корреспондента Цицерона о солдатах как о «зайцах в шлеме» и признался: «Вот и у нас есть боязнь заняться историографическим вопросом» [1, с. 274]. В то же время он указал, что подписал книгу в печать уже 31 декабря 1946 г., а с тех пор многое изменилось. Учебник написан одним человеком, но по факту это коллективный труд, поэтому нельзя быстро его переделать.

По итогам заседания кафедры было признано, что обсужденная книга является «несомненным достижением нашей советской историографии и нашей советской науки» [1, с. 276].

Итак, учебник был признан достойным изданием, даже на фоне актуализации ряда новых идеологических требований, выдвинутых на повестку антикосмополитической кампанией. Каким образом можно интерпретировать описанный эпизод развития советского антиковедения? Публикаторы стенограммы Н.В. Бугаева и И.А. Ладынин акцентировали внимание на том, что на заседании произошло «фактическое столкновение двух позиций: большинства его участников во главе с руководителем кафедры и сектора Н.А. Машкиным, отстаивавших учебник, по сути дела, с академических позиций, и учеников А.В. Мишулина, проводивших не вполне ясно, но все же достаточно опознаваемо мысль о его несоответствии текущей ситуации и о необходимости замены более конъюнктурным и закономерно вульгарным изданием» [1, с. 187—188]. Проводится мысль о столкновении «чисто академической линии» и конъюнктурной, дополненная концепцией «битвы коалиций» (Бугаева и Ладынин недвусмысленно указывают на заинтересованность историков в подготовке нового учебника, очевидно за их авторством).

Такая концепция вызывает возражения. Ученики Мишулина отнюдь не предлагали открыто подготовить новый учебник, это можно

К вопросу об административно-территориальных изменениях в РСФСР в 1950-е гг.

только домыслить. Наоборот, звучали призывы совершенствовать издание, а не отказаться от него. В условиях послевоенных идеологических погромов в науке такую риторику вряд ли можно расценить как направленную на достижение серьезных целей. Кроме того, смерть Мишулина в 1948 г. фактически оставила его учеников без лидера, необходимого для продавливания в научных и бюрократических кругах проекта нового учебника. Сомнительно, что такую важную миссию доверили бы относительно молодым и малоизвестным ученым, пусть и ученикам Мишулина. Думаю, что они это прекрасно понимали. Кроме того, в конце концов, в той иерархической системе, частью которой они были, последнее слово все равно оставалось за Машкиным как за самым авторитетным московским антиковедом.

Куда очевиднее была критика москвичами своих ленинградских коллег, в особенности своих конкурентов Лурье и Ковалева. Практически в каждом выступлении звучала мысль о том, что книга Сергеева явно выделяется в лучшую сторону на фоне их учебников. Представляется, что прошедшее на фоне разворачивающейся кампании по борьбе с космополитами заседание зафиксировало именно противостояние московской и ленинградской корпораций антиковедов.

Список литературы

1. Бугаева Н.В., Ладунин И.А. «Наш учебник по древней истории выдержит экзамен...»: Заседание кафедры древней истории исторического факультета МГУ и сектора древней истории Института истории АН СССР 22 марта 1949 г. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. — 2016. — № 2 (4). (Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и Античности в 1920—1980-е гг.). — С. 187—282.
2. Крисько Г. На ложных позициях // Правда. — 1949. — 21 марта.
3. Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. — М.: КРАСАНД, 2013. — 320 с.
4. Крих С.Б., Тарасова А.А. С.И. Ковалев и «открытие» эллинизма в советской историографии // Вестник Омского университета. — 2014. — № 1 (71). — С. 56—59.
5. Машкин Н.А. Рец.: Ковалев С.И. История античного общества. Т.1.: Греция. 2-е изд. М.; Л. 1937; Т.2. Эллинизм. Рим. М.; Л., 1936 // Исторический журнал. — 1937. — № 5. — С. 137—143.
6. Сергеев В.С. История древней Греции. 2-е (посмертное) изд. / Под ред. Н.А. Машкина и А.В.Мишулина. — М.: Изд-во политической литературы, 1948. — 560 с.
7. Сергеев В.С. История древней Греции. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. — 356 с.
8. Скворцов А.М. Разгром «Античного кружка» в Ленинграде (по материалам следственных дел архива ФСБ) // Вестник древней истории. — 2017. — № 1. — С. 210—223.

Аннотация. В статье рассматривается серия преобразований в административно-территориальном делении РСФСР 1953—1954 гг.: создание новых областей и передача территорий от РСФСР в другую республику. Предпринята попытка выявить мотивации этих нововведений, степень их эффективности, а также причины недолговечности существования многих из новосозданных областей, связав их создание и упразднение с переменами во внутривнутриполитическом курсе советского руководства.

Ключевые слова: РСФСР, КПСС, административно-территориальное деление, область, Н.С. Хрущев, управление, сельское хозяйство, регион.

Vladimir N. Kruglov
ON THE ISSUE OF CHANGES IN THE ADMINISTRATIVE-
TERRITORIAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION
DURING THE 1950s

Abstract. The article deals with a series of transformations in the administrative-territorial structure of the RSFSR in 1953—1954: the creation of new oblasts and the transfer of territories from Russia to another republic. An attempt has been made to reveal the motivations of these innovations, the degree of their effectiveness, and also the reasons for the fragility of the existence of many of the newly created regions, linking their creation and abolition with changes in the internal political course of the Soviet leadership.

Keywords: RSFSR, administrative-territorial structure, oblast, N.S. Khrushchev, administration, agriculture, region.

Сюжеты, связанные с административно-территориальным делением (АТД) России, неоднократно становились предметом научного изучения. Однако приходится отметить явный перекося в интересе исследователей — львиная доля публикаций посвящена периоду 1917—1936 гг., причем прежде всего — практикам Гражданской

¹ Круглов Владимир Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра социальной истории России Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. vladimirkruglov2007@yandex.ru
Vladimir N. Kruglov — Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Center of Social History of Russia, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

войны и НЭПа. Интерес отчетливо спадает уже применительно к началу 1930-х гг., что же касается более поздних исторических промежутков, то в их отношении авторы, как правило, ограничиваются лишь перечислением преобразований, не вдаваясь в подробности — такие, как мотивация принятия тех или иных решений, практика реформирования, их идеологическое значение и т.д.

Все сказанное вполне применимо к изменениям в АТД РСФСР, имевшим место в 1950-е гг. Серьезное научное изучение их, по сути, отсутствует. Между тем, представляется, что это важный этап процесса территориальной организации республики, в ходе которого были нащупаны пределы дробления «регулярных» единиц административно-территориального управления высшего уровня. Более того, это последний раз, когда союзный центр обратил внимание на политическую карту России. Поэтому данные преобразования достойны оказаться в центре внимания.

Едва ли не первой при их изучении встает проблема терминологии. Несмотря на то, что изменения в конце 1953 и первой половине 1954 гг. прошли достаточно плотным потоком, возникают сомнения относительно правомерности определения их в качестве реформы. Реформа, как показывает практика, предполагает, что изменения не просто осуществляются в некий отрезок времени, они также обосновываются, до широких кругов населения доносится их некая сверхзадача. Не менее важно и то, что реформой затрагиваются сами основы подвергающейся воздействию структуры.

Между тем, ничего подобного в обозначенный период не наблюдается. Новые административно-территориальные единицы создавались как будто «в рабочем порядке», а сам этот процесс оказался полностью заслонен куда более приоритетными с идеологической точки зрения кампаниями — подъема сельского хозяйства, увеличения производства продукции легкой промышленности, — а также внешнеполитическими инициативами. Забегая вперед, стоит отметить, что так же, без привлечения особого внимания, новосозданные области и упразднились в 1957 г. То есть территориальные изменения не стали очередной кампанией — напротив, они строго контролировались и оказались численно ограничены, а о том, почему те или иные области были созданы или упразднены, почему их центрами были выбраны те или иные города, как определялась конфигурация новых территорий и т.д., сохраняется некоторое недоумение и по сей день — причем как в научном сообществе, так и в кругах интересующейся обще-

ственности. Конечно, проделывалось все это в рамках имевшейся в этой сфере практики, без малейших претензий на юридические или какие-либо иные новации. Результат больше соответствует понятию «корректировка», нежели тому, что обычно ассоциируется с громким словом «реформа».

Отсюда во многом вытекает и вторая трудность — определение действительных целей проводившихся изменений. Не секрет, что советская политико-идеологическая практика в ее, так сказать, PR-аспекте представляет собой постоянный конфликт между провозглашаемым и желаемым на деле, когда объяснения тех или иных шагов, дававшиеся официальными лицами и структурами (в том случае, когда они давались вообще), редко отражали мотивацию, которая могла быть вообще противоположной, а порой и вовсе лежала в иных плоскостях. Период 1953—1964 гг. в этом отношении не исключение, однако стоит все же отметить, что власть предрешающие в те годы, как ни странно, зачастую давали объяснения, лежавшие достаточно близко к сути вещей. Период, названный «оттепелью», в этом смысле можно — конечно, с большой долей условности — назвать периодом некоей «новой честности». Достижение само по себе, может быть, и не такое уж великое, но по сравнению с практикой предыдущих и последующих десятилетий заметное.

Говоря об административно-территориальных преобразованиях тех лет, стоит отметить нередко встречающиеся в научной среде своего рода объяснения-догадки, основанные, без сомнения, на приемах предыдущего правления, — а именно, что они имели место в рамках кулуарной борьбы в высших кругах за политическое лидерство [19, с. 308; 1, с. 219; 8, с. 159—160]. Создание партийных организаций в новых областях рассматривается как рекрутирование лояльных кадров, ведь главы и представители парторганизаций единиц АТД, согласно установившейся еще в 1930-е гг. практике, входили в состав ЦК КПСС, на пленумах которого и принимались (точнее, озвучивались) главные кадровые решения.

Здесь, однако, есть повод для сомнений. Ведь если административно-территориальные реформы рубежа 1920—1930-х и конца 1930-х — начала 1940-х гг. затрагивали всю страну, были весьма многочисленны и действительно привели на руководящие посты в регионах массу новых лиц, лояльных тогдашнему лидеру страны, то нововведения 1953—1954 гг. оказались достаточно скромны, даже если брать весь СССР. Собственно, их можно в прямом смысле пересчитать по пальцам, и вряд ли столь скромные изме-

нения могли серьезно повлиять на баланс сил в партийном руководстве. Гораздо эффективнее оказывался метод простой замены первым секретарем областных, краевых и республиканских парторганизаций.

Поэтому — и здесь вернемся к хрупкому концепту «новой честности» — представляется, что не слишком критично искажают реальность суждения о «народнохозяйственной» подоплеке принятых решений. Надо отметить, что подчеркнуто деполитизированное, «менеджерское» объяснение тех или иных территориальных реформативных господствовало в риторике руководства страны уже с начала 1930-х гг., так что новые лидеры, несмотря на всю декларируемую оппозицию «старому режиму», шли по проложенному руслу. Однако если учесть, что фокус усилий те годы был направлен на социально-экономические сюжеты, то кажется, что создание новых областей действительно преследовало те цели, о которых писалось в официальных документах — к примеру, создание Белгородской области мотивировалось так: «Создание оптимальных условий для более полного использования природных и экономических возможностей края в интересах ускоренного развития как Центрально-Черноземного района, так и страны в целом» [17, с. 49].

Хронология новаций на политической карте РСФСР такова. В декабре 1953 г. была создана Магаданская область, сгруппированная из северных частей Хабаровского края и Чукотского национального округа. В январе 1954 г. появились сразу пять новых областей: Арзамасская (южные районы Горьковской), Балашовская (окраинные районы Саратовской, Сталинградской, Воронежской и Тамбовской областей), Белгородская (южные районы Курской и часть Воронежской областей), Каменская (северные районы Ростовской, южные районы Воронежской и часть Сталинградской областей) и Липецкая (окраины Воронежской, Орловской, Рязанской и Курской областей). В феврале 1954 г. состоялось, пожалуй, самое резонансное преобразование: Крымская область была выведена из состава РСФСР и передана Украинской ССР. Последней, после большого перерыва, в январе 1956 г. приобрела самостоятельность Камчатская область, выведенная из состава Хабаровского края («в нагрузку» она получила Корякский национальный округ) [16, с. 89—93].

Относительно передачи Крыма в научной литературе и публицистике до сих пор ведутся споры о подоплеке этот шага — хотя все сходится на том, что инициатором шага был Н.С. Хрущев. Приводятся свидетельства о его притязаниях на территорию полу-

острова еще в середине 1940-х гг., в бытность главой украинской парторганизации [5, с. 54]. Однако даже тогда их причиной были вопросы прежде всего хозяйственного плана — недовольство указаниями Москвы о содействии в восстановлении экономики полуострова (выделение переселенцев для колонизации наполовину опустевшего после депортаций полуострова, расходы на строительство Крымского канала). Собственно, и сама передача, наряду с традиционной риторикой о «нерушимой дружбе двух братских народов», обосновывалась вполне характерно — подчеркивались «тесные хозяйственные связи и общность культурных связей»: «Крымская область, как известно, занимает весь Крымский полуостров и территориально примыкает к Украинской Республике, являясь как бы естественным продолжением южных степей Украины» [14]. По мысли инициаторов, переподчинение области должно было способствовать интенсификации ее хозяйственного развития за счет ресурсов более развитой соседней республики.

Стоит добавить, что, хотя это решение принято рассматривать в отрыве от прочих территориальных новаций, как самостоятельный сюжет (и нельзя сказать, учитывая столь судьбоносные его последствия, что такое отношение несправедливо), оно своей «практической» мотивацией очень характерно для нового лидера — несмотря на сопутствующую его правлению агрессивную коммунистическую риторику, Хрущев на деле к собственно идеологическим вопросам был довольно прохладен. На первом плане для него стояли производственные успехи и сам коммунизм понимался им приземленно — как обеспечение «опережающих темпов развития», «высокие темпы прироста общественного валового продукта», «изобилие продуктов» и т.п. [20, с. 60—62, 68] Соответственно и решения о тех или иных преобразованиях принимались им в расчете прежде всего на экономический эффект.

Что касается остальных новообразований, то они имели место либо на далеких окраинах, либо в сельскохозяйственных регионах центральной России — и тут вряд ли приходит на ум какая-либо иная мотивация, помимо хозяйственной¹. Более того, экономиче-

¹ Исключение составляет, пожалуй, Магаданская область — любопытный пример того, как в политическую карту вмешалась борьба за власть, поскольку едва ли не самой важной целью этого решения было ослабление влияния органов министерства внутренних дел СССР через лишение его подразделений хозяйственных функций, чистки ведомства от «бериевцев» и вообще укрепление позиций партийных органов в силовых структурах [подробнее см.: 2].

ский профиль большинства областей оказался отчетливо, в отдельных случаях утрированно аграрным. Неслучайно и создавались они на сельскохозяйственных окраинах областей крупных индустриальных центров (Горький, Воронеж, Курск, Ростов, Саратов). В ситуации, когда обеспечение резкого роста производства сельскохозяйственной продукции для решения острого продовольственного кризиса [подробнее см.: 6] оказалось безусловным приоритетом, это был, казалось, более чем логичный и оправданный шаг.

Однако уже здесь выявилась особенность регионального аспекта советской экономической системы — автаркия. Официальный подход, не подвергавшийся ревизии с момента его появления в первые годы индустриализации, гласил, что каждая единица территориального управления должна представлять собой единый производственный комплекс, не только имеющий мощную промышленность, но и обладающий развитым аграрным производством, могущий обеспечивать себя продукцией животноводства и растениеводства. Конечно, в реальности это мало где удалось, и вообще такой подход принес много зла, на корню пресекая внутрирегиональную кооперацию (что, впрочем, явно было одним из его мотивов). Однако ригидность политического мышления советского руководства не позволяла поставить его под сомнение.

Между тем, создание областей в центре России как раз и оказалось ревизией на практике старого подхода. Ранее единый (хотя бы в рамках одной территории) комплекс раскалывался, появлялись «чистые» аграрные и индустриальные регионы. Конечно, советское руководство осознавало это — и по новообразованным областям сразу же была принята масса решений, направленных на развитие в них промышленного производства, стимулирование индустриального и жилищного строительства и т.д.¹ В то же время система планирования изменена не была — как новообразованным, так и «пострадавшим» от этих новообразований областям по-прежнему спускались планы и на индустрию, и на агропром, причем без сколько-нибудь заметных коррективов на период становления или приспособления к урезке земель.

К этим нестыковкам добавились и обычные организационные трудности, которые не удавалось решить месяцами. Так, недоволь-

ные ослаблением своих «активов», руководители «старых» областей отказывали «новым» в помощи. В мае 1954 г. в ЦК партии жаловались: «При организации Балашовской области Саратовский и Сталинградский обкомы... почти безучастно отнеслись к делу укомплектования аппарата обкома КПСС вновь созданной области, ссылаясь на отсутствие желающих выехать на работу в Балашов. В связи с этим аппарат Балашовского обкома КПСС до сих пор в значительной мере остается неуккомплектованным, а брать работников из районов области и этим ослаблять районное звено мы не считаем возможным» [11, л. 3]. Не хватало, а то и вовсе не имелось подходящих зданий для размещения партийных и советских органов. Секретари отдельных райкомов КПСС начали ходатайствовать перед российским (он же союзный) центром об оставлении своих районов под прежней юрисдикцией [12, л. 19—21, 40—44].

Прошло несколько лет, и стала очевидной опрометчивость многих из принятых в 1954 г. решений. Конечно, имелись определенные достижения: так, Балашовская область вышла по производству сельхозпродукции на душу населения на 4-е место в РСФСР [18], Арзамасская также продемонстрировала значительные успехи в развитии аграрной сферы (особенно выращивании кукурузы) [7]. Однако прорыва в развитии территорий не произошло — во многом по причинам естественным. Если, к примеру, Липецк в ходе индустриализации стал крупным промышленным центром (металлургические и машиностроительные предприятия-гиганты) и поэтому повышение его статуса назрело, то Белгород, Арзамас, Балашов на момент получения высокого статуса были небольшими городами районного статуса, порой с преобладанием в округе сельского населения (в Белгородской области, например, на момент ее образования горожан было всего 12% [4]). И на быстрое их развитие рассчитывать не приходилось, несмотря на все субсидии центра — основное внимание в те годы было приковано к целине, которая пользовалась абсолютным приоритетом в кадровом и материально-финансовом обеспечении (конечно, за счет других зернопроизводящих районов страны). «При образовании Арзамасской, Балашовской, Липецкой и Магаданской областей Советом Министров СССР и Советом Министров РСФСР было принято ряд постановлений, обязывающих промышленные министерства построить в 1954—1956 гг. значительное количество предприятий легкой и пищевой промышленности, причем необходимых капиталовложений на

¹ Думается, что в рамках советской экономической практики создание областей можно рассматривать как своего рода инвестиционный проект, направленный на развитие (прежде всего, конечно, индустриальное) окраинных территорий. Что, впрочем, вполне соответствовало идеологической доктрине.

эти цели не выделялось. При рассмотрении планов капитального строительства на 1955 и 1956 годы из-за ограниченности ассигнований многие объекты, предусмотренные постановлениями правительства, из титульного списка нового строительства Госпланом СССР и Госэкономкомиссией были исключены и полностью осуществлены их строительства министерства по этой причине не имели возможности», — отмечалось в Бюро ЦК КПСС по РСФСР в начале 1956 г. [13, л. 113].

В обстановке подхлестывания экономического развития («интенсификации промышленного и сельскохозяйственного производства») это сыграло роковую роль. Видя трудности развития новых областей, партийные элиты «пострадавших» от решений 1954 г. территориальных единиц получили основания и весомые аргументы для того, чтобы «отыграть назад». Так, Горьковская область с потерей Арзамаса лишилась всей своей южной части с плодородными землями (треть прежней территории) и, как следствие, «просела» по сельскому хозяйству, показатели которого на малоплодородных северных землях не внушали оптимизма [7]. Конечно, в интересах ее руководства было вернуть утраченное. Успешная по аграрной части благодаря своим плодородным почвам, Балашовская область, тем не менее, несмотря на все вложения, не смогла показать схожих результатов в промышленности, страдала от нехватки квалифицированных кадров, трудностей в строительстве. В результате, по мнению местных историков, руководители соседних Сталинградской и Саратовской областей, пострадавших от потери «самых урожайных, крепких» аграрных районов, сумели доказать перед Москвой «несостоятельность» принятого решения [3]. По-видимому, те же причины (усилия руководства Ростовской области) предопределили исчезновение Каменской области: на ее территории располагались такие города, как Каменск-Шахтинский, имеющий важное для региона транзитное положение, а также развитое сельское хозяйство в округе, и Шахты — один из центров южнороссийской угледобычи.

Судьба «новых» областей фактически решилась в ходе и под влиянием декабрьского пленума ЦК КПСС (1956 г.). Посвященный «вопросам улучшения руководством народным хозяйством», он подверг резкой критике положение дел. Представители как центра, так и регионов весьма нелестно оценили управленческую практику последних лет. Одним из решений по итогам форума стало указание: «Обязать ЦК компартий союзных республик,

крайкомы и обкомы КПСС добиваться серьезного улучшения работы предприятий и хозяйственных органов, уделяя особое внимание делу подбора, выдвижения и правильной расстановки кадров, проверке исполнения решений партии и правительства, обеспечению строжайшей дисциплины во всех звеньях аппарата управления хозяйством» [10, с. 1].

В свете этого на руководителей промышленных областей ложилась дополнительная ответственность — но одновременно они приобретали и дополнительный вес. Кроме того, в партийном руководстве страны явно назревала конфликтная ситуация и Хрущеву вновь, как в 1954 г., приходилось бороться за поддержку «региональных секретарей». Видимо, некоторым из них удалось «под шумок» доказать, что созданные несколькими годами ранее области являются «излишним и параллельно действующим звеном», «устранение» которых, «имея в виду упрощение и удешевление аппарата управления», являлось, согласно решениям декабрьского пленума, одним из способов улучшения экономических показателей.

В итоге в апреле 1957 г. исчезла Арзамасская область, территория которой вернулась в состав Горьковской, а в ноябре того же года — Балашовская и Каменская, чьи территории были возвращены прежним владельцам¹. Этими решениями «реформа» 1953—1954 гг. оказалась в значительной мере нивелирована. Сохраниться удалось лишь Липецкой и Белгородской областям, которые обладали ресурсами для развития как сельского хозяйства, так и промышленности.

Официально эта «зачистка» объяснялась, конечно, высшими интересами: «Советское административно-территориальное устройство... находится в тесной связи с задачами развития экономики, планового руководства народным хозяйством и наиболее эффективного размещения производительных сил [и] не может оставаться длительное время без изменений. Развитие промышленности, строительства и транспорта, рациональное размещение производительных сил существенным образом влияют на изменение экономических, бытовых и даже природных условий в разных частях страны. Все это требует внесения определенных поправок в административно-территориальное устройство» [9, с. 15—16,

¹ Кроме того, в апреле 1957 г. по сходным причинам ушла в историю Великолукская область, чью территорию разделили между соседними Псковской и Калининской (Тверской).

26]. Но, думается, более справедливы комментарии специалистов о том, что ее жертвами стали «неудачно организованные периферийные области, которые имели слабые областные центры и сильно зависели от более удаленных главных экономических центров, своим влиянием подавлявших эти небольшие областные города» [15].

Стоит также отметить, что здесь мы видим частный пример излюбленной практики советского руководства, применявшейся им к самым разным сторонам деятельности государства в поисках своего рода панацеи от хронических кризисов, преследовавших «народное хозяйство»: отметив неэффективность некоей крупной структуры, раздробить ее в надежде на эффект ускорения развития, раскрытие внутренних резервов и повышение динамизма (при этом не меняя общих «правил игры» и экономической модели), — а затем, не получив отдачи в ожидаемом объеме, заняться «слиянием и поглощением». Буквально несколько лет спустя эта метода будет применена снова — на сей раз к созданным в 1957 г. региональным совнархозам, которые уже в 1962 г. стали объектом кампании по укрупнению.

После 1957 г. административно-территориальные новации на карте России сходят на нет. Фактически процесс организации территории республики завершился, и дальнейшие его корректировки были лишь косметическими (как, например, переименования или редкие изменения статуса). Очевидно, внесение корректив в политическую карту было сочтено «верхами» слишком затратным и, как следствие, нецелесообразным. Способы оживления экономической активности в регионах было решено искать на путях чисто административно-управленческих реформ. Хотя стоит отметить, что это относится лишь к союзным республикам европейской части СССР, в азиатских же создание и упразднение новых областей продолжалось еще долго, поскольку выполняло важную функцию пополнения местных политических элит в условиях предоставления им все большего влияния и самостоятельности.

Список литературы

1. Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. — М.: Олма-Пресс, 2004.
2. Гребенюк П.С. Колымский лед. Система управления на Северо-Востоке России. 1953—1964. — М.: РОССПЭН, 2007.

3. Иванова Л.П. Балашов — областной центр // Балашовский край. Краеведческий альманах. — 2001. — № 1(2). — URL: <http://shapkino.ru/375-1/4167-1013> (дата обращения: 20.09.2018).
4. История Белгородской области // Губернатор и Правительство Белгородской области. Официальный сайт. — URL: <https://belregion.ru/region/history.php> (дата обращения: 20.09.2018).
5. Кнышевский П.Н. Штрихи к портретам кремлевской галереи // Новое время. — 1994. — № 9.
6. Круглов В.Н. «Последний сталинский голод»: кризис продовольственного обеспечения в СССР начала 1950-х гг. // Экономическая история. Ежегодник 2013. — М., 2014. — С. 403—446.
7. Мальцев В. Арзамасская область: она пала жертвой кукурузы! // Ленинская смена. Сайт общественно-политического издания. — URL: <http://www.lensmena.ru/2015/09/арзамасская-область-она-пала-жертвой/> (дата обращения: 20.09.2018).
8. Мякшев А.П. Власть и национальный вопрос. Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945—1991). — Саратов: Издательство Саратовского университета, 2004.
9. Павловский Р.С., Шафир М.А. Административно-территориальное устройство Советского государства. — М.: Госюриздат, 1961.
10. Постановление Пленума ЦК КПСС «Вопросы улучшения руководства народным хозяйством СССР» // Правда. — 1956. — № 360. — 25 декабря.
11. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 13.
12. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 11.
13. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 19.
14. Речь товарища Тарасова М.П. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1954. — № 4 (798). — 9 марта.
15. Тархов С.А. Вторая фаза разукрупнения областей в 1943—1954 гг. // География. — 2001. — № 28. — URL: <http://geo.1september.ru/2001/28/2.htm> (дата обращения: 20.09.2018).
16. Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России в 18—20 веках // Логос. — 2005. — № 1.
17. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6.01.1954 об образовании в составе РСФСР Белгородской области // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. — М.: Госюриздат, 1956.
18. Шатылко И. Истории уездного городка. История третья. Архитектурное наследие Балашовской области // Общественное мнение. Общественно-политический и экономический журнал г. Саратов. — URL: <http://www.om-archive.ru/article/detail.php?ID=5989> (дата обращения: 20.09.2018).
19. Шепилов Д.Т. Непримкнувший. — М.: Вагриус, 2001.
20. Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. — М.: Наука, 2006.

Е.А. Воронова¹

«Девииантное отцовство» в письмах советских граждан во власть (1950—1960-е гг.)

Аннотация. В данной статье исследуется репрезентация советских отцов, которых современники маркировали как «девиантных». Девиантная модель отцовства воссоздается путем реконструкции ее базовых элементов (безответственность, легкомысленность, пьянство, эгоизм), которые в общественном сознании 1950—1960-х гг. считались «негативными» и «аморальными». Проведенный анализ источников демонстрирует структурные условия, в которых формировались представления об «идеальном» и «девиантном» отцовстве в 1950—1960-е гг.

Ключевые слова: советское отцовство; советская маскулинность; письма во власть; советский гендерный порядок.

Ekaterina A. Voronova

“DEVIANT FATHERHOOD” IN “LETTERS TO AUTHORITIES” OF SOVIET CITIZENS (1950—1960s)

Abstract. The article examines the representation of the Soviet fathers, which was marked by contemporaries as a “deviant”. The deviant model of fatherhood is recreated through the reconstruction of its key elements (irresponsibility, thoughtlessness, drunkenness, selfishness), reveals public attitudes toward “immoral” fathers. The analysis of the sources demonstrates the structural conditions in which the ideas of “ideal” and “deviant” fatherhood were formed in 1950—1960s.

Keywords: letters to authorities; soviet masculinity; soviet fatherhood; soviet family; gender roles.

Период 1950—1960-х гг. — время нормативных изменений в брачно-семейном законодательстве, которые в окончательном виде оформились в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. Указ от 8 июля 1944 г. [13], содержание которого спровоцировало общественную дискуссию, был направлен на стимулирование рождаемости в условиях послевоенного половозрастного дисбаланса. Название указа демонстрировало стремление государства под-

держать женщин, имеющих детей, взять на себя часть забот по их воспитанию (как минимум, материальных). Однако, помимо этого, указ фактически означал возвращение к дореволюционным семейным нормам и укрепление «традиционных» семейных ценностей [15, с. 156].

В обсуждение проблем, связанных с принятием нового брачного законодательства, наравне с нормотворцами были вовлечены и граждане. Вопрос о метриках, алиментах, разводах, затрагивался в письмах «во власть», сохранившихся в фондах Комиссии законодательных предположений Верховного совета СССР. Комиссия аккумулировала письма, поступавшие из разных источников. Среди их авторов — представители разных социальных групп, возрастов, уровней образования, мужчины и женщины. Широкий круг авторов отразился на содержании: наряду с текстами аналитического характера встречается много эмоциональных, «наивных» писем. Однако нас интересуют не столько предложения и идеи граждан для нового кодекса, сколько то, какими характеристиками и чертами наделялись в этих письмах девиантные отцы.

Основным источником данного исследования являются «письма во власть». В фондах ГА РФ — Юридической комиссии при Совете министров СССР, Комиссии законодательных предположений Верховного совета СССР (1956—1965), Верховного совета РСФСР (1965—1968) — сохранился большой комплекс писем, объединенных тематикой обсуждения нового брачно-семейного кодекса. Среди их авторов — представители разных социальных групп, возраста, уровня образования, женщины и мужчины. В большинстве своем это отклики на резонансные публицистические статьи в «Литературной газете» и «Известиях»: «Это отвергнуто жизнью» в 1956 г. [11, с. 2], «Жизнь и загсовский брак» 1962 г. [12, с. 3]. В прессе публиковалась также информация о том, как идет работа над новым брачным кодексом [1, с. 3].

Зачастую обращение к властям с письмом для современников означало апелляцию к высшей инстанции, и для продуктивного разговора граждане использовали как язык этой власти, так и доминирующие на тот момент моральные императивы [10, с. 17]. Следовательно, для формирования модели отцовства необходимы структурные условия, под которыми понимаются повседневные практики людей, в том числе и паттерны родительства [15, с. 146]. Поэтому авторы писем конструировали эту модель как идеальный

¹ Воронова Екатерина Андреевна — аспирант Института российской истории Российской Академии наук, Москва, Россия. e-mail: kathy-voronova@yandex.ru
Ekaterina A. Voronova — Graduate student of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

«антипример» отца, упрощая и стереотипизируя то, с чем сталкивались в реальности. Такая репрезентация была призвана подчеркнуть существующие проблемы семейной сферы, которые необходимо решить как можно скорее.

Фигура «отца» — ключевая в письмах граждан: она возникает практически всегда, когда обсуждаются проблемы семейного законодательства. В контексте этой темы возникает модель отцовства, которую общество 1950-х и 1960-х гг. определяло как девиантную, как отклоняющиеся от «нормы». Эта модель конструировалась преимущественно из компонентов, которые в обществе считались негативными: безответственность, легкомысленность, пьянство, эгоизм. С точки зрения гегемонной маскулинности отцы, с одной стороны, пользовались всеобщим уважением и были «эталоном мужественности». С другой, для соответствия этому идеалу существовали особые требования. Бездетным мужчинам, холостякам, тем более гомосексуалам вообще уделялось немного внимания. Дети и устойчивое семейное положение говорили о гражданской состоятельности мужчины, даже если это было чистой формальностью. Взрослый советский мужчина должен был быть отцом, и это казалось само собой разумеющимся.

Частой характеристикой девиантных отцов, по мнению авторов «писем во власть», является порочный гедонизм, который не согласуется ни с общепринятыми нормами поведения, ни с тем бедственным положением, в котором находится брошенная ими семья. В отношении таких мужчин в письмах зачастую использовалась устойчивая фраза «отцы-подлецы» («Нужен закон, закон об отцах подлецах, которые под разными предлогами, ради легкой жизни для себя, не считаясь (Здесь и далее сохранена оригинальная орфография и пунктуация. — Е.В.) ни с чем, бросают детей, ломают им жизнь» [2, с. 50]). Для авторов синонимичны понятия «легкая/свободная жизнь», «распущенность», «разврат» («Пусть они лутше будет они небудут такия *распущенные* жильце женщиной пожил ребенка пусть плотит и перерегистрирован» [8, с. 135], «Очень распустили мужчин и очень много *разврату* очень хорошо мужчинам сделали а бедная женщина воспитывай как хочешь... чтобы опубликовали в газете чтобы мы знали такой закон чтоб мужчин опять плотил алименты как тогда ево ребенок будь добры и плоти а то год живет и 5 лет живет ушел и не зарегистрирован и все он покоен у нево нет никово а мать мучится да разводи несчату а поставьте такое постановление прожил год как муж и

жена и есть свидетели и пусть плотит а то очень много *распущенье и разврата*» [8, с. 139]).

Что же подразумевали авторы писем под словами «разврат» и «распутство»? Стоит отметить, что они почти никогда не употреблялись в значении «беспорядочные половые связи». Обычно речь шла только о том, что мужчина ушел к другой женщине, в другую семью. Однако для «отцов» такое поведение считалось неприемлемым — уход из семьи обозначался как девиация, что не согласовывалось с образом «настоящего отца». Возможно, слова «разврат» и «распутство» использовались для усиления эффекта, чтобы продемонстрировать и моральное разложение таких отцов, и их дурное влияние на подрастающее поколение. Авторы обращают внимание на аморальное поведение отцов как раз потому, что «закон потакает» мужчинам, и дело не только в том, что страдают женщины и дети — сама общественная мораль ухудшается за счет присутствия таких «вредных элементов», которые являются угрозой для будущего.

При обращении к теме «жизни в свое удовольствие» авторы, наряду с другими пороками, упоминают пьянство. Однако характерно, что граждане, которые писали эти письма, упоминают пьянство не как что-то маргинальное и неприглядное, а наоборот, как некую форму приятного досуга, сопряженную и с другими удовольствиями. Вот пример в коллективном женском письме: «Большое поощрение отцам женица по 5 рас все 24 *удовольствия* принимают и ребят воспитывать надо *пьют вино не просыпаясь*» [2, с. 312—313]. Пьянство, также отождествлялось с некоторой степенью свободы: «Дали им полную *волю* жить водку пить в каждом городе оставишь жену и страдалиц детей» [3, с. 14], «А муж как правило это время обретается у пивного ларька, полочки они *пропивают*, при детях выражаются, учиняют драки они ведут как сказать *свободный образ жизни*» [5, с. 263]. Сексуальная свобода ассоциировалась со свободой вообще, в том числе свободным доступом к алкоголю. Но здесь еще важно то, что понятие «свобода» отождествляется с негативными явлениями — из-за нее страдают дети и сами женщины.

Пьянство никак не влияет ни на здоровье мужчины, ни на его социализацию: «Здравствует и *пьянствует*, живя за счет своих жен отец, и нагло и цинично заявляет, что теперь государство и о нас позаботилось, мой муж, продавшийся после войны уставшей и уцелевшей княжне с остатками прежней роскоши, по

убеждению — сутинер и лежебок, получивший по ошибке партийный билет» [8, с. 83—89]. Женщина, написавшая это письмо, акцентирует внимание на том, что ее бывший муж является членом партии, но, вместе с тем, он идеологически чужд советскому обществу, поскольку своим поведением он роняет престиж партии и может навредить подрастающему поколению.

Некоторые авторы подчеркивали, что отец, который бросает семью или заводит связи и детей на стороне, теряет человеческий облик. Поэтому таких мужчин нередко сравнивали с котами или мотыльками: «Государство вовсе не должно платить, обязан кормить ребенка отец. Закон о матерях-одиночках ведет к безответственности, моральной распущенности мужчин. Эдакий мартовский мяука на двух ногах бегаёт по земле русской, разбрасывая свое потомство» [4, с. 52—52], «Может быть и пришла пора *обрезать крылышки* этим любителям сметаны... любителям снимать пенки?.. у Государства много лишних денег, чтобы расплачиваться за этих *котов*» [5, с. 106], «Различать отцов, которые порхают как *мотыльки* по цветам (о которых нередко пишут фельетоны) и людей, совершивших опрометчивый шаг в молодости» [2, с. 70—72]. Как можно заметить, эти метафоры соотносились с уже прозвучавшими обвинениями в «разврате», «праздности» и «безответственности». Но вообще такие сравнения использовались при характеристике как мужчин, так и женщин: «А жена, сдав детей в детские учреждения, как мать одиночка, легко порхает бабочкой до следующего пристанища. Но женщине никто не дал права оставлять детей без отца» [7, с. 25—29].

В контексте использования сравнений с животными неожиданно возникает мотив издевки, насмешки «отца-подлеца» над матерью («Государство огораживает подлость отцов, мол, безобразничайте, мы поможем 5 руб яслями садиком, а подлец будет кутить на эти деньги на которые должен помогать воспитывать ребенка, вот от этого *снегирь* *посмеивается*» [3, с. 138—145]). «А отец ребенка, как настоящий *кот*, ходит, *ухмыляется*, и не принимает участия в воспитании ребенка» [5, с. 204]). Как и в случае с «отцами-подлецами», «живущими в свое удовольствие», современники фиксируют двойственность фигуры девиантного отца: он ведет себя недостойно звания советского человека, при этом отсутствует возможность «перевоспитания», поскольку аморальное поведение является их личным выбором.

Девиантных отцов в письмах во власть авторы сравнивали не только с животными, но и детьми, используя инфантилизирующую

лексику («Сознательности нети преостановить *безобразника* нет закона» [3, с. 150], «Воспитывать детей без помощи отца очень трудно... пусть какая-либо доля воспитания ложица и на отца... Наши мужья избаловались... хватит их распускать» [8, с. 55—56]), «Товарищ Ковригина, я обращаюсь к вам с этой просьбой, потому что такой жертвой являюсь не я одна, много женщин и девушек нашей страны и мы требуем зануздить разболтавшихся мужей» [6, с. 10—17], «Надо учить мужчин а не распускать просим нам в этом неотказать а только и видим слезы у женщины... а то мужчины совсем избаловались пожил ушел стой пожил к трети ушел и везде дети» [8, с. 139]). «Избалованный взрослый ребенок» — тот мужчина, который «живет в собственное удовольствие» и упивается собственной безответственностью, хотя является отцом. И здесь возникает некоторая двойственность: с одной стороны, «отцы-подлецы» коварны и легкомысленны, они прекрасно осознают, что делают, в только лишь «посмеиваются» над страданиями женщин, которых они бросили с детьми. Этот образ достаточно «роковой», если учитывать аллюзии к образам животных. С другой стороны, это «взрослые дети», у которых появились и свои дети, однако они убегают от ответственности, а хлопоты женщинам доставляют не потому, что желают им и своим детям зла, а потому, что неразумны и не вполне дееспособны — не как взрослые мужчины. Поэтому нужен кто-то старший, более ответственный, «отец» — власть или партия, которые смогут его образумить и исправить ситуацию.

Таким образом, для авторов писем, многие из которых «матери-одиночки», было важно оправдать себя и показать, с какой стигматизацией несправедливо сталкиваются они и их дети, в то время как «отцы-подлецы» такому осуждению не подвергаются. Декларируемое в СССР равноправие, тем не менее, даже на материале «писем во власть» выглядит не слишком убедительным: в среднем заработная плата мужчин была выше, кроме того, существовала проблема «стеклянного потолка», которая еще не исследована в полной мере. На основании писем можно лишь выдвинуть гипотезу, что у женщин было в среднем меньше средств для жизни — почти все упоминают тяжелое материальное положение, а пособие в 50 руб. (после реформы 1961 г. — 5 руб.) в сочетании с невысокой заработной платой предполагало скромный достаток, на который приходилось жить женщине с ребенком.

Все это воспринималось как несправедливость женщинами, которые занимали маргинальное положение среди других мате-

рей, тогда как девиантные отцы были представителями гегемонной маскулинности (гетеросексуальные мужчины с детьми), при этом их стиль жизни отличался от жизни «семейных» мужчин. «Советский отец» трудился на благо страны, а также своей семьи, ему полагалось быть трудолюбивым коллективистом, который работал не ради денег или карьеры, а в силу своих высоких моральных качеств. Он не был свободен в том смысле, что существовали коллективные интересы и он не мог пойти наперекор им, вести себя эгоистично, жить ради себя. Ведь его пример, модель маскулинности, которую он должен был передать своим сыновьям, должны были способствовать поддержанию общественного порядка. Это ярко видно на примере «Морального кодекса строителя коммунизма» [14, с. 97], в котором советским людям предписывались альтруизм, отказ от повседневной роскоши и вообще любых излишеств — в том числе «распутства». «Строитель коммунизма» должен был выражать свою сексуальность преимущественно в семье и посредством деторождения. Женщины выступали в роли идеологов традиционных ценностей: отцы должны работать и находиться в семье, помогать материально, а иногда и с воспитанием.

Важную роль играл также мотив долга. У мужчины есть трудовой долг перед государством («Отечеством»), кроме того, дабы сохранить работу и социальное положение, он должен вести себя согласно общественным нормам. Среди прочего это означало жить в семье, потому что так должен делать «идеальный» муж и отец. Парадокс в том, что отец может быть девиантным (пьянство, насилие, измены), но если он не бросает семью и сохраняет по отношению к ней формальные обязанности, это многое оправдывает.

И женщины, и мужчины выступали в роли обличителей «подлецов» во многом потому, что их возмущал тот факт нарушения негласных правил жизни в обществе — некто позволял себе то, чего не могут другие. Важно отметить, что сами понятия «удовольствие», «свобода», «развлечения» употреблялись в письмах в негативном контексте. «Свободная жизнь», которую вели некоторые отцы, означала еще и то, что эти мужчины контролировали ситуацию, они имели выбор — остаться с женщиной, жениться на ней и воспитывать совместного ребенка, жить одному или уйти к другой женщине. То есть отцовство (или отказ от него) было их сознательным выбором — причем в силу социальных установок и традиционной гегемонной маскулинности они имели возмож-

ность руководствоваться личными соображениями и при этом не сталкиваться с маргинализацией. Напротив, во многих случаях они являлись ценными работниками с высокой зарплатой и доступом к материальным благам, их положение в обществе не менялось, они не становились «изгоями», и не подвергались дискриминации. Это разрушало идеальный образ «строителя коммунизма», подрывало идеологическую модель.

Эта модель маскулинности ближе всего к традиционной маскулинной модели, когда у мужчины есть дети от разных связей, когда у него есть влияние и деньги и он распоряжается ими по собственному желанию. Он независим и лишен эмпатии, поэтому не может посвятить себя воспитанию и заботе о детях.

Все перечисленные черты не дают оснований говорить о том, что порицаемые мужчины были как-то специфически девиантны или что они обладали набором характеристик, который отсутствовал у других. Такие «классические маскулинные» девиантные проявления, как бытовой алкоголизм или домашнее насилие, не интересуют авторов писем, а если они и упоминают их, то исключительно в контексте опасений за детей, которые могут воспринять «дурной пример» отцов. Авторам писем было важно сделать упор на несоответствие поведения некоторых мужчин коммунистической морали. И, поскольку эти мужчины являются еще и отцами, они подают дурной пример детям — будущему страны.

Таким образом, основная критика советских отцов в письмах граждан сводилась одновременно к оторванности таких мужчин от семьи (нарушение законов традиционной морали) и от советского общества (коммунистической морали). И модель «идеального советского отца» — примерного семьянина, высокоморального и трудолюбивого — конструировалась на основе негативной модели девиантного отца.

Список литературы

1. В комиссиях законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей // Правда. — 1961. — № 339 (15829).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7523. Оп. 45. Д. 446.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7523. Оп. 45. Д. 455.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7523. Оп. 45. Д. 456.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7523. Оп. 45. Д. 459.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9514. Оп. 1. Д. 13.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9514. Оп. 1. Д. 42.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71.
9. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / Рэйвин Коннелл [пер. с англ. Т. Барчуновой]. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — 425 с.
10. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. — М.: Европа, 2005. — 526 с.
11. Маршак С.Я., Сперанский Г.С., Шостакович Д.Д., Эренбург И.Г. Это отвергнуто жизнью // Литературная газета. — 1956. — № 120(3621).
12. Миронкин А. Жизнь и загосовский брак // Известия. — 1962. — № 13.
13. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»// Ведомости Верховного Совета СССР. — 1944. — № 37.
14. Хрестоматия по марксистско-ленинской философии / С.Т. Калтахчян, Ю.П. Петров, В.Т. Калтахчян. — М., 1961—1962. 3 т. — Т. 3. — 1962. — 800 с.
15. Чернова Ж.В. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. — С. 138—168.

УДК 930:061.2/.3

*А.С. Курасова*¹

Академическая мобильность по-советски: научные командировки преподавателей высших учебных заведений (1956—1986 гг.)

Аннотация. Автор исследует особенности повышения советскими преподавателями своего профессионального уровня. Рассматриваются основные практики и проблемы данного процесса. В ходе исследования выявляется формальное и неформальное значение «академической мобильности» историков.

Ключевые слова: курсы повышения квалификации; стажировка; протоколы; стенограммы; кафедры истории; историки Челябинска; Все-союзные совещания.

Anastasia S. Kurasova

**ACADEMIC MOBILITY IN THE SOVIET WAY: EDUCATIONAL
JOURNEYS OF LECTURERS HIGHER EDUCATIONAL
INSTITUTIONS (1956—1986)**

Abstract. The author investigates special aspects of professional development by the Soviet lecturers. The main praxises and problems of this process are considered. During the research the formal and informal value of “the academic mobility” of historians comes to light.

Keywords: advanced training; visiting professorship; discussion notes; shorthaphs; departments of history; historians of Chelyabinsk; All-Soviet Union conferences.

В современном российском обществе под воздействием многочисленных информационных потоков происходит трансформация представлений о «научности». При этом различные аспекты, связанные с (не)формальным взаимодействием ученых, распространением новых знаний, соотношением «коллективного» и «индивидуального» в научной работе, обладают собственными нормами и традициями. Для их выявления, изучения и, возможно, сохранения необходимо обратиться к исследованию «глу-

¹ **Курасова Анастасия Сергеевна** — преподаватель ПЦК «Юридические дисциплины» Южно-Уральского государственного колледжа. Челябинск, Россия. e-mail: ask_historian@mail.ru
Anastasia S. Kurasova — Educator of department “Branches of jurisprudence”, South-Ural state college. Chelyabinsk, Russia.

бинных» тенденций, что побуждает к рассмотрению советского опыта.

Неотъемлемой частью научной деятельности современных российских ученых является «академическая мобильность». Она заключается, согласно определению популярного благотворительного фонда, в «расширении научных и учебных контактов, в знакомстве с современными исследовательскими и образовательными практиками», воплощением которых являются «научные стажировки, участие в семинарах и конференциях, а также поездки, предусматривающие работу в архивах, библиотеках и иных информационных центрах в России и за рубежом» [1]. Профессиональная принадлежность автора данной статьи определяет обращение к изучению собственного научного сообщества — историков, позволяя использовать знание объекта своего исследования «изнутри». Для изучения выбран относительно спокойный (между потрясениями сталинизма и «перестройки») период в развитии советской исторической науки: 1956—1986 гг., оптимальный для выявления повторяющихся закономерностей и долговременных процессов. Данная статья посвящена особенностям «академической мобильности», в связи с чем представляется целесообразным рассмотреть обозначенной проблемы на микро- (локальный) и макро- (общесоюзный) уровнях. Локальный уровень представлен сообществом историков Челябинска, что объясняется «врожденным желанием человека на получение знания о месте, в котором он живет» и «первичной социальной потребностью в формировании своей идентичности на основе общей социальной (исторической) памяти» [2].

В исследуемый период сфера профессиональной деятельности историков Челябинска ограничивалась преподаванием в высших учебных заведениях [3] (в связи с отсутствием в городе профильных научных учреждений). Соответственно, в качестве наиболее информативных исторических источников привлечены протоколы заседаний кафедр истории. Они представляют собой письменную фиксацию «сюжетов», которые обсуждались на кафедральных заседаниях. По содержанию протоколы варьируются от сухих реплик «слушали-постановили» до многостраничных «сценариев» выступлений. Особенностью протоколов является противоречивость их составления: неизбежная цензура и вероятность включения вымышленной информации сочетается со стремлением «задокументировать» устную речь для возможной проверки кафедры партийными органами. Следует учитывать и то, что составление

протоколов являлось партийной практикой, отличавшейся использованием характерных речевых оборотов и неререфлексируемым отражением представлений о «должном» поведении.

Коллективы кафедр обладали полномочиями направлять преподавателей на курсы повышения квалификации и стажировки, в творческий отпуск и научную командировку. Контроль над подобными перемещениями осуществлялся посредством схемы «план-отчет». Любые несоответствия плану, в том числе «нерациональное» использование времени «деловой» командировки обсуждались (и осуждались) коллегами [4]. Во время нахождения на курсах повышения квалификации историки посещали лекции и спецкурсы, учились использовать различные «технические средства обучения» (ТСО), представляли собственные лекции и доклады для последующего обсуждения, занимались подготовкой брошюр [5]. Помимо этого, они посещали экскурсии [6], принимали участие в проверках высших учебных заведений [7], но главное — получали возможность знакомства, общения и обмена опытом с коллегами из других регионов СССР. Отчитываясь после возвращения перед коллегами на заседаниях кафедры, преподаватели упоминали как о достоинствах [8], так и о недостатках [9] «принимающей стороны». В исследованных протоколах в качестве последней выступали вузы Ленинграда, Минска, Москвы, Свердловска и Челябинска.

В собственном городе историки могли пройти стажировку в одном из вузов. Она включала в себя работу над научными статьями в архивах и музеях, участие в конференциях и подготовку публикаций, а также разнообразные «общественные поручения» [10]. Иными словами, воспроизводились повседневные трудовые практики преподавателей. Полученным опытом они могли «поделиться» со своими коллегами [11], а также использовать приобретенные знания в собственной деятельности. Можно предположить, что посредством подобных стажировок, помимо прочего, преодолевалась свойственная коллективам кафедр корпоративность и замкнутость. Образно выражаясь, сообщество историков Челябинска было подобно множеству «общающихся сосудов» и потому в нем присутствовало относительное внутреннее единство.

Локализация крупнейших в стране архивов и библиотек определила Москву в качестве самого популярного направления научных командировок. Данные поездки способствовали «установлению научных связей», что проявлялось, в частности, в личном знакомстве и заключении договоренности с потенциальным на-

учным руководителем [12]. Логично предположить, что при этом историки Челябинска соприкасались с деятельностью «невидимых колледжей». Данный термин обозначает группу ученых, работающих в разных организациях и странах, но занимающихся исследованием схожих проблем. Подобная группа «держится» на межличностных отношениях, поэтому ее отличает оперативная неформальная связь (личные письма и контакты), что приводит к более быстрому получению научных результатов [13].

Для историков Челябинска, изучавших историю других стран, поездка в Москву предоставляла зачастую единственную возможность ознакомиться с источниками на языке оригинала. Помимо работы в библиотеках с новыми публикациями по темам своих исследований [14], преподаватели посещали научные мероприятия, о чем по возвращении рассказывали на кафедральных собраниях [15]. Таким образом, они выполняли функцию своеобразных посредников, транслируя в своих коллективах сведения о новинках и достижениях исторической науки.

Необходимость работы с иноязычными источниками и взаимодействия с зарубежными коллегами подразумевала совершение командировок за границу. В исследованных протоколах отражено описание результатов поездки одного из преподавателей в ГДР. Итоговый отчет свидетельствует о проведении масштабной напряженной работы в библиотеке Лейпцига, архивах Берлина и Потсдама [16]. Однако данная ситуация являлась скорее исключением из правил, так как медиевисты, и в целом историки-«всеобщники», «не могли посетить изучаемую страну для работы в архивах. Тем самым они оказывались ущемленными в самом важном, становясь зависимыми от того, как источники издавались «буржуазными» историками. Но на этот вызов корпорация находила достойный ответ, развивая в историке способность отыскивать самые неожиданные источники и находить в давно известных текстах новые смыслы, выжимая из источника все возможное» [17]. Примечательно, что на кафедральных заседаниях историки отчитывались не только о «деловых», но и о туристических поездках в другие страны [18]. Вероятно, «презентация субъективных впечатлений советских туристов» коллегам по кафедре была более информативной и менее политизированной, так как «в выступлениях перед профессиональной аудиторией, в отличие от газетных статей и публичных лекций, акцент чаще смещался на сторону вынесенного из поездки положительного опыта» [19].

Изучение проблематики «академической мобильности» на общесоюзном уровне возможно посредством анализа стенограмм Всесоюзных совещаний историков [20]. В отличие от протоколов, стенограммы составлялись синхронно с устными выступлениями, а качество их содержания определялось профессионализмом стенографисток. Организуемые в зависимости от политических трансформаций, «совещания историков были определенной формой общения власти с представителями научного исторического сообщества, на которых осуществлялась своеобразная обратная связь: историки отчитывались о достигнутых результатах, партия ставила очередные задачи» [21]. Заведующие кафедрами были обязаны присутствовать на всесоюзных совещаниях и по возвращении транслировать воспринятую информацию своим коллегам. Данные сведения неизбежно отличались субъективностью и сопровождались рассказом о личных впечатлениях [22]. Безусловно, на совещаниях происходил интенсивный обмен мнениями и опытом, в том числе «в кулуарах».

Однако главной целью проведения подобных масштабных мероприятий было ознакомление историков с изменениями в «политике партии» с целью последующей передачи этих сведений в локальные сообщества. Отсутствие результатов функционирования этих собраний, их «совещательный характер» можно проиллюстрировать обсуждением проблематики «повышения квалификации». Так, на совещании 1962 г. согласно ритуалу «критики и самокритики», предлагалось отменить чтение лекций преподавателям, которые «сами умеют читать и работать самостоятельно», заменив их на «специальные практикумы по историографии, по источниковедению, по архивному делу, по методике обработки статистических данных» [23]. Однако на совещании 1986 г. вновь фигурировала проблема лекций, из года в год повторяющихся на курсах повышения квалификации [24], причем в их содержании не учитывались знания и статус приезжающих преподавателей [25]. В качестве альтернативы предлагались «встречи обучающихся в представителями историко-партийной науки, с видными учеными... дискуссии, обсуждение вопросов», «цикл лекций об актуальных проблемах современной философии, политэкономии, научного коммунизма» [26], однако в жизнь эти предложения так и не воплотились.

Неизменность описанной ситуации способствовала закономерному появлению стратегий приспособления к ней. В частности, это выражалось в более продуктивном использовании времени курсов повышения квалификации в собственных научных интересах. Пре-

подавательница одного из челябинских вузов вспоминала: «Мы там пять месяцев жили... писали там диссертации, потому что у нас была возможность работать в центральных архивах, в библиотеке имени Ленина, с центральным каталогом. Так что пять месяцев мы там спокойно занимались наукой» [27]. Примечательно, что организаторы курсов, проводя социологические опросы слушателей, были осведомлены о том, что «некоторые называют направление в ИПК административной ссылкой на пять месяцев» [28] и лояльно воспринимали то обстоятельство, что приезжающие предпочитают прослушиванию лекций «занятия наукой» [29].

Подводя итоги, следует отметить наличие закономерности, общей для всех проявлений «академической мобильности» историков Челябинска. Между коллективом кафедры и направляемым в поездку преподавателем устанавливались договорные отношения. В обмен на предоставление научной командировки после возвращения историки должны были представить коллегам успешные результаты своей работы. При этом они выступали в качестве «связующего звена» между различными локальными сообществами, способствуя распространению новых знаний. Подобное взаимодействие было взаимовыгодным, повышая научный уровень как отдельного преподавателя, так и его профессионального коллектива.

Список литературы

1. См. «Положение о порядке организации и проведения открытого благотворительного конкурса “Академическая мобильность”» // Фонд Михаила Прохорова. — URL: <http://www.prokhorovfund.ru/projects/contest/153/4008/> (дата обращения: 25.08.2018).
2. Маловичко С.И., Румянцев М.Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение: объект, предмет, методы изучения: сб. ст./сост., ред. А.Е. Загребин, О.М. Мельникова. — Ижевск: Удмуртский университет, 2012. — С. 6, 8.
3. Челябинский государственный педагогический институт (ЧГПИ), Челябинский политехнический институт (ЧПИ), Челябинский институт механики и электрификации сельского хозяйства (ЧИМЭСХ), Челябинский государственный институт физической культуры (ЧГИФК), Челябинский государственный институт культуры (ЧГИК), Челябинский медицинский институт (ЧМИ), Челябинский государственный университет (ЧелГУ).
4. «Предупредить тов. Камышлейцева В. В. о том, что творческий отпуск недопустимо использовать для отдыха и различных загородных поездок с развлекательными целями». ОГА ЧО. Ф. Р-392. Оп. 1 (продолжение). Д. 291. Л. 62.
5. ОГА ЧО. Ф. Р-861. Оп. 1: Д. 175, л. 61; Д. 481, л. 35—36.
6. «Возили в Брестскую крепость, в Беловежскую пушу, на курган Славы, Хатынь, на Минский тракторный завод». ОГА ЧО. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 481. Л. 36.

7. «Участвовал в проверке Брестского инженерно-строительного института и педагогического института». Там же.
8. «Посещал ряд интересных лекций, которые читались ответственными работниками ЦК КПСС, профессорами МГУ и других вузов г. Москвы». ОГА ЧО. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 175. Л. 61. «Обмен мнениями преподавателей принесло большую пользу». Там же. «Бытовые условия очень хорошие». ОГА ЧО. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 481. Л. 35.
9. «Вместе с тем, следует отметить, что были и недостатки в работе ИПК. Одним из них является механическое, нередко без знания обстановки, копирование вузовских методов обучения. Лекции, которые читались преподавателями кафедры истории КПСС, не всегда были удачными. Например, лекции по историографии истории КПСС». ОГА ЧО. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 175. Л. 61. «Курс нам был прочитан упрощенно, машины были не новейшие». ОГА ЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 2269. Л. 16.
10. «Стажировка — 3 месяца, при педагогическом институте, на кафедре истории КПСС. Учебно-методическая работа: ознакомилась с организацией учебного процесса кафедры, методической работой преподавателей. Научная работа: зав. кафедрой определил мне тему научной статьи, над которой работала в двух архивах и трех музеях. Статья написана и сдана. Работала над сборником документов. Приняла участие в теоретической конференции кафедры. Общественная работа: прочитала две лекции и подготовила партсобрание на факультете». ОГА ЧО. Ф. Р-1392. Оп. 4 (продолжение). Д. 833. Л. 49—50.
11. «Утвердить отчет асс. Дорофеева В.Н. о стажировке в ЧИМЭСХ. Использовать опыт работы кафедры истории КПСС ЧИМЭСХ, в первую очередь, опыт работы с первоисточниками». ОГА ЧО. Ф. Р-1392. Оп. 4 (продолжение). Д. 980. Л. 94. «Преподавателям кафедры использовать в своей практической работе материалы, привезенные Сучковым С.Ф.». ОГА ЧО. Ф. Р-1397. Оп. 4. Д. 1369. Л. 14.
12. «Министерство советовало сначала заручиться согласием И.И. Минца. Встреча с тов. Минцем состоялась. Минц заявил, что по этой теме защищены 2 диссертации, но что тема не исчерпана и еще могут быть 2—3 диссертации. Минц дал согласие быть научным руководителем». ОГА ЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1 (продолжение). Д. 1292. Л. 77.
13. Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. — 1993. — Вып. 3. — С. 258.
14. «Просмотрела новейшую литературу, вышедшую за последние два года, по истории Франции, которой я занимаюсь». ОГА ЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 763. Л. 74.
15. «[Присутствовала] на заседании сектора новой истории Института истории АН СССР, где слушала доклад профессора Б.Ф. Горшневца «Основные проблемы новой истории». О содержании прослушанного доложила на кафедре». Там же.
16. ОГА ЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1 (продолжение). Д. 1751. Л. 37.
17. Уваров П. Портрет медиевиста на фоне корпорации // Новое литературное обозрение. — № 81 (5—2006). — С. 195.
18. «Сообщение зав. кабинетом общественных наук Баренбаум Л.Н. о поездке на Кубу. Подробно рассказала о поездке в составе туристической группы по Средиземноморью, на Кубу. Она показала слайды, рассказала о своих впечатлениях, о жизни Турции, Греции, Кубы и др. местах». ОГА ЧО. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 368. Л. 39.

Новые факты о мировых рекордах Германа Титова

19. Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955—1991. — М.: Высшая школа экономики, 2016. — С. 12.
20. Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений (1 февраля 1962 г.); Всесоюзный семинар-совещание по актуальным проблемам марксистско-ленинской философии, истории, политической экономии, государства и права в связи с решением XXIII съезда КПСС (27 мая 1966 г.); Всесоюзный семинар-совещание по пропаганде общественных наук в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции (17 февраля 1967 г.); Всесоюзное совещание заведующих кафедрами высших учебных заведений (20 июня 1968 г.); Всесоюзное совещание по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по исторической науке, других научных мероприятий (25 апреля 1986 г.); Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук (1—3 октября 1986 г.); Всесоюзное совещание-семинар заведующих кафедрами истории СССР, всеобщей истории, методики преподавания истории и общественного педагогических институтов (9—18 сентября 1987 г.)
21. Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 2006. — С. 21.
22. «Епишев (генерал) говорил, как культ личности повлиял на военную историю. Касинцев (украинец) предлагал заменить вступительные экзамены в аспирантуру уже сданными кандидатскими экзаменами... Выступление Нечкиной М.В. было очень хорошим. Она говорила, что история, как наука, показывает роль масс и закономерный процесс в развитии человеческого общества. Она говорила, что историков меньше готовится, чем они убывают. Она предложила ВАК сделать выборным. Мало воспитывается патриотизм, часто бытует нигилизм. Надо критиковать аргументы наших врагов... Снегов выступал крикливо. Он сидел в тюрьме 17 лет в период культа личности... Феофанова оспаривала как в истории КПСС освещается приезд Ленина в Петроград в учебнике «История КПСС». Она говорит, что он приехал в сентябре к ней на квартиру. Сталин требовал забыть Крупскую. Нужно восстановить в истории Ольминского, который открывал VI съезд партии... На секции был доклад Попелова, который подчеркнул, что нужно больше аргументировать, что история КПСС — это наука». ОГА ЧО. Ф. Р-1392. Оп. 4. Д. 141. Л. 103—104.
23. ГА РФ. Ф. 9606. Оп. 1. Д. 1212. Л. 111.
24. «Вот мы приезжаем в ИПК и опять, и опять, в который раз одно и то же слушаем. Ну молодому преподавателю надо, а большинство уже по третьему, а может быть и по четвертому разу опять перемалывает все старое». ГА РФ. Ф. 9606. Оп. 3. Д. 1234. Л. 72.
25. «Не допускать того, чтобы в одном общем потоке повышали свою квалификацию и профессора, и ассистенты». ГА РФ. Ф. 9606. Оп. 3. Д. 1234. Л. 36.
26. ГА РФ. Ф. 9606. Оп. 3. Д. 1234. Л. 50, 72.
27. Интервью с М.Н. Евлановой // Архив научно-образовательного центра ЮУрГУ «Устная история».
28. ГА РФ. Ф. 9606. Оп. 3. Д. 1234. Л. 156.
29. «Было время, когда Минвуз СССР прямо противопоставлял учебную и научную работу. Теперь этого нет, а раньше говорили: вы приехали в ИПК заниматься не научной работой, а повышать квалификацию. Это в прошлом». ГА РФ. Ф. 9606. Оп. 3. Д. 1234. Л. 158.

Аннотация. В статье на основе рассекреченных архивных документов Межведомственного научно-технического совета по космическим исследованиям при АН СССР изложена ситуация, сформировавшаяся вокруг присуждения мирового космического рекорда Герману Титову, совершившему первый суточный полет в космос. Затянутое рассмотрение дела Титова в Международной авиационной федерации позволило к марту 1962 года США заявить о претензиях на данный рекорд со стороны Джона Гленна.

Ключевые слова: история космонавтики; космическая гонка; Герман Титов; Джон Гленн; Международная авиационная федерация; мировые космические рекорды.

Viktoria S. Batchenko

NEW FACTS ABOUT WORLD RECORDS OF GERMAN TITOV

Abstract. The article on the basis of declassified archival documents of the Interdepartmental scientific and technical Council for space research at the USSR Academy of Sciences describes the situation formed around the award of the world space record to German Titov, who made the first daily flight into space. The protracted consideration of the Titov case in the Federation of international aviation allowed by March 1962 the United States to claim this record by John Glenn.

Keywords: space history; space race; German Titov; John Glenn; Federation of international aviation; world space records.

Поступательное изучение и освоение космического пространства человечеством в 1950-е гг. — от исследований влияния на живой организм верхних слоев атмосферы до запуска первого искусственного спутника Земли — четко обозначило возможность скорого запуска человека в космос. Первый полет, совершенный советским летчиком-космонавтом Юрием Алексеевичем Гагариным 12 апреля 1961 г., положил начало практике установления

¹ **Батченко Виктория Сергеевна** — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. E-mail: vik-batchenko@yandex.ru

Viktoria S. Batchenko — Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher of Center for Studies of the Recent History of Russia and Political Science, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

мировых рекордов по дальности и продолжительности космических полетов. Вопросами официальной фиксации рекордов ведала Комиссия по астронавтике при Международной авиационной федерации [Международная авиационная федерация — Fédération Aéronautique Internationale, FAI (далее ФАИ)], созданной еще в 1905 г. для отслеживания рекордов в области аэронавтики в целях развития спортивной авиации. Гагарин являлся первым и единственным рекордсменом в этой области. В деле о первом космическом полете было зафиксировано три мировых рекорда: продолжительности полета (108 минут), высоты полета (максимальная высота полета составила 327 км) и поднятого веса (вес полезного груза, установленного на ракете, 4725 кг) [2, с. XVII—XXII].

Освоение космоса продолжалось и с 6 на 7 августа 1961 г. космический полет продолжительностью свыше 25 часов совершил второй советский космонавт Герман Степанович Титов. Не станем подробно останавливаться на особенностях проведения этого полета, лишь отметим, что удачный запуск и приземление обозначили нового кандидата на звание мирового космического рекордсмена.

Из публичных источников и литературы известно, что Герман Титов удостоился мирового рекорда 12 марта 1962 г., но почему второй космонавт планеты и первый, совершивший многочасовой полет в космосе, более полугода ожидал мирового признания, оставалось неясным. Рассекреченные в последние годы документы Междудементального научно-технического совета по космическим исследованиям при АН СССР (фонд 213 РГАНТД) позволяют прийти к выводу, что при решении вопроса о присуждении очередного мирового рекорда, помимо бюрократических преград, немалую роль сыграли политические амбиции государств, участвовавших в космической гонке, жажда побед, пусть даже и формальных. Итак, что же замедлило получение официального признания мирового рекорда очередным советским летчиком-космонавтом?

После совершения суточного полета кандидатуру Титова представили в ФАИ на установление новых мировых рекордов по четырем позициям: продолжительность космического полета (25 часов 18 минут), дальность космического полета (703 150 км), продолжительность полета в классе орбитальных полетов (25 часов 18 минут) и дальность полета в классе орбитальных полетов (703 150 км) [1, л. 71]. Очевидный успех Титова не вызывал сомнений, но утверждение затянулось из-за банальной бюрократии.

С 12 по 22 октября 1961 г. в Монако проходила Генеральная конференция ФАИ, во время проведения которой целесообразно было решить вопрос о присвоении очередного мирового рекорда новому космонавту. На заседании Комиссии по астронавтике представители советской делегации во главе с генерал-майором авиации В.К. Коккинаки (в 1961 г. занимал пост вице-президента ФАИ. — В.Б.) внесли на рассмотрение дело Титова. Но, как показывают сохранившиеся документальные источники, члены Комиссии отказались его рассматривать из-за нарушения регламента (отсутствовала предварительная рассылка документов для ознакомления с материалами дела всех членов Комиссии) и вопрос даже не был внесен в повестку заседания. Для нас пока остается без ответа вопрос — почему советская делегация не разослала заранее материалы дела Титова. Но ясно одно — проблема заключалась не в отсутствии опыта, учитывая недавнюю подготовку документов Гагарина к присуждению рекорда. Так или иначе, но в октябре 1961 г. Герман Титов остался без титула мирового рекордсмена.

Тем временем суточный полет советского летчика-космонавта заставил американцев отказаться от третьего суборбитального космического полета по причине его нерентабельности [3, р. 272] и сосредоточиться на подготовке первого в США орбитального полета человека в космос. 20 февраля 1962 г. такой полет был успешно совершен: подполковник морской авиации Джон Гленн стал первым американским астронавтом и третьим космонавтом мира. Как отмечают исследователи, после первых поражений в космической гонке полет Гленна будто вернул американцам самоуважение и вселил в них надежду на будущие победы [4, р. 347]. В правительственных кругах США эта надежда вылилась в конкретные шаги: в ФАИ обозначилось негласное противостояние космических достижений Титова и Гленна. Формальное отсутствие утверждения мирового рекорда за суточный полет давало США право претендовать на рекорд по дальности и продолжительности космического полета, несмотря на то, что Гленн пробыл в космосе чуть менее пяти часов.

В конце февраля — начале марта 1962 г. ФАИ прислала в Центральный аэроклуб имени В.П. Чкалова¹ комментарии членов Комиссии по астронавтике по вопросу «дела Титова», сводив-

¹ Именно он обладал правом выдвижения претендентов на мировые рекорды от СССР в ФАИ.

шиеся к следующему: «США, Англия, Испания, Италия против [Выделено в источнике. — *Б.В.*] утверждения предъявленных для регистрации рекордов; Франция, Голландия, Польша и Бельгия — замечаний не имеют и согласны с материалами рекордного дела Г.С. Титова». Несогласие некоторых стран аргументировалось отсутствием в деле «достаточно убедительных данных, которые бы доказывали реальность установленных Г.С. Титовым рекордов» [1, л. 72]. Комиссия требовала предоставить недостающие технические сведения о конструкции корабля «Восток», схеме спуска и приземления, программе полета и средствах измерения траектории полета [1, л. 86].

Дополнительные технические требования ФАИ отчасти затрагивали засекреченную информацию, но в целом носили публичный характер и включали сообщение координат двух-трех точек траектории свободного полета корабля-спутника «Восток-2», общую схему спуска корабля «Восток-2» на Землю и спуска Титова (с указанием высоты отделения кресла от корабля, скорости приземления), устройство корабля-спутника «Восток-2», подробную программу полета, точность телеметрических измерений записей некоторых физиологических параметров и параметров среды кабины корабля-спутника «Восток-2», точность измерения орбиты полета в километрах и т.д. Также формальным условием отказа в рекорде служило приземление космонавта на парашюте, в то время как по спортивному кодексу предусматривалось приземление космонавта в корабле.

Первые лица космической программы СССР понимали двойственность ситуации: за нехваткой дополнительных сведений о полете Титова стояла опасность перехвата очередного мирового рекорда Соединенными Штатами. С конкретными предложениями в адрес Совета министров СССР выступили председатель Межведомственного научно-технического совета по космическим исследованиям при АН СССР М.В. Келдыш и главный конструктор ОКБ-1 С.П. Королев. В своих обращениях они выражали опасения из-за намерений американцев «перехватить» рекорд, а также не возражали против передачи дополнительных технических сведений о полете Титова. В случае непризнания достижений СССР Комиссией ФАИ оба академика категорично предлагали заявить о выходе советской делегации из ее состава [1, л. 71—73, 86—87]. Эти предложения легли в основу указаний советской делегации к заседаниям в Париже 10—12 марта 1962 г.:

«В случае, если, несмотря на представленную дополнительную информацию, предусмотренную в разделе 2 настоящего указания, рекорды Г.С. Титова не будут утверждены, заявить об уходе СССР из Комиссии по астронавтике ФАИ» [1, л. 76].

Формальная ошибка советской делегации в Монако из-за отсутствия предварительной рассылки дела Титова и перенос его рассмотрения послужили предлогом отказа Титову в праве стать новым космонавтом-рекордсменом, и на рекорд наряду с Титовым уже претендовал Гленн. Именно поэтому в марте 1962 г. США активизировались и настаивали на неутверждении Комиссией рекордов Титова, «преднамеренном затягивании», по выражению Королева, «вопросов оформления рекордных достижений Г.С. Титова» [1, л. 87], и создании благоприятных условий для представления на «утверждение рекордов по дальности и продолжительности» [1, л. 73] Гленна.

Но на своем заседании Комиссия ФАИ все-таки признала Германа Титова новым космическим рекордсменом, присудив ему два рекорда: по продолжительности космического полета и его дальности [5]. К слову, Джон Гленн также стал мировым рекордсменом, правда значительно позже: совершив свой второй космический полет спустя 36 лет, 29 октября 1998 г. в возрасте 77 лет, он стал «самым старым человеком, который летал в космос, и единственным, кто летал в программах Mercury и Space Shuttle» [6].

Список литературы

1. Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД). Ф. 213. Оп. 6—6. Д. 23.
2. Человек. Корабль. Космос: Сборник документов к 50-летию полета в космос Ю.А. Гагарина. — М.: Новый хронограф, 2011. — 849 с.
3. Erickson L. Space Flight. History, Technology, and Operations. — Government institutes, 2010. — 659 p.
4. McDougall W. The heavens and the Earth. A political history of the space age. — London, 1997. — 555 p.
5. Fédération aérospatiale internationale. History of manned spaceflight — the pioneers. German Titov: Vostok 2. URL: <https://www.fai.org/page/icare-history-pioneers> (дата обращения: 11.09.2018).
6. Fédération aérospatiale internationale. History of manned spaceflight — the pioneers. John Glenn: first american to orbit the Earth. URL: <https://www.fai.org/page/icare-history-pioneers> (дата обращения: 11.09.2018).

Подрядные отношения в сельском хозяйстве СССР В 1980-х — начале 1990-х гг.

Аннотация. В 1980-х гг. советское руководство активно организовало внедрение подрядных отношений в сельском хозяйстве. Например, были попытки широко распространить коллективный и семейный подряды как основные формы внутривладельческих отношений. Началось формирование правовых основ для реализации этих инициатив, однако в целом для развития подрядных отношений отсутствовало комплексное обеспечение, и их реального распространения не наблюдалось.

Ключевые слова: подрядные отношения; сельское хозяйство СССР; Горбачев М.С.; перестройка.

Zhuang Shiqi

THE CONTRACT RESPONSIBILITY SYSTEM IN AGRICULTURE OF
THE USSR IN 1980s AND THE BEGINNING OF 1990s

Abstract. During the 1980s Soviet leadership actively organized the implementation of contractual relations in agriculture. In particular, in the late 1980's. For example, there have been attempts to widely distribute collective and family contracts as the main forms of on-farm relations. The formation of legal bases for the implementation of these initiatives began, however, in general, there was no comprehensive support for the development of contractual relations, and their real distribution was not observed.

Keywords: contractual relations; agriculture of the USSR; Gorbachev M.S.; perestroika.

В конце 1950-х гг. в сельском хозяйстве СССР появилась безнарядная система организации труда с аккордно-премиальной оплатой. В некоторых колхозах и совхозах работники на добровольных началах формировали небольшие по численности коллективы. Руководство хозяйств устанавливало им задания в

показателях, характеризующих конечный результат работы, закрепляло за ними землю, предоставляло необходимое количество техники и инвентаря. После этого безнарядные коллективы самостоятельно организовывали производство. Оплата труда производилась в течение года в форме аванса, который начислялся либо за выполнение отдельных работ по сдельным расценкам, либо за отработанное время. В конце года коллективам выплачивалась разница между полученными суммами авансов и заработной платой по аккордным расценкам. В 1960-е гг. безнарядная система получила определенное развитие, и временами довольно успешно. Типичным примером может служить совхоз «Леонтьевский» Ступинского района Московской обл., в котором весной 1967 г. четверо механизаторов сформировали бригаду и получили право распоряжения землей и техникой. В результате урожайность зерновых в бригаде оказалась на 5 ц с га выше, чем по совхозу, а заработок — на 25—40 руб. выше, чем у остальных трактористов совхоза [1, л. 73, 74, 75]. Однако в 1970-е гг. по причине усиления директивного управления число безнарядных коллективов резко уменьшилось. За десятилетие в растениеводстве РСФСР оно сократилось с 10 тыс. до 5 тыс. [2, л. 167].

В первой половине 1980-х гг. в условиях снижения производства зерна советское руководство вновь обратило внимание на безнарядную систему (коллективный подряд). В Продовольственной программе, принятой в мае 1982 г., предусматривалось распространить опыт такой работы [3, с. 2], а на заседании Политбюро ЦК КПСС (10 марта 1983 г.) было решено усилить организаторскую работу по широкому внедрению этого метода в колхозное и совхозное производство [4, с. 1]. Главным сторонником коллективного подряда являлся М.С. Горбачев, который в ноябре 1978 г. был назначен секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству. В 1983 г. он уверенно предполагал, что к концу пятилетки эта прогрессивная форма организации и стимулирования труда должна прочно войти в практику колхозного и совхозного производства [5, с. 2]. Став генеральным секретарем ЦК КПСС, Горбачев окончательно связал задачу повышения производства сельскохозяйственной продукции с повсеместным введением коллективного подряда. В ходе обсуждений этого вопроса в ЦК КПСС в марте [6, л. 98] и декабре [7, л. 290] 1986 г. было принято решение о внедрении коллективного подряда во всех производственных звеньях сельского хозяйства.

¹ Чжуан Шици — аспирант, кафедра истории России XX—XXI вв. Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Цзинань, КНР. e-mail: shandongxutao@gmail.com

Zhuang Shiqi — Ph.D. Candidate, Department of Russian History of the 20th-21st Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. Jinan, China.

Однако, несмотря на поддержку советского руководства, реального распространения коллективного подряда в сельском хозяйстве не наблюдалось. Подрядным коллективам предоставлялось мало льгот и правовых гарантий, и коренной перестройки экономических механизмов, чрезвычайно важной для успешного развития коллективного подряда, практически не происходило. Наоборот, в 1982—1986 гг. наблюдалось усиление командно-административной системы управления сельским хозяйством. Государственный агропромышленный комитет СССР, созданный в 1985 г. и наделенный полномочиями в области планирования, финансирования и снабжения материальными ресурсами, стал масштабной и мощной бюрократической структурой. Значительная часть подрядных коллективов существовала лишь формально. Коллективы, созданные на добровольных началах, часто не имели гарантированного обеспечения ресурсами, а их права ущемлялись [8, с. 1]. Они нередко страдали от руководителей агропромышленных объединений и райкомов партии, которые неоправданно вмешивались в деятельность хозяйств [9, с. 52].

С 1987 г. семейный подряд стал официально применяться во всех отраслях сельскохозяйственного производства. Хозяйства могли заключать договор как с семьями, проживающими на территории хозяйств, так и с семьями, проживающими в городах, рабочих поселках и других населенных пунктах. Вознаграждение подрядчика за труд производилось заказчиком в форме оплаты труда за произведенную продукцию или выполненные работы, либо в форме закупки выращенного. Подрядчик и заказчик несли взаимную ответственность, в том числе и материальную, за соблюдение условий подряда, зафиксированных в договоре [10, с. 3, 5]. На IV Всесоюзном съезде колхозников, открывшемся 23 марта 1988 г., было решено широко внедрять как коллективный, так и семейный подряд в качестве главной формы внутрихозяйственных производственно-экономических отношений [11, с. 1].

Наиболее важным толчком к внедрению подрядных отношений стали правовые нормы, принятые в конце 1980-х гг. Так, в Примерном уставе колхоза 1988 г. было отмечено: «Колхоз имеет право по решению общего собрания арендовать сам или передавать земельные участки в аренду членам колхоза, другим кооперативам, государственным предприятиям, а также отдельным гражданам» [12, с. 12]. При этом признавалось право колхозов сдавать арендаторам тракторы, машины и инвентарь, рабочий и

продуктивный скот, постройки, другие средства производства и материальные ресурсы [12, с. 14, 15]. В 1989 г. арендно-подрядные отношения были разрешены во всех сельскохозяйственных предприятиях и организациях.

7 апреля 1989 г. президиум Верховного совета СССР выпустил указ «Об аренде и арендных отношениях в СССР», в развитие которого 23 ноября 1989 г. Верховный совет СССР принял «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде». Впервые было юридически признано право всех хозяйств на арендный подряд. В законе говорилось: «Государственные предприятия, организации вправе сдавать в аренду имущественные комплексы, отдельные здания, сооружения, оборудование и другие материальные ценности, находящиеся в их полном хозяйственном ведении или оперативном управлении» [13, с. 641—642]. При этом фактически не ограничивались сферы применения закона: «Внутрихозяйственный арендный подряд как форма организации и оплаты труда отдельных работников, коллективов подразделений, групп работников может применяться на государственных, коллективных и общественных предприятиях» [13, с. 652]. Однако по вопросу аренды земли указ и закон заметно различались. По указу «вопрос о предоставлении земли во внутрихозяйственную аренду решается совхозом, колхозом или другим первичным землепользователем» [14, с. 98], по закону же «землю в аренду сдают соответствующие Советы народных депутатов» [13, с. 642].

В 1988 г. Горбачев полагал, что агропромышленный комплекс должен представлять из себя единый многоступенчатую систему кооперативов, начиная от семейного, мелкогруппового, звеньевоего, бригадного, арендного, подрядного коллектива, через колхоз и совхоз, затем — через объединение в аграрную фирму и агрокомбинат на районном уровне, далее — с выходом на агропромышленные объединения на областном уровне [15, с. 1]. На основе предложений главы государства Совет министров СССР принял 5 апреля 1989 г. постановление, согласно которому «в случае перехода на арендный подряд всех структурных подразделений хозяйств, они могут быть по решению общего собрания трудового коллектива преобразованы в кооперативы арендных коллективов... Высшим органом управления кооператива арендных коллективов является общее собрание арендаторов» [16, с. 126]. В постановлении оговаривалось, что организации арендаторов,

кооперативы арендных коллективов и крестьянские хозяйства должны быть признаны основными звеньями агропромышленного производства наряду с колхозами, совхозами и перерабатывающими предприятиями, и все они, а также личные подсобные хозяйства граждан рассматривались как экономически равноправные формы хозяйствования [16, с. 126].

Хотя формально арендный подряд получил правовое обеспечение, на практике его судьба сложилась неблагоприятно. В начале сентября 1989 г. Горбачев с сожалением отмечал, что на аренду перешли всего только 1 900 колхозов и совхозов [9, с. 523]. У развития подряда были два препятствия. Во-первых, противоречия между интересами арендаторов и системой директивного планирования. Например, житель Ставропольского края С. Тимофеев писал в местную газету: «Только на весенних полевых работах механизаторы сами решали, что, где и как делать. А потом полетело все вверх тормашками. У самих работа стоит, а администрация приказывает передать технику другой бригаде, срывает приказом людей на помощь другому подразделению. Перестала быть бригада хозяином своего поля. А ведь без самостоятельности какая может быть аренда?» [17, с. 3]

Горбачев разделял эти настроения: арендный подряд, по его выражению, «вырывает у правителей власть», поэтому «управленческий аппарат восстал против него... Наши аграрные “генералы” по-прежнему жмут — давайте фонды, машины, обеспечьте снабжение и т.д. Рассуждают ведь так: зачем мне мучиться с какой-то арендой, если мне дают дотацию! Посмотрите, что с арендаторами проделывают: руки, ноги ломают, а то и просто сжигают постройки, урожай» [9, с. 523].

Во-вторых, идея перехода к арендному подряду не получила популярности среди крестьян. Известный экономист-аграрник, профессор В.Ф. Башмачников причину этого видел в следующем: «Сегодня в колхозах и совхозах человек зарабатывает в пределах 200 рублей вне зависимости от конечных результатов производства. Не надо при этом особенно напрягаться, размышлять, брать риск на себя. Ведь наш крестьянин работает куда меньше, чем западный фермер. Даже сравнивать их трудовые затраты нельзя. Вот еще почему трудно идет наш арендный подряд» [18, с. 11]. Ему вторил председатель колхоза «Правда» Глинковского района Смоленской обл. А. Бобиков: «Порой поругивают колхозника за то, что и встает он поздно, и работает не дотемна. А вот его

на аренду! Пусть не разгибается от зари до зари. Колхозник нынче хочет жить так же, как горожанин: восемь часов работы, два выходных в неделю, а иногда отпуск в бархатный сезон» [19, с. 2].

К 1990 г. в условиях распространения рыночных настроений большинство в руководстве страны уже не удовлетворялось уровнем арендного подряда и хотело идти еще дальше. В новом законе о земле было признано право членов колхозов и совхозов на выход и ведение независимых хозяйств [20, с. 147, 148]. По закону земля являлась достоянием народов, проживающих на данной территории, но семьям, ведущим крестьянское хозяйство, предоставлялось право пожизненного наследуемого владения ею [20, с. 147]. В постановлении Верховного совета СССР от 28 февраля 1990 г. отмечалось, что земли, ранее арендованные подрядными семьями у хозяйств, подлежали теперь изъятию из состава угодий и передаче во владение этих семей [21, с. 166]. В целом политика советского руководства вышла за пределы арендно-подрядных отношений между хозяйствами и их членами, и были созданы возможности для возникновения независимых от колхозов и совхозов крестьянских (фермерских) хозяйств.

Однако, по данным статистики, в сельском хозяйстве РСФСР на 1 июня 1991 г. было зарегистрировано лишь 17,3 тыс. арендно-подрядных семей и 6,7 тыс. независимых от колхозов и совхозов крестьянских (фермерских) хозяйств [22, с. 4]. К такому положению привел ряд причин. Несовершенство законов, принятых в рамках земельной реформы, порождало субъективизм в действиях местных органов власти в вопросах выделения земельных участков и деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств. Большинство семей брали землю без предварительной материальной подготовки, не имея техники, оборудования и, к тому же, понятия — как и кому выгоднее продать выращенное и надоенное.

Осенью 1990 г. экономическая власть стала переходить к республикам. В частности, руководство РСФСР признало частную собственность на землю. Пытаясь вернуть себе инициативу в деле проведения земельно-аграрной реформы, в первой половине 1991 г. союзное руководство приняло ряд законодательных актов по регулированию земельных отношений, но контролировать положение оно уже не могло. К середине 1991 г. аграрная реформа Горбачева фактически закончилась.

В целом в 1980-х — начале 1990-х гг. для развития подрядных отношений отсутствовали условия комплексного материального

обеспечения. Несмотря на то, что советское руководство предоставило им юридическую гарантию, не были изменены как система ценообразования, так и централизованная система распределения материально-технических ресурсов. Сельские труженики испытывали немало ограничений со стороны хозяйств и органов управления. В то же время материально-техническое снабжение и уровень механизации в деревне СССР остались неблагоприятными. Все это предопределило отрицательное отношение сельских тружеников к подрядным отношениям. При данных обстоятельствах вполне объяснимо, что они предпочитали жить спокойно и гарантированно, под патронажем государства, не желая брать на себя ответственность и риск. В связи с этим подрядные отношения не внесли значительного вклада в улучшение ситуации с продовольственным снабжением.

Список литературы

1. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 591. Оп. 1. Д. 103.
2. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5446. Оп. 145. Д. 925.
3. Продовольственная программа СССР на период до 1990 года // Правда. — 1982. — 27 мая. — С. 2.
4. В Политбюро ЦК КПСС // Правда. — 1983. — 11 марта. — С. 1.
5. Коллективному подряду на селе — широкую дорогу // Правда. — 1983. — 20 марта. — С. 2.
6. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5446. Оп. 1. Д. 993.
7. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5446. Оп. 1. Д. 1001.
8. В Центральном Комитете КПСС // Правда. — 1986. — 18 декабря. — С. 1.
9. В Политбюро ЦК КПСС...: по записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985—1991) / сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. — 800с.
10. Рекомендации по применению семейного и личного подряда в сельском хозяйстве / ВНИИ экономики сельского хозяйства ВАСХНИЛ. — М.: ВНИЭСХ, 1987. — 46 с.
11. Резолюция Четвертого Всесоюзного съезда колхозников об ускорении социально-экономического развития колхозов в новых условиях хозяйствования и демократизации управления // Правда. — 1988. — 26 марта. — С. 1—2.
12. Примерный устав колхоза, принят Четвертым Всесоюзным съездом колхозников 25 марта 1988 г. — М.: Агропромиздат, 1988. — 47 с.
13. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде (утверждены Верховным Советом СССР 23 ноября 1989 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1989. — № 25. — Ст. 481. — С. 641—654.

14. Об аренде и арендных отношениях в СССР (указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1989 г.) // Материалы пленума Центрального Комитета КПСС 15—16 марта 1989 г. — М.: Политиздат, 1989. — С. 95—103.
15. Потенциал кооперации — делу перестройки (выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева на IV Всесоюзном съезде колхозников 23 марта 1988 г.) // Правда. — 1988. — 24 марта. — С. 1.
16. О коренной перестройке экономических отношений и управления в агропромышленном комплексе страны (постановление Совета Министров СССР 5 апреля 1989 г.) // Материалы пленума Центрального Комитета КПСС 15—16 марта 1989 г. — М.: Политиздат, 1989. — С. 126—143.
17. Тимофеев С. А. подход — старый // Сельская жизнь. — 1989. — 12 января. — С. 3.
18. Башмачников В.Ф. Земля, аренда, человек // Литературная газета. — 1989. — 15 февраля. — С. 11.
19. Бобиков А. Есть выбор у крестьянина // Правда. — 1989. — 22 марта. — С. 2.
20. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле (приняты Верховным Советом СССР 28 февраля 1990 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — № 10. — Ст. 129. — С. 147—165.
21. О введении в действие Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле (постановлении Верховного Совета СССР от 28 февраля 1990 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — № 10. — Ст. 130. — С. 166—167.
22. Нефедов В. Вопрос — ответ // Аргументы и факты. — 1991. — № 25. — С. 4.

Законопроект сенатора Эдвина Гарна и развитие кредитно-финансовых отношений между СССР и США в середине 1980-х гг.

Аннотация. Статья посвящена актуальному на сегодняшний день вопросу — истории санкционного противостояния между США и СССР в период правления Р. Рейгана и М.С. Горбачева. Значимым и резонансным событием, оказавшим влияние на развитие кредитно-финансовых отношений между двумя державами, стал законопроект американского сенатора Э. Гарна (1985), направленный на ограничение кредитования социалистических стран банками США. Рассматривая данную законодательную инициативу, автор также анализирует позиции Советского Союза на международном кредитном рынке. Несмотря на то, что законопроект Гарна в то время получил широкий отклик в американской прессе и вызвал оживленные дискуссии в деловых кругах, этот вопрос не освещался в отечественной экономической и исторической литературе.

Ключевые слова: экономические санкции, банковский сектор, кредиты и займы, советско-американские отношения, законопроект, сенатор Эдвин Джейкоб Гарн.

Roman G. Kirsanov

THE BILL OF SENATOR EDWIN GARN AND DEVELOPMENT OF CREDIT AND FINANCIAL RELATIONS BETWEEN THE USSR AND THE USA IN THE MID 1980s

Abstract. The article is devoted to the actual question — the history of sanctions confrontation between USA and USSR during the reign of R. Reagan and M. Gorbachev. Significant and high-profile event that influenced the development of credit and financial relations between the two powers, was the bill of US Senator E. Garn (1985), aimed at limiting credits to socialist countries by US banks. Considering this legislative initiative, the author also analyzes the state of the banking sector in the US and the position of the Soviet Union on the international credit market. Although the Garn bill at that time was widely reported in the American press and provoked a lively

discussion in business circles, this issue was not covered in the national economic and historical literature.

Keywords: economic sanctions, the banking sector, loans and borrowings, Soviet-American relations, bill, Senator Edwin Jacob Garn.

В современном информационном пространстве одно из самых часто употребляемых словосочетаний — «экономические санкции». Несмотря на то, что этот инструмент внешней политики получил распространение еще во времена афинской демократии, само понятие «санкции» вошло в систему международного права после принятия Устава Лиги Наций в 1920 г. На протяжении XX в. санкции ассоциировались, главным образом, с Соединенными Штатами Америки, которые использовали их в отношении других государств более 120 раз.

На поприще санкционных войн удалось «прославиться» многим представителям американского политического истеблишмента. Одним из них стал сенатор от штата Юта, председатель Комитета сената по делам банков, жилищному и городскому хозяйству Эдвин Джейкоб Гарн. В апреле 1985 г. его имя стало известно всему миру: являясь участником программы «Политик в космосе», Гарн совершил космический полет в качестве специалиста по полезной нагрузке на шаттле «Дискавери».

В первой половине 1980-х гг. отношения между США и СССР характеризовались резкой конфронтацией. Правящие круги Соединенных Штатов придерживались во внешней политике линии воинствующего антикоммунизма. В результате были практически заморожены экономические, научно-технические и культурные связи. В конце 1981 г. Соединенные Штаты объявили о введении новых экономических санкций против Советского Союза, сделав акцент на сфере кредитных отношений.

По инициативе США в октябре 1981 г. промышленно развитые капиталистические страны повысили ставки по экспортным кредитам. В июне 1982 г. президент Рональд Рейган принял решение об экстерриториальном распространении санкций на европейские филиалы американских фирм и европейские фирмы, работавшие по американским лицензиям. Были ужесточены условия кредитных сделок, ограничены поставки современной техники и технических изделий в СССР, сворачивалось сотрудничество в области энергетики [1, с. 12].

В продолжение этих политических инициатив Э. Гарн 28 марта 1985 г. внес на рассмотрение Сената проект закона, наделяю-

¹ Кирсанов Роман Геннадиевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: romankirsanov@yandex.ru

Roman G. Kirsanov — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

шего президента США правом ограничивать или запрещать экспорт капитала в СССР и другие социалистические страны. Вскоре к инициативе «космического» сенатора присоединились еще 12 конгрессменов, в том числе член того же комитета, демократ от штата Висконсин Уильям Проксмайер — яростный борец с нерациональным расходом денег американских налогоплательщиков. Законопроект представлял собой ряд поправок в Закон об управлении экспортом от 1979 г., но имел самостоятельное название: «О контроле за финансовым экспортом».

В качестве обоснования сенаторы указывали на то, что СССР и его союзники используют долларовые займы и другие формы кредитования для контрабандных закупок технологий и «запрещенных» к экспорту товаров, чем «наносит вред» интересам капиталистических стран. Авторы поправок предлагали также поручить министру финансов США совместно с Госсекретарем, министрами иностранных дел, обороны и торговли, а также руководителями заинтересованных департаментов и учреждений провести переговоры с другими странами для достижения договоренности о координации контроля над экспортом капитала. Согласно законопроекту, заявления на выдачу экспортных лицензий должны направляться министру финансов, который принимает решение после их рассмотрения. Кроме того, министр получал право запрашивать в правительственных учреждениях всю необходимую информацию, имевшую значение для проведения политики ограничения экспорта капиталов [3, л. 35—37].

Специалисты конгресса считали, что законопроект имеет шансы на успех в условиях «протекционистской лихорадки», охватившей законодателей, которые к тому же добивались у правительства выделения дешевых кредитов американским фермерам. В СССР полагали, что принятие этой законодательной инициативы приведет к последствиям, которых «не может предвидеть сам автор законопроекта».

Картина советско-американского экономического противостояния будет неполной, если не постараться разобраться, каким было отношение самих американских банков к возможности кредитования СССР и насколько обоснованными были опасения авторов законопроекта.

В конце 1984 г. американский журнал «Уолл стрит джорнал» обратился к ведущим банкам США с вопросом: «Если бы представитель Советского Союза обратился от имени своего прави-

тельства с просьбой о займе в 200 млн долл., предоставили бы вы ему деньги?» Представители «Ситибэнк» ответили, что в банке не существует внутренних ограничений по кредитованию Советского Союза, платежеспособность которого не вызывала сомнений. Банкиры были готовы предоставить значительные кредиты на условиях, если их доходность будет не ниже 1% после вычета налогов.

«Морган гаранти траст компани», в котором также не существовало внутренних установок, препятствовавших кредитованию СССР, занял более осторожную позицию: «Если цель кредита будет конструктивной, если он будет соответствовать структуре нашего кредитного портфеля и нашему уровню риска в этом регионе, мы, возможно, рассмотрим это предложение». Было подчеркнуто, что существуют «геополитические соображения», которые выходят за рамки ценовых аспектов определенных кредитов [3, л. 1].

Схожей позиции придерживались банкиры «Чейз Манхэттен», заявившие, что кредитование СССР «зависит от многих обстоятельств». Такой уклончивый ответ был вызван тем, что незадолго до этого журналисты обвинили банк в финансировании строительства в Советском Союзе завода по производству грузовиков, некоторые из которых использовались для перевозки солдат в Афганистан.

Вице-президент «Бэнк оф Америка» по международным вопросам прямо заявил, что при рассмотрении вопроса о кредитовании СССР будет учитываться политика. Правда, через некоторое время представитель банка связался с редакцией, чтобы сказать, что банк, согласно своей политике, не отвечает на подобные «спекулятивные вопросы» [3, л. 1, 2.].

Несмотря на различную реакцию банковского сообщества на этот опрос, следует иметь в виду, что банки США в большинстве случаев были предоставлены сами себе в вопросе о кредитовании социалистических стран. Действовало лишь несколько ограничений. Займы не предоставлялись для закупок товаров, запрещенных к вывозу из США. Существовал также перечень государств (Северная Корея, Северный Вьетнам, Камбоджа, Куба), которым отдел контроля за иностранными активами министерства финансов США запрещал выдавать кредиты, но Советский Союз не входил в их число.

В комментариях, опубликованных в бюллетене конгресса, сенатор Гарн заявлял, что до недавнего времени американские банки

воздерживались от кредитования стран Восточной Европы из-за внутриполитических трудностей Польши и ряда других стран. Однако в последнее время западноевропейские банки возобновили предоставление кредитов восточноевропейским странам. В 1984 г. общий объем подобных кредитов достиг 3 млрд долл., в три раза превысив уровень 1983 г. «Единственным светлым пятном в этой мрачной картине», по выражению сенатора, было неучастие американских банков. Но и этому приходил конец, поскольку они «из кожи вон лезли» с тем, чтобы вернуть себе место в числе кредиторов стран Варшавского пакта, и при этом на более благоприятных условиях, чем западноевропейские банки [3, л. 20].

В качестве объектов для критики сенатор Гарн выделил два американских банка — «Ферст Чикаго Корп.» и «Ситикорпорейшн» — за их низкопроцентные кредиты Восточной Германии.

Что касается Советского Союза, то в 1984 г. он занял за рубежом около 1 млрд долл. — в основном у банков ФРГ, Люксембурга, Англии и Франции, тем самым увеличив общую советскую задолженность Западу примерно до 29 млрд. Однако участие американских банков в этих займах, по данным на середину 1984 г., составляло менее 300 млн долл. Уже не в первый раз интересы частного финансового сектора вступали в противоречие с внешнеполитическими целями США. Была и другая причина, заключавшаяся в том, что кредиты Советскому Союзу, всегда настаивавшему на низких процентах, не отличались высокой прибыльностью.

В то же время выданный вскоре СССР банком «Дрезднер бэнк интернэшнл» кредит имел более высокую доходность. Банки США также активно вели переговоры по этому займу, но в последний момент отказались от участия. Вероятно, они находились под влиянием распространявшихся слухов о неплатежеспособности социалистических стран. Учитывая, что в это самое время США становились свидетелем кризиса платежеспособности стран Латинской Америки, в которые они вложили немало финансовых ресурсов, осторожность банкиров можно легко понять.

Важнейшим направлением международной деятельности американских банков в 1970-е гг. являлось финансирование развивающихся стран. На их долю приходилось более 30% коммерческих кредитов. Объем подобных операций увеличивался на протяжении 1973—1981 гг. в среднем на 20% в год. Однако в результате разразившегося в 1982—1983 гг. кризиса задолженности, проявившегося в невозможности своевременного обслуживания быстро

растущего внешнего долга целым рядом развивающихся стран, финансовая стратегия банков США претерпела существенные изменения. Сомнения в кредитоспособности этих стран, опасения возможного кризиса международной финансовой системы в случае приостановки ими платежей заставили большинство мелких и средних кредиторов резко сократить объем предоставляемых средств. В 1983 г. банками США было выдано кредитов на 4 млрд долл. по сравнению с 11 млрд в 1982 г. и 19 млрд в 1981 г. Тем не менее суммарный объем уже выданных займов был огромен. Так, к концу 1983 г. банк «Ситикорпорейшн» кредитовал Бразилию, Мексику и Венесуэлу на общую сумму 10,4 млрд долл. (что составляло 7,7% активов этого банка), «Бэнк оф Америка» выделил этим странам 7,3 млрд, «Мэньюфекчурес Гановер» — 6,45 млрд, «Чейз Манхэттен» — 6,13 млрд [3, л. 79].

Тревогу международных банкиров вызывали не только абсолютные размеры задолженности (которая продолжала расти), но и ее структура, неблагоприятная для стран-должников: значительная часть платежей по основному долгу падала на 1986—1987 гг. На этот же период приходилась «вторая волна» реоформлений задолженности в связи с истечением отсрочек, предоставленных кредиторами в условиях «первой волны» реоформлений (1982—1984 гг.). Всего в 1982—1985 гг. были проведены переговоры об отсрочке долгов с 40 странами-должниками на сумму около 120 млрд долл. [2, л. 6].

Другим обстоятельством, ухудшавшим перспективы урегулирования международной задолженности, являлся неблагоприятный для стран-должников мировой экономический климат, в условиях которого они не могли проводить в жизнь чрезвычайные «стабилизационные программы» Международного валютного фонда. Аргентина, Бразилия, Перу, Боливия и Эквадор заявили о неприемлемости для них программ «затягивания поясов». Все их усилия, направленные на увеличение активного сальдо торгового баланса оказывались напрасными — промышленные капиталистические страны закрывали свои рынки от товаров развивающихся стран, а цены на экспортируемое сырье снижались (индекс цен 35 сырьевых товаров снизился с марта по август 1984 г. на 8%, снижение цен на отдельные товары было значительно больше).

Торможение экономического развития в странах «третьего мира» привело к падению жизненного уровня населения. В Мексике реальная заработная плата сократилась в 1983—1984 гг. на

25%. Безработица достигла катастрофических размеров. В Чили, например, она составила 30% рабочей силы.

Кризис внешней задолженности привел к ухудшению финансового положения многих американских банков и снижению их кредитного рейтинга. В то же время обострение конкурентной борьбы между кредитными организациями привело к снижению доходности традиционных операций. Банковская прибыль в виде процентов по выданным ссудам начала уменьшаться, что заставило банки переориентироваться на посреднические сделки (например, по организации выпуска, подписке и распространению долговых инструментов), консультативные услуги и прочие забалансовые (т.е. не отражающиеся в балансе банка) операции.

Массовое распространение последнего вида операций (не только в США, но и во многих западноевропейских странах), повышавших риски банковской деятельности, вызывало серьезную тревогу со стороны органов банковского надзора. Базельский комитет по банковскому регулированию и практике контроля («Комитет Кука») призвал национальные органы надзора и банки пересмотреть свое отношение к этим операциям и выработать соответствующие меры по контролю над ними.

К маю 1985 г. рекордное число американских банков — 950 — находились в затруднительном положении. За предшествующие четыре года обанкротились 210 кредитных организаций, что обошлось Федеральной корпорации по страхованию депозитов, в которой эти организации страховали свои пассивы, примерно в 1 млрд долл. ежегодно. В особенно сложном положении оказались сберегательные банки штатов Огайо и Мэриленд. В последнем штате 102 банка были вынуждены ограничить выдачу клиентам с текущих счетов до 1 000 долл. Чтобы поддержать банки, Федеральная резервная система США поспешила снизить учетную ставку с 8% до 7,5%.

На этом фоне Советский Союз и ряд социалистических стран были единственной группой стран в мире, которая уменьшила абсолютный объем внешней банковской задолженности. Западные источники отмечали, что это сокращение было достигнуто, главным образом, благодаря значительному улучшению текущих платежных балансов социалистических стран. За 1981–1984 гг. saldo текущих расчетов стран социалистического лагеря в свободно конвертируемых валютах изменилось с пассива в 3,5 млрд долл до крупного актива в 6,4 млрд долл. в 1984 г.

Успехи социалистических стран не остались незамеченными для западных банков. В 1984–1985 гг. Советскому Союзу и его союзникам был предоставлен целый ряд крупных кредитов. Отличительной чертой этих кредитов являлись их благоприятные условия, предоставляемые лишь первоклассным заемщикам. О высокой репутации социалистических стран на финансовом рынке свидетельствовал и тот факт, что объем средств, предлагавшихся западными кредиторами, регулярно превышал исходные потребности. Так, сумма кредита, предоставленного ГДР в марте 1985 г., по предложению банков была увеличена более чем в три раза — со 150 млн долл. до 500 млн. [3, л. 66]

Пришедшее к власти в СССР в 1985 г. новое поколение партийных руководителей было озадачено выводом страны из комплексного кризиса, в котором она оказалась. Ясной программы государственных мероприятий не было, но вполне осознавалась необходимость отказа от конфронтации с Западом. Выход из международной изоляции должен был позволить сосредоточиться на решении внутренних проблем экономической модернизации с опорой на передовые мировые достижения.

В дипломатических кругах стали обсуждаться перспективы встречи глав СССР и США. В свою очередь Соединенные Штаты и их западноевропейские союзники с пониманием отнеслись к переменам во внешней политике Москвы и также проявили готовность к диалогу. В ходе заседания исполкома Американско-Советского торгово-экономического Совета 21–22 марта 1985 г. в США, представители корпораций изложили основные концепции политики администрации Рейгана. По их заявлениям, руководство США планировало поощрять торговлю между двумя странами «нестратегическими товарами». Были даны обещания конкретизировать списки товаров, разрешенных для экспорта в СССР, упростить и ускорить процедуру выдачи экспортных лицензий. Общее мнение сходилось на том, что сложившаяся структура товарооборота не отвечает интересам деловых кругов обеих стран [3, л. 46–47]. После встреч М.С. Горбачева с ведущими представителями деловых кругов США значительно возросла заинтересованность американского бизнеса в налаживании связей с советскими партнерами.

В условиях постепенной нормализации советско-американских отношений законопроект Гарна в скором времени потерял актуальность и про него забыли. Тем не менее, спустя два года

сенатор повторно внес на рассмотрение конгресса свой законопроект. К предыдущей редакции добавились положения, запрещающие покупку американских банков странами, в отношении которых США проводили какие-либо ограничительные мероприятия. Примерно в это же время появился аналогичный законопроект, подготовленный конгрессменами-республиканцами Джеком Кемпом и Тоби Ротом. Как разъяснялось в сопроводительных материалах, кредиты Советскому Союзу и его союзникам, значительная часть которых, по мнению авторов законопроекта, использовалась для военной модернизации, «наносили ущерб интересам национальной безопасности Соединенных Штатов» [4, р. 8].

Однако и в этот раз законотворческий порыв неумолимых конгрессменов не достиг поставленной цели: поскольку в повестке дня двух ведущих держав стояла ревизия основ и принципов международных отношений, Конгресс решил снять проекты Гарна—Проксмайера и Кемпа—Рота с рассмотрения.

Список литературы

1. Картамышева С.Н. Советско-американские отношения в конгрессе США (1984—1988 гг.). — Курск: Изд-во Кур. гос. пед. ун-та, 1997. — 125 С.
2. Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 32. Д. 2923.
3. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 32. Д. 2928.
4. Thompson S. Bipartisan challenge to “untied loans” // Executive Intelligence Review. — Washington D.C. — 1988. — 9 December.